ДНЕВНИК ЕЛЕНЫ БУЛГАКОВОЙ

Из рукописного наследия

Из рукописного наследия

3. X. 38.

ДНЕВНИК ЕЛЕНЫ БУЛГАКОВОЙ

Москва
Издательство «Книжная палата»
1990

ББК 83.3Р7-8
Д54

Серия «Из рукописного наследия» основана в 1990 году

Издание подготовлено на основе фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина

Составление, текстологическая подготовка и комментарии
Виктора Лосева и *Лидии Яновской*

Вступительная статья
Лидии Яновской

Разработка серии художника
Григория Расторгуева

Фотоиллюстративный материал
Юрия Кривоносова

Д 54 **Дневник Елены Булгаковой/Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина; Сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской; Вступ. ст. Л. Яновской. — М.: Изд-во «Кн. палата», 1990. — 400 с. — (Из рукописного наследия).**

Дневник Е. С. Булгаковой охватывает последний период жизни и творчества великого писателя и драматурга (1 сент. 1933 — 19 февр. 1940 г.). В нем зафиксирована повседневная жизнь писателя, его интересы, творческие планы, рабочие и дружеские встречи с деятелями искусства и литературы, подробно отражен процесс работы над романами «Жизнь господина де Мольера», «Мастер и Маргарита», пьесами «Пушкин», «Иван Васильевич», «Мольер», оперными либретто.

Для литературоведов, историков литературы, широкого круга читателей.

Д $\frac{4603000000-035}{008(01)-90}$ 19-90

ББК 83.3Р7-8

ISBN 5-7000-0179-9

ЕЛЕНА БУЛГАКОВА, ЕЕ ДНЕВНИКИ, ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Елена Сергеевна Булгакова вела дневник.

Она начала его в сентябре 1933 года, в первую годовщину ее брака с Михаилом Булгаковым, и с очень небольшими перерывами вела на протяжении всей их совместной жизни.

Записывала события жизни Булгакова, малые и большие (иногда несоразмерно, но кто же может в момент события определить его истинный масштаб?). Отмечала вехи литературной работы, встречи, даты, которые считала значительными. Любовно заносила в дневник подлинные реплики Булгакова, часто афористичные. Записывала их точно или почти точно, насколько точно можно было их записать через час или назавтра, — как правило, без кавычек, в виде прямой речи, с красной строки. («Меня Миша приучил очень критически относиться к кавычкам», — писала в мае 1961 года брату, А. С. Нюренбергу, в ФРГ.)

Это был не бытовой — это был литературный дневник, и вместе с тем — просто дневник, потому что творческая жизнь Булгакова была ее жизнью.

Записи 1933—1940 годов стали ценнейшим литературным и историческим документом.

В самом начале 60-х годов Елена Сергеевна первая уловила то, чего еще никто, кроме нее, не понимал: творчество Булгакова начало пробиваться сквозь плотный пласт молчания, прорастать сквозь толщу небытия. Шла в печать — и еще срывалась «Жизнь господина де Мольера» (впервые выйдет в свет в 1962 году); шли в печать — и еще срывались «Записки юного врача» (выйдут в свет в 1963-м). Елена Сергеевна писала брату (1961, июль): «О „Белой гвардии“ пока что разговора со мной нет ни у кого. А между тем, мне очень важно, чтобы она вышла...» («Белая гвардия» выйдет в 1966-м). И вместе с тем, 14 сентября 1961 года она пишет Николаю Булгакову, в Париж: «Я знаю, я твердо знаю, что скоро весь мир будет знать это имя!»

В это время, на едва забрезжившей заре признания, она принимается редактировать свои дневники. Думая об их публикации в будущем? Или о том,

что они уже становятся документом, к которому начинают обращаться исследователи? Может быть и так. Но вероятнее всего, человек необыкновенной аккуратности во всем, она просто испытывает потребность привести их в порядок. Пишет брату в феврале 1961 года: «Я сейчас привожу в порядок свои дневники...»

Ее уважение к рукописи как документу было безмерно. Редактируя тексты Михаила Булгакова, она никогда не делала поправок, казалось бы, самых необходимых, непосредственно в рукописи, скажем, «Мастера и Маргариты». Правя свои собственные дневники, делала на них легкие пометы карандашом — перечеркивания, проекты поправок или вставок, и затем неспешно и заново переписывала тетрадь за тетрадью. В переписанные тетради иногда вносила новые исправления, теперь уже пером или шариковой ручкой.

Заметно правила дневники стилистически. Иногда уточняла, даже изменяла оценки, вглядываясь в прошлое из опыта прожитой жизни. И особенно тщательно опускала то, что считала сугубо личным.

В первой редакции о чтении пьесы «Александр Пушкин» у Вересаевых: «Впечатление сильное, я в одном месте (сумасшествие Натальи) даже плакала». В первой редакции о чтении «трех первых глав романа» Г. Конскому: «На Гришу впечатление совершенно необыкновенное, и я думаю, что он не притворяется. Я плакала».

Во второй редакции никаких «Я плакала» нет. И запись: «Я не знаю, кто и когда будет читать мои записи. Но пусть не удивляется он тому, что я пишу только о делах. Он не знает, в каких страшных условиях работал Михаил Булгаков, мой муж» — при редактировании тоже снята.

Спустя двадцать лет после смерти Елены Сергеевны для читателя, пожалуй, равно значимы и это «Я плакала» в записях 1935 года и то, что в 60-е она эту фразу сняла...

Первая редакция дневников составила семь «общих» тетрадей, как об этом свидетельствует авторская нумерация на них. Шесть тетрадей, собственноручно пронумерованных Е. С. Булгаковой со второй по седьмую («Елена Булгакова. Дневник. Тетрадь вторая»; «Елена Булгакова. Дневник. Тетрадь третья»), сохранились. Судьба первой тетради — с записями за 1933—1934 годы — неизвестна.

Более того. Вскоре после смерти Елены Сергеевны ее сын Сергей Шиловский передавал в Библиотеку имени Ленина оставшуюся часть ее архива и дневники. (Часть архива она еще в 50-е годы сдала в Рукописный отдел Пушкинского дома, основной массив — в 60-е годы — в Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина.) В кратком перечне вновь поступающих документов (в «деле» фонда такой перечень именуется «Заключением», в данном случае имеет ряд авторитетных подписей, номер и дату — 3. XI. 1970) значится: «Дневники Е. С. Булгаковой

с 1 сентября 1933 г. по 19 февраля 1940 г. — восемь толстых тетрадей». И если это не описка, то к размышлениям о загадочной судьбе первой тетради дневников прибавляется вопрос о том, что же могла представлять собою «восьмая толстая тетрадь», находившаяся в одной стопке с дневниками и имевшая какое-то отношение к ним...

Вторая редакция сохранилась полностью. Елена Сергеевна заполнила одну за другою четыре тетради, вобравшие в себя ровно пять тетрадей первой редакции, и на этом переписывание прекратила. Две тетради, оставшиеся не переписанными (1938—1940), решительно выправила, на этот раз не только карандашом, но и чернилами, и включила их во вторую редакцию. Они так и принадлежат двум редакциям одновременно: 6-я и 7-я тетради первой редакции, ставшие 5-й и 6-й тетрадями второй. При этом оба текста — первоначальный и окончательный — прекрасно читаются.

Возникшие таким образом шесть тетрадей второй редакции переплетены в одинаковый холст и заново пронумерованы на переплетах.

Впервые готовя к изданию «Дневники» Е. С. Булгаковой, составители остановились на их второй редакции — выражающей последнюю волю автора и вместе с тем — единственной полной.

Не исключено, что Елена Сергеевна прекратила переписывание дневников именно потому, что ею все настойчивее овладевала мысль о воспоминаниях.

Она была человеком пишущим и прекрасно владела пером, хотя не придавала этому большого значения. После смерти Булгакова сделала несколько переводов с французского. «Я перевела с французского один роман Густава Эмара, один — Жюля Верна, они выпущены у нас, — правда, я не хотела ставить Мишину фамилию, она слишком высоко стоит», — писала она Н. А. Булгакову в январе 1961 года и просила прислать ей для перевода хорошую современную французскую пьесу: «Мало того, что это мне необходимо по материальным соображениям (авторское наследственное право кончилось для меня в 1954 г., а пенсия невелика) — но мне, кроме того, очень интересно делать именно диалог, пьесу. Гораздо интереснее, чем прозу». Впрочем, ее перевод книги А. Моруа «Лелия, или Жизнь Жорж Санд» вышел в 1967 году с ее подписью — Елена Булгакова, переиздавался, широко известен.

Теперь оказалось, что она и прекрасный рассказчик. Ее рассказы о Булгакове помнят все, кто бывал у нее в 60-е годы. В позднейших своих дневниках — а она вела дневники и в 50-е и в 60-е, многие сохранились, — вдруг прерывала описание событий жизни в настоящем, уходила в прошлое, создавая удивительные мемуарные страницы. И письма ее — особенно письма к

Н. А. Булгакову, к А. С. Нюренбергу — по временам теряли формы эпистолярии, переходя в мемуары.

Все чаще возникавшая у нее мысль о том, что все это нужно собрать, записать, свести в *книгу*, кажется, впервые обрела реальные контуры с приходом в ее дом журналиста Александра Лесса.

«Ну, приходил сейчас этот журналист... — писала Елена Сергеевна с присущей ей живостью выражения и свободой в выборе слов брату в апреле 1963 года. — Ну, тип, скажу тебе. Он-то, правда, очень симпатичный, но тип. Сидим в кухне с ним, как всегда, я угощаю его царским угощением, как он говорит. А он выспрашивает у меня то да это. Я, конечно, рада. Мне рассказывать про М. — наслаждение. И вот выдам ему какую-нибудь новеллу из жизни, а он сразу: позвольте мне это написать, это же какой рассказ! — Ну, первый раз я сказала — пожалуйста. Сегодня он мне принес его уже в написанном им виде, только попросил меня исправить, по-редакторски. Я сделала. „Вы знаете, я уже сговорился с редакцией, это будет напечатано в июле, они так обрадовались, им так понравилось“. Потом, за угощением, я опять что-то рассказала такое, хлебное. „Позвольте, я это тоже напишу, ведь это надо всем знать!“ Ну, что ж... Потом, уже уходя, натянув пальто, нахлобучив кепку, выманил еще один случай и когда начал свою традиционную фразу, я ему сказала: — Вы у меня всю *мою книгу* растащите. А он: — Что вы, у вас, я вижу, столько материала, что на три книги хватит. Не жалейте. — А я и не жалею, потому что он хорошо пишет» (курсив мой. — *Л. Я.*).

Книга А. Лесса «Непрочитанные страницы» вышла в 1966 году, и Елена Сергеевна не раз говорила, что записи ее рассказов в этой книге верны.

Была у нее и другая попытка аналогичного сотрудничества — с Константином Паустовским.

Еще в 1960 году (может быть, несколько ранее) Паустовский написал статью «Булгаков-киевлянин» (известную также под названием «Булгаков и театр»). Елена Сергеевна принимала в этой статье самое горячее участие. В декабре 1960 года писала Николаю Булгакову: «К сожалению, дружба с Паустовским у меня началась через несколько лет после смерти Миши. Но я познакомила его с Мишиным творчеством, много рассказывала о нем, и Константин Георгиевич написал прекрасную большую статью о Мише для одного журнала, который, к сожалению, не вышел. Но статья лежит, и я надеюсь, что скоро увидит свет».

Однажды Паустовский пообещал ей чудо — перенести на бумагу хотя бы некоторые из устных рассказов Булгакова — самые соблазнительные, фантастические его рассказы о Сталине, известные Паустовскому в пересказе Елены Сергеевны.

Паустовский был художник и, следовательно, маг. Елена Сергеевна поверила и ждала чуда. С точки зрения читателей,

чудо состоялось — новелла «Снежные шапки», новая глава «Повести о жизни», осенью 1963 года опубликована в «Новом мире». Но Елена Сергеевна чуда не приняла. Обескураженно повторяла автору этого предисловия: «Это совсем не то! Это совсем не так!» Хотя странно было бы ждать от такого художника, как Паустовский, точного переложения чужих слов.

Но для Елены Сергеевны и это было благим толчком. Если большой писатель не смог сделать того, что она считала необходимым, стало быть, сделать это предстояло ей. И она сама принимается восстанавливать памятные ей устные рассказы Булгакова. Сохранившаяся ее рукопись испещрена правкой — передать подлинную интонацию Михаила Булгакова было трудно...

В середине 60-х годов Елена Сергеевна увлекается составлением сборника воспоминаний о Булгакове: «Современники о Булгакове». Уговаривает возможных мемуаристов. Читает готовые рукописи. Делает замечания, поощряет, хвалит. Иногда бывает очень строга. В дневнике 17 ноября 1967 года записывает свой беспощадный разговор с С. А. Ермолинским: « — Если ты хочешь, чтобы я приняла твою статью целиком, переведи прямую речь Миши в косвенную. Ты не передаешь его интонации, его манеры, его слова. Я слышу, как говорит Ермолинский, но не Булгаков. И, говоря откровенно, мне определенно не нравятся две сцены, одна — это разговор якобы ты журналист, а вторая — игра в палешан. Причем я не могу себе представить, где же я была в это время, что я не помню этой игры!»

И снова бесконечно возвращается мыслью и воображением к прошлому. Лев Шилов, обладатель редкой профессии «звукоархивист», записавший голос Елены Сергеевны и бывавший у нее в последние годы ее жизни, пишет: «И столько было еще планов. Собиралась писать воспоминания. Насколько я понял из ее рассказов, уже многое было написано...»

Трудно сказать, сколько было написано. В Отделе рукописей Библиотеки имени Ленина хранится немного — листки записей и набросков. Все они приведены в этой книге. Так же, как и ряд мемуарных страниц, извлеченных из ее поздних дневников и писем.

Елена Сергеевна Булгакова родилась в Риге 21 октября (по старому стилю) 1893 года. Игнорируя перевод календаря на новый стиль, день своего рождения неизменно отмечала 21 октября — независимо от стиля.

Ее отец, Сергей Маркович Нюренберг (эту фамилию она чаще писала так: Нюрнберг), был учителем, потом податным инспектором, увлекался журналистикой, печатался в рижских газетах. Мать, Александра Александровна, урожденная Горская, была, как говорила мне Елена Сергеевна, дочерью священника. У Елены Сергеевны была сестра Ольга, родившаяся в 1891 году, и двое братьев — Александр (1890) и Константин (1895).

Елена Сергеевна Булгакова (справа)
с родителями и сестрой Ольгой

Было в радостном свете ее детства что-то очень близкое детству Михаила Булгакова, проходившему, казалось бы, далеко от нее, на юге, в другом, но столь же прекрасном городе, где звучали кроме русского языка не латышский и немецкий, а украинский и польский... «Ты знаешь, он очень любил слушать мои рассказы о детстве, о нашей семье», — писала она в одном из писем брату. И в другом: «Когда, бывает, наши певцы поют «Слеза дрожит...» или «Благословляю вас, леса...» — сердце замирает от сладкой горечи и грусти. Как изумительно было наше детство, как много мы пережили, слушая музыку или сидя в Русском театре (а ты и в Немецкой рижской опере), как наполнена была наша жизнь. Когда какой-нибудь мелочи бывает довольно, чтобы вдруг перед внутренним взором встало взморье, Горн, наши волнения по поводу того, что будут вечером играть...»

Та же защищенность детства, надежный круг большой семьи, братья и сестра с небольшой разницей в возрасте, музыка и театр, взморье, не менее заманчивое, чем Днепр, и та же переполненность радостной, юной готовностью к смеху.

«Помните, как иногда мы хохотали в № 13?» — напишет Булгаков одной из сестер весною 1921 года из голодного Владикавказа.

«Господи, помнишь, как мы умирали со смеху с тобой иногда, начиная с того момента на лестнице, когда я сказала тебе, что лестница специально вымыта дворничихой по моему заказу. И ты закатился...» — напишет Елена Сергеевна брату — и не о детстве даже, а о его кратком приезде в Москву после тридцати двух лет разлуки, когда их детство снова было с ними, почти семидесятилетними...

Елена Сергеевна окончила гимназию в Риге — в 1911 году. В 1915-м семья переехала в Москву. «Я научилась печатать на машинке, — рассказывает она в своей «Автобиографии», — и стала помогать отцу в его домашней канцелярии, стала печатать его труды по налоговым вопросам».

В декабре 1918 года, в возрасте двадцати пяти лет, в церкви Симеона Столпника на Поварской в Москве обвенчалась с Юрием Мамонтовичем Нееловым. Был он сыном артиста Мамонта Дальского и адъютантом командующего 16-й армией РККА. А через два года с Нееловым разошлась и вышла замуж за Евгения Александровича Шиловского.

«Муж ее был молод, красив, добр, честен...» — эту характеристику из романа «Мастер и Маргарита» вполне можно отнести к Шиловскому, не исключая и последних слов: «...и обожал свою жену». В момент брака с Еленой Сергеевной ему шел тридцать второй год. Он был красив, благороден, образован, талантлив. Профессиональный военный, в свое время воспитанник кадетского корпуса и Константиновского артиллерийского училища, окончил Академию Генерального штаба в 1917 году. В первую мировую войну — капитан. С 1918 года — крупный военачальник Крас-

ной Армии. Командующий 16-й армией, затем помощник начальника Академии Генштаба, с 1928 года — начальник штаба Московского военного округа, которым командовал, как известно, Уборевич.

Судьба и далее будет благоволить Шиловскому: в 1931 году он необыкновенно удачно перейдет на военно-преподавательскую работу, и репрессии не коснутся его; в возрасте пятидесяти лет станет генерал-лейтенантом, профессором, возглавит кафедру в Академии Генштаба...

В 1921 году у Шиловских родился сын Евгений, в 1926-м — Сергей.

Была ли счастлива Елена Сергеевна? Писала сестре: «Я не люблю ни думать, ни говорить об этом, но сегодня на меня нашла минутка. Мне иногда кажется, что мне еще чего-то надо. Ты знаешь, как я люблю Женей моих, что для меня значит мой малыш, но все-таки я чувствую, что такая тихая, семейная жизнь не совсем по мне. Или вернее так, иногда на меня находит такое настроение, что я не знаю, что со мной делается. Ничего меня дома не интересует, мне хочется *жизни*, я не знаю, куда мне бежать, но хочется очень. При этом ты не думай, что это является следствием каких-нибудь неладов дома. Нет, у нас их не было за все время нашей жизни. Просто, я думаю, во мне просыпается мое прежнее «я» с любовью к жизни, к шуму, к людям, к встречам и т. д. и т. д. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы моя личная жизнь — малыш, Женя большой — все осталось так же при мне, а у меня кроме того было бы еще что-нибудь в жизни, вот так, как у тебя театр» (1923, октябрь).

«Я тебе уже писала раз, я не знаю, что со мной делается (последнее время я это чувствую особенно остро). Мне чего-то недостает, мне хочется больше жизни, света, движения. Я думаю, что просто мне надо заняться чем-нибудь... Ты знаешь, я страшно люблю Женю большого, он удивительный человек, таких нет, малыш самое дорогое существо на свете, — мне хорошо, спокойно, уютно. Но Женя занят почти целый день, малыш с няней все время на воздухе, и я остаюсь одна со своими мыслями, выдумками, фантазиями, неистраченными силами. И я или (в плохом настроении) сажусь на диван и думаю, думаю без конца, или — когда солнце светит на улице и в моей душе — брожу одна по улицам» (1923, ноябрь).

Много лет спустя, в самые последние годы жизни, Елена Сергеевна перечтет эти письма: «Откуда были эти мысли? И чувства? И, читая их, я понимала, почему у меня была тогда такая смелость, такая решительность, что я порвала всю эту налаженную, внешне такую беспечную, счастливую жизнь и ушла к Михаилу Афанасьевичу на бедность, на риск, на неизвестность».

Елена Сергеевна очень любила сестру, всегда мечтала, чтобы Ольга жила с нею вместе. Писала (с изящно-грубоватым юмором, очень характерным для ее писем к сестре): «Единственное,

что я могу тебе сказать в благодарность: „Приди в дом наш и живи в нем“. Я знаю, ты скажешь, что это не великая благодарность — предложить кушетку à la клоп, в комнате, полной des крыс, и питать при этом пшенной кашей и похлебкой russe, — но уверяю тебя своей бородой, что к тому времени, когда ты приедешь (да и сейчас тоже), мы будем жить, как в сказке: клопы, увидя свое безнадежное положение, эвакуировались. Крысиные норы все забиты, и крысы тщетно, как мученики идеи, стараются прогрызть доски. Наконец, я надеюсь к тому времени иметь возможность предоставить тебе отдельную комнату, обставленную с чисто советской роскошью. Что же касается нашего стола — о! я думаю, что даже после парижской кухни он тебе покажется донельзя изысканным» (1923, август).

И сестры действительно годами жили вместе — пока Елена Сергеевна была Шиловской.

Ольга Сергеевна, сохранившая фамилию своего первого мужа — Бокшанская, была прочно связана с Московским Художественным театром с 1919 года. Сначала секретарь-машинистка дирекции МХТ, потом бессменный секретарь В. И. Немировича-Данченко. Ее облик — насмешливо и уважительно, язвительно и поэтично и, как говорят знавшие ее люди, необыкновенно узнаваемо, — запечатлен в образе Поликсены Торопецкой в «Театральном романе». В 1922—1924 годах ее руками под диктовку К. С. Станиславского была напечатана и затем не менее четырех раз перепечатана его книга «Моя жизнь в искусстве». В 1938 году ее руками под диктовку М. А. Булгакова будет впервые перепечатан на машинке роман «Мастер и Маргарита».

В 1922—1924 годах часть труппы МХТ во главе со Станиславским гастролирует в Западной Европе и Америке. Цитируемые письма Елены Сергеевны адресованы за границу.

Может быть, через сестру у Елены Сергеевны и установились контакты с людьми Художественного театра. В ее письмах начала 20-х годов часто упоминается Федя, Федичка — администратор Художественного театра Федор Михальский; иногда Рипси (Р. К. Таманцова — секретарь К. С. Станиславского); реже В. И. Немирович-Данченко и др. И все-таки мир театра (в дневниках, как и Михаил Булгаков в письмах, она будет писать: Театр) был для нее еще далекий, соблазнительный, но в общем чужой мир. С ним пересекался другой мир, в котором Елена Сергеевна жила, — мир военных.

...Как рассказывают домашние предания, в начале 1929 года, в Большом Ржевском переулке в Москве, группа военных осматривала только что отремонтированный прекрасный четырехэтажный дом с колоннами, в котором им предстояло поселиться с семьями. Елена Сергеевна Шиловская сразу же облюбовала квартиру № 1 — в первом этаже, окнами на улицу. Е. А. Шиловский, незадолго перед тем назначенный начальником штаба Московского округа, попробовал ее остановить: дескать, неудобно,

Александра Александровна Нюренберг, мать Елены Сергеевны

лучшая квартира в доме, ее, вероятно, займут Уборевичи. Но самоуверенная и хорошенькая Елена Сергеевна стояла на своем. Тридцатидвухлетний командующий округом Иероним Петрович Уборевич засмеялся и предложил так понравившуюся Елене Сергеевне квартиру Шиловским. Уборевичи, впрочем, тоже получили прекрасную и просторную квартиру — правда, в третьем этаже, окнами во двор.

Здесь, в Ржевском переулке, 11, в квартире № 1, против густо затененной деревьями церкви Ржевской божией матери, поселились Шиловские с двумя детьми, немкой-воспитательницей и домработницей. Ольга заняла небольшую, но очень уютную, украшенную коврами комнату с окном, романтически выходящим на цокольную площадку между двух колонн фасада...

Но еще до переезда в этот дом — по-видимому, незадолго до переезда в этот надежный и удобный дом, который так часто будет упоминаться в дневниках, — Елена Сергеевна познакомилась с Михаилом Булгаковым.

У нее было природное, а в годы брака с Булгаковым необыкновенно обострившееся художественное восприятие событий жизни, художественное стремление сохранить не столько точность, сколько образ явления. Вероятно, поэтому ее рассказы о том, что так сокровенно волновало ее — о ее первой встрече с Булгаковым, их любви, разлуке и счастливом соединении на горькую и радостную жизнь, — не только увлекательны, но загадочно противоречивы, в них есть несовпадения, недосказанность, оставляющая ощущение тайны, размытые места, перемещение событий и дат...

В 1967 году Елена Сергеевна рассказывала корреспондентке московского радио М. С. Матюшиной о первой своей встрече с Булгаковым: «Это было в 29-м году в феврале, на масленую. Какие-то знакомые устроили блины. Ни я не хотела идти туда, ни Булгаков, который почему-то решил, что в этот дом он не будет ходить. Но получилось так, что эти люди сумели заинтересовать составом приглашенных и его, и меня. Ну, меня, конечно, его фамилия. В общем, мы встретились и были рядом» (цит. по сб.: Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988; в архиве Е. С. Булгаковой в ОР ГБЛ записи этого интервью нет).

О том же, ранее, брату (см. ее письмо от 13 февраля 1961 г.) — подробнее, в частности, подробнее о «знакомых», в квартире которых произошла встреча: «Это было на масленой, у одних общих знакомых. По Киеву они были знакомы с Мишей, но он их не любил и хотел закончить бывать у них. С другой стороны, и Евгений Александрович, живя какое-то время в Киеве, познакомился с ними, но бывал у них только тогда, когда я уезжала куда-нибудь летом и он оставался один. А мне почему-то не хотелось с ними знакомиться. Но когда они позвонили и, уговаривая меня прийти, сказали, что у них будет знаменитый Булгаков, — я мгновенно решила пойти. Уж очень мне нравился он как писатель. А его они тоже как-то соблазнили, сказав, что придут интересные люди...» Но и здесь «знакомые» не названы, таинственно завуалированы.

И еще ранее — в дневниковой записи 4 января 1956 года: «Когда я с ними познакомилась (28 февраля 1929 г.)...» «С ними» — с М. А. и Л. Е. Булгаковыми; единственный раз упомянуто, что при этом была и Любовь Евгеньевна; ничего о месте встречи; но зато дата еще тверже: 28 февраля.

Но масленая в 1929 году была не 28-го и даже не в феврале. Последний день масленой, или прощеное воскресенье, когда в России пекут блины, в тот год выпал на 17 марта. Когда же произошла встреча? На масленой? Или 28 февраля?

Рассказывался Еленой Сергеевной и другой вариант. По другому варианту, встретились они у Уборевичей. «Я ведь у твоей мамы познакомилась с Михаилом Афанасьевичем», — говорила Елена Сергеевна Владимúре Уборевич. К Владимúре относилась очень тепло — до конца дней. В голодном Ташкенте осенью 1942

года, когда дочь командарма оказалась на недолгой свободе, взяла ее к себе («Нет, нет, ты не можешь жить в общежитии, у тебя в детстве был ревматизм»), в течение нескольких месяцев делила с ней скудную пищу и бедный кров. «Я ведь у твоей мамы познакомилась с Михаилом Афанасьевичем...»

Известно, что на рубеже 20-х и 30-х годов у Уборевичей бывали музыкально-артистические вечера. Здесь встречались люди искусства и военные, молодой командующий округом любил музыку и танцы, случалось, несмотря на протесты жены, и сам присаживался к роялю. Жена Уборевича Нина Владимировна, в прошлом актриса, очень близко дружила с Ольгой Бокшанской и однажды упросила Ольгу привести драматурга Булгакова, разумеется, с женой. Когда Булгаков бывал в ударе — а в тот вечер, в обстановке веселья и музыки, в окружении смеющихся милых женщин, он, надо думать, был в ударе, — его юмор фонтанировал, он непрерывно что-то сочинял, придумывал, устраивал, превращая вечер в феерический карнавал. Владимúре Уборевич, которой было тогда лет пять, он запомнился как что-то очень светлое в светлом луче — светлые волосы, светлый костюм... какие-то шарады... мама, на которой наверчено нечто невероятное... и Булгаков где-то высоко, кажется, на буфете, сидящий по-турецки и в чалме... и еще какая-то странная история о том, что жена Булгакова скакала куда-то на лошади, а Булгаков, ухватившись за хвост лошади, несся за нею на лыжах...

В. И. Уборевич-Боровская даже спросит у автора этого очерка, что это она запомнила в детстве о лошади и лыжах, что там было на самом деле? А на самом деле, вероятно, наутро после праздника в присутствии маленькой Миры хохочущие женщины пересказывали друг другу очередную фантастическую историю Булгакова, в которой на этот раз фигурировала его жена Любовь Евгеньевна, действительно увлекавшаяся конным спортом, и сам он, действительно любивший лыжи... Одну из навсегда ушедших, невосстановимых устных его историй. (Кстати, рассказ о лошади и лыжах подтверждает, что было это зимой — может быть, на исходе зимы 1929 года).

Как бы то ни было, Булгаков и Елена Сергеевна познакомились. «Это была быстрая, необыкновенно быстрая, во всяком случае с моей стороны, любовь на всю жизнь», — говорила Елена Сергеевна Матюшиной. Но — взрослые, семейные люди — первое время они попытались не поверить в любовь, сами от себя укрывая ее под личиною дружбы. Булгаковы, оба, стали бывать у Шиловских. И Шиловские теперь бывали у Булгаковых.

В эту пору Булгаков уже не вел дневников (см. примеч. к записи от 1 сентября 1933 г.), Елена Сергеевна еще не вела. Но сохранилась реликвия, ставшая подобием дневничка и запечатлевшая легким пунктиром судьбу их отношений: два томика «Белой гвардии» (Париж, 1927—1929, на русском языке) с несколькими надписями и записями автора.

Сергей Маркович Нюренберг, отец Елены Сергеевны

На форзаце первого томика Булгаков сделал любезную надпись: «Милой Елене Сергеевне, тонкой и снисходительной ценительнице. Михаил Булгаков. 7.XII.1929 г. Москва». И рядом, теми же чернилами: «„...Мама очень любит и уважает вас...” „Дни Турбиных”. 1 акт».

(Подобную надпись — косвенное и насмешливое объяснение в любви — Булгаков сделает несколько лет спустя Я. Л. Леонтьеву — на машинописи «Дней Турбиных»: «„Мама очень любит и уважает Вас...” (Действие 1-е) также, как и Михаил Булгаков».)

Потом пришел второй томик и также был подарен Елене Сергеевне. Должно быть, она потребовала надпись, и Булгаков, любовно поддразнивая ее, написал, опять-таки цитируя самого себя: «Пиши́ть, пане» и

«Милая, милая Лена
Сергеевна!
Ваш М. Булгаков. Москва. 1930 год. 27-го сентября».

(Много лет спустя Елена Сергеевна напишет мне об одной сво-

ей корреспондентке: «...она отождествляет меня с Еленой Турбиной, не подозревая, как близко сходятся в этом мысли ее и Михаила Афанасьевича».)

Вскоре на форзаце первого тома сделал новую запись: «Это — не рядовое явление. Том. Страница. 3.X.1930 г. М. Булгаков». (Что и кого цитировал он на этот раз, осталось тайной их двоих.) И рядом с титульным листом, там, где обыкновенно помещается портрет автора и где на этот раз никакого портрета не было, вклеил свою фотографию — ей на память...

Тем временем в его творчество уже входило что-то новое. В сентябре 1929 года, когда Елена Сергеевна уехала на юг, он делает наброски повести «Тайному другу» и эту повесть — предвестие «Театрального романа» — начинает так: «Бесценный друг мой! Итак, Вы настаиваете на том, чтобы я сообщил Вам в год катастрофы, каким образом я сделался драматургом?» Обращение «мой друг», «дружок» доверительно окрашивает текст. Исповедальная и фантасмагорическая биографическая проза, которую Булгаков писал всю жизнь, становится не исповедью вообще, а исповедью, адресованной ей.

Несколько лет спустя, уже в браке с Еленой Сергеевной, он повторит заглавие повести, надписывая свой старый, издавна любимый ею сборник «Дьяволиада»: «Тайному другу, ставшему явным, — жене моей Елене». И припишет: «Ты совершишь со мной мой последний полет».

«Годом катастрофы» в повести «Тайному другу» Булгаков называет 1929 год. Год, вошедший в историю страны с названием, звучавшим сначала победно, потом трагически: «Год великого перелома». Но писатель имел в виду не жизнь страны, а всего лишь свою собственную судьбу. Впрочем, судьбы истории и больших писателей обычно связаны.

В тот год были сняты со сцены все пьесы Михаила Булгакова. Журнал «Современный театр» сообщил: «Главискусство решило снять со сцены пьесы Булгакова „Дни Турбиных" в МХТ и „Багровый остров" в Камерном театре. Третья пьеса того же автора „Зойкина квартира" уже снята с репертуара театра им. Вахтангова». Перед тем был запрещен уже репетировавшийся в Художественном театре «Бег». И Ричард Пикель — тот самый Пикель, которому через очень короткое время суждено было стать одной из первых жертв в дьявольской мясорубке обвинений и расстрелов 30-х годов, — пока находившийся на высоте Ричард Пикель объявил удовлетворенно: «*В этом сезоне зритель не увидит булгаковских пьес... Снятие булгаковских пьес* знаменует собой тематическое оздоровление репертуара» (Известия. 1929. 15 сент.; курсив — Р. Пикеля). В день, когда Булгаков надписывал книгу «милой, милой Лене... Сергеевне!», «Дни Турбиных» уже не шли.

А для Елены Сергеевны «год катастрофы» стал годом любви и надежд. У нее была редкая способность — радоваться и в отчаянии. Она видела не только беду любимого, но чудо беско-

нечного рождения замыслов, в гениальности которых не сомневалась. Ее жизнь вдруг обрела счастливый смысл.

Теперь она все чаще бывает в квартире Булгаковых на Большой Пироговской. С счастливой готовностью пишет под диктовку Булгакова своим быстрым, твердым и разборчивым почерком. Потом перевозит на Пироговку свой «ундервуд» и под диктовку же перепечатывает новую, у нее на глазах возникшую пьесу «Кабала святош» — пьесу «из музыки и света», как выразился ее автор.

18 марта 1930 года Главрепертком известил Булгакова, что и эта его пьеса «к представлению запрещена».

Тогда он и написал свое известное письмо «Правительству СССР»: «...Я прошу Советское правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене... Я прошу Правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР в сопровождении моей жены Любови Евгеньевны Булгаковой... Я обращаюсь к гуманности Советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу... Если же и то, что я написал, неубедительно... Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный театр... Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены...» Письмо фактически было адресовано Сталину и Сталиным было получено.

Как видно из этого письма, Булгаков не собирался разводиться с Любовью Евгеньевной. В просьбе выслать его за границу «в сопровождении жены» названо ее имя. Но перепечатывала письмо Елена Сергеевна, и отправлять его ходили вдвоем.

Теперь они много времени проводили вместе. В томиках «Белой гвардии», подаренных ей, появились три новые записи, помеченные одним числом.

«Муза, муза моя, о лукавая Талия! 5.II.31 г. М. Б.» — начертал он на титульном листе второго томика, цитируя «Кабалу святош». И в середине первого тома — там, где кончается глава 9-я и нижняя половина страницы пуста, — крупно: «Я Вас! 5.II.31 г. М. Б.» И затем на обороте последней страницы: «Справка. Крепостное право было уничтожено в ... году. Москва. 5.II.31 г.» Какое событие, оскорбительно потрясшее его, трижды помечено этой датой?

Любовь Евгеньевна уже догадывалась об их близости, надеялась, что это всего лишь очередное увлечение, что это пройдет, и, как умела, защищалась от унижения, придумывая себе тоже какой-то роман.

Но настал день, когда истина открылась Шиловскому.

Была безобразная сцена и, как говорят близкие, даже с выхватыванием пистолета. Ее отзвук можно услышать в пьесе

Евгений Александрович Шиловский

«Адам и Ева», написанной несколько месяцев спустя. Там Дараган вынимает маузер и действительно стреляет в Ефросимова, и не попадает только потому, что Маркизов повисает на руке Дарагана, и Ева, заслоняя Ефросимова, кричит: «Убивай сразу двух!» Впрочем, в «Адаме и Еве» — скорее всего одно из бесконечных проигрываний ситуации в художественном воображении драматурга. В реальности мужчины были достаточны благородны, чтобы пощадить Елену Сергеевну: при сцене с пистолетом ее, по-видимому, не было.

Шиловский предъявил требование: прекратить всякие свидания, прекратить переписку, даже телефонные разговоры. Это требование они приняли. Впоследствии Елена Сергеевна винила себя. Только себя: «...Мне было очень трудно уйти из дома именно из-за того, что муж был очень хорошим человеком, из-за того, что у нас была такая дружная семья. В первый раз я смалодушествовала и осталась...» (запись М. С. Матюшиной). Но, думается, дело было не в ней, и если бы Булгаков позвал решительно, она ушла бы к нему тотчас. Без рассуждений, без размышлений, бросив все.

Он не позвал. И, разумеется, не потому, что испугался пистолета. Он вообще никогда и ничего не боялся. Тогда почему же?

Причины были. По крайней мере две. И первая из них заключалась в том, что он не принадлежал к числу мужчин, способных повисать на плече у женщины. А положение его при кажущемся благополучии (даже ей оно казалось благополучным) было тяжелым до безысходности.

Через десять дней после отправки письма «Правительству СССР» и назавтра после похорон Маяковского — 18 апреля 1930 года — Булгакову позвонил Сталин.

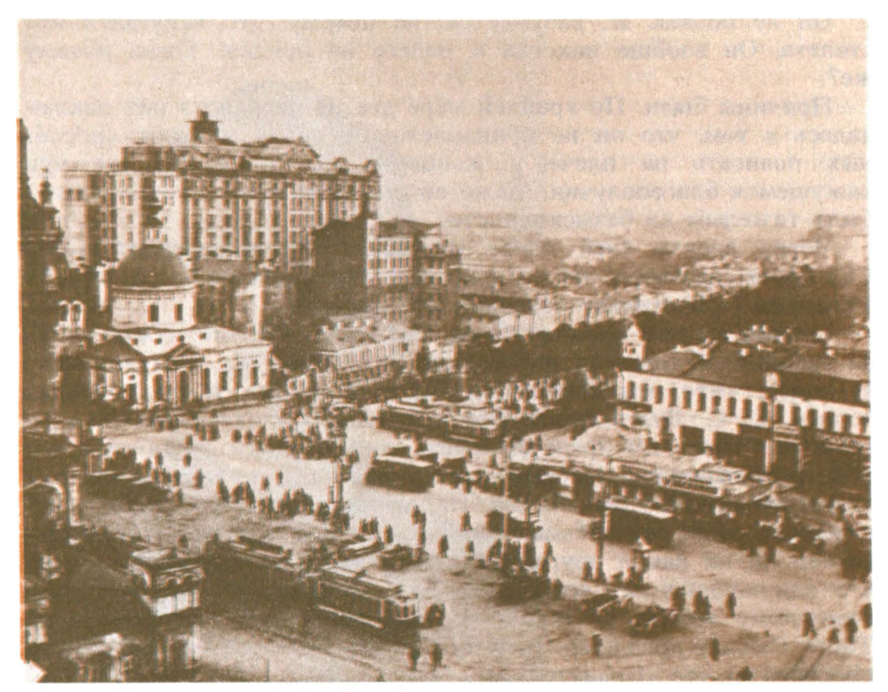
Сталин сказал: «Может быть, вам действительно нужно ехать за границу?..» (цит. по последующему письму М. А. Булгакова). И далее: «Что, мы вам очень надоели?» (цит. по позднейшей записи Е. С. Булгаковой). Но писатель, которому высылка за границу только что представлялась единственным отчаянным выходом, оказывается, расставаться с отечеством не хотел. Никто не знает, как именно он ответил. Надежнее всего привести его собственные слова из письма, написанного год спустя: «...Я невозможен ни на какой другой земле, кроме своей — СССР, потому что одиннадцать лет черпал из нее». И: «Не знаю, нужен ли я советскому театру, но мне советский театр нужен, как воздух». Тогда Сталин предложил работу. Ту самую, о которой Булгаков просил в письме «Правительству СССР»: «Вы где хотите работать? В Художественном театре?.. А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся...»

Работу Булгаков получил. Он стал режиссером МХАТа. И еще устроился в ТРАМ — Театр рабочей молодежи; эта вторая должность была изнурительно тягостной и вовсе уж ничего, кроме очень скромного заработка, не давала; через год от нее пришлось отказаться.

А пьесы его по-прежнему не шли. Ни одной пьесы ни на одной сцене страны. Ни одно издательство страны не предлагало ему издать прозу. И по-прежнему был запрет на «Кабале святош»...

Правда, во МХАТе он начал готовить инсценировку «Мертвых душ». («...Кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза — Ефрона?» — напишет он П. С. Попову.) Но до выхода «Мертвых душ» на сцену было далеко. А пока из «гоголевских пленительных фантасмагорий», которые он так вдохновенно превращал в диалоги и сцены, в театре выбрасывали именно то, что он считал самым «гоголевским», выбрасывали «булгаковское» и делали это небрежно, как будто работали не с великим драматургом, а с ремесленником-инсценировщиком.

Он чувствовал себя затравленным волком. («С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен. Во мне



Москва. Страстная площадь. 20-е годы.
Фото Н. Петрова

есть замыслы, но физических сил нет, условий, нужных для выполнения работы, нет никаких. Причина болезни моей мне отчетливо известна. На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженый ли волк, он все равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе. Злобы я не имею, но я очень устал...» — из письма Булгакова к Сталину 30 мая 1931 г.)

В таком состоянии — звать за собою женщину? Предложить ей бросить мужа, детей, удобный, светлый быт? «Вы шутите, мой друг! — сказал бы мастер. — Сделать ее несчастной? Нет, на это я не способен».

Но еще важнее, вероятно, было другое: слишком рано их складывающаяся любовь налетела на риф ревности Шиловского. Булгаков еще не осознал, как много значит для него эта женщина, его единственная, его судьба. Да и она еще не была ни Евой, ни Маргаритой. Его Евой, Авророй и Маргаритой ей предстояло стать.

Вот так случилось, что он разжал руки и упустил ее. Надолго? Навсегда?

Год спустя, в апреле 1932 года, Булгаков признавался в одном из своих исповедальных писем П. С. Попову, что в жизни своей совершил «пять роковых ошибок», не будь которых, «самое солнце светило бы мне по-иному». Что́ за ошибки — не раскрывал, но о двух из них, вероятно, самых свежих, высказался подробнее: «Проклинаю я только те два припадка нежданной, налетевшей как обморок робости, из-за которой я совершил две ошибки из пяти. Оправдание у меня есть: эта робость была случайна — плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы. Оправдание есть, но утешения нет».

Исследователи весьма согласно считают (см. также: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988), что ошибки, о которых так сожалел Булгаков, — во-первых, то, что он не ответил мгновенным и горьким «да» на предложение Сталина уехать за границу, и, во-вторых, что так легко отпустил свою любовь.

А Елена Сергеевна?

Среди многих биографических штрихов в романе «Мастер и Маргарита» есть такой: «...Получив свободу на целых три дня, из всей этой роскошной квартиры Маргарита выбрала далеко не самое лучшее место... она ушла в темную, без окон, комнату... открыла нижний ящик... и из-под груды шелковых обрезков достала то единственно ценное, что имела в жизни... старый альбом коричневой кожи, в котором была фотографическая карточка мастера...»

Фотографической карточкой, хранимой далеко от чужих глаз, стал для нее снимок, некогда вклеенный в томик «Белой гвардии», — навсегда с особой нежностью любимый ею его фотопортрет.

Они не виделись полтора года.

Между тем фортуна, кажется, начала обращать к нему свое лицо. Нельзя сказать, чтобы она была очень щедра. И все-таки...

3 октября 1931 года Главрепертком разрешил «Кабалу святош», правда, под измененным названием — «Мольер», и почти тотчас, 20 октября, МХАТ подписал договор на постановку «Мольера».

Далее — Ф. Н. Михальский рассказывал мне: «На премьере „Страха" (24 декабря 1931 года) Сталин спросил: „А почему у вас не идут «Дни Турбиных»?" — „Да запретили... И даже декорации уничтожили..." Назавтра позвонил Енукидзе: „Сколько вам нужно времени, чтобы восстановить спектакль?" — Ну, тут, конечно, сами понимаете... Одним словом, через месяц спектакль шел».

Ф. Н. Михальский чуть-чуть «стянул» даты; впрочем, не намного. Булгаков писал П. С. Попову:

«В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение пьесу „Дни Турбиных" возобновить.

Для автора этой пьесы это значит, что ему, автору, возвращена часть его жизни» (30 января 1932 г.).

И затем:

«Пьеса эта была показана 18-го февраля. От Тверской до Театра стояли мужские фигуры и бормотали механически: «Нет ли лишнего билетика?» То же было и со стороны Дмитровки.

В зале я не был. Я был за кулисами, и актеры волновались так, что заразили меня. Я стал перемещаться с места на место, опустели руки и ноги. Во всех концах звонки, то свет ударит в софитах, то вдруг как в шахте тьма, и загораются фонарики помощников, и кажется, что спектакль идет с вертящей голову быстротой. Только что тоскливо пели петлюровцы, а потом взрыв света, и в полутьме вижу, как выбежал Топорков и стоит на деревянной лестнице и дышит, дышит... Наберет воздуху в грудь и никак с ним не расстанется... Стоит тень 18-го года, вымотавшаяся в беготне по лестницам гимназии, и ослабевшими руками расстегивает ворот шинели. Потом вдруг тень ожила, спрятала папаху, вынула револьвер и опять скрылась в гимназии. (Топорков играет Мышлаевского первоклассно.) Актеры волновались так, что бледнели под гримом, тело их покрывалось пóтом, а глаза были замученные, настороженные, выспрашивающие» (24 апреля 1932 г.).

Затем Булгакову предложили написать прозу. И в июле 1932 года он подписывает договор на книгу о Мольере для серии «Жизнь замечательных людей». Идет к концу подготовка «Мертвых душ» — без «Рима» (Булгаков мечтал дать пролог в Риме), без роли «Первого», в которую он вложил столько фантазии и мастерства. И все-таки — идут к премьере «Мертвые души», разумеется, гоголевские и вместе с тем — булгаковские. Гоголь в прочтении Михаила Булгакова...

И уже возникает как бы дрожащим маревом в воздухе надежда на возвращение «Бега». И воображение обращается к сожженному «роману о дьяволе»...

Судя по первой и, так сказать, ретроспективной записи в публикуемых дневниках, Булгаков и Елена Сергеевна встретились снова, на этот раз навсегда, около 1 сентября 1932 года.

И об этой встрече Елена Сергеевна рассказывала немного поразному. М. С. Матюшиной: «...Я не видела Булгакова двадцать месяцев (она любила, как и Булгаков, круглые числа; на самом деле от времени их разлуки прошло восемнадцать месяцев с небольшим. — *Л.Я.*), давши слово, что не приму ни одного письма, не подойду ни разу к телефону, не выйду одна на улицу. Но, очевидно, все-таки это была судьба. Потому что, когда я первый раз вышла на улицу, я встретила его, и первой фразой, которую он сказал, было: „Я не могу без тебя жить“. И я ответила: „И я тоже“».

Примерно так же запомнила рассказ Елены Сергеевны и Владимира Уборевич, говорившая мне задолго до публикации записей Матюшиной: «...Она вышла и вдруг встретила Булгакова.

Помните, в романе, как мастер встретил Маргариту, в переулке? Мне всегда кажется, что это описана их вторая встреча...»

Перед самой последней и окончательной правкой романа встреча мастера и Маргариты была описана чуть подробнее. Может быть, Булгаков потом снял слишком памятные подробности?

«Из кривого переулка мы вышли в прямой и широкий, молча, и на углу она беспокойно огляделась. Я в недоумении посмотрел в ее темные глаза, а она ответила так:

— Это опасный переулочек, ох, до чего опасный, — и, видя мое изумление, пояснила: — Здесь может проехать машина, а в ней один человек...

— Ага, — сказал я, — так, стало быть, надо уйти отсюда.

И мы быстро пересекли опасный переулок, где может проехать какой-то человек в машине.

— А вы боитесь этого человека?

Она усмехнулась и поступила так: вынула у меня из рук цветы...»

А театровед Н. Ю. Голикова (в начале 60-х годов совсем молоденькая аспирантка ГИТИСа, часто бывавшая у Елены Сергеевны) запомнила другой рассказ. По этой версии, Елена Сергеевна, вдруг узнав, что у Булгакова беда — какая-то угрожающая статья в газете, — бросилась к нему... И эта версия («бросилась к нему»), пожалуй, перекликается с сохранившимся свидетельством самого Булгакова. 6 сентября 1932 года он писал Е. А. Шиловскому: «Дорогой Евгений Александрович, я виделся с Еленой Сергеевной *по ее вызову*, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше» (курсив мой. — *Л. Я.*).

Итак, они встретились.

И снова двухтомничек «Белой гвардии» сыграл роль дневника. На обороте последнего листа первого тома Булгаков сделал две новые записи: «Несчастие случилось 25.II. 1931 года» (конечно, дата их разрыва) и «А решили пожениться в начале сентября 1932 года. 6.IX.1932 г.» В середине томика, на с. 66, в главе 15-й, там, где слова романа: «...и в сентябре произошло уже не знамение, а само событие...» — поставил звездочку — знак отсылки — и наискосок, через весь текст:

«С каковым сентябрьским событием, дорогая Люся, тебя и поздравляю!

В ночь на 7-е сентября.

Москва. 1933 год».

1933 год... Ошибка в дате? Или их первая годовщина?

Впрочем, он сделает здесь еще одну запись — в середине второго томика, на с. 73: «3.XI. 1934 г. *Мое самое большое желание* выучиться по-английски; тогда я говорил бы тебе: I ...» (вероятно: I love you).

11 сентября они написали о своем решении пожениться ее родителям в Ригу и Ольге, гостившей у родителей.

«Мои дорогие и бесконечно любимые, — писала Елена Сер-

Екатерина Ивановна Буш (Лоли), Женя Шиловский, Елена Сергеевна. 20-е годы

геевна, — не знаю, рассказывала ли Вам Оленька о том, что произошло полтора года назад в моей жизни. Но из того, что случилось сейчас, Вы поймете, насколько это серьезно. Я расхожусь с Евг. Ал. и выхожу замуж за Михаила Афанасьевича Булгакова. Мы будем жить втроем: он, я и Сережа. Женичка остается с Евг. Ал. Расстаемся мы с Евг. Ал. исключительными друзьями, друзьями на всю жизнь. Я буду постоянно приходить домой, т. е. к Женичке, Евг. Ал. и Оленьке, которую Евг. Ал. очень просит остаться жить у него. Ему было бы очень больно, если бы ты, Оленька, не согласилась на это.

Как ты сама понимаешь, Оленька, с Любашей у меня тоже самые тесные и любовные отношения. Она будет жить вместе с нами до тех пор, пока ее жизнь не устроится самостоятельно. Это зависит от того, сможет ли близкий ей человек устроиться так, чтобы они могли жить вместе. Он сейчас в Маньчжурии.

В смысле бытовом — М. А. этим летом выплатил деньги за квартиру. Она скоро будет готова...

Вы сами понимаете, мои любимые, что сейчас на душе у меня и тревога и боль. Но вместе с тем, полтора года разлуки мне доказали ясно, что только с ним жизнь моя получит смысл и окраску.

Мих. Аф., который прочел это письмо, требует, чтобы я приписала непременно: ...тем более что выяснилось, с совершенной непреложностью, что он меня совершенно безумно любит.

Ну, итак, целую Вас, мои дорогие. Ваша Люси».

Елене Сергеевне хотелось, чтобы ее любовь не повредила никому, и окружающие, должно быть, обещали ей это, но выполнить, конечно, не могли. Роман Любови Евгеньевны, как и следовало ожидать, оказался мифом, никакой «человек» не собирался «устраивать» ее судьбу, и только в предсвадебной лихорадке у счастливых любовников могла родиться идея жизни с Любовью Евгеньевной «вместе».

Было же вот что: Булгаков снял для своей бывшей жены комнату в «доме вахтанговцев»; год спустя она вернулась на Большую Пироговскую, но не в квартиру Булгаковых, а в другую, специально отремонтированную для нее квартиру этого дома; раз или два побывала у Булгаковых (см. упоминания в дневниках 24 сентября и 13 ноября 1933 г.); впоследствии, на новой их квартире, в Нащокинском переулке, не бывала совсем. Впрочем, по ее рассказам, Булгаков иногда звонил ей. Какое-то время помогал деньгами.

Ольга Сергеевна, испытывая на прочность благородство и терпение Шиловского, в Ржевском осталась: все-таки она была родной тетушкой Жене Шиловскому-младшему. И только после вступления Е. А. Шиловского в новый брак, точнее, после рождения у него ребенка в новом браке, ей пришлось искать другую квартиру.

4 октября 1932 года Булгаков и Елена Сергеевна «обвенчались в загсе». Свадебным путешествием для них стала поездка в Ленинград — по театральным, деловым, то есть самым интересным для обоих вопросам. А возвращаться пришлось в старую, опостылевшую ему квартиру на Большой Пироговской. Ожидание новой («М.А. этим летом выплатил деньги за квартиру. Она скоро будет готова») растянулось более чем на год. К тому же, пока строили, квартира, по выражению Лямина, «усохла», и вместо 60 кв.м в ней оказалось 47.

И все-таки... В новую квартиру переехали 18 февраля 1934 года. 6 марта Булгаков писал Вересаеву: «Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку. Молю Бога о том, чтобы дом стоял нерушимо. Я счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. А какое блаженство не ездить в трамвае! Викентий Викентьевич! Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака, и, наверное, будут еще какие-нибудь неполадки, но все же я счастлив. Лишь бы только стоял дом».

И через несколько дней Попову: «Пироговскую я уже забыл. Верный знак, что жилось там неладно». Но точно ли только к квартире относятся эти слова? Ср. в «Мастере и Маргарите»: «Вы были женаты? — Ну да, вот же я и щелкаю... На этой...

Вареньке, Манечке... нет, Вареньке... еще платье полосатое... музей... впрочем, *я не помню*» (курсив мой. — *Л. Я.*).

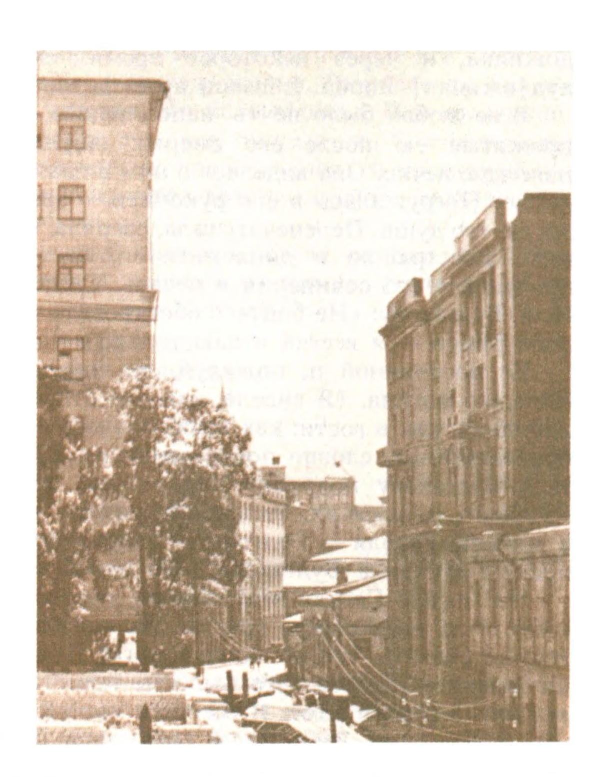
Они оба были счастливы. Любопытно: в трехкомнатной квартире на Большой Пироговской, в прошлом, в годы его брака с Любовью Евгеньевной, у Любови Евгеньевны была отдельная небольшая комнатка. В трехкомнатной квартире в Нащокинском у Елены Сергеевны отдельной комнаты не было: Елена Сергеевна была всюду. В единственной просторной — столовой-гостиной, где вскоре появился рояль, оттеснив к стене обеденный овальный стол и в угол — рабочий столик-бюро Елены Сергеевны (почему-то называвшийся «Психеей»). Из столовой налево — маленькая комната Сережи, тоже, разумеется, царство Елены Сергеевны. А направо из той же столовой — дверь в кабинет, служивший одновременно супружеской спальней. («Что касается кабинета, то ну его в болото! Ни к чему все эти кабинеты», — писал Булгаков Попову.)

В этой комнате у окна — старый письменный стол, а вскоре и прекрасное бюро, «александровское»» бюро, любовно купленное Еленой Сергеевной на какой-то дворцовой распродаже. Теперь Булгаков обыкновенно работал за массивной откидной доской бюро. У глухой торцовой стены этой вытянутой к окну комнаты — тахта-постель. Здесь, лежа на этой тахте, Булгаков диктовал Елене Сергеевне. Здесь, умирая, шептал ей последние слова любви: «Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни...» Здесь ей потом снился...

В первые же месяцы их супружеской жизни он сделал доверенность на ее имя: «Настоящей доверяю жене моей Елене Сергеевне Булгаковой производить заключение и подписание договоров с театрами и издательствами на постановки или печатание моих произведений как в СССР, так и за границей, а также получение причитающихся по этим договорам сумм и авторского гонорара за идущие уже мои произведения или напечатанные» [14 марта 1933 г.].

Она храбро взяла на себя деловую переписку. Нельзя сказать, чтобы у нее сразу получилось, но эта ее деятельность чрезвычайно нравилась обоим. Она писала под его диктовку — пером и на машинке. С бесконечным наслаждением, смеясь и плача, слушала его домашние чтения. Не постигала, почему другие, даже самые близкие, милые, доброжелательные, не видят, что это — чудо, что он — гениален...

Знаю случаи, когда он гневался на нее. Например, когда Сережка порезал палец (см. запись 10 марта 1934 г.). Или в письме (3 июня 1938-го): «Ку!.. Одно место в твоем письме от 31-го потрясло меня. Об автографах. Перекрестись, Ку... Ты меня так смутила, что я, твердо зная, что у меня нет не то что строчки горьковской, а даже буквы, собирался производить бесполезную работу — рыться в замятинских и вересаевских письмах, ища среди них Горького, которого в помине не было. У меня нет автографов Горького, повторяю! А если бы они были, зачем бы я стал



Москва.
Большой Ржевский переулок, 11 (справа).
1953 г.
Фото Ю. Кривоносова

отвечать, что их нет? Я бы охотно сдал их в музей! Я же не коллекционер автографов. Тебе, Ку, изменила память, а выходит неудобно: я тебе пишу, что их нет, а ты мне, что они есть!»

Не знаю случая, когда бы она сердилась на него. Любила, волновалась, верила, оберегала. Боготворила...

Много позже, в октябре 1955 года, сделала запись на листке календаря.

В тот день Елена Сергеевна побывала у переплетчика, и хозяйка, в прошлом знавшая Е. А. Шиловского по академии, спросила, как можно было не ужиться с таким человеком, как Шиловский. «Почему вы ушли от него?» А через час (и значит, в течение часа Елена Сергеевна что-то рассказывала ей о Булгакове и о себе) сказала: «Теперь я понимаю, почему вы ушли. Е. А. — земля, а Б. — дух (она подняла руку), и вы стали смотреть на Е. А. вот так, вниз (показала)... Я помню изумительную картину художника... написанную на стене (в Бельгии, в Льеже, кажется), там фигура, бесплотная, дух, покидающий землю, и называется — Les premières secondes après la mort...* Это вот вы так наверно стали смотреть на жизнь...

Поцеловала крепко на прощанье и просила приходить к ним».

«Не запомнила», — записала Елена Сергеевна о фамилии ху-

---

* Первые секунды после смерти (*фр.*).

дожника, и через некоторое время: «Картина бельг[ийского] худ[ожника] Вирца: L'instant après la mort»*.

В ее любви было нечто, наполнившее светом все тридцать лет, прожитые ею после его смерти: ощущение, что они связаны навсегда, вечно. Она виделась с ним в снах. Беседовала с ним мысленно. Погружалась в его рукописи — зримый, бессмертный след жизни его души. Перепечатывала, сверяла, продумывала, редактировала. Бесстрашно и дипломатично, наступательно и осторожно продвигала его сочинения в печать. Свято берегла архив. Писала Н. А. Булгакову: «Не бойтесь обескровить мой архив или иконографию Миши — я всегда отдаю только копии».

Ее постоянной и, пожалуй, не горькой, а любовной заботой была его могила. (Я видела, как она отправлялась на кладбище — нарядная, как в гости; как возвращалась с кладбища — спокойная, просветленная, словно после свидания с любимым.) В письмах к Н. А. Булгакову подробно писала, как выглядела могила первоначально, о деревьях, посаженных ею по углам, о гранитной глыбе с могилы Гоголя — Голгофе — водруженной в конце концов над прахом Михаила Булгакова... Об одной подробности промолчала.

На могиле Гоголя этот камень, очертаниями похожий на Голгофу, был подножием креста. На могиле Булгакова креста нет. Нужно сказать, что на захоронениях Новодевичьего тех лет вообще немного крестов. Это было не принято, как не принято было держать иконы в доме. И все-таки кресты есть, небольшие, скромные, мраморные. Люди более робкие или более осмотрительные, но не желавшие отказаться от дорогого символа, делали начертание креста на камне, рядом с надписью, частью надписи. На камне Михаила Булгакова нет даже такого начертания. Заподозрить Елену Сергеевну в боязни нельзя: она никогда и ничего не боялась, тем более если речь шла о последнем прощании с Булгаковым, о его последней воле. Значит, все сделано так, как он хотел. Может быть, он действительно считал, что не заслужил света, а заслужил покой? Или крест, не водруженный на этом камне, все-таки виден, поскольку камень — Голгофа?

Жизнь и дальше жестоко испытывала ее сердце, способное с такой силой аккумулировать и излучать счастье. Ее старший сын, Евгений Шиловский, умер тридцати пяти лет от роду, в 1957 году, от той же гипертонической болезни, от которой скончался Михаил Булгаков. Сестру Ольгу она похоронила в 1948-м. Была трепетно счастлива, когда в конце 1960 года, после тридцати двух лет разлуки, свиделась со своим любимым старшим братом Александром. В 1964 году архитектор А. С. Нюренберг умер в своем доме в Веделе, близ Гамбурга. Их младший брат Константин был арестован в феврале 1941 года в Риге, и более упоминаний о нем в записях Елены Сергеевны я не нашла.

И только однажды судьба пощадила ее. Ее младший, Сергей,

---

* Мгновенье после смерти (*фр.*).

рослый и красивый, как ее братья, умер все-таки после нее — через пять лет после нее, на пятидесятом году жизни. Творчеством Булгакова он не был особенно увлечен. Но мать обожал. И в последний путь проводил ее он и именно так, как она хотела. С отпеванием (Елена Сергеевна была верующая, православная) и кремацией — тем же огненным погребением, через которое прошло тело ее любимого.

Ее урна — в переднем углу могилы, слева от вас, если вы стоите лицом к надгробию. И надпись на камне, столь трудном для обработки, лаконична, как она хотела:

Писатель
Михаил Афанасьевич
Булгаков
1891—1940
Елена Сергеевна
Булгакова
1893—1970

Лидия Яновская

От редакции

В скорописи дневников — частые сокращения. Те, которыми Е. С. Булгакова пользуется постоянно [М.А. — Михаил Афанасьевич Булгаков; К.С. — Константин Сергеевич Станиславский; Яков Л. — Яков Леонтьевич Леонтьев; Коля Л. — Николай Николаевич Лямин; Гриша К. — Григорий Конский и др.], сохранены. Слова, сокращения которых не столь последовательны, для удобства чтения даются полностью, без дополнительных оговорок.

Елена Булгакова — 2

Дневник. Тетрадь вторая

1934.

5 декабря.

Вечером Ольга с Калужским. Показывала им квартиру в новом виде. „...Но на челе его высоком не отразилось ничего."

Уходя, Оля, опустив глаза, сказала: „Не знаю, говорить или нет, дело в том, что „Портрет" — пойдет, по-видимому. Я — изменилась роли..."

И очень неожиданно добавила еще: и в чем обосновано, что он может идти в Филиале.

Следовательно, опять перебивают дорогу „Мольеру"?

6 декабря

Морозный день. Похороны Кирова. Мы провели весь день дома.

Елена Булгакова

ДНЕВНИК / 1933–1940

1933

1 сентября.

Сегодня первая годовщина нашей встречи с М. А. после разлуки.

Миша настаивает, чтобы я вела этот дневник. Сам он, после того, как у него в 1926 году взяли при обыске его дневники, — дал себе слово никогда не вести дневника. Для него ужасна и непостижима мысль, что писательский дневник может быть отобран.

4 сентября.

Вчера и сегодня у нас обедали приехавшие из Ленинграда Николай и Дина Радловы. Он — блестящий собеседник, сложный человек. Очень злой.

5 сентября.

Днем были в МХТ на генеральной — «Таланты и поклонники». Миша уехал домой после второго акта.

— А что мне говорить?

— А ты скажи: мы завсегда вами очень благодарны, только подлостев таких мы слушать не желаем.

Вечером у нас Яков Л. Леонтьев, Оля с Калужским. Уговаривали М. А. придти завтра на «Турбиных» — будет Эррио, который просил поставить завтра эту вещь. Миша отказывался. За ужином занимались тем, что подыскивали из разных пьес фразы для Н. В. Егорова. Придумали: поставить «Горе от ума», Егоров — Фамусов. Говорит про Леонтьева: «В швейцары произвел ленивую тетерю...» (Калужский показывал, картавя, как Егоров).

6 сентября.

М. А. получил из Театра официальный вызов на спектакль. Ушел. Я — дома. Звонок телефонный Оли:

— Ну, Люся, ты должна все простить Владимиру Ивановичу (у меня к нему счет за М. А.). Знаешь, что он сделал?! Спектакль сегодня идет изумительно, по-моему, никогда так не играли. Может быть, оттого, что смотрит Вл. Ив. Ну, и Эррио, конечно... Уже после первого акта Эррио стал спрашивать про автора, просил познакомить, но Мака куда-то исчез. После «Гимназии» Вл. Ив. увидел Маку в ложе, стал выманивать. Мака с Судаковым подошли. Эррио, Литвинов, Альфан, мхатовцы — в первом ряду. После знакомства, видя внимание публики ко всему этому, Вл. Ив. сделал жест, знаешь, такой округлый, как он всегда делает, и сказал интимно, но так, что вся публика услышала: «А вот и автор спектакля», — и тут все зааплодировали в театре, была настоящая

овация. Мака очень хорошо кланялся. Эррио в восторге от спектакля. Вл. Ив. тоже: «Это настоящий художественный спектакль. Замечательная пьеса и замечательная игра актеров». На принос Николки Вл. Ив. не пошел: «Если пойду, заплáчу непременно»... Вообще, подъем необыкновенный в Театре...

Тут подошел домой Миша, рассказал мне: моментально вынырнул переводчик. М. А. отказался. Эррио — «Mes compliments...»* Спросил, писал ли М. А. по документам?

— На основании виденного.

— Talberg est un traître?**

— Конечно.

— Кто такие петлюровцы?

(Со стороны — вопрос: сколько вам лет?)

— Скрываю...

Вопрос Литвинова: какие пьесы вы еще написали?

— «Зойкину квартиру», «Мольера»...

Эррио:

— Были ли когда-нибудь за границей?

— Jamais***.

Крайнее удивление.

— Mais pourquoi?!****

— Нужно приглашение, а также разрешение Советского правительства.

— Так я вас приглашаю!

Звонки.

— Au revoir!*****

В следующем антракте Немирович задумчиво:

— Может быть, я сделал политическую ошибку, что вас представил публике?

— Нет.

7 сентября.

Звонок некоего Л. Канторовича (журналиста). Просит разрешения придти.

8 сентября.

Пришел Л. Канторович.

— Михаил Афанасьевич должен как-то о себе напомнить... Настойчивые советы каких-то писем, желание напечатать отрывок из биографии Мольера, акт из пьесы, просьба ответить на анкету о Салтыкове-Щедрине.

Оставил печатную анкету. М. А. вяло согласился.

9 сентября.

В 12 часов дня во МХАТе Горький читал «Достигаева». Встре-

---

* Мои поздравления (*фр.*).

** Тальберг предатель? (*фр.*)

*** Никогда (*фр.*).

**** Но почему? (*фр.*)

***** До свиданья (*фр.*).

чен был аплодисментами, актеры стояли. Была вся труппа. Читал в верхнем фойе.

Горький:

— Я прямо оглох от аплодисментов. У меня ухо теперь отзывается только на крик «Ура!»

В антракте у М. А. встреча с Горьким и Крючковым. Крючков сказал, что письмо М. А. получено (от 5 августа, что ли?), что Алексей Максимович очень занят был, как только освободится...

— А я думал, что Алексей Максимович не хочет принять меня.

— Нет, нет!

По окончании пьесы аплодисментов не было.

Горький:

— Ну, говорите, в чем я виноват?

Немирович:

— Ни в чем не виноваты. Пьеса прекрасная, мудрая.

Москвин сказал, что Горький прекрасно читает и так и надо играть все роли, как он читает.

Сахновский что-то просил разъяснить, и Горький рассказал массу всяких политических и иных происшествий, чтобы объяснить своих героев.

Наверху, в предбаннике, у Олиной конторки, Афиногенов М. А.-чу:

— Читал ваш «Бег», мне очень нравится, но первый финал был лучше.

— Нет, второй финал лучше. (С выстрелом Хлудова.)

Взяли чай, пошли в кабинет Маркова. Афиногенов стал поучать, как нужно исправить вторую часть пьесы, чтобы она стала политически верной.

Судаков:

— Вы слушайте его!! Он — партийный!

Афиногенов:

— Ведь эмигранты не такие...

М. А.:

— Это вовсе пьеса не об эмигрантах, и вы совсем не об этой пьесе говорите. Я эмиграции не знаю, я искусственно ослеплен.

Афиногенов пропустил мимо ушей.

В конце разговора М. А. сказал:

— То есть, другими словами, переводя нашу речь на европейский язык, вы хотите, чтобы я из Чарноты сделал сукиного сына?

Судаков:

— Сутенер он, сутенер!!

Афиногенов разрабатывает закон, что пьеса будет давать авторские только пять лет.

М. А.:

— Ну, тогда я знаю, что мне делать...

Афиногенов:

— Нет, нет! Пять лет со дня опубликования закона! А что, что вы бы сделали?

12 сентября.

Вчера М. А. был у Пати Попова. Кроме них с Аннушкой (Толстой) был профессор Гудзий и еще кто-то. Аннушка пела под гитару. М. А. все просил цыганские вальсы — ищет для «Бега».

Сегодня обедала у нас Оля. Только сели за стол, разразился скандал. Оля сказала, что был разговор в Театре о «Беге». Немирович сказал, что не знает автора упрямей, чем Булгаков, что на все уговоры он будет любезно улыбаться, но ничего не сделает в смысле поправок. Что Владимир Иванович, например, находит сцену в Париже лишней, а Афиногенов сказал, что — нет, ему эта сцена нравится, а вот вторая часть пьесы не годится... Тут я что-то сказала про них обоих — и Оля с воплем: «Я уйду! С тобой невозможно разговаривать!» — кинулась в переднюю. Потом — постепенное примирение, благодаря М. А.

13 сентября.

Письмо из Парижа от брата Мишиного Николая — относительно «Зойкиной квартиры».

14 сентября.

М. А. вызван в 4 часа в Театр в Комиссию по устройству программы в день 35-летия МХАТ. Леонтьев, Марков, Топорков, Яншин, Станицын, Ливанов, Вл. Баталов. М. А. предложил не ставить спектакля в этот день, а то ничего не выйдет. Говорят — нельзя. Кто-то предложил — маскарад. Общее веселье по этому поводу.

Юбилей хотят сделать торжественно, говорят, ждут Правительство.

Вечером — звонок Гаврилова, режиссера из Ашхабада. С этим было так: пришла как-то телеграмма из Ашхабада — дайте «Турбиных».

— Пьют, наверно, вторую неделю.

— А, может, послать?

— Ты с ума сошла.

Опять — телеграмма.

— Я пошлю ответ — пусть пришлют две тысячи за право постановки. А вдруг...

— Можешь. Даже двадцать две. Ведь они все равно прочитать не сумеют, голубчики.

Пришли две тысячи. Послала экземпляр.

— Ну, ясно, заметут их. Эх, втянула ты меня в историю. Через несколько времени — телеграмма — приглашают на премьеру — 17 марта.

А теперь вот звонит — в Москве.

15 сентября.

Около 11 часов вечера появился Гаврилов. М. А. не было дома. Мы разговаривали с Гавриловым через окно (которое во дворик выходит), он не входил. Привез программу «Турбиных» в Ашха-

баде. Спектакль шел, кажется, тринадцать раз. Говорит, хороший состав, некоторые роли — лучше, чем в Москве. Потом в газете яростная статья. Вскоре его вызвали в ответственное место. Прямо, говорит, шел, трясся, вдруг какие-нибудь неприятности по поводу «Турбиных».

— У вас идет булгаковская пьеса?

Он задрожал.

— Так вот, мы хотим ее посмотреть. Нас — двенадцать товарищей.

Ожил.

Тем не менее, вскоре сняли. А у них уже было приглашение в Баку на двадцать спектаклей и еще куда-то, кажется — Тифлис, тоже двадцать.

17 сентября.

Опять журналист Канторович — все те же предложения, уговоры, пишите пьесу, пишите сценарий — детский, звериный, что хотите. Дайте сведения биографические для какого-то фельетон-бюро для заграницы.

— Никаких автобиографических сведений принципиально не дам. Писать не буду, устал и не уверен, что поставят. Насчет «Мольера» говорите с Еленой Сергеевной.

Вечером М. А. читал две главы романа Коле Л.

19 сентября.

Дежурство М. А. на «Нашей молодости» в качестве режиссера.

20 сентября.

Была в МХТ. Яков Л. устроил в своем кабинете встречу мою с ленинградскими директорами Шихматовым и Тельсоном — неожиданно для них. Яков, как всегда, умно повел разговор, и они дали подписку, что уплатят все деньги до 15 октября (за летние гастроли). Подписку заверили в Театре, и я ее отвезла во Всероскомдрам. Неужели эти жулики действительно отдадут?

21 сентября.

Вечером пришла Н. А. Экке, принесла экземпляр мольеровской биографии, задержавшийся у нее после запрещения. Рассказывала: какой-то партийный работник из «Academia» говорил:

— Вы дураки будете, если не напечатаете. Блестящая вещь. Булгаков великолепно чувствует эпоху, эрудиция громадная, а источниками не давит, подает материал тонко.

22 сентября.

Миша у Поповых, а я перетаскиваю книги в столовую — в кабинете сырость, погибают.

23 сентября.

Было общее собрание жильцов корпуса А, опять откладывается стройка. На собрании М. Залка и Шкловский сводили счеты.

24 сентября.

Днем — «Турбины». Дети в первый раз смотрели.

Евгений:

— Первоклассная пьеса. На ять.

Кабинет М. А. Булгакова. Большая Пироговская улица, 35а. Конец 20-х годов. Фото Н. Ушаковой

Сергей:

— Во — пьеса! Если бы еще три действа были, все пересмотрел бы.

Вечером у нас: Оля, Калужский, Любаша, которая сегодня переехала в отделанную для нее комнату — рядом с нами.

27 сентября.

Миша читал Коле Л. новые главы романа о дьяволе, написанные в последние дни, или, вернее, — ночи.

28 сентября.

Уговоры Канторовича дать фильм «Бубкин». Я ему как-то рассказала, что М. А. каждый вечер рассказывает Сергею истории из серии «Бубкин и его собака Конопат». Бубкин — воображаемый идеальный мальчик, храбрец, умница и рыцарь. Его приключения. Вечером, когда Сергей укладывается, Миша его спрашивает: «Тебе какой номер рассказать?» — «Ну, семнадцатый». — «Ага. Это, значит, про то, как Бубкин в Большой театр ходил с Ворошиловым. Хорошо». И начинается импровизация. Канторович говорит, что есть чудесный мальчишка для роли Бубкина. Пишите!

Но М. А. занят романом, да и не верит в действительность затеи.

1 октября.

Письмо из Риги от Гришина, с распиской мамы, выдал ей 26 лат. Думаем, что честность объясняется заинтересованностью в «Беге» — все о нем пишет.

3 октября.

Вчера чудесный вечер у Леонтьевых.

Письмо из Рима от какой-то Резневич. Переводит на итальянский «Мольера».

От брата Николая из Парижа письмо — скоро вышлет французский перевод «Зойкиной». Пишет, что скоро в Москву поедет его шеф, известный бактериолог, профессор Felix d'Herelle.

5 октября.

В 6.30 в верхнем фойе Немирович беседовал с драматургами и критиками. Миша называл мне Всев. Иванова, Файко, Всев. Вишневского, Ромашова и т. д. Миша сидел рядом с Афиногеновым. Вл. Ив. высказывался в таком духе, что критик не должен быть внутри театра, входить органически в его жизнь, — тогда он перестанет быть беспристрастным критиком.

М. А. — Афиногенову:

— Бачелиса не должно быть в театре. А кстати, он тут?

Оказалось, сидит рядом с Афиногеновым.

Ольга Леонардовна обратилась к М. А. — пусть драматурги ходатайствуют о перенесении могилы Чехова, так как она очень разрушается, плохо охраняется. М. А. тут же поговорил об этом с Афиногеновым.

После антракта и чаепития выступал Вишневский. Начал с заявления, что Булгаков плохо сделал инсценировку «Мертвых».

Вечером мы были у Поповых — М. А. читал отрывки из романа. Вернулись на случайно встретившемся грузовике.

6 октября.

Семейный день. Оля и мой Женюша (прокурор — как его называет Миша).

7 октября.

Немирович смотрел «Мертвые души», хвалил спектакль:

— Вполне мхатовский. Вот, разве, чтеца недостает.

— Да я же три раза давал варианты с чтецом!

— Да, да... впрочем, все равно, спектакль хороший...

8 октября.

Днем приходила бывшая жена И. Лежнева — Альтшулер, просила М. А. пьесы для театра «Гилд» в Нью-Йорке. М. А. отказал.

Вечером М. А. был дежурным по спектаклю «В людях» в филиале. Пошли. Какой актер Тарханов! Выдумал трюк — в рубашке до пят — делает реверансы, оскорбительные — молодому Пешкову.

10 октября.

Вечером у нас: Ахматова, Вересаев, Оля с Калужским, Патя Попов с Анной Ильиничной. Чтение романа. Ахматова весь вечер молчала.

11 октября.

М. А. продиктовал мне страничку о Салтыкове-Щедрине — второй вариант. Первый — написанный в форме почти односложных ответов на анкетные вопросы, Канторович вернул с нижайшей просьбой переделать.

В Театре днем совещание по музыке к «Бегу»: Судаков, Лев Книппер, Влад. Ал. Попов, Сухарев, Лесли, М. А. — Разобрали первую картину — «Монастырь».

12 октября.

Утром звонок Оли: арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорит, за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился.

Днем — актер Волошин, принес на просмотр две свои пьесы.

Играли в блошки — последнее увлечение.

Ночью М. А. сжег часть своего романа.

13 октября.

Из журнала «Театр и драматургия» просят отрывки из биографии Мольера. (Работа, что ли, Канторовича?)

14 октября.

Позвонила по этому поводу в редакцию «Жизнь замечательных людей» — освободите рукопись. Экке мила, просит отсрочки. Тихонов уехал, его заменяет Каменев — надо дать ему прочесть.

15 октября.

Второе совещание по музыке к «Бегу».

М. А. говорил:

— Важно правильно попасть, то есть чтобы музыкальные номера не звучали слишком вульгарно-реально, а у МХАТа этот грех есть, — и в то же время, чтобы не загнуть в какую-нибудь левизну, которая и нигде-то не звучит, а уж особенно во МХАТе.

Но Судаков как будто начинает понимать, что такое сны в «Беге». Хочет эпиграфы к каждой картине давать от живого лица, передать это, например, Прудкину-Голубкову. М. А. говорит — мысль неплохая, но вряд ли удастся во МХАТе.

Может быть, Судаков и доведет на этот раз до конца «Бег».

16 октября.

У нас: милейший Яков Леонтьевич со своими, Оля, Калужский, Яншин. При каком-то разговоре медицинского направления М. А. спрашивает Арендта (хирурга):

— Вы знаете, что такое аневризма?

Пауза. Дикий хохот за столом.

— Миша, ты нахал.

Яков меня поправляет:

— Режиссер МХАТа не может быть нахалом.

17 октября.

С М. А. на «Дядюшкином сне».

18 октября.

С М. А. и Сережкой на новой стройке в Нащокинском. Авось, в январе переедем.

Тут же кто-то рассказал, что Эрдмана высылают в Енисейск

на три года. Кроме того, педераста Алексеева (конферансье) — на 10 лет. Будто бы Юрьев получил внушение.

19 октября.

Опять — на стройке. М. А. волнуется — только бы переехать.

20 октября.

День под знаком докторов: М. А. ходил к Блументалю и в рентгеновский — насчет почек — болели некоторое время. Но, говорят, все в порядке.

Я — к Снегиреву, глазнику.

21 октября.

Мой день рожденья — у нас Калужские.

22 октября.

М. А. у Вересаева, на обратном пути зашел к Пате П.

23 октября.

День рожденья Сергея, ему семь лет минуло.

— А я даже не чувствую, что мне семь лет. Мне все кажется, что как было, так и осталось шесть.

Был, конечно, Женюша.

25 октября.

Под утро видела сон: пришло письмо от папы из Риги, написанное почему-то латинскими буквами. Я тщетно пытаюсь разобрать написанное — бледно.

В это время Миша меня осторожно разбудил — телеграмма из Риги. В ней латинскими буквами: papa skonchalsia.

27 октября.

Юбилей МХАТа. Днем там было заседание — только МХАТ. Речь Немировича. Потом — пришли другие театры, друзья — с поздравлениями. Вечером, по подписке, банкет в «Ново-Московской». М. А. не захотел пойти, я — тем более.

28 октября.

Оля говорила по телефону, что и юбилей и банкет прошли исключительно хорошо.

У нас к обеду — Радловы, Николай и Дина.

Вечером — Коля Л. Чтение романа. Часов в десять — двое молодых людей — научные работники — физики. Написали пьесу. М. А. обещал помочь советами.

31 октября.

В четыре часа дня — режиссерское совещание.

Вчера на спектакле «Турбиных» был Молотов. Немирович специально приезжал в Театр. Оля:

— Молотов сказал — очень хорошо играют. Ну, конечно, когда актеры узнали, что приехал Владимир Иванович, они так подтянулись, так хорошо стали играть...

1 ноября.

Позвонил писатель Буданцев, что физиолог Брюхоненко, — который работает по вопросу об оживлении мертвого организма и делает опыты с отрезанной собачьей головой, — хотел бы очень познакомиться с М. А.

В конце разговора выяснилось, что сам Буданцев написал пьесу и хотел бы ее прочитать М. А. и, кроме того, он просит билеты на «Мертвые души».

Часа через два приехал Брюхоненко, рассказывал о работе своего института, говорил, что это — готовый материал для пьесы, звал туда. Потом показывал привезенные им с собою образцы пространственного рисования.

Я оставила его обедать.

Звонок Экке:

— Каменеву биография Мольера очень нравится, он никак не соглашается с оценкой Тихонова. Ждет его приезда из отпуска для того, чтобы обсудить этот вопрос с ним. Я очень надеюсь, что биография все-таки будет напечатана у нас.

2 ноября.

Очень мешает жить Зельдович, которому наша застройщица Валентина Григорьевна продала на корню нашу квартиру. М. А. ходит почти каждый день на стройку, нервничает. Там ставят перегородки.

Вечером какой-то журналист принес пьесу, просит М. А. прочитать. М. А., уходя к Коле Л., попросил меня предварительно проглядеть пьесу. Бред.

3 ноября.

Гости: Федя Михальский, Дорохин, Калужский, Оля. За ужином пели. Оля рассказывала, как у них на вечере в Ржевском Сахновский и Гедике дико напились...

Федя предсказывал:

— «Мольер» не пойдет, а «Бег» пойдет.

4 ноября.

Получили письмо. Английский справочник «Who's who» прислал напечатанную справку о М. А. Булгакове, с просьбой сделать в ней изменения в случае ошибочности сведений. Там напечатано, что M. Bulgakow принадлежит к «extreme right wing of contemporary russian literature»*, что он был в Берлине, как сотрудник «Накануне».

Последнее сведение — ложное — они, видимо, почерпнули из Советской энциклопедии. М. А. никогда в жизни не был ни в Берлине, ни вообще за границей.

Вечером пошли с М. А. на его дежурство в филиал — «Хлеб» Киршона. Перед спектаклем — торжественная часть, сцена декорирована красным, речи, после каждой оркестр исполняет отрывок «Интернационала». Но мы не сидели в зале, а ходили по театру в поисках воды. Пьесу смотрели, скучали, мужики неправдоподобные, Кедров играет хорошо.

5 ноября.

Журналист — узнать мнение М. А. о пьесе. М. А., добросовестно прочитав ее, дал всякие советы для исправления ее. С. Ермо-

---

* Крайне правому крылу современной русской литературы (*англ.*).

линский, бывший при конце разговора, сказал, что один начинающий сценарист притащил ему на просмотр сценарий под названием: «Вопль кулацкого бессилья».

6 ноября.

Преддверие октябрьского праздника. В городе пробуют иллюминацию, на площадях деревянные сооружения, помосты, на стенах домов развешивают большие портреты вождей.

Миша днем у Полонского, в компании с Всев. Ивановым и Зенкевичем, — составляли бумагу в правление нового дома.

7 ноября.

Миша днем у Пати П., я дома. Погода ужасная.

8 ноября.

М. А. почти целый день проспал — было много бессонных ночей. Потом работал над романом (полет Маргариты). Жалуется на головную боль.

9 ноября.

Тревожит вопрос о квартире. Пошли к Матэ Залка, — тот успокаивает — скоро будет, к концу года.

Холодно. Первый снег. Вьюга.

Сегодня хоронили Катаяму, японского революционного деятеля. Была остановка движения. Екатерина Ивановна (Сережина воспитательница) с Сергеем попали в самую гущу. М. А. уверял, что они, как завзятые факельщики, шли долго за гробом со свечками в руках, низко кланяясь при этом и крестясь. (Следует замечательный показ).

10 ноября.

Дневной концерт во МХАТе — мы пошли. Голованов с оркестром — Испанское каприччио. Большинство номеров — артисты студий Немировича и К. С. Хорош джаз — без инструментов. В смокингах.

Письмо, после большого перерыва, из Парижа от Замятина. Его «Блоху» собираются ставить в Париже на французском языке.

11 ноября.

Заседание правления в новом доме.

12 ноября.

Два молодых драматурга — Раевский и Островский — с началом своей пьесы.

Вечером — Дмитриев. Пришел из Большого театра. Там на «Дон-Кихоте» видел в ложе Сталина.

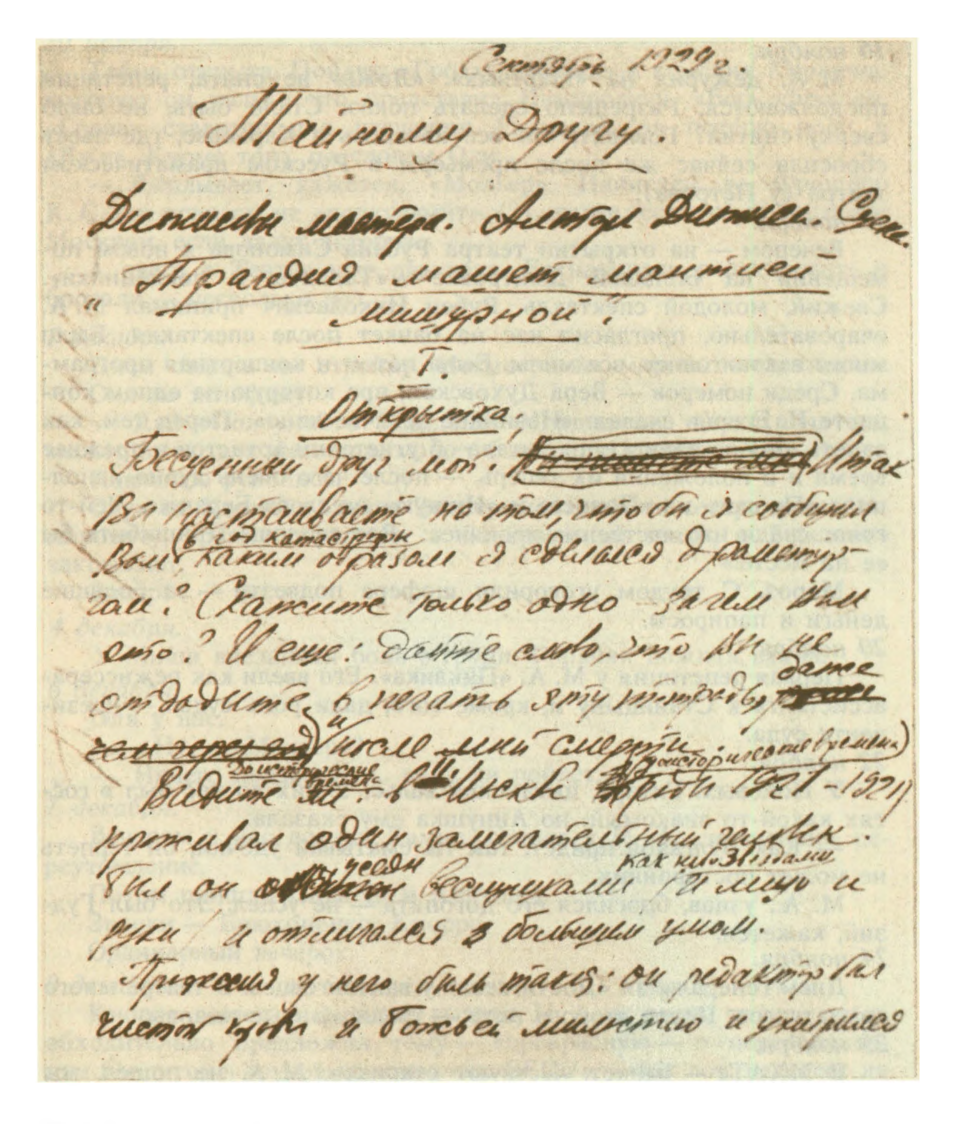
Рассказывал о своем балетном либретто о партизанах. Ищет еще сюжет из гражданской войны для балета!

13 ноября.

По словам Любаши, Афиногенов послал в МХАТ просьбу не ставить его «Ложь». Оля подтверждает. Будто бы Афиногенов признался в неправильном политическом построении пьесы.

14 ноября.

М. А. говорил с Калужским о своем желании войти в актерский цех. Просил дать роль судьи в «Пиквикском клубе» и гетмана


Сентябрь 1929 г.

Тайному другу.

Дилетанты мастера. Актеры дилет. Сцена

Трагедия машет мантией мишурной.

I.

Открытка.

Бесценный друг мой! Итак, Вы настаиваете на том, чтобы я сообщил Вам в год катастрофы, каким образом я сделался драматургом? Скажите только одно — зачем Вам это? И еще: дайте слово, что Вы не отдадите в печать эту тетрадь даже и после моей смерти.

Видите ли: в Москве в 1921–1921 проживал один замечательный человек. Был он усеян веснушками, как кук. яйцо (и лицо и руки) и отличался большим умом. Профессия у него была такая: он редактировал частные книги и божьей милостью и ухитрился

М. А. Булгаков. Страница рукописи

в «Турбиных». Калужский относится положительно. Я в отчаянии. Булгаков — актер...

В Театре волнение по поводу «Лжи». Будто бы Афиногенов написал Немировичу и Судакову о возвращении ему пьесы. Будто бы Судаков перехватил письмо, никому не показал, кинулся в Кремль к Енукидзе, стал просить разрешения МХАТу продолжать репетиции с тем, чтобы показать Правительству.

Будто бы пьеса снята сверху.

16 ноября.

М. А. дежурил на «Мертвых». «Ложь» не снята, репетиции продолжаются. Разрешено сделать показ. Стало быть, не было сверху снятия? Говорят, что все началось в Харькове, где пьесу сбросили сейчас же после премьеры в Русском драматическом театре (у Петрова).

17 ноября.

Вечером — на открытии театра Рубена Симонова в новом помещении на Большой Дмитровке — «Таланты и поклонники». Свежий, молодой спектакль. Рубен Николаевич принимал М. А. очаровательно, пригласил нас на банкет после спектакля. Было много вахтанговцев, все милы. Была потом и концертная программа. Среди номеров — Вера Духовская, про которую на одном концерте Н. Егоров сказал: «Невинное девичье лицо». Перед тем, как запеть, она по записке прочитала об угнетении артистов в прежнее время и о положении их теперь, — после чего очень дурно исполнила «Пролог» из «Паяцев» и «Нищую» на слова Беранже. Чей-то голос сзади нас явственно произнес: «Вот сволочь! Пришибить бы ее на месте!»

Мороз. С трудом уговорили шофера подвезти — за большие деньги и папиросы.

20 ноября.

Первая репетиция у М. А. «Пиквика». Его ввели как режиссера-ассистента к Станицыну и, кроме того, дали роль судьи — президента суда.

22 ноября.

У Поповых. Гитара, цыганский вальс. У них до нас был в гостях какой-то знакомый, но Аннушка ему сказала:

— Как Булгаков придет, так ты сматывай удочки, он терпеть не может посторонних.

М. А., узнав, бросился его догонять — не успел. Это был Гудзий, кажется.

24 ноября.

Днем генеральная «Достигаева» у вахтанговцев. В театре много драматургов. После второго акта — традиционные вызовы.

25 ноября.

В МХАТе — банкет, чествуют стариков. М. А. не пошел, мы были званы к Свечиным.

26 ноября.

Вчера на банкете Енукидзе сказал, что репетиции «Лжи» надо прекратить, что ее не будут просматривать. Говорят, Еланская рыдала, у Судакова и Афиногенова — опрокинутые лица.

Потом Оля прибавила:

— Да, «Бег», конечно, тоже не пойдет.

Позвольте, а «Бег» причем?

29 ноября.

В Театре было совещание: дирекция, Немирович, старики. Полная тайна.

30 ноября.

Тайна открыта. Пойдут: «Гроза», «Чайка» и комедия Киршона, которую он только что представил Немировичу. «Бег» сброшен. «Гроза» ставится для утешения Еланской, за потерю роли в «Лжи». Кроме того, по словам Оли:

— Выплывает, кажется, «Мольер». Написали во Францию К. С.'у и если он не «подкузьмит» (?), далее, если не подкузьмит Москвин, если дадут актеров...

А пьеса в Театре уже два года. Ее начинали репетировать и бросали — несколько раз.

1 декабря.

Днем ездили на стройку. Несмотря на морозы, подвигается.

Оля по телефону:

— Дай «Полоумного Журдена» Мордвинову, хочет почитать, может быть, для филиала, может быть, для Музыкального.

Извлекаю рукопись.

Слух от Коли Л.: здание Экспериментального театра дают Немировичу, труппу переводят в Берсеневский театр, а Берсенева закрывают.

Вздор!

4 декабря.

У Миши внезапная боль в груди. Горячая ножная ванна.

6 декабря.

Оля у нас.

— ...Ну, а «Мольер»?

— Ничего неизвестно... вряд ли пойдет...

7 декабря.

Вечером у нас доктор Дамир. Нашел у М. А. сильнейшее переутомление.

Потом пришли Патя П. и Аннушка.

Звонки — Брюхоненко, Кнорре.

Ординарный вечерок.

8 декабря.

Кнорре зашел в филиал, вызвал М. А. и очень тонко, очень обходительно предложил тему — «прекрасную — о перевоспитании бандитов в трудовых коммунах ОГПУ» — так вот, не хочет ли М. А. вместе с ним работать.

М. А. не менее обходительно отказался.

9 декабря.

Просмотр шести картин «Пиквика» в филиале: Немирович, Оля, Леонидов, Москвин, Сахновский, Мордвинов, другие режиссеры, помощники, Леонтьев, масса актеров, в том числе Топорков, Яншин. Показ был в фойе, в выгородке. Миша играл в шестой картине — судью. Имел успех. Первым поздравил его Топорков. Немирович сказал:

— Да, вот новый актер открылся.

Но судьба «Пиквика», боюсь, плачевна. Комедия Киршона (ставить ее будет Мордвинов) получила первую очередь. Да и состав слаб.

На репетиции сообщили, что возобновляются мольеровские репетиции. М. А. вечером же пошел к Горчакову — ломали голову над составом для «Мольера» — актеры заняты в других пьесах. Мольера будет играть Станицын. Москвин, прежний исполнитель, сказал М. А., что ему очень трудно произносить многие свои реплики, ему кажется, что он говорит о себе. Он сейчас расходится с женой, у него роман с Аллой Т. — и положения театральные часто слишком напоминают жизненные.

11 декабря.

Приходила сестра М. А. — Надежда. Оказывается, она в приятельских отношениях с тем самым критиком Нусиновым, который в свое время усердно травил «Турбиных», вообще занимался разбором произведений М. А. и, в частности, написал статью (очень враждебную) о Булгакове для Литературной энциклопедии. Так вот, теперь энциклопедия переиздается, Нусинов хочет пересмотреть свою статью и просит для ознакомления «Мольера» и «Бег».

В это же время — как Надежда сообщает это — звонок Оли и рассказ из Театра:

— Кажется, шестого был звонок в Театр — из Литературной энциклопедии. Женский голос: — Мы пишем статью о Булгакове, конечно, неблагоприятную. Но нам интересно знать, перестроился ли он после «Дней Турбиных?»

Миша:

— Жаль, что не подошел к телефону курьер, он бы ответил: так точно, перестроился вчера в 11 часов. (Надежде): — А пьес Нусинову я не дам.

Еще рассказ Надежды Афанасьевны: какой-то ее дальний родственник по мужу, коммунист, сказал про М. А. — Послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился.

Миша:

— Есть еще способ — кормить селедками и не давать пить.

12 декабря.

Должны были днем идти на генеральную «Машинель» в театре Симонова, но из-за ребят не пошли. Женя ночевал у нас, они шумом подняли нас чуть ли не в семь часов.

Днем попытались с Мишей выйти на лыжах. Прошли поперек пруда у Ново-Девичьего и вернулись — дикий ледяной ветер.

Сегодня в «Известиях» сообщение о новом американском после и его фотография — вчера приехал в Москву.

13 декабря.

Днем М. А. в макетной МХАТа на совещании по «Мольеру» (эскизы Ульянова). Приходится очень менять оформление. Когда репетировал Москвин, он придумывал всякие эффектные появле-

ния Мольера, приходилось лишние разы поворачивать сцену и громоздить новые декорации. Теперь это убирают.

Постановочная часть загружена, растеряна — что делать в первую очередь.

После этого сразу же режиссерское совещание в кабинете дирекции. Сложности: что когда идет? Как развести актеров?

Первую очередь получает Киршон.

Я зашла за Мишей, мы пошли в филиал, поболтали с Яковом Л. и по морозу — домой.

Приехали к нам Калужские, поужинали уютно дома.

14 декабря.

Продолжение режиссерского совещания. Разведение актеров по пьесам. Из «Пиквика» многих выставили, заменили.

Мордвинов заявил:

— У меня такая плохая пьеса (Киршона), что мне нужны очень хорошие актеры, иначе не могу выпустить ее.

Мучения с Бутонами: в Театре четыре Бутона: Яншин, Топорков, Грибков, Грибов — ни одного нельзя получить, все заняты.

15 декабря.

Большой мороз. Но пошла, проводила М. А. в Театр — где у него встреча с Горчаковым и Станицыным по «Мольеру».

Вечером мы с М. А. одни.

17 декабря.

У нас Дмитриев. Хорошо.

18 декабря.

Пришел Рубен Симонов слушать «Полоумного Журдена». Сережка сидел рядом со мной на печке, хрюкал, кашлял, хохотал, изредка подталкивал Симонова и говорил: «Сейчас будет самое интересное!»

Потом — Соснин. Он получил роль Шаррона. А хочет играть Людовика. Потому расстроен. Но когда М. А. ему сказал, что Шаррон приходит к Людовику — в шпорах, в высоких сапогах — поколебался.

Завтракали, потом обедали, а поздно вечером Рубен Симонов потащил нас к себе. Там были еще другие вахтанговцы, было очень просто и весело. Симонов и Рапопорт дуэтом пели «По диким степям Забайкалья...» (Один из поющих будто бы не знает слов, угадывает, вечно ошибается: «навстречу — родимый отец...» (поправляется: мать!) и т. д.)

Обратно Симонов вез нас на своей машине — по всем тротуарам — как только доехали!

19 декабря.

Пошла в город, отправила жене Симонова корзину цветов.

Потом с Сергеем зашли на Ржевский. Женичка приготовил для Миши вырезку из «Вечерней Москвы»: американский посол Буллит был на «Турбиных» и в книге Театра написал: прекрасная пьеса, прекрасное исполнение.

Вечером — неожиданно, без звонка Дина Радлова, посидела

недолго, поехала в «Метрополь», там ждала ее компания Пильняка.

20 декабря.

Вместе с ребятами провожала М. А. в Театр на режиссерское совещание.

На роль Бутона дают Грибкова.

23 декабря.

На роль Бутона дают Петкера. Немирович спросил:

— А на роль Бонуса кто будет?

Бонус, так Бонус...

М. А. читал пьесу новым вошедшим исполнителям. Соснин примирился с Шарроном, но не дает покоя Горчакову — ему понравилась мысль М. А., что Шаррон в некоторых сценах в военном костюме с крестом на груди.

Леонидов (Леонид Миронович) сказал недавно:

— Мы, старики, играем роль презерватива: не даем молодым делать то, что они хотят. А они хотят делать. И мы, когда были молоды, разбивали себе головы, но одерживали также и победы.

Сегодня звонил Вересаев, жаловался: его книжку «Сестры», выпущенную ГИХЛом, ГИХЛ же поместил в витрину брака с надписью, что книга вредная. Жаль старика.

25 декабря.

К четырем часам заехала в Театр за М. А., поехали на Якиманку в Институт переливания крови. Брюхоненко очень жалел, что не может показать оживление отрезанной головы у собаки — нет подходящего экземпляра. Показывал кое-какие свои достижения.

Но главное — настойчиво предлагал М. А. написать пьесу — вместе с ним — положив в основу какой-нибудь из его научных опытов.

Тут же приехал его знакомый режиссер из «Союзкино» с уговорами написать фильм вместо пьесы или и то и другое. Но вместе с тем было ясно, что фамилия «Булгаков» его пугает, он все время бормотал, горестно вздыхая:

— Да... ведь вы же сатирик!.. ведь я помню ваши «Роковые яйца»... да-а...

И качал грустно головой.

Потом и он и Брюхоненко, оба в пиджаках, без пальто, несмотря на сильнейший мороз, выскочили во двор, провожая нас, и приглашали еще приезжать к ним.

29 декабря.

Сегодня — впервые у нас Егоров и Рипси, а потом и Федя. Рипси одна из немногих, которая приветствовала наш брак.

За ужином Николай Васильевич с громадным темпераментом стал доказывать, что именно М. А. должен бороться за чистоту театральных принципов и за художественное лицо МХАТа.

— Ведь вы же привыкли голодать, чего вам бояться! — вопил он исступленно.

— Я, конечно, привык голодать, но не особенно люблю это. Так что уж вы сами боритесь.

31 декабря.

Сейчас к нам придут Калужские, Леонтьевы, Арендты.

Пришли. Было славно. Женя Калужский и Леонтьев помирали над шуточными неприличными стихами, которые М. А. сочинил к Новому году, то есть стихи были абсолютно приличные, но рифмы требовались другие. Калужские остались ночевать.

1934

3 января.

Вечером американский журналист Лайонс со своим астрономическим спутником — Жуховицким. Им очень хочется, чтобы М. А. порвал свои деловые отношения с издательством Фишера (которое действительно маринует пьесы М. А.) и передал права на «Турбиных» Лайонсу. М. А. не любит таких разговоров, нервничал.

Жуховицкий за ужином:

— Не то вы делаете, Михаил Афанасьевич, не то! Вам бы надо с бригадой на какой-нибудь завод или на Беломорский канал. Взяли бы с собой таких молодцов, которые все равно писать не могут, зато они ваши чемоданы бы носили...

— Я не то что на Беломорский канал — в Малаховку не поеду, так я устал.

8 января.

Ужин у Лайонса — почти роскошный. Жена его говорит на ломаном русском языке. Музыкальна, играла на гитаре и пела, между прочим, песенки из «Турбиных» — по-английски.

Днем я обнаружила в архиве нашем, что договор на «Турбиных» с Фишером закончился, и М. А., при бешеном ликовании Жуховицкого, подписал соглашение на «Турбиных» с Лайонсом.

— Вот поедете за границу, — возбужденно стал говорить Жуховицкий. — Только без Елены Сергеевны!..

— Вот крест! — тут Миша истово перекрестился — почему-то католическим крестом, — что без Елены Сергеевны не поеду! Даже если мне в руки паспорт вложат.

— Но почему?!

— Потому, что привык по заграницам с Еленой Сергеевной ездить. А кроме того, принципиально не хочу быть в положении человека, которому нужно оставлять заложников за себя.

— Вы — несовременный человек, Михаил Афанасьевич.

9 января.

М. А. — сцена за сценой — намечает пьесу. В какой театр?

— С моей фамилией никуда не возьмут. Даже если и выйдет хорошо.

14 января.

Пропустила несколько дней. За это время — две смерти: Луначарского и Андрея Белого.

— Всю жизнь, прости господи, писал дикую ломаную чепуху... В последнее время решил повернуться лицом к коммунизму, но повернулся крайне неудачно... Говорят, благословили его чрезвычайно печальным некрологом.

В МХАТе начались репетиции «Врагов».

На каком-то спектакле этой пьесы недавно в Малом театре в правительственной ложе была произнесена фраза:

— Хорошо бы эту пьесу поставить в Художественном театре.

В Сатире громадный успех у Шкваркина — «Чужой ребенок». Публика валом идет.

15 января.

На квартире осталось только — внутренняя окраска, проводка электрическая, проводка газа, пуск воды. Но сколько это еще протянется?

После квартиры ездила к фининспектору — подавала декларацию. Ездила по делам с Сергеем, так как Екатерина Ивановна все еще больна.

Миша пришел домой безмерно усталый — репетировал и «Мольера» и «Пиквика».

Ливанов на репетиции, как всегда, бузил — «его не удовлетворяет текст роли Муаррона».

— А я хочу́ услышать этот текст, а не разговоры по пово́ду его, какие я слышу уже два года.

Станицын еще добавил от себя:

— Коренева в штанах!

Ливанов утих и стал репетировать.

Вечером М. А. дежурил на «Хозяйке гостиницы».

Потом у нас ужинали: Лайонс с женой и Жуховицкий. Этот пытался уговорить М. А. подписать договор на «Мольера», но М. А. отказался — есть с Фишером.

17 января.

В Большом — генеральная «Князя Игоря» — художник Федоровский, постановщик Баратов.

Новый занавес — золотой, на нем вышиты цифры — годы революционных событий. Потом открылся занавес — специально для «Князя Игоря» — во время увертюры: бой русского с половцем, оба на конях. Это оставляет неприятное впечатление — музыка стремительна, а картина — статична. Не вяжется. Декорации пышные, масса золота, храмы, пожар на заднем плане.

Торгсиновского типа постановка. Состав слабый: Игорь — Савранский, Кончак — старик Петров.

В партере — много домработниц, видимо, есть манера у людей, которым посылают билеты на генеральные — сами не можем идти,

пусть пойдет домработница... М. А. уверял меня, что под креслом у одной женщины был бидон...

Актеров, критиков, писателей очень мало было.

18 января.

Вечером у нас Калужские. Оля: — До чего мне жаль Афиногенова! Какое у него может быть творческое настроение, после того как сняли «Ложь»!..

М. А. рассказывал, что в Театре местком вывесил объявление:

«Товарищи, которые хотят ликвидировать свою неграмотность или повысить таковую, пусть обращаются к Т. Петровой».

Второй рассказ:

Н. В. Егоров, по своей невытравимой скупости, нашел, что за собак, которые лают в «Мертвых душах», платят слишком дорого, — и нанял каких-то собак за дешевую цену, — и дешевые собаки не издали на спектакле ни одного звука.

Оля говорила за ужином:

— Владимир Иванович так страдает от атмосферы в Театре, от мысли, что МХАТ стал теперь самым старым и косным Театром.

20 января.

В театре Немировича — генеральная «Леди Макбет» — или, вернее, «Катерины Измайловой», как она теперь называется. Музыка Шостаковича — очень талантлива, своеобразна, неожиданна: мазурка — у старика-свекра, полька — у священника, вальс — у полицейских, чудесные «антракты».

Василенко в антракте говорил:

— Шостакович зарезал себя слишком шумной музыкой.

Декорации Дмитриева хороши.

Немирович волновался:

— ... не за спектакль, а самим спектаклем...

Он очень радостно меня встретил, попросил «поцеловаться» и объяснил П. Маркову, что очень давно влюблен.

23 января.

Ну и ночь была. М. А. нездоровилось. Он, лежа, диктовал мне главу из романа — пожар в Берлиозовой квартире. Диктовка закончилась во втором часу ночи. Я пошла в кухню — насчет ужина, Маша стирала. Была злая и очень рванула таз с керосинки, та полетела со стола, в угол, где стоял бидон и четверть с керосином — не закрытые. Вспыхнул огонь. Я закричала: «Миша!!» Он, как был, в одной рубахе, босой, примчался и застал уже кухню в огне. Эта идиотка Маша не хотела выходить из кухни, так как у нее в подушке были зашиты деньги!..

Я разбудила Сережку, одела его и вывела во двор, вернее — выставила окно и выпрыгнула, и взяла его. Потом вернулась домой. М. А., стоя по щиколотки в воде, с обожженными руками и волосами, бросал на огонь все, что мог: одеяла, подушки и все выстиранное белье. В конце концов он остановил пожар. Но был

момент, когда и у него поколебалась уверенность и он крикнул мне: «Вызывай пожарных!»

Пожарные приехали, когда дело было кончено. С ними — милиция. Составили протокол. Пожарные предлагали: давайте из шланга польем всю квартиру! Миша, прижимая руку к груди, отказывался.

Легли в семь часов утра, а в десять надо было вставать, чтобы идти М. А. в Театр. Завтракать пошли в «Метрополь», что доставило Сергею невыразимое наслаждение — с утра Café glacé.

5 февраля.

Опять — пропуск. Пропустила записать о падении стратостата, о гибели троих участников полета. Они поднялись на высоту 22 км. Хоронили их очень торжественно, Сталин нес одну из урн с прахом.

Умер профессор-хирург Мартынов Алексей Васильевич. Всесторонне образованный человек, очень любил и понимал музыку. М. А. относился к нему с чувством большого уважения.

Девять лет назад Мартынов оперировал М. А. (аппендицит).

Третьего дня были на генеральной «Булычева» во МХАТе. Леонидов играет самого себя. Изредка кричит пустым криком. Но, говорят, что репетировал изумительно иногда! Спектакль бесцветный.

В филиале сегодня возобновление «Елизаветы Петровны». Прекрасна Соколова в Елизавете. Вообще многие очень хороши: Хмелев, Яншин, Станицын.

7 февраля.

У М. А. — то «Мольер», то «Пиквик».

Театральные сплетни:

1) что первую премию получит киршоновская пьеса («Чудесный сплав»),

2) что Литовского выгоняют из Главреперткома.

— Не радуйся, следующий будет еще хуже. Дело не в Литовском, а в Реперткоме.

9 февраля.

Жуховицкий — с договором на «Белую гвардию» — на английском языке за границей.

М. А. подписал.

11 февраля.

Вчера в МХАТе была премьера «Булычева».

Оля сегодня утром по телефону:

— На спектакле были члены Правительства, был Сталин. Огромный успех. Велели ставить «Любовь Яровую».

Поздно вечером позвонил Яков Л. — бесконечно тронут подарком М. А. («Турбины»), а главное — надписью.

27 марта.

Перерыв в записях объясняется тем, что сначала я долго болела (воспаление легких), потом переезжали на новую квартиру, причем Миша меня перевез с температурой 38° (18 февраля), устраивались и т.д. И еще — М. А. работал над новой комедией.

Сегодня днем заходила в МХАТ за М. А. Пока ждала его в конторе у Феди, подошел Ник. Вас. Егоров. Сказал, что несколько дней назад в Театре был Сталин, спрашивал, между прочим, о Булгакове, работает ли в Театре?

— Я вам, Е. С., ручаюсь, что среди членов Правительства считают, что лучшая пьеса это «Дни Турбиных».

Вообще держался так, что можно думать (при его подлости), что было сказано что-то очень хорошее о Булгакове.

Я рассказала о новой комедии, что Сатира ее берет.

— Это что-же, плевок Художественному театру?!

— Да вы что, коллекционируете булгаковские пьесы? У вас лежат «Бег», «Мольер», «Война и мир». Если бы Судаков не отложил (или Театр — уже не знаю, кто виноват!) репетиций «Бега» для «Лжи» — «Бег» шел бы уже. «Мольера» репетируете четвертый год. Теперь хотите новую комедию сгноить в портфеле? Что за жадность такая?

В МХАТе было производственное совещание. Сахновский, в присутствии большого числа актеров, произнес речь весьма завирального характера. Там были и «призывы к парадоксам», и «сладкий яд», и «зигель-загель» и прочая гиль. Страсти разгорелись, почему-то получился шум, Сахновскому припомнили какие-то политические грехи и думают, что ему грозит падение. Немирович не сделал ничего, чтобы защитить его. Дело, наверно, не в грехах Сахновского, а в том, что руководить он, действительно, не умеет.

У Топоркова — 25-летний юбилей. М. А. подарил ему сборник, где «Роковые яйца», с надписью, Василий Осипович давно просил у него. На репетиции «Пиквика» — между выходами — Топорков все время читал повесть.

Дома нашли записку: приходил какой-то служащий Интуриста, просит дать экземпляр «Турбиных» для американского посла Буллита.

13 апреля.

Вчера М. А. закончил комедию «Блаженство», на которую заключил договор с Сатирой.

Вчера же была у нас читка, не для театра еще, а для своих. Были: Коля Лямин, Патя Попов, который приехал на три дня из Ясной Поляны, Сергей Ермолинский и Барнет. Комедия им понравилась.

На днях приходил кинорежиссер Пырьев с предложением делать сценарий для кино по «Мертвым душам». М. А. согласился — будет делать летом.

Фишер из Берлина прислал вырезку — «Турбиных» играли где-то под Нью-Йорком, «пьеса для Америки мало интересна», но какая-то madame Юрка играла великолепно.

Интуристу М. А. экземпляра «Турбиных» не дал — гражданин появлялся еще раз.

Решили подать заявление о заграничных паспортах на август — сентябрь.

14 апреля.

Из Управления жилищными предприятиями(?)* звонок: дайте сообщение о Вашей новой пьесе.

М. А. отказал.

М. А. правит «Блаженство», диктует мне.

Весь город говорит о челюскинцах.

1 мая.

25 апреля М. А. читал в Сатире «Блаженство». Чтение прошло вяло. Просят переделок. Картины «в будущем» никому не понравились.

Вчера у нас ужинали Горчаков, Никитин Вас. Мих., Калинкин (директор), Поль, Кара-Дмитриев и Милютина. Встретил их М. А. лежа в постели, у него была дикая головная боль. Но потом он ожил и встал к ужину. Вечер прошел приятно. Все они насели на М. А. с просьбой переделок, согласны на длительный срок, скажем, четыре месяца. (Ведь сейчас М. А. должен работать над «Мертвыми душами» для кино.) Им грезится какая-то смешная пьеса с Иваном Грозным, с усечением будущего. Они считают, что это уже есть, как зерно, в пьесе, в первом появлении Ивана Грозного.

Прошение о двухмесячной поездке за границу отдано Якову Л. для передачи Енукидзе.

Ольга, читавшая заявление, раздраженно критиковала текст, но, по-моему, он правильный.

— С какой стати Маке должны дать паспорт? Дают таким писателям, которые заведомо напишут книгу, нужную для Союза. А разве Мака показал чем-нибудь после звонка Сталина, что он изменил свои взгляды?

Женюшка явился в восемь часов утра по поводу праздника. Смотрели с балкона на летящие самолеты.

---

* Так в рукописи.

Миша разбирает архив.

4 мая.

Вчера Жуховицкий привез американскую афишу «Турбиных».

Вечером вчера же пришли Калужские, рассказывали театральные дела. В Театре ждут К. С.'а.

Вкусный ужин.

А сегодня М. А. узнал от Якова Л., что Енукидзе наложил резолюцию на заявлении М. А.: «Направить в ЦК».

Оля передала присланные Бертенсоном из Америки две рецензии. Одна — насчет «Турбиных» с Бланш Юрка. Другая, что в Америке идет «Белая гвардия» по переводу некоей Фреды Блох.

5 мая.

В «Вечерке» фельетон о каком-то Бройде — писателе. Позвонил мне об этом Федя.

Этот Соломон Бройде — один из заправил нашего дома. У него одна из лучших квартир в доме, собственная машина. Ходит всегда с сигарой во рту, одет с иголочки.

В фельетоне сообщается, что он — мошенник, который нанимал какого-то литератора, чтобы тот писал за него его вещи.

6 мая.

Были на «Дороге цветов» Катаева в Вахтанговском. Позвали к себе вахтанговцев.

7 мая.

Разборка архива.

10 мая.

Сегодня Женичке делали операцию аппендицита.

11 мая.

Вчера вечером — Пырьев и Вайсфельд, по поводу «Мертвых душ». М. А. написал экспозицию.

Пырьев:

— Вы бы, М. А., поехали на завод, посмотрели бы...

(Дался им этот завод!)

М. А.:

— Шумно очень на заводе, а я устал, болен. Вы меня отправьте лучше в Ниццу.

Новый театр запрашивает «Блаженство».

На адрес МХАТа письмо из Америки: Иельская университетская драматическая труппа запрашивает оригинал «Турбиных».

Сильнейшая жара.

В газетах сообщение о смерти председателя ОГПУ Менжинского.

12 мая.

Вчера вечером — вахтанговцы. Уговорили М. А. прочитать им «Блаженство».

Ночью жара сменилась похолоданием.

В «Литературной газете» объявление о смерти сына Горького, Максима Пешкова. Правительственное письмо Горькому. Есть подпись Сталина. «Вместе с Вами скорбим и переживаем горе, так неожиданно и дико свалившееся на нас всех».

Причина смерти неизвестна. Сказано: после непродолжительной болезни.

Похороны в шесть часов вечера на Девичке.

13 мая.

15-го предполагается просмотр нескольких картин «Мольера». Должен был быть Немирович, но потом отказался.

— Почему?

— Не то фокус в сторону Станиславского, не то месть, что я переделок тогда не сделал. А верней всего — из кожи вон лезет, чтобы составить себе хорошую политическую репутацию. Не будет он связываться ни с чем сомнительным! А вообще, и Немиров и «Мольер» — все мне осточертело! Хочу одного, чтоб сезон закрылся.

Актеры после показа «Сплава» ворчали, что пьеса низкопробная, что хвалит ее один Немирович, а никто не хочет играть в ней.

Станиславский все не едет.

— Ты знаешь, это наверно твой друг и благодетель Егоров и Рипсимия распускают слухи о скором приезде, чтобы актеры не распускались.

Леонид Миронович сказал М. А.:

— Искусство должно быть радостным, и результат его — радостный, как результат родов. Но у нас, как правило, ребенок идет задницей. Потом его впихивают обратно, начинают переделывать, поправлять, и ребенок рождается худосочным.

Письмо М. А. Горькому было послано второго. Как М. А. и предсказывал, ответа нет.

16 мая.

Были 14-го у Пати Попова. Он уговаривал — безуспешно — М. А., чтобы он послал Горькому соболезнование.

Нельзя же, правда, — ведь на то письмо ответа не было.

Вчера утром провожала М. А. в Театр — он очень плохо себя чувствовал, тяжело волновался.

Около 12 часов дня в нижнем фойе начался просмотр «Молье-

ра». Я постояла у закрытых дверей, услышала музыку, потом первые слова Станицына — Мольера...

Немирович не пришел на просмотр.

Около трех часов М. А. позвонил и сказал, что приведет к обеду Степанову (Арманда) и Станицына.

Пришли радостные, был полный успех, несмотря на то, что есть очень слабые исполнители. Смотрели: Леонидов, Сахновский, Телешева, Литовцева, Кедров, Марков, Калужский, Ольга, актеры.

Показывали два акта и картину третьего акта.

Сахновский:

— Почему не идет в других городах?!

После просмотра Сахновский пошел с докладом к Немировичу.

Ольга вечером звонила — поздравляла.

Сегодня М. А. лежит целый день — дурно себя чувствует. Читает Сергею Киплинга.

Из Ленинграда — третий запрос о «Блаженстве». Из Московского театра Ермоловой тоже об этом спрашивают. Надо решать этот вопрос.

18 мая.

Вчера я была в Ржевском у Женички, он поправляется после операции. Звонок по телефону — М. А.

— Скорей иди домой.

Не помню, как добежала. Оказывается: звонок. Какой-то приятный баритон:

— Михаил Афанасьевич? Вы подавали заявление о заграничном паспорте? Придите в Иностранный отдел Исполкома, заполните анкеты — Вы и Ваша жена. Обратитесь к тов. Борисполыцу. Не забудьте фотографии.

Денег у нас не было, паспорта ведь стоят по двести с чем-то. Лоли смоталась на такси домой, привезла деньги. На этой же машине мы — на Садовую-Самотечную. Борисполец встал навстречу из-за стола. На столе лежали два красных паспорта. Я хотела уплатить за паспорта, но Борисполец сказал, что паспорта будут бесплатные. «Они выдаются по особому распоряжению, — сказал он с уважением. — Заполните анкеты внизу».

И мы понеслись вниз. Когда мы писали, М. А. меня страшно смешил, выдумывая разные ответы и вопросы. Мы много хихикали, не обращая внимания на то, что из соседних дверей вышли сначала мужчина, а потом дама, которые сели тоже за стол и что-то писали.

Когда мы поднялись наверх, Борисполец сказал, что уже поздно, паспортистка ушла и паспорта сегодня не будут нам выданы. «Приходите завтра».

— «Но завтра 18-е (шестидневка)». — «Ну, значит 19-го».

На обратном пути М. А. сказал:

— Слушай, а это не эти типы подвели?! Может быть, подслушивали? Решили, что мы радуемся, что уедем и не вернемся?.. Да

нет, не может быть. Давай лучше мечтать, как мы поедем в Париж!

И всё повторял ликующе:

— Значит, я не узник! Значит, увижу свет!

Шли пешком, возбужденные. Жаркий день, яркое солнце. Трубный бульвар. М. А. прижимает к себе мою руку, смеется, выдумывает первую главу книги, которую привезет из путешествия.

— Неужели не арестант?!

Это — вечная ночная тема: Я — арестант... Меня искусственно ослепили...

Дома продиктовал мне первую главу будущей книги.

19 мая.

Ответ переложили на завтра.

23 мая.

Ответ переложили на 25-е.

25 мая.

Опять нет паспортов. Решили больше не ходить. М. А. чувствует себя отвратительно.

1 июня.

За эти дни выяснилось, что секретарша Енукидзе — Минервина говорила Оле, что она точно знает, что мы получим паспорта.

Мхатчикам тоже дают многим, Оле в том числе. «Старикам» дают по 600 долларов с собой. Оле — 400.

Получил паспорта и уехал Пильняк с женой.

Звонила к Минервиной, она обещала навести справку.

Все дела из рук валятся из-за этой неопределенности.

Была у нас Ахматова. Приехала хлопотать за Осипа Мандельштама — он в ссылке.

Говорят, что в Ленинграде была какая-то история, при которой Мандельштам ударил по лицу Алексея Толстого.

В Москве волнение среди литераторов — идет прием в новый Союз писателей. Многих не принимают. Например, Леониду Гроссману (автор работы о Сухово-Кобылине и «Записок Д'Аршиака») сначала отказали в приеме, а потом приняли его.

Забежал к нам взволнованный Тренев и настойчиво советовал М. А. — «скорей» подать! 29 мая М. А. подал анкету.

М. А. чувствует себя ужасно — страх смерти, одиночества. Все время, когда можно, лежит.

Не знаем, куда отправить Сергея с Екатериной Ивановной.

Вызвала к Мише Шапиро. Нашел у него сильное переутомление. Сердце в порядке.

На хлеб повысили цену вдвое.

2 июня.

В Театре разговоры о Москвине. Лежит давно в кремлевской больнице — почки. Температура грозно поднимается. В почке —

гной. Оперировать боятся — есть подозрение, что и вторая почка заражена.

Говорят, что и внешне очень сильно изменился — дряхлый седой старик.

Ждут консилиума.

Вечером были у Поповых. М. А. и Патя выдумали игру: при здоровании или прощании успеть поцеловать другому руку — неожиданно. Сегодня успел Патя. Веселятся при этом, как маленькие.

У М. А. лучше состояние — Шапиро подействовал на него хорошо.

3 июня.

Звонила к Минервиной, к Бориспольцу — никакого толку.

На улице — холодно, мокро, ветер.

Мы валяемся.

4 июня.

Вчера вечером пошла на Ржевский принимать ванну. В это время к нам пришла Оля с пионами — был день моих имянин.

Егоров оставляет Леонтьева в Москве, а сам едет в Ленинград с Театром. А Леонтьев — единственный человек, который мог бы наладить гастроли.

О своих делах — решили дать доверенность на получение денег с театров Калужскому.

5 июня.

Сегодня во время дневной репетиции «Пиквика» Яков Леонтьевич тихонько посадил меня в ярусе, и я посмотрела две последние картины.

Яков Л. сообщил, что поместил нашу фамилию в список мхатовский на получение паспортов.

На обратном пути заказали М. А. новый костюм.

Солнечный день.

20 июля.

Семнадцатого мы вернулись из Ленинграда, где прожили больше месяца в «Астории».

За это время многое, конечно, произошло, но я не записывала ни там, ни здесь. Что я помню? Седьмого июня мы ждали в МХАТе вместе с другими Ивана Сергеевича, который поехал за паспортами. Он вернулся с целой грудой их, раздал всем, а нам — последним — белые бумажки — отказ. Мы вышли. На улице М. А. вскоре стало плохо, я с трудом его довела до аптеки. Ему дали капель, уложили на кушетку. Я вышла на улицу — нет ли такси? Не было, и только рядом с аптекой стояла машина и около нее Безыменский. Ни за что! Пошла обратно и вызвала машину по телефону.

У М. А. очень плохое состояние — опять страх смерти, одиночества, пространства.

Дня через три (числа 10—11) М. А. написал письмо обо всем этом Сталину, я отнесла в ЦК. Ответа, конечно, не было.

М. А. Файнзильберг (брат И. Ильфа), В. Катаев, М. Булгаков, Ю. Олеша, И. Уткин на похоронах В. Маяковского. 17 апреля 1930 г. Фото И. Ильфа

13-го мы поехали в Ленинград, лечились там у доктора Полонского электризацией.

«Турбины» шли с большим успехом. Но из-за денег мучились много, и, по-видимому, эти жулики не заплатят нам полностью.

В Ленинграде было очень душно.

18 июля, несмотря на усталость, поехали в Звенигород к Сергею и Екатерине Ивановне на дачу. Чудное купанье.

19-го вернулись. Заботы. Звонки телефонные. М. А. диктует мне второй вариант «Мертвых» для кино. Первый сделал в Ленинграде, и Пырьев попросил переделать.

15 августа.

Опять пропуск в записях. Начало августа мы прожили на даче в Звенигороде с Сергеем. С 9 августа — в Москве. Сейчас думаем, не съездить ли в Киев. Театр русской драмы хочет ставить «Мольера». Стоит ли давать — выпустит раньше МХАТа?

Из Парижа прислали перевод «Зойкиной». У М. А. волосы стали дыбом. Перевод-то вообще недурной, но в монологи Аметистова переводчики самовольно вставили имена Ленина и Сталина в неподходящем контексте. М. А. послал тут же письмо с требованием вычеркнуть имена.

Все газеты пишут о предстоящем писательском съезде.

Кстати, до сих пор неизвестно, принят М. А. в Союз или нет.

Повестки изредка присылают. Стороной слышали, что сначала его не приняли, равно как и еще кое-кого. Но потом — приняли.

В Москву приезжал Герберт Уэллс. Был принят Сталиным, но в газетах беседа не публиковалась.

Был Уэллс и у Горького, а в Ленинграде у А. Толстого. Но уехал как-то очень тихо, так что московские сплетники шипят, что ему у нас не понравилось.

Приехал, наконец, Станиславский.

Глухо слышно, что «Мольера» он будет выпускать.

Немирович еще за границей, должен приехать 19 августа. Но сейчас же, как говорят, отбудет в Ялту.

«Чайка», будто, не пойдет. Бедный Леонтьев болеет, не то камни, не то кишечник не в порядке.

М. А. очень мучился, сдавая «Мертвые», — теперь сдан уже третий вариант.

На горизонте — Пырьев и Вайсфельд. И конечно маячит Жуховицкий.

Умерла от рака Ольга Лазаревна Подгорная.

Ночью того же дня.

Звонил Вайсфельд с поздравлением: сценарий «Мертвых душ» утвержден.

Кончились четырехмесячные мучения.

Потом еще звонок — «Украинфильм» предлагает делать «Ревизора» для кино.

Слышу ответы М. А. по телефону:

— Да... да... это меня интересует... да, я с удовольствием возьмусь.

Это было так непохоже на обычные ответы М. А. — поразило меня.

Вечером приехали администратор Катинов (по художественной части) и Блюмберг (по финансовой).

Режиссером намечают Дикого. Обычная картина: милы, предупредительны, любезны. Это уж закон: начало работы.

Зовут в Киев, обещают билеты, гостиницу...

Завтра привезут договор.

Часов в десять вечера — Жуховицкий и Вельс — американский режиссер, ставивший в Нью-Хевене в Иельском университетском театре «Дни Турбиных» в марте этого года.

Вельс — молод, мил, жизнерадостен, одет очень скромно. М. А. ему явно понравился. Он очень обрадовался, когда М. А. обещал ему пойти с ним в МХАТ на «Турбиных». Рассказал, что скоро в Москву приедут Бланш Юрка — Елена и актеры, игравшие Алексея и Лариосика.

23 августа.

Сегодня вернулись из Киева. Мы были там с 18-го по 22-е. На вокзале нас встретил Загорский — помощник директора кинофабрики и Нелли-Влад — режиссер Театра русской драмы. Поехали в «Континенталь» — ни одного свободного номера. В вестибюле увидели Бориса Эрдмана. Он предложил свой номер в «Гранд-Отеле». Мы поехали туда. Большущая комната, пять кроватей, тип общежития. Пришлось остаться, так как хотелось отдохнуть. Потом пришел Загорский и предложил нам остановиться у него на квартире.

Дела:

1) «Мольер» в Театре русской драмы. Им хочется и колется. Какой-то тамошний Стецкий (по выражению Нелли-Влада) сказал им: конечно, ставьте.

Но театр боится. Дан на рецензию в Наркомпрос. Рецензент не одобрил: тема о кровосмесительстве.

Мы ведь страшно добродетельны!

Ну, и ладно. Пусть пойдет раньше во МХАТе. Может, и лучше.

2) «Ревизор» в кино. Были две встречи с дирекцией. План М. А. понравился. Оба директора начали уговаривать М. А. переехать совсем в Киев, даже квартиру обещали достать.

Для М. А. квартира — магическое слово. Ничему на свете не завидует — квартире хорошей! Это какой-то пунктик у него.

24 августа.

Вечером был Женя Калужский, рассказывал про свою летнюю поездку. Приехал во Владикавказ, остановился в гостинице. Дико утомленный, уснул. Ночью пришли в номер четыре человека, устроили обыск, потом повели его в ГПУ. Там часа два расспрашивали обо всем. Интересный вопрос:

— Откуда у вас деньги на путевку?

А путевка стоит 450 руб.!

Потом извинились: Ошибка. Приняли за другого. Дальнейшее путешествие более удачно.

Станиславский, по его словам, усталый, без планов. Середняков ни во что не ставит. «Чайку» не хочет ставить. Хотел бы и «Врагов» снять, «но, — говорит, — это не удастся, надо ставить».

А о Немировиче Женя сказал, что он приехал 19-го из-за границы и в тот же день уехал в Ялту. Со Станиславским не виделся, только по телефону говорили.

Немирович потребовал от Глинского (директора гостиницы «Интурист» в Ялте), чтобы тот ему выслал в Байдары четверку лошадей, так как «сына Мишу» может укачать машина...

25 августа.

М. А. все еще боится ходить один. Проводила его до Театра, потом — зашла за ним. Он мне рассказывал, как произошла встреча К. С.'а. Он приехал в Театр в половину третьего. Актеры встретили его длинными аплодисментами. Речь К. С.'а в нижнем фойе. Сначала о том, что за границей плохо, а у нас хорошо. Что там все мертвы и угнетены, а у нас чувствуется живая жизнь. «Встретишь француженку, и неизвестно, где ее шик?..» Потом — педагогическая часть речи. О том, что нужно работать, потому что... Художественный театр высоко расценивается за границей!.. В заключение — заставил всех поднять руки в знак клятвы, что все хорошо будут работать. Когда кончил, пошел к выходу, увидел М. А. — поцеловались. К. С. обнял М. А. за плечо, и так пошли.

— Что вы пишете сейчас?

М. А. говорит, что он еще явственнее стал шепелявить.

— Ничего, Константин Сергеевич, устал.

— Вам нужно писать... Вот тема, например: некогда все исполнить... и быть порядочным человеком.

Потом вдруг испугался и говорит:

— Впрочем, вы не туда это повернете!

— Вот... все боятся меня...

— Нет, я не боюсь. Я бы сам тоже не туда повернул.

В этот же день разговор с Мамошиным.

— Нужно бы нам поговорить, Михаил Афанасьевич!

— Надеюсь, не о неприятном?

— Нет! О приятном. Чтобы вы не чувствовали, что вы одинокий.

Разговор с Афиногеновым.

— Мих. Аф., почему вы на съезде не бываете?

— Я толпы боюсь.

— А как вообще себя чувствуете?

М. А. рассказал о случае с паспортами.

Афиногенов:

— Как бы вас заполучить ко мне?

— Нет, уж лучше вы ко мне. Я постоянно лежу.

— Какой номер телефона?

Рипси (все в тот же день):

— Мы спрашивали у К. С.'а: Почему вы отказались от «Мольера»? А тот отвечает: — Я и не думал... (Рипси шепотом): Только на большой сцене и с хорошим составом!

У М. А. возник план пьесы о Пушкине. Только он считает необходимым пригласить Вересаева для разработки материала. М. А.

испытывает к нему благодарность за то, что тот в тяжелое время сам приехал к М. А. и предложил в долг денег. М. А. хочет этим как бы отблагодарить его, а я чувствую, что ничего хорошего не получится. Нет ничего хуже, когда двое работают.

Вечером М. А. диктовал мне черновые наброски «Ревизора» для кино.

М. А. купил сегодня Станюковича, полного, и Скаррона — «Комический роман». Очень доволен.

29 августа.

В многотиражке «За большевистский фильм» напечатано несколько слов М. А. о работе над сценарием «Мертвых душ» и — портрет М. А. — в монокле! Откуда они взяли эту карточку?! Почему не спросили у нас?

Вчера пришел по делу Загорский (из Киева), внезапно почувствовал себя плохо, остался ночевать.

М. А. пошел с Колей Ляминым к Поповым, а мы с Загорским проговорили до рассвета о М. А.

— Почему М. А. не принял большевизма?.. Сейчас нельзя быть аполитичным, нельзя стоять в стороне, писать инсценировки.

Почему-то говорил что-то вроде:

— Из темного леса... выходит кудесник (писатель — М. А.) и ни за что не хочет большевикам песни петь...

М. А. вернулся с дикой мигренью (очевидно, как всегда, Анушка зажала еду), лег с грелкой на голове и изредка вставлял свое слово.

Был пятый час утра.

31 августа.

Были с М. А. у Вельса. Флигель во дворе (Волхонка, 8). Стеариновые свечи. Почти никакой обстановки. На столе — холодная закуска, водка, шампанское. Гости все уже были в сборе, когда мы пришли.

Американский Лариосик — румяный толстяк в очках, небольшого роста.

Алексей — крупный американец, славянского типа лицо.

Кроме них — худенькая американка-художница и двое из посольства Буллита. Говорила с ними по-немецки. Американцы пили очень много, но не пьянели. Потом оба секретаря (Боолен Чарльз и Тейер) уехали на вокзал — едут в Ленинград. А актеры пели по-английски песенки из «Турбиных» («Чарочку», «Олега»...).

Жуховицкий — он, конечно, присутствовал — истязал М А., чтобы он написал декларативное заявление, что он принимает большевизм.

Была еще одна дама, которую Жуховицкий отрекомендовал совершенно фантастически по своему обыкновению:

— Родственница... (не помню, кому) из Государственной думы...

Дама:

— Я была на премьере «Дней Турбиных» (с ударением на «Тур...»). Радек ушел с первого акта...

Ох, дама! Ох, Жуховицкий!

2 сентября.

Звонил Яков Леонтьевич с совершенно ошеломляющим заявлением — Станиславский уволил его из Театра.

По приезде он вызвал к себе Якова Л., похвалил его за работу, высказал удовольствие, что будет вместе с ним работать в этом сезоне, расцеловался на прощанье...

А на следующий день Егоров сказал Якову, что ввиду того, что Театр расширяется — Леонтьев не годится и будет другой. И пусть Леонтьев подаст заявление об уходе.

Яков сказал, что он с трудом дошел домой и дома свалился. Теперь болен. У него была путевка, он должен был выехать на Кавказ лечиться, — теперь все пошло прахом.

Как же Егоров должен был оклеветать Якова?!

Программа — американская — «Турбиных». В ней: «Your production of Mikhail Bulgakov's «In the Days of the Turbins» will be, I am sure, a landmark in the cultural and artistic approachement of our two countries.

A. Trojanovski.
Ambassador of the USSR»*.

Сейчас идем в МХАТ на «Турбиных».

6 сентября.

Итак. Второго мы опоздали и пришли ко второй картине. Федя дал места в шестом ряду, слева у среднего прохода. Американцы были налицо. Во втором ряду — Буллит с дочкой. Потом — рядом с Алексеем — Бланш Юрка, немолодая, некрасивая, но заметная, худая, длинная, крашеная блондинка. Чешка. Говорили по-французски. В партере же — Жуховицкий со своей знаменитой родственницей члена Государственной думы.

В первом антракте мы разговаривали с Юрка и Алексеем. Во втором — Вельс подвел Буллита. После чего все, под предводительством Феди Михальского, пошли за кулисы.

Миша рассказывал мне, что за кулисами знакомились с актерами: Хмелевым, Яншиным, другими. Ходили на сцену, на которой была уже выгорожена гимназия. Потом — в зал.

Выяснилось, что в партере сидят еще одни Турбинцы — из Праги. Тоже познакомились с М. А. Сказали, что, по плану фести-

---

* «Ваша постановка „Дней Турбиных“ Михаила Булгакова будет, я уверен, вехой в культурном и художественном сближении наших двух стран. А. Трояновский. Посол СССР» (*англ.*).

валя, они должны были пойти на «Интервенцию», но, узнав о «Турбиных», пришли во МХАТ.

В следующем антракте Буллит опять подошел к нам. Он сказал, что смотрит пьесу в пятый раз, всячески хвалил ее. Он смотрит, имея в руках английский экземпляр пьесы, говорит, что первые спектакли часто смотрел в него, теперь редко.

После спектакля — настойчивое приглашение Жуховицкого ужинать у него.

Пошли американские Турбины (трое) и мы. Круглый стол, свечи, плохой салат, рыба, водка и дама.

Третьего у нас были Леонтьев и Калужский. Бедный Яков совершенно раздавлен.

Енукидзе (они говорили) прислал в Театр распоряжение — оставить Леонтьева в Театре.

Нижний кабинет сначала растерялся, но потом как-то ухитрился даже не ответить.

Четвертого вечером у нас Коля Лямин и Патя Попов. Их распирает любопытство — знакомство с американцами! Они яростно уничтожали рокфор, который Оля днем привезла из Риги и который Миша выдавал им за американский.

Пятого сентября у нас были Оля и Женя Калужский вечером. А днем заезжал Яков Леонтьевич прощаться перед Ессентуками. М. А. с Сережкой были в это время на даче в Болшеве.

Сегодня, шестого, и Екатерина Ивановна и Фрося — выходные. Мы одни, втроем. У М. А. болит живот, чем-то окормили на даче. Сначала он занимался с Сергеем уроками, потом учил его шахматам.

Переложили американский вечер с седьмого на девятое.

По телефону — предлагают М. А. делать для кино «Обломова». М. А. разговаривал вяло.

Вечером заходил сосед — писатель Л. с просьбой напечатать и выправить письмо наверх — не печатают, отовсюду выставили, тяжело живется. Потом записка от А. — тоже из нашего дома — просит денег. Нашлось.

За окном, во дворе, играют на гармонике, поют дикими голосами.

7 сентября.

Съезд писателей закончился несколько дней назад — банкетом в Колонном зале. Рассказывают, что было очень пьяно. Что какой-то нарезавшийся поэт ударил Таирова, обругав его предварительно «эстетом»...

Сегодня суетливый день.

Массаж. Поликлиника. Домой. С М. А. в Театр на репетиции «Пиквика», потом — в город, поиски мебельной материи. Сережкин восторг от пломбира. Опять Театр.

Вышли из конторы, во дворе К. С. — без пальто, в шляпе. (Сказала о замужестве, вспомнили наш разговор в тридцать первом году.)

Станиславский попросил М. А. позвонить утром завтра к нему — надо говорить о «Мольере». Публика останавливалась у ворот, смотрела на Станиславского.

После обеда и сна диктовал «Ревизора».

Мысль — делать картину из «Следопыта». М. А. очень любит эту вещь.

8 сентября.

В «Литературной газете» интервью Бланш Юрка. «Ей очень нравятся „Турбины“, сколько в них лирической теплоты, как женственен образ Елены...»

По дороге в Театр встреча с Судаковым.

— Вы знаете, М. А., положение с «Бегом» очень и очень неплохое. Говорят — ставьте. Очень одобряет и Иосиф Виссарионович и Авель Сафронович. Вот только бы Бубнов не стал мешать (?!).

Со слов Оли и Калужского: Калужского снимают с должности заведующего труппой, оставляют только актером. Олю — только секретарем Владимира Ивановича, секретарем же дирекции будет Рипси. Сахновского снимают с должности зам. директора, оставляют режиссером. Павла Маркова совсем вон.

Сахновскому, Калужскому и Оле сделаны уже лестные предложения из других театров.

Они собираются в упор задать вопрос Станиславскому или Егорову — о своей судьбе, и тогда примут решение.

Позвонила к Хмелеву, пригласила его на завтра к нам.

Сегодня пришло из Киева письмо: «Пришлите копию отзыва Горького о „Мольере"».

Из-за границы как-то Фишер прислал фотограмму письма Горького следующего содержания:

«О пьесе М. Булгакова „Мольер“ я могу сказать, что — на мой взгляд — это очень хорошая, искусстно* сделанная вещь, в которой каждая роль дает исполнителю солидный материал. Автору удалось многое, что еще раз утверждает общее мнение о его талантливости и его способности драматурга. Он отлично написал портрет Мольера на склоне его дней. Мольера уставшего и от не-

---

* Именно так у Горького: «искусстно». — *Примеч. Е. С. Булгаковой.*

урядиц его личной жизни, и от тяжести славы. Так же хорошо, смело и — я бы сказал — красиво дан Король-Солнце, да и вообще все роли хороши. Я совершенно уверен, что в Художественном театре Москвы пьеса пройдет с успехом, и очень рад, что пьеса эта ставится. Отличная пьеса. Всего доброго. А. Пешков».

Почему, кому давал Горький этот отзыв, так мы и не узнали. Да, правду сказать, и не узнавали.

Так вот, Театр, прознав про этот отзыв, просит выслать его. Если М. А. согласится, перешлю. Но М. А. думает, что не стоит, что вообще лучше, чтобы пьеса пошла раньше во МХАТе.

Тип с «Обломовым» пропал. Все исчезают для нас люди среди бела дня...

10 сентября.

У нас вечером девятого: московские Турбины, американские Турбины, Жуховицкий, конечно; Калужские. Ужин при свечах, пироги, икра, севрюга, телятина, сласти, вино, водка, цветы. Сидели уютно часов до четырех. Станицын хорошо показывал Станиславского, Немировича, Тарханова, Ершова, Булгакова. Первыми пришли Жуховицкий и Ольга с Калужским. Потом — Станицын, Яншин, Хмелев. Потом — американцы — Алексей, Лариосик и режиссер Вельс с художницей-американкой в красной шапочке и стоптанных туфлях.

М. А. сказал, что вечер похож на постройку Вавилонской башни — одновременно говорили на русском, английском, французском и немецком языках. Хмелев на чудовищном французском языке доказывал американскому Алексею, что на Западе не существует искусства, что оно есть только у нас. В доказательство приводил пример — Станиславский... Бланш Юрка, к сожалению, не была, она уехала в Лондон.

Легли спать поздно, так как Оля с Женей не сразу ушли.

Сегодня целый день бродим, как сонные мухи.

Звонил все же насчет «Обломова» Кауфман — придет двенадцатого.

11 сентября.

Были у Поповых. Аннушка пела цыганские вальсы под гитару. — М. А. ищет их для «Бега». Но пойдет ли вообще?

12 сентября.

Суматошный день: Сергей без Лоли, монтеры, новая учительница для Сергея, Елисавета Карповна — массаж, какие-то беспрерывные звонки.

Вечером Жуховицкий — просит какие-то сведения о М. А. для Вельса. Вельс хочет писать статью о Булгакове — в Америке.

В то же время — Кауфман.

Я говорила с Жуховицким, а М. А. все время — с Кауфманом.

13 сентября.

Сегодня по дороге из Театра домой М. А. рассказывал (со слов

Топоркова), как Станиславский показывал Петкеру Плюшкина. Что будто бы Плюшкин так подозрителен, так недоверчив к людям, что даже им в лицо не смотрит, а только на ноги посмотрит — и довольно. И когда Чичиков ему что-то приятное говорит, он и не слушает даже, отвернулся, скучно ему. А когда Плюшкин рассказывает Чичикову про капитана, то делает рукой жест, как будто нож держит (мысль: капитан, хотя и соболезнует, а готов зарезать за копейку) и все в таком роде.

14 сентября.

Взяли Сергею новую учительницу — будет готовить его во вторую группу.

Оля по телефону говорила, что в Театре развал, спектакли играются без увлечения: сыграть и с плеч долой! Никто ничего толком не знает, питаются все слухами:

1) Что Москвин напал на Станиславского за все реформы вообще и за Калужского — в частности. Что, может быть, Калужского оставят на его должности. Но Москвин сегодня уезжает за границу.

2) Что Сахновский был, по желанию К. С.'а, два раза у него на день, причем К. С. настаивает, чтобы Сахновский подал письменное прошение освободить его от места заместителя директора — по болезни сердца. Что Сахновский отказался, и Боярский (председатель ЦК Рабиса) одобрил его, сказав, что наверху очень недовольны Станиславским за все его новшества.

3) Что Леонтьева назначают зам. директора Большого театра.

4) Что Станиславский как-то на днях до четырех часов ночи ругал свой нижний кабинет за то, что они его подвели, орал, будто, дико.

15 сентября.

Несколько дней назад М. А. прочитал книжку Оммер де Гелль и сказал, что, по его ощущению, это — фальсификация. Сегодня обедал у нас Патя Попов. Заинтересовался этой мыслью. Они вдвоем стали рыться в книгах, пришли к выводу, что эту подделку произвел Вяземский.

От Пырьева получен сценарий «Мертвых душ». Пырьев внес свои изменения, но как-то очень безграмотно выраженные. А на экземпляре — М. Булгаков.

Вечером на собрании жильцов Шкловский говорил М. А., что он написал и сдал сценарий «Ревизора» тому же «Украинфильму». Позвольте!..

16 сентября.

Вечером — Лямин. Миша читал ему несколько глав романа. А после его ухода — до семи часов утра разговор — все на одну и ту же тему — положение М. А.

17 сентября.

Вечером Горчаков. Сатира просит М. А. из «Блаженства» сде-

лать комедию, в которой бы Иван Грозный действовал в современной Москве. Назвал это обозрением. Когда М. А. сказал, что не хочет писать обозрение, Горчаков сказал, что комедия устраивает их еще больше.

Позднее — Вельс с художницей Милли — пришли прощаться. Завтра они улетают в Берлин, оттуда в Бремен, и на пароходе в Америку. Едут на пароходе в третьем классе. Очень милы. Все время говорят о том, как хорошо будет, когда М. А. приедет в Нью-Йорк.

Угощала их налимьей печенкой, икрой, яичницей и чудесным рижским шоколадом.

Поздно ночью разговаривала с Олей по телефону. «...В театре происходит черт знает что». Ясно, что старик выгоняет Сахновского и Женю и Ольгу. Ясно, что Театр захватит в свои руки Егоров.

Немировича Станиславский устраняет и, по-видимому, устранит. Разговоры К. С.'а поразительны по неискренности. Три часа он говорил бог знает что Жене Калужскому, и когда тот спросил напрямик:

— Вы хотите меня отставить от заведования труппой? — старик ответил:

— Теперь такое время, что заведовать труппой должен нахал.

С Сахновским обошелся еще лучше. Мало того, что выгнал, но еще настаивал, чтобы Сахновский сам написал прошение об отставке по болезни сердца...

Илья — настоящий бандит. Все его разговоры о «Беге» — пустые враки. Сейчас в руках у него, оказывается, последняя пьеса Афиногенова «Портрет».

Да, еще — Оля говорила: когда Марков говорил с К. С.'ом о постановке Чехова в Театре и передал слова Немирова, что Чехова нельзя восстанавливать в том виде, как он раньше шел, а надо по-новому, — Станиславский сказал:

— Это что же? С наклеенными носами?

— Нет, так, как должен и может играть МХАТ, но по-новому, в новых формах...

— Подлизывается!.. Молодящийся старик!

18 сентября.

Выходной день. У нас обедали: Оля, Патя Попов и Сергеева учительница, Ольга Васильевна. Потом пришел и Женя Калужский.

Вечером мы с М. А. пошли к Леонтьевым. Дома были только дамы (Яков Л. — в Ессентуках. Андрей Андреевич был на ночном дежурстве у Крамера, которому отняли ногу — гангрена).

Кроме нас там были еще Шапошниковы.

М. А. и Борис Валентинович после ужина подсели к роялю и стали петь старинные романсы. А мы, четыре дамы, рассказывали друг другу всякую чушь.

В частности, Евгения Григорьевна передавала рассказ Климова — очень вольный.

Впечатление было забавное. От рояля доносятся мужские голоса: «Не искушай меня...», а в это время с дамского стола раздается бас Евгении Григорьевны: «Котам яйца вырезаю!..» — из анекдота климовского.

20 сентября.

Днем долго гуляли с Марианной Толстой. Она мне рассказывала все свои беды, про свою несчастную любовь к Е. А. Просила советов.

Вечером я была на Ржевском — брала ванну. У М. А. — Патя.

21 сентября.

Вчера в «Литературной газете» были напечатаны отрывки из сценария Шкловского «Ревизор».

А сегодня Катинов по телефону: «Они только надеются на М. А...» Обложил сценарий Шкловского, сказал, что ему уже давно было говорено в «Украинфильме», что его сценарий не подходит. Но что Шкловский теперь продвигает его по линии оргкомитета. Чтобы М. А. не обращал на это внимания.

Вечером М. А. писал роман.

Сегодня утром М. А. звонил к Станиславскому.

— Вы, кажется, нездоровы, Константин Сергеевич?

— И нездоров, но не для вас.

Потом говорили о декорациях к «Мольеру», и К. С. попросил М. А. позвонить завтра, чтобы условиться о свидании.

30 сентября.

Несколько дней пропустила — суматошная у нас жизнь: новая домработница (Фросино прощальное воровство), ремонт, обойщики и так далее.

Вчера у меня была встреча с Веровым — новым заместителем директора в Сатире. Театр усиленно просит М. А. согласиться на переделки «Блаженства».

Дома у нас вчера вечером — взволнованные Оля и Женя Калужский. Дело в том, что 28-го наконец был вывешен тот знамени-

тый рескрипт, который так давно вынашивался в черном кабинете и у Старика.

Примерное содержание его: «Ввиду того, что Сахновский обратился ко мне с просьбой освободить его, по болезни сердца, от работы и т. д. и т. д. — должность зам. директора упразднить и функции его распределить между: Судаковым (план театра, репертуар), Кедровым („диктатор сквозного действия“) и Подгорным („хранитель традиций МХАТа“).

Второе: Калужского, освободив его от заведования труппой (на это место назначен Подгорный), назначить заведующим филиалом, с тем, однако, чтобы он работал по Репертуарной конторе».

Формулирован этот пункт был так нежно и туманно, что никак нельзя было понять, остается Калужский заведующим репертуаром или нет. Скорее можно было понять, что нет.

За несколько дней до этого К. С. говорил с Женей и сказал ему, что он остается зав. репертуаром.

Женя взбесился и решил написать старику письмо. А так как ему точно стало известно, что нижний кабинет распространяет про него сплетни, говорит, что он вор, взяточник, — то письмо это было написано в чрезвычайно резких тонах и с таким приблизительно содержанием: Если К. С. не оставит его заведующим репертуаром, он ни на какую административную работу в Театре не соглашается. И второе — он просит К. С. прекратить шельмование его имени и указывает, как на источник сплетен, на Р. К.

...Что старик разъярился, когда читал это письмо. Причем очень смешно было, что начал он его читать вслух при Судакове и принужден был дочитать до конца.

Но когда на следующий день Женя был приглашен на заседание к старику как заведующий репертуаром, К. С. был с ним чрезвычайно любезен и ежеминутно о нем упоминал, как о «зав. репертуаром».

А Сахновский и не думал подавать заявление об уходе!

5 октября.

Очень устаю со всеми делами — отсюда пропуск.

Вчера, как всегда, зашла за М. А. в Театр. Он мне рассказал, со слов кого-то, что на Тверской выставлена его фотография. Зашли в первую фотографию, там не было. Пошли в следующую — в витрине, действительно, была карточка М. А.

— Я бы хотела купить фотографию Булгакова.

— Нет, его карточек в продаже нет, только на витрине. Может быть, какого-нибудь другого писателя?..

12 октября.

Похороны О. Н. Басова на Ново-Девичьем.

13 октября.

У М. А. плохо с нервами. Боязнь пространства, одиночества. Думает, не обратиться ли к гипнозу.

В Театре усиленные репетиции «Пиквикского клуба», хотят выпустить в конце октября.

В Театр принята пьеса Стырской. Об этом говорят с веселым изумлением. Рекомендацию пьесе дал Горький.

14 октября.

Слух о том, что в поезде из Риги умер Собинов.

15 октября.

Оказывается — правда. Сегодня в газетах сообщение, что Собинов умер в Риге.

Сегодня рано провожала М. А. в филиал на репетицию «Пиквика» — шумовую.

Нервы у М. А. расстроены, но когда мы идем вместе, он спасается тем, что рассказывает что-нибудь смешное. Ему рассказывали, что М. П. Гальперин перевел и поставил в каком-то московском маленьком театре (не помню в каком) «Тартюфа». Авторская и режиссерская трактовка пьесы замечательная: Оргон — представитель восходящей буржуазии. На сцене показано какое-то производство, для того чтобы отметить, что у Оргона — фабрика, и прочая чепуха.

Все это кончилось скандалом. Будто бы французское посольство в полном составе уехало после первого акта, нет, вру — со второго. На сцене было показано в издевательском плане католическое молебствие.

Сегодня М. А. диктовал мне вечером сценарий «Ревизора» (черновик).

Наконец, провели у нас газ! Сергей взял первый ванну.

16 октября.

День начался как обычно — проводила М. А. в Театр. Потом зашла за ним. Он сегодня не гримировался, как другие, потому что не готовы наклейки для него.

На репетиции он узнал, что сегодня, в первый раз после длительного перерыва, репетировали «Мольера», сцену в соборе.

Говорит, что принял это известие равнодушно. Не верит, что пьеса выйдет когда-нибудь.

Несколько дней назад у Станиславского было совещание по поводу «Мольера». У М. А. осталось самое безотрадное впечатление. Смотрели макеты. Старик не доволен ульяновской работой, а Ульянов тяжко болен — лежит. Решили, что будут подправлять под его диктовку кое-что — Гремиславский и его помощница Елена Давыдовна. Актеров из «Мольера» рвут, хотят забрать и последнее, что дали в пьесу. (Когда М. А. огорчался, что дают слабых актеров, К. С. его утешал, говоря, что «вот и хороший купец, когда ягоду продает, сверху положит крупную на лоток, а сам старается подсунуть из-под низа гнилую покупателю...»).

Тем не менее, постановили репетиции начинать, как только выпустят «Пиквика».

Самое странное, говорит М. А., что Станиславский хотел на роль кардинала назначить Ершова — из-за его внешности, роста.

Вчера (или позавчера, не помню) было созвано собрание актеров с Судаковым и Станиславским. М. А. не пошел. Ему рассказывали потом, что Илья разразился укоризнами по поводу того, что актеры раньше времени съедают закуску, которую подают в «Мертвых душах»...

— Если бы это был еще восемнадцатый год, тогда!..

Тут попросила слова выжившая из ума Халютина и произнесла следующее:

— Да как же им не есть, когда они голодные!

— Никаких голодных сейчас нет! Но если даже актеры и голодные, то нельзя же реквизит есть!

К вечеру звонок Катинова, приглашает вместе с ним и Загорским М. А. ехать к Дикому на совещание по поводу «Ревизора». М. А. отказался по нездоровью. Тогда звонок Дикого — он тоже нездоров. Поладили на том, что встретятся, когда выздоровеют.

А приедут к нам сегодня Загорский и Катинов. Вот и жду их.

Ночью.

Они были: Загорский, Катинов и третий, неизвестный, отрекомендовавшийся: Абрам Львович... (фамилию не расслышали), — маленький военный с красными петлицами и с револьвером. М. А. читал черновик (первый) «Ревизора». За ужином критиковали. Загорский и Абрам Львович говорили, что действие надо вынести больше за пределы павильона и сократить словесную часть. Катинов произнес речь, наполненную цитатами, но абсолютно беспредметную. Угощала их рябиновой водкой, икрой, яичницей, закусками.

18 октября.

Днем были у В. В. Вересаева. М. А. пошел туда с предложением писать вместе с В. В. пьесу о Пушкине, то есть чтобы В. В. подбирал материал, а М. А. писал.

Мария Гермогеновна встретила это сразу восторженно. Старик был очень тронут, несколько раз пробежался по своему уютному кабинету, потом обнял М. А.

В. В. зажегся, начал говорить о Пушкине, о двойственности его, о том, что Наталья Николаевна была вовсе не пустышка, а несчастная женщина.

Сначала В. В. был ошеломлен — что М. А. решил пьесу писать без Пушкина (иначе будет вульгарной) — но, подумав, согласился.

Пришли домой — письмо с фабрики, требуют поправок к «Мертвым душам» — какая мука.

19 октября.

М. А. диктует второй вариант сценария («Ревизор»).

20 октября.

Сегодня купили рояль.

В Театре, оказывается, думали ставить (и кажется, уже репетировали) «Привидения». Но потом, как сказала Оля, «им посоветовали воздержаться от постановки». Так что Ольга Леонардовна лишилась роли, это было, конечно, для нее задумано.

24 октября.

Обойщики, столяры — делают полки для книг.

Сегодня дописала под диктовку М. А. сценарий «Ревизора».

М. А. созвонился с Андреем Андреевичем по поводу свидания с доктором Берг. М. А. решил лечиться гипнозом от своих страхов.

27 октября.

Сегодня 36-летний юбилей МХАТа. Оля получила «Чайку».

3 ноября.

В квартире — хаос, работают маляры.

Сегодня я была на генеральной «Пиквика». Должны были быть оба старика. Но у Станиславского поднялась температура, тогда и Немирович не поехал.

Публика принимала реплики М. А. (он судью играет) смехом. Качалов, Кторов, Попова и другие мне говорили, что он играет, как профессиональный актер.

Костюм — красная мантия, белый завитой длинный парик. В антракте после он мне рассказал, что ужасно переволновался — упала табуретка, которую он смахнул, усаживаясь, своей мантией. Ему пришлось начать сцену, вися на локтях, на кафедре. А потом ему помогли — подняли табуретку.

8 ноября.

Вечером сидели среди нашего безобразия. М. А. диктовал мне роман — сцену в кабаре. Сергей тут же спал на нашей тахте.

Звонок телефонный — Оля. Длинный разговор. В конце:

— Да, кстати, я уже несколько дней собиралась тебе сказать. Ты знаешь, кажется, «Бег» разрешили. На днях звонили к Владимиру Ивановичу из ЦК, спрашивали его мнения об этой пьесе. Ну, он, конечно, страшно расхваливал, сказал, что замечательная вещь. Ему ответили: «Мы учтем ваше мнение». А на рауте, который был по поводу праздника, Судаков подошел к Вл. Ив. и сказал, что он добился разрешения «Бега». Сегодня уж Судаков говорил Жене, что надо распределять роли по «Бегу». Жене очень хочется играть кого-нибудь!

В Театре приняли пьесу украинского драматурга Корнейчука «Платон Кречет». Он читал театру 5 ноября — по украински.

14 ноября.

Репетиция «Пиквика» со Станиславским. Поехали на такси:

М. А., Екатерина Ивановна, Женичка, Сережка и я. Федя нас посадил в двенадцатый ряд. В час приблизительно приехал Станиславский. За ним в партер вошла Рипси с пледом для К. С. Зал встал и все стали аплодировать.

К. С. очень постарел, похудел. Мне показалось, что он утерял свою жизнерадостность, он как-то равнодушно и кисло принимал приветствия. Стал рядом со Станицыным за режиссерским столом в восьмом ряду. Стол покрыт был зеленой скатертью.

М. А. сидел рядом с К. С.

Говорят, спектакль старику понравился.

Публика тоже хорошо приняла, много аплодировала.

16 ноября.

Станицын сегодня рассказывал М. А., как старик отнесся к его появлению в Суде.

Станицын называл ему всех актеров. Когда появился судья, Станиславский спросил:

— А это кто?

— Булгаков.

— Ага!.. (Вдруг — внезапный поворот к Станицыну). Какой Булгаков?

— Михаил Афанасьевич. Драматург.

— Автор?!

— Да, автор. Очень просился поработать.

Старик мгновенно сузил глаза, захихикал и стал смотреть на М. А.

Станицын это показывал смешно.

17 ноября.

Вечером приехала Ахматова. Ее привез Пильняк из Ленинграда на своей машине.

Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке.

19 ноября.

После гипноза — у М. А. начинают исчезать припадки страха, настроение ровное, бодрое и хорошая работоспособность. Теперь — если бы он мог еще ходить один по улице.

21 ноября.

День имянин М. А. Мы с Сергеем подарили ему «пополам», как говорит Сергей, ноты — «Тангейзера», «Руслана и Людмилу» и др. Это еще — накануне.

А сегодня я подарила ему бюро — александровское.

Вечером — Берг. Внушал М. А., что завтра он пойдет один к Леонтьевым.

А до этого был звонок Оли — поздравление и сообщение, что «Бег» не разрешили. М. А. принял это с полнейшим спокойствием. Кто запретил — не могла добиться от Оли.

22 ноября.

В десять часов вечера М. А. поднялся, оделся и пошел один к Леонтьевым.

Полгода он не ходил один.

26 ноября.

Ремонт идет к концу.

У М. А. масса работы.

Кроме того, иногда приходят советоваться. Вчера к нему обратился за помощью капельдинер — написал пьесу.

В Театре идут репетиции «Мольера».

М. А. говорили, что секретарь ВЦИК дал такую резолюцию на пьесе Афиногенова «Портрет»: «Такой автор, как Афиногенов, мог бы приличнее написать, если бы подумал. Ставить не советую».

Словом, пьеса не пойдет.

Сегодня звонили — из Тифлиса, с какой-то кинофабрики, — приглашают М. А. тут же ехать в Тифлис — есть работа в кино.

Потом звонок Жуховицкого: «Что вам пишут из Парижа?»

После этого — Коростин, которого прочат в режиссеры «Ревизора».

Я забыла записать, что восемнадцатого были мы у Дикого, и тут выяснилось, что он и не собирался ставить «Ревизора». Дикий говорил о том, что Гоголя очень трудно разрешить в кино, и никто не знает, как разрешить, в том числе и он. Все это прелестно, но зачем же он в таком случае подписывал договор?

Коростин едет в Киев. М. А. дал ему письмо Загорскому.

Вечером — Ильф и Петров. Пришли к М. А. советоваться насчет пьесы, которую они задумали.

После этого М. А. пошел к Вересаеву — обратно до Смоленской площади его проводил В. В., а потом шел один. Говорил, что страхи притупились.

28 ноября.

Вечером — Дмитриев. Пришел из МХАТа и говорит, что там была суета и оживление, вероятно, приехал кто-нибудь из Правительства, — надо полагать, Генеральный секретарь (на «Турбиных»).

Дмитриев говорил, что очень бы хотел делать декорации к «Мольеру».

29 ноября.

Действительно, вчера на «Турбиных» были Генеральный секретарь, Киров и Жданов. Это мне в Театре сказали. Яншин говорил, что играли хорошо и что Генеральный секретарь аплодировал много в конце спектакля.

В газетах важнейшее известие — отмена хлебных карточек, хлеб будет продаваться свободно.

30 ноября.

Днем М. А. диктовал наброски для варианта «Ивана Васильевича» (измененное «Блаженство»), а вечером — много телефонных звонков.

Оказывается, что «Мольера» намечают на март. Хотя с декорациями осложнение: в ульяновских играть нельзя. Горчаков хочет взять Вильямса. Говорит, что ставить будут роскошно — так настаивает Станиславский.

Ходит слух, что «Гроза» провалилась.

1 декабря.

Днем позвонил Ермилов, редактор «Красной нови», и предложил М. А. напечатать в его журнале что-нибудь из произведений М. А. М. А. сказал о пьесе «Мольер»:

— Чудесно!

О фрагменте из биографии Мольера:

— Тоже чудесно!

Просил разрешения поставить имя М. А. в проспекте на 1935-й год. М. А. согласился. Условились, что Ермилов позвонит еще раз, а М. А. подберет материал.

Вечером премьера «Пиквика». Я в такси проводила М. А. Он оставался до конца спектакля. Приехал и сообщил: во время спектакля стало известно, что в Ленинграде убит Киров.

Тут же из Театра уехали очень многие, в том числе Рыков.

2 декабря.

Второй спектакль «Пиквика». После спектакля у нас Лямин и Конский, молодой актер, он гримируется в одной уборной с М. А.

3 декабря.

В половине четвертого проводила М. А. в Театр. Там — траурный митинг.

М. А. говорил после, что речи произносили Мамошин, Судаков и Хаенко.

Заявление о принятии в сочувствующие подали Яншин, Баташов и Дмоховская.

Объявлен траур — 3-го, 4-го и 6-го сняты спектакли.

В «Известиях» напечатано, что убийца Кирова — Николаев Леонид Васильевич, бывший служащий Ленинградской РКИ. Ему тридцать лет.

Не знаю, был ли Киров в Ленинграде в театре, — возможно, что последняя пьеса, которую он видел в жизни, были «Дни Турбиных».

5 декабря.

Вечером — Оля с Калужским. Хвасталась своей заново отделанной квартирой, — им понравилось. Уходя, Оля сказала:

М. А. Булгаков (первый ряд, центр)
среди участников спектакля «Дни Турбиных», 1926г.
Снимок подарен Елене Сергеевне к ее 37-летию:
«Милой Елене Сергеевне в день 75-летнего ее юбилея.
Дорогой Люсиньке, мастерице и другу.
Михаил Булгаков. 20.X.1930 г. Москва»

— Не знаю, говорить или нет, — дело в том, что «Портрет» пойдет все-таки... Я переписываю роли... Пойдет, видимо, в филиале.

6 декабря.

Морозный день. Похороны Кирова. Мы провели весь день дома. М. А. нездоровится.

9 декабря.

Днем — к Вересаеву, отнесли ему, с великим облегчением, последнюю тысячу долга.

На обратном пути встретили в диетическом Русланова. Вопросы. М. А. ответил, что делает пьесу о Пушкине. Но без Пушкина. Русланов попросил разрешения придти.

Вечером — Горчаков. Обещал устроить в Сатире продление договора на «Ивана Васильевича». Это и его устраивает — он сейчас занят «Мольером».

М. А. прочитал ему наброски «Ивана Васильевича». Мы передали ему сведения о «Портрете». Горчаков взволновался, начал советовать жаловаться Енукидзе, что оттесняют «Мольера», что с ним тянут четыре года, взять пьесу из Театра... Какой смысл? А что с ней делать?

10 декабря.

Были: Загорский, Коростин и Катинов. Загорский, сквозь дремоту (что он все спит?) говорил, что хочет, «чтобы это была сатира...»

Такие разговоры действуют на М. А. угнетающе.

Звонил Горчаков — «Портрета» ставить не будут, а «Мольера» репетировать будут полным ходом.

11 декабря.

Позвонил днем Русланов и сейчас же пришел. Очень заинтересован, очень любезен. Тут же устроил Сергея с Екатериной Ивановной на «Турандот».

Разговор начал с того, что Театр и сам давно хотел обратиться к М. А. по поводу Пушкина (близкий юбилей), — только они не надеялись, что М. А. согласится.

Вместе вышли. Спрашивал, не хотим ли строить дачу, — можно было бы записаться в их кооператив дачный.

Вечером у нас Леонтьевы, Арендты, Ермолинские. Угощала их пельменями. После ужина М. А. читал «Тараканьи бега» и сцену в Париже из «Бега».

12 декабря.

Днем были у Вересаева. Рассказали о предложении вахтанговцев, решили идти на договор с театром.

14 декабря.

Русланов звонил дважды, просит придти в театр.

Вечером — Танины, Жуховицкий и Дмитриев. Жуховицкий в «Пиквике» не узнал М. А. в судье, а думал, что он играет адвоката (Болдуман играет, но у них с М. А., действительно, есть какое-то сходство, замечаемое всеми актерами).

Перерыв в ужине для делового разговора с Таниным. М. А. категорически отказывается идти в Верховный Суд, чтобы требовать с ленинградских жуликов-директоров деньги за мхатовские гастроли. Оказывается, они говорили Танину: «У Булгакова и так бешеные деньги».

Откуда? С одного МХАТа? Да и потом, не в этом же дело. Они же не доплатили. Но М. А. настаивает, что все это должен делать Всероскомдрам, что он плохо защищает авторские права.

Оказывается, что Анатолий Каменский, который года четыре назад уехал за границу, стал невозвращенцем, шельмовал СССР, — теперь находится в Москве!

— Ну, это уже мистика, товарищи! — сказал М. А.

Все ушли, остался Дмитриев, сидел долго. Очень опечалил нас: не спит, нервное расстройство. Очевидно, явное переутомление, у него бешеная работа. И кроме того — навязчивые мысли...

15 декабря.

Русланов не позвонил. Неужели опять начинаются эти таинственные исчезновения людей?

Хотя с Грузией мы ошиблись, они на днях опять звонили, звали в Тифлис. М. А. сказал — весной.

Какой-то негодяй снял с Женички шапку на улице.

16 декабря.

М. А. и Вересаев были в Вахтанговском театре. Договорились.

Вечером и ночью звонил Рубинштейн из Камерного театра. Он узнал от Жуховицкого о пушкинской пьесе и предложил договор с театром.

М. А. сказал, что поздно.

Да Камерному и нельзя дать. Штучки.

17 декабря.

Вчера мы были у директора Вахтанговского театра Ванеевой — М. А. подписал договор. М. А. говорил вахтанговцам, что ему крайне неприятно подписывать договор после Толстого, с которым они обвенчались раньше. Вахтанговцы клялись, что они не верят, что Толстой напишет хоть что-нибудь подходящее, и идея его — писать пьесу с Пушкиным — для них неприемлема.

После этого — М. А. — на репетицию «Мольера». А у меня разговор с Егоровым — как они намерены оплатить игру М. А. в «Пиквике».

— Мы его зачислим в актерский цех.

— Он не пойдет. Когда он к вам просился, его не взяли.

Егоров возмущался, что М. А. отдает пьесу не МХАТу.

18 декабря.

У Вересаева. М. А. рассказывал свой план пьесы. Больше всего запомнилось: Наталья, ночью, облитая светом с улицы. Улыбается, вспоминает. И там же — тайный приход Дантеса. Обед у Салтыкова. В конце — приход Данзаса с известием о ранении Пушкина.

19 декабря.

Вечером — Дина Радлова. Откуда-то уже знала о пушкинской пьесе, не советовала работать с Вересаевым.

— Вот если бы ты, Мака, объединился с Толстым, вот была бы сила!

— Я не понимаю, какая сила? На чем мы можем объединиться с Толстым? Под руку по Тверской гулять ходить?

— Нет!.. Но ведь ты же лучший драматург, а он, можно сказать, лучший писатель...

Просила рассказать содержание пьесы, М. А. отказался.

22 декабря.

Портной мхатовский Шендельман приходил мерить М. А. костюм. Рассказывал, что, по распоряжению Станиславского, все костюмы к «Мольеру» будут из бархата и парчи.

Вечером звонок — какая-то ученица театральной школы просит списать сцену из «Турбиных».

У М. А. — Коростин, работа над «Ревизором». М. А. боится, что не справится: «Ревизор», «Иван Васильевич» и надвигается «Пушкин».

А его тянет к роману.

24 декабря.

Елка была. Сначала мы с М. А. убрали елку, разложили под ней всем подарки. Потом потушили электричество, зажгли свечи на елке, М. А. заиграл марш, — и ребята влетели в комнату. Потом — по программе — спектакль. М. А. написал две сценки (по «Мертвым душам»). Одна — у Собакевича. Другая — у Сергея Шиловского. Чичиков — я. Собакевич — М. А. Потом — Женичка — я, Сергей — М. А.

Гримировал меня М. А. пробкой, губной помадой и пудрой.

Занавес — одеяло на двери из кабинета в среднюю комнату. Сцена — в кабинете. М. А., для роли Сергея, надел трусы, сверху Сергеево пальто, которое ему едва до пояса доходило, и матроску на голову. Намазал себе помадой рот.

Зрители: Ольга, Сусанна и мальчики. Успех.

Потом ужин рождественский — пельмени и масса сластей. Калужский пришел со спектакля в двенадцатом часу.

28 декабря.

М. А. перегружен мыслями, мучительными.

Вчера он, вместе с некоторыми актерами, играл в Радиоцентре отрывки из «Пиквикского клуба».

Звонила Оля:

— Судаков до того взволновался, что заявил, что расторгнет договор с вахтанговцами! Укорял Пашу (Маркова), но тот клянется, что не знал ничего о пьесе.

В девять часов вечера Вересаевы.

М. А. рассказывал свои мысли о пьесе. Она уже ясно вырисовывается.

Звонил Русланов — вахтанговцы зовут к себе встречать Новый год. Но мы не хотим — будем дома.

Спускают воду из труб. Батареи холодные. Боюсь, что мы будем мерзнуть. Сегодня на улице больше двадцати градусов.

31 декабря.

Кончается год.

Господи, только бы и дальше было так!

1935

1 января.

Новый год встречали у Леонтьевых. Невероятное изобилие. Они необыкновенно милы и сердечны.

Все было хорошо, но около трех ввалилась компания их соседей Шервинских и их гостей. Мы почти сразу же ушли.

Сегодня у М. А. мигрень. Из-за этого не пошли на премьеру водевилей в Сатиру.

А вечером М. А. полегчало, и он мне диктовал сценарий.

2 января.

Сегодня через ВОКС отправила японскому театру запрошенные «Мертвые души».

Работа над сценарием.

Вечером была за кулисами в филиале, в уборной М. А., смотрела, как его гримировали и одевали, как он выходит на сцену.

В его уборной — клуб, собираются все участники спектакля.

4 января.

Дикий мороз — тридцать два по Цельсию. Днем была с М. А. в театре, их фотографировали всех в костюмах и декорациях («Пиквик»).

Вчера Оля сказала, что назначено чтение новой пьесы Афиногенова, о которой Немирович сказал: «Очаровательный эскиз». Кроме того, Оля говорила, что надо по-человечески пожалеть Афиногенова: и «Ложь» не вышла, и «Портрет» не вышел, а он с чисто большевистской энергией все пишет и пишет...

Потом еще: «Мольер» не может идти ни на большой сцене, ни в филиале. Если на большой пойдет, состав неподходящий, слабый. Если в филиале, то ни с одной пьесой на большой сцене не расходится.

13 января.

Были на генеральной «Китежа». Музыка изумительная, постановка пыльная.

15 января.

Днем в вестибюле филиала М. А. окликнул и потом подошел к нему Анатолий Каменский. Болтлив. М. А. слушал молча, изредка односложно отвечая. Из рассказов А. Каменского: был в Париже на спектакле «Белая гвардия». Когда актеры начали петь «Боже, царя храни...», публика встала. «Не встали только Милюков и я».

16 января.

«Шляпа» в Вахтанговском. Убого. В антракте пригласили чай пить. Там были Вересаев, Нежданова, вахтанговцы.

24 января.

У М. А. грипп, лежит. Горчаков привозил эскизы Вильямса к «Мольеру». Особенно понравились М. А. — лестница у короля, внутренность театра — сцена (в последнем акте) и кладбище.

26 января.

М. А. четыре дня назад пробовал лечить Дмитриева тоже гип-

нозом — от его страхов. Так вот сегодня Дмитриев звонил в диком восторге — помогло! Когда еще можно придти? Мрачные мысли, говорит, его покинули, он себя не узнает.

5 февраля.

Позвонил, наконец, доктор Берг. Объяснил, что был невероятно занят. Предложил для сеансов — сегодня, седьмого и девятого.

Мы пошли к нему. Сеанс был, как говорил после М. А., замечательно хорош.

9 февраля.

Сегодня вечером у нас были Берги, Леонтьевы, Арендты и Маруся Т. Сначала — до ужина — М. А. и Берг уединились в кабинете для сеанса. А потом все ужинали. Уходя, Берг сказал, что он счастлив, что ему удалось вылечить именно М. А.

10 февраля.

Сегодня М. А. один ходил в Театр на спектакль.

Сегодня М. А. в последний раз играл судью — вводят Курочкина.

Но я почему-то уверена, что М. А. еще будет играть. Не знаю, почему.

12 февраля.

Днем ходили с М. А. на лыжах, по Москве-реке.

Вечером — к Вересаевым.

М. А. читал четвертую, пятую, шестую, седьмую и восьмую картины. Старику больше всего понравилась четвертая картина — в жандармском отделении.

Вообще они все время говорят, что пьеса будет замечательная, несмотря на то, что после читки яростно критиковали некоторые места. Старик не принимает выстрела Дантеса в картину.

А Мария Гермогеновна оспаривает трактовку Натальи. Но она неправа, это признал и В. В.

14 февраля.

Днем приходили из «Красной нови» за экземпляром биографии Мольера.

Оттуда звонили еще давно, но М. А. все не давал ответа. Теперь он уверяет, что они провалятся так же, как Канторович.

15 февраля.

Вечером был Жуховицкий. Вечный острый разговор на одну и ту же тему — о судьбе М. А.

— Вы должны высказаться... Должны показать свое отношение к современности...

— Сыграем вничью. Высказываться не буду. Пусть меня оставят в покое.

16 февраля.

М. А. играл в «Пиквике».

18 февраля.

Вечером были у Вересаевых. Там были пушкинисты: Цявловский с женой, Чулков, Неведомский, Верховский, кроме того — Тренев, Русланов.

Книга с вклеенным М. Булгаковым портретом

Я, по желанию Викентия Викентьевича, сделала небольшой доклад по поводу моего толкования некоторых записей Жуковского о последних днях Пушкина.

За ужином Вер[есаев], шутя, посвятил меня в «пушкинисты» (как в рыцарей посвящали).

Цявловский с диким темпераментом говорил о Пушкине, о книге «Литературное насл. Пушкина». Неведомский болтал, болтал и залил красным вином скатерть.

5 марта.

Тяжелая репетиция у Станиславского. «Мольер». М. А. пришел разбитый и взбешенный. К. С., вместо того, чтобы разбирать игру актеров, стал при актерах разбирать пьесу. Говорит наивно, представляет себе Мольера по-гимназически. Требует вписываний в пьесу.

10 марта.

Опять у Станиславского. Маленький оперный зал в Леонтьевском. Станиславский начал с того, что погладил М. А. по рукаву и сказал: «Вас надо оглаживать». Очевидно, ему уже передали, что М. А. обозлился на его разбор при актерах.

Часа три торговались.

Мысль Станиславского в том, что надо показать во всех картинах, что Мольер — создатель гениального театра. Хочет вписывания таких вещей, которые М. А. считает тривиальными или ненужными.

Яростное столкновение со Станицыным и Ливановым, которые, обрадовавшись поддержке К. С., стали требовать вставок в роли.

Но сегодня М. А. пришел домой в лучшем состоянии, чем в прошлый раз. Как-то успокоился. Говорит, что Станиславский очень хорошо сострил про одного маленького актера, который играет монаха при кардинале — что «это поп от ранней обедни, а не от поздней».

20 марта.

Все это время прошло — у Станиславского с разбором «Мольера». М. А. измучен.

Станиславский хочет исключить лучшие места: стихотворение, сцену дуэли и т. д. У актеров не удается, а он говорит — давайте, исключим.

М. А. говорит:

— Я не доказываю, что пьеса хорошая, может быть, она плохая. Но зачем же ее брали? Чтобы потом калечить по-своему?

Вчера у нас были Оля с Калужским. М. А. рассказывал нам, как все это происходит в Леонтьевском.

Семнадцатый век старик называет «средним веком», его же — «восемнадцатым». Пересыпает свои речи длинными анекдотами и отступлениями, что-то рассказывает про Стаховича, про французских актеров, доказывает, что люди со шпагами не могут появиться на сцене, то есть нападает на все то, на чем пьеса держится.

Портя какое-нибудь место, уговаривает М. А. «полюбить эти искажения».

А сегодня вздумал пугать М. А. французским послом:

— А что вы сделаете, если посол возьмет и уедет со второго акта?

Вчера Гр. Конский рассказывал про К. С.

Шла репетиция в его оперном театре — «Царская невеста». Один молодой певец страшно боялся Станиславского и все старался держаться за печкой.

Станиславский:

— Это кто там за печкой прячется? Как ваша фамилия?

— ....

— Вы кого играете?

— ....

— Вы должны так держаться на сцене, как будто вы самую главную роль играете. Вы оперу знаете?

— Знаю, Константин Сергеевич.

— Продирижируйте всю! С самого начала!

Актер — в поту — берет палочку и дирижирует. После увертюры, которую он, ко всеобщему удивлению, хорошо провел, — К. С.:

— Убрать его из спектакля!

Или еще:

Телешева приводит к Станиславскому Конского репетировать «Мертвые души». Станиславский:

— Как ваша фамилия?

— Конский, Константин Сергеевич.

— Этого не может быть! Таких фамилий не бывает!

М. А. говорит:

— Представь себе, что на твоих глазах Сергею начинают щипцами уши завивать и уверяют, что это так и надо, что чеховской дочке тоже завивали, и что ты это полюбить должна...

26 марта.

Вчера были на концерте вагнеровском в Большом зале консерватории. Дирижировал Сенкар, пел Рейзен — Вотана, прощание и заклинание огня. Оркестр мал для Вагнера, всего человек восемьдесят. Рейзен — страшная дубина.

Сегодня звонил Жуховицкий и рассказывал, что в одном американском журнале Вельс написал статью о советском театре. Там он пишет примерно так, что советский театр, оставив агитацию, перешел на другие рельсы. Во-первых, появилась советская комедия, верней, фарс, во-вторых, ставят классиков, и, в-третьих, есть Михаил Булгаков. Если бы таких драматургов было несколько, можно было бы сказать, что существует советская драма.

М. А. продиктовал мне девятую картину — набережная Мойки. Концовка — из темной подворотни показываются огоньки — свечки в руках у жандармов, хор поет «Святый Боже...»

Наконец, сегодня М. А. написал отзыв о режиссерском сценарии «Мертвых душ». Про многое: «Это надо исключить!» Но исключит ли Пырьев?

29 марта.

Пронзительный ветер и солнце. Весна чувствуется.

В «Известиях» портрет лорда Идена — хранителя печати английского. Молод и красив.

М. А. безумно смешно показывает, что это такое — хранитель печати, как он ее прячет в карман, как, оглянувшись по сторонам, вынимает, торопливо пришлепывает и тут же прячет.

Проводила М. А. в Театр, посидела напротив в артистическом кафе, пока он получал жалованье, потом проводила его к Станиславскому.

Во время нашего отсутствия принесли конверт из американского посольства. Приглашает нас посол на 23 апреля. Приписка внизу золотообрезного картона: фрак или черный пиджак.

Надо будет заказать М. А. черный костюм, у него нет. Какой уж фрак.

Оля по телефону рассказала, что Мамошин говорил Калужскому: «Ячейка устраивает обсуждение „Мольера“. Доложим К. С. мнение парторганизации об этой пьесе, а там уже дело Театра».

— Чтобы в филиале шла?

— В филиале — это своим чередом. Но вообще!..

30 марта.

Сегодня с М. А., зайдя сначала к портному Павлу Ивановичу, пошли в Торгсин. Купили английскую хорошую материю по восемь руб. золотом метр. Приказчик уверял — фрачный материал. Но крахмальных сорочек — даже уж нефрачных — не было. Купили черные туфли, черные шелковые носки.

Сергей с Лоли были на концерте.

— Такая дрянь, такая гадость, ни за что больше не пойду.

— А на чем играли?

— На чем попало.

1 апреля.

Вчера М. А. пригласили в партком, там было обсуждение «Мольера». Мамошин говорил, что надо разобраться, что это за пьеса и почему она так долго не выходит. А также о том, что «мы должны помочь талантливому драматургу Михаилу Афанасьевичу Булгакову делать шаги».

О пьесе говорил: «Она написана неплохо».

Заседание было длинное, сперва с исполнителями, потом их удалили.

5 апреля.

М. А. у Вересаева. Читал две последних картины из «Пушкина» — вчерне.

Кто-то рассказал М. А. (он сам не видел), что в Театре вывешена резолюция парткома, в которой сказано что-то вроде того, что «пьесе грозила опасность превратиться в личную драму Мольера, но ввиду того, что К. С. хочет расширить ее, — ее следует выпустить».

6 апреля.

Вечером был Русланов. М. А. рассказал ему содержание «Пушкина». Говорил, что еще не решил для себя, как назвать пьесу. Русланов советовал — «Пушкин».

Русланов записывает нас на дачный участок в их поселке. Мечты о даче.

7 апреля.

Ходили днем в Кубу, там переплетная мастерская. Кроме того — ларек с книгами. Купил М. А. переписку Чайковского с Мекк и материалы Достоевского.

Обедала у нас Ахматова, приехала хлопотать за какую-то высланную из Ленинграда знакомую. Говорит, что Модзалевский сказал ей, что сразу же ответил на мое письмо.

М. А. приходит с репетиций у К. С. измученный. К. С. занимается с актерами педагогическими этюдами. М. А. взбешен — никакой системы нет и не может быть. Нельзя заставить плохого актера играть хорошо.

Потом развлекает себя и меня показом, как играет Коренева Мадлену. Надевает мою ночную рубашку, становится на колени и бьет лбом о пол (сцена в соборе).

Сегодня звонила в «Красную новь», наткнулась прямо на Мармуша, который быстро сказал, что десятого или двенадцатого будет решен вопрос о печатании Булгакова в их журнале.

— Запомни: больше никогда в жизни ты его не услышишь и не увидишь.

8 апреля.

В «Литературной газете», по словам Ермолинского, напечатано: режиссер Коростин будет ставить «Ревизора» по сценарию Шкловского. (Текст не буквальный.)

Часа через два звонил Коростин, только что приехавший из Киева, радостно объявил о принятии последнего варианта сценария М. А.

Когда я сказала о заметке, захохотал.

Вечером зашел Вересаев. М. А. говорил с ним о предложении Ермолинского инсценировать для кино будущего «Пушкина». Вересаев сказал:

— Я уже причалил свою ладью к вашему берегу. Делайте, как вы находите лучшим.

По-видимому, старику было приятно. Он только спросил, знает ли сценарист, что пьеса без Пушкина?

Потом он ушел наверх к Треневу, где справлялись имянины жены Тренева. А через пять минут появился Тренев и нас попросил придти к ним. М. А. побрился, выкупался, и мы пошли. Там была целая тьма малознакомого народа. Длинный, составленный стол с горшком цветов посредине, покрытый холодными закусками и бутылками. Хозяйка рассаживала гостей. Потом приехала цыганка Христофорова, пела. Пела еще какая-то тощая дама с безумными глазами. Две гитары. Какой-то цыган Миша, гитарист. Шумно. Пастернак с особенным каким-то придыханием читал свои переводные стихи, с грузинского. После первого тоста за хозяйку Пастернак объявил: «Я хочу выпить за Булгакова!» Хозяйка: «Нет, нет! Сейчас мы выпьем за Викентия Викентьевича, а потом за Булгакова!» — «Нет, я хочу за Булгакова! Вересаев, конечно, очень большой человек, но он — законное явление. А Булгаков — незаконное!»

9 апреля.

Дмитриев и Конский. Гриша принес мне Цвейга — биографию Марии-Антуанетты, на французском. Дмитриев, придя, сурово потребовал стакан молока и белый хлеб. У него, кажется, язва. Он выпивает молоко, ложится животом книзу на диван — и ему

делается легче. Во всяком случае за ужином с аппетитом ел салат, икру, огурцы. Все у нас было холодное на ужин, так как целый день не горел газ. И обеда не было. М. А. был в ударе, рассказывал о репетициях «Мольера», показывал Станиславского, Подгорного, Кореневу и совершенно классически — Шереметьеву в роли Рене, няньки Мольера. Потом показал Владимира Сергеевича, брата К. С. У Дмитриева катились градом слезы — от смеху, он задыхался. Это, правда, смешно: Влад. Серг. умильно смотрит на собеседника святыми глазами, пожимает ему руку, а сам в это время бросает острый тревожный взгляд на вошедшего нового человека.

Гриша сказал, что он непременно придет отправлять нас на посольский вечер, хочет видеть, как все это будет. Очень заинтересован, почему пригласили.

*10 апреля**.

Сергей порезал большой палец, да так сильно, что М. А. решил, что — калека, музыка кончена. (Он мечтает сделать из Сергея пианиста или дирижера.)

М. А. взбесился, орал на него, на нас с Лоли, что не досмотрели. Сергей стоял, бледнел, синел. М. А. уложил его, перевязал палец. Вызвали Блументаля. Тот успокоил.

Вечером — к Леонтьевым.

11 апреля.

Утром позвонил Жуховицкий. Когда мы можем назначить день — Боолену (секретарю посла) очень хочется пригласить нас обедать. М. А. вместо ответа пригласил Боолена, Тейера (тоже секретарь) и Жуховицкого к нам сегодня вечером.

Ужин — икра, лососина, домашний паштет, редиски, свежие огурцы, шампиньоны жареные, водка, белое вино.

Американцы говорят по-русски. Боолен совсем хорошо.

М. А. показал свои фотографии и сказал, что подает прошение о заграничных паспортах. Жуховицкий подавился. А американцы нашли, что это очень хорошо, что ехать надо.

Боолен хочет вместе с Жуховицким переводить на английский «Зойкину квартиру».

На прощанье сговорились — девятнадцатого придем к Боолену обедать.

13 апреля.

Письмо от Николая из Парижа: «Зойкину квартиру» все-таки хотят ставить в театре «Vieux Colombier». Николай пишет, что группа актеров (б. актеров Художественного театра) ставит в Северной Америке «Дни Турбиных». Кто будет охранять права М. А.?

М. А. днем ходил к Ахматовой, которая остановилась у Мандельштамов.

---

* В рукописи ошибочно: марта.

Ахматовскую книжку хотят печатать, но с большим выбором.

Жена Мандельштама вспоминала, как видела М. А. в Батуме лет четырнадцать назад, как он шел с мешком на плечах. Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре.

Оля рассказывала: Станиславский, услышав, что Булгаков не пришел на репетицию из-за невралгии головы, спросил:

— Это у него, может быть, оттого невралгия, что пьесу надо переделывать?

Из Олиных рассказов:

У К. С. и Немировича созрела мысль исключить филиал из Художественного театра, помещение взять под один из двух их оперных театров, а часть труппы уволить и изгнать в окраинный театр, причем Вл. Ив. сказал:

— У Симонова монастыря воздух даже лучше... Правда, им нужен автомобильный транспорт...

Но старики никак не могут встретиться вместе, чтобы обсудить этот проект.

К. С. позвонил Оле:

— Пусть Владимир Иванович позвонит ко мне.

Оля — Вл. Ив-чу. Тот:

— Я не хочу говорить с ним по телефону, он меня замучает. Я лучше к нему заеду... тринадцатого, хотя бы.

Оля — К. С.'у. К. С.:

— Я не могу принять его тринадцатого, раз что у меня тринадцатое — выходной день. Мне доктор не позволяет даже по телефону говорить.

Вл. Ив. — Оле: — Я могу придти шестнадцатого.

Оля — К. С.'у.

К. С. — Жена моя, Маруся, больна, она должна разгуливать по комнатам, я не могу ее выгнать.

Вл. Ив. — Оле: — Я приеду только на пятнадцать минут.

К. С. — Оле: — Ну, хорошо, я выгоню Марусю, пусть приезжает.

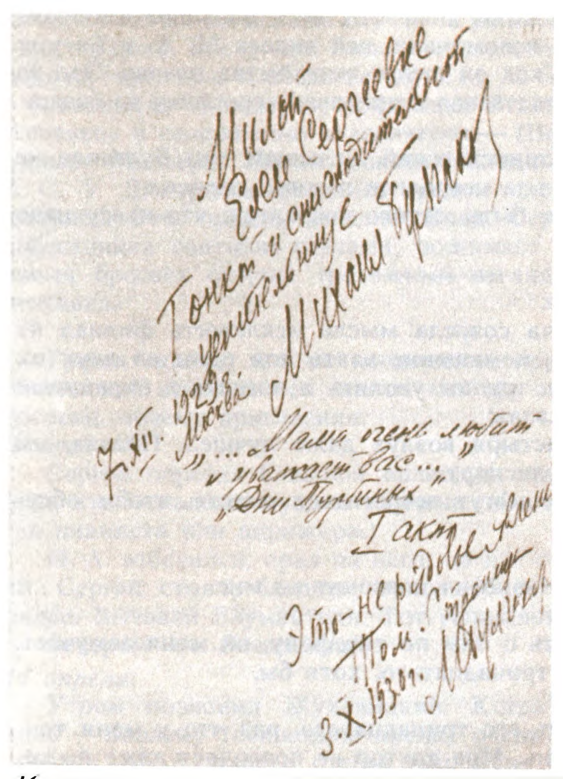
Вл. Ив. — Оле: — Я к нему не поеду, я его не хочу видеть. Я ему письмо напишу.

Потом через два часа Вл. Ив. звонит:

— Я письма не буду писать, а то он скажет, что я жулик и ни одному слову верить все равно не будет. Просто позвоните к нему и скажите, что я шестнадцатого занят.

Объясняется это последнее тем, что старики (Леонидов, Качалов и Москвин) страшно возмутились и заявили протест против такого отношения к актерам. И Вл. Ив. сдал все свои позиции.

Оля передала, со слов Ник. Влад. Сологуба, что умер Юра Неелов.



Автографы на первом томике «Белой гвардии»

16 апреля.

Утром позвонил и вечером пришел из «Литературного агентства» Уманский насчет «Мертвых душ». Спросил и о «Мольере». Но договор на него с Фишером еще не кончился. А «Мертвые души» проверю, они как будто свободны.

Звонил Катинов, что Шумяцкому понравился сценарий «Ревизора», что он хотел бы говорить с М. А. лично. Завтра Коростин заедет за М. А. и поедут на совещание к Шумяцкому, там и Катинов будет.

17 апреля.

Коростин около двенадцати позвонил, что он сидит в ГУФК'е и неизвестно еще, когда будет совещание.

Так и не позвонил.

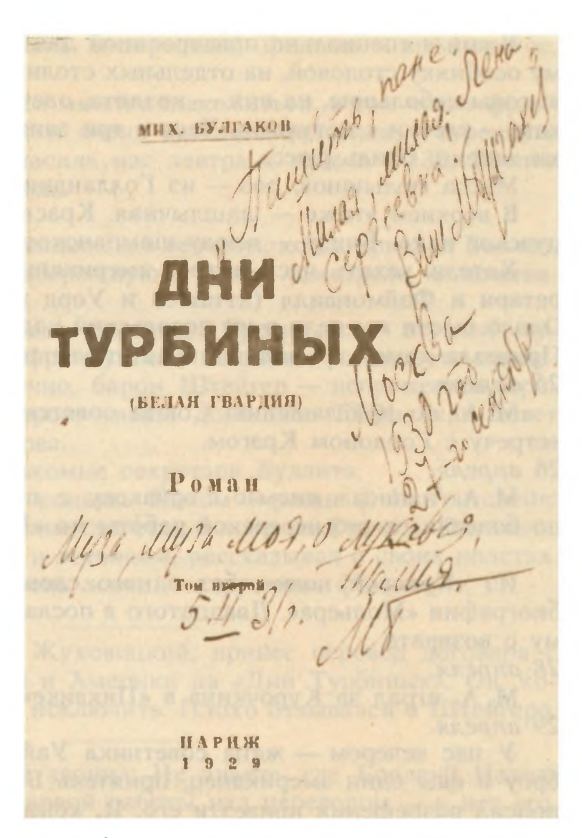
19 апреля.

Обедали у Боолена. Были еще какие-то американцы из посольства, Жуховицкий и — неожиданно — Лина Степанова.

На прощанье пригласили американцев к себе. Лина сказала: «Я тоже хочу напроситься к вам в гости».

22 апреля.

Вчера в театре на «Мертвых душах» мне передали протокол репетиции «Мольера», на которой М. А. не присутствовал. Из него


МИХ. БУЛГАКОВ

ДНИ ТУРБИНЫХ

(БЕЛАЯ ГВАРДИЯ)

Роман

Том второй

ПАРИЖ
1929

Автографы на втором томике «Белой гвардии»

видно, что К. С. всю пьесу собирается ломать и сочинять наново. М. А. тут же продиктовал мне письма Станиславскому и Горчакову с категорическим отказом от переделок и просьбой вернуть пьесу, если она не подходит Театру в этом виде.

23 апреля.

Бал у американского посла. М. А. в черном костюме. У меня вечернее платье исчерна-синее с бледно-розовыми цветами. Поехали к двенадцати часам. Все во фраках, было только несколько смокингов и пиджаков.

Афиногенов в пиджаке, почему-то с палкой. Берсенев с Гиацинтовой. Мейерхольд и Райх. Вл. Ив. с Котиком. Таиров с Коонен. Буденный, Тухачевский, Бухарин в старомодном сюртуке, под руку с женой, тоже старомодной. Радек в каком-то туристском костюме. Бубнов в защитной форме.

Боолен и Файмонвилл спустились к нам в вестибюль, чтобы помочь. Буллит поручил м-с Уайли нас занимать.

В зале с колоннами танцуют, с хор — прожектора разноцветные. За сеткой — птицы — масса — порхают. Оркестр, выписанный из Стокгольма. М. А. пленился больше всего фраком дирижера — до пят.

Ужин в специально пристроенной для этого бала к посольскому особняку столовой, на отдельных столиках. В углах столовой — выгоны небольшие, на них — козлята, овечки, медвежата. По стенкам — клетки с петухами. Часа в три заиграли гармоники и петухи запели. Стиль рюсс.

Масса тюльпанов, роз — из Голландии.

В верхнем этаже — шашлычная. Красные розы, красное французское вино. Внизу — всюду шампанское, сигареты.

Хотели уехать часа в три, американцы не пустили — и секретари и Файмонвилл (атташе) и Уорд все время были с нами. Около шести мы сели в их посольский кадиллак и поехали домой. Привезла домой громадный букет тюльпанов от Боолена.

25 апреля.

М. А. по приглашению Союза советских писателей пошел на встречу с Гордоном Крэгом.

26 апреля.

М. А. написал письмо Горчакову с просьбой освободить его по болезни от режиссерской работы по «Мольеру».

Из «Красной нови», без одного слова, возвращена рукопись биографии «Мольера». Двадцатого я послала в редакцию телеграмму о возврате.

28 апреля.

М. А. играл за Курочкина в «Пиквике».

29 апреля.

У нас вечером — жена советника Уайли, Боолен, Тейер, Дюброу и еще один американец, приятель Боолена, из Риги. Боолен просил разрешения привезти его. И, конечно, Жуховицкий.

Уайли привезла мне красные розы, а Боолен — М. А. — виски и польскую зубровку.

М. А. читал первый акт «Зойкиной квартиры» — по просьбе Боолена. Читал — в окончательной редакции.

Боолен еще раз попросил дать им «Зойкину» для перевода на английский. М. А. дал первый акт пока и взял с Жуховицкого расписку в том, что Жуховицкий берет на себя хлопоты для получения разрешения в соответствующих органах СССР на отправку за границу.

М. А. читал по-русски.

М-с Уайли звала «с собой в Турцию». Она с мужем едет через несколько дней на месяц в Турцию.

Разошлись около трех часов.

Репетиции «Мольера» у Станиславского идут по основному тексту М. А.

30 апреля.

Вчера Боолен пригласил нас на просмотр фильма в посольство, в половину пятого.

Из русских были еще только Немирович с женой.

После просмотра очень интересного фильма — шампанское, всякие вкусности.

Буллит подводил к нам многих знакомиться, в том числе французского посла с женой и очень веселого толстяка — турецкого посла. М-с Уайли пригласила нас завтра к себе в 10.30. Боолен сказал, что заедет за нами.

3 мая.

Первого мы днем высыпались, а вечером, когда приехал Боолен, поехали кругом через набережную и центр (смотрели иллюминацию).

У Уайли было человек тридцать. Среди них — веселый турецкий посол, какой-то французский писатель, только что прилетевший в Союз, и, конечно, барон Штейгер — непременная принадлежность таких вечеров, «наше домашнее ГПУ», как зовет его, говорят, жена Бубнова.

Были и все наши знакомые секретари Буллита.

Шампанское, виски, коньяк. Потом — ужин à la fourchette: сосиски с бобами, макароны-спагетти и компот. Фрукты. Писатель, оказавшийся кроме того и летчиком, рассказывал о своих полетах. А потом показывал и очень ловко — карточные фокусы.

Вчера днем заходил Жуховицкий, принес перевод договора с Фишером насчет Англии и Америки на «Дни Турбиных». Он, конечно, советует Америку исключить. Плохо отзывался о Штейгере.

Сегодня Жуховицкий звонил: Не знаете, где Боолен!! Назначена была встреча для первой работы над переводом — и нет его.

Звонил Шапошников: подписано соглашение с Францией.

7 мая.

У нас вечером: Горчаков, Веров, Калинкин (из Сатиры). Просят, умоляют переделать «Блаженство». М. А. прочитал им те отрывки, что сделал. Обещал им сдать к первому декабря.

9 мая.

У нас Вересаев, Ангарский, Дмитриев и Треневы. Дмитриев спорил с Ангарским насчет «Пиковой дамы». Заволновался по своему обыкновению, закричал на Ангарского:

— И все это чепуха! И ничего это неверно! И вообще вы «Пиковую даму» сорок лет тому назад смотрели!

Ангарский за ужином удивлялся:

— Не понимаю, почему это теперь писатели пишут все на исторические темы, а современность избегают?

13 мая.

В течение недели М. А. диктовал «Зойкину», сильно чистил пьесу.

О «Зойкиной» же получили извещение от Фишера, что она шла в Брюнне в ноябре и декабре тридцать третьего года.

И о ней же пишет Коля из Парижа. По-видимому, там серьезно решили ее ставить.

На днях получили письмо из ВОКСа — с копией письма из Стокгольма от уполномоченного представителя ВОКСа в Стокгольме. Шведское общество «Радио-чиенст» обратилось в полпредство СССР, чтобы «выхлопотали для него у Булгакова разрешение передать по радио о шведском переводе „Турбиных"». Предлагают гонорар в шведских кронах — двести. М. А. согласился.

Вчера ходили в театр к Егорову говорить о договоре на «Мольера». Егоров завел такую тему: кто виноват, что постановка затянулась?

М. А.:

— Вы хотите знать виновников? Хорошо, я вам назову. Выдам их с головой. — Это — Константин Сергеевич, Владимир Иванович Немирович и вся дирекция.

Приехал Вольф, директор Красного ленинградского театра — насчет «Пушкина». М. А. прочитал ему черновик пьесы.

Вольф придет послезавтра.

15 мая.

Вольф и Вересаев.

Вольф хочет ставить у себя, просит, чтобы я во Всероскомдраме составила договор.

16 мая.

День рожденья М. А.

Мы с утра положили на стол подарки: Джин голландский, Ерофеич, коробки «Казбека», ноты — Вагнера «Зигфрид» и «Гибель богов», книгу Лесажа. Сергей все волновался, что мало, приложил еще «придавку», как он называет преспапье, и стал с нетерпением ждать выхода М. А. из спальни. Екатерина Ивановна спекла крендель, зажгли свечки, Оля заиграла на рояле марш, и М. А. торжественно вошел в столовую. Оля подарила ему Брюсовский календарь и «Киев прежде и теперь».

Вечером пришли Ермолинские, Лямины, Калужский.

17 мая.

Обедал Конский. Расстроился, что не позвали на рожденье.

Потом мы все — Женичка, Сергей, Екатерина Ивановна, М. А. и я — поехали на метро.

18 мая.

В двенадцать часов дня М. А. читал пьесу о Пушкине. Были: Русланов, Рапопорт, Захава, Горюнов и Вересаевы.

После чтения завтракали.

Во время завтрака позвонил Женюшка и сообщил, волнуясь,

что разбился самолет «Максим Горький». Будто бы сорок две жертвы.

20 мая.

Вересаев прислал М. А. совершенно неожиданное письмо. Смысл в том, что «его не слушают». Нападает на трактовку Дантеса в особенности. Кроме того, еще на некоторые детали («Дубельт не может цитировать Евангелие»...). М. А. тут же засел за ответ.

22 мая.

Звонил Вересаев — предлагает забыть письмо. Цитатой (для Дубельта) был оглушен — «Давайте поцелуемся хоть по телефону!»

Обедал у нас Радлов Николай. Вечером — Оля. Рассказывала о списке подающих о заграничных паспортах. «Бесспорно едут К. С., Немирович, Подгорный и я».

24 мая.

Были на премьере «Аристократов» в Вахтанговском. Пьеса — гимн ГПУ.

В театре были: Каганович (в ложе с левой стороны), Ягода — в ложе с правой стороны, Фирин (нач. Беломорского канала), много военных, ГПУ, Афиногенов, Киршон, Погодин.

После спектакля Симонов пригласил нас к себе, поехали в его машине, по дороге заезжали за вином и закусками.

У него собрались Погодин, Русланов, Захава, Горюнов, Рапопорт, жены их.

Погодин много рассказывал: о Буденном, о том, как он — Погодин — попал в плен и как его чуть не расстреляли.

Симонов отвез нас домой часа в три.

Звонил днем Егоров — МХАТ соглашается на договор на наших условиях — шесть тысяч, срок 1 июня 1936 г.

— Как июня? Мы говорили о декабре тридцать пятого года! Театр должен в двухдневный срок дать мне ответ — соглашается он на мои условия или нет.

Он вопил — что никто никогда не позволял себе так разговаривать с Театром, что К. С. и В. И. нельзя ставить ультиматума.

26 мая.

Звонил Егоров. Он передал все дело Вл. Ив. Пусть тот решает.

27 мая.

О том же звонила Оля. Сказала, что хотели заседание насчет «Мольера» устроить завтра, двадцать восьмого, но назначена репетиция «Мольера» у К. С., и все там заняты, а главное К. С.

Оля позвала меня идти с ней на «Чио-Чио-Сан» в Музыкальный.

В театре Оля сказала, что Вл. Ив. вполне со мной согласен. Заседание будет 28-го.

28 мая.

Приятный день.

По займу выиграли 600 руб.

Звонил Танин — у прокурора республики дело (с ленинградскими народными домами) мы выиграли. Теперь, если они не подадут выше, должны вернуть нам деньги.

Третье — звонок Оли:

— Театр хочет ставить «Мольера». Не может быть и речи о том, чтобы отдать пьесу. Вл. Ив. просит, чтобы я согласилась на срок 15 января тридцать шестого года. — Раньше невозможно приготовить. Будет ставить режиссура, не К. С.

Оля сказала: «У К. С. пьесу отбирают», но я не думаю — наверно, старик обозлился и сам отказался.

М. А. диктует все эти дни «Пушкина». 2 июня — чтение в Вахтанговском театре, а 31 мая он хочет нескольким знакомым дома прочесть. Я позвала Оленьку и Женюшку. Оба обрадовались. Женя (мой) вообще любит такие вечера у нас.

29 мая.

Сегодня М. А. закончил первый вариант «Пушкина». Пишу — вариант, так как М. А. сам находит, что не совсем готово.

Пришел Вересаев и взял экземпляр с тем, чтобы завтра вечером придти обсуждать.

30 мая.

Был Вересаев. Начал с того, что говорил о незначительных изменениях в ремарках и репликах (Никита не в ту дверь выходит, прибавить Богомазову слова «на театре»).

Потом пришел Гр. Конский, и мы с ним сидели в кабинете, а М. А. и Вересаев разговаривали в столовой. Со слов М. А. — старик вмешивается в драматургическую область, хочет ломать образ Дантеса, менять концовку с Битковым и т. д. Сначала говорил очень решительно, даже говорил, что им «придется разъехаться» и он снимет свою фамилию (получая 50 % гонораров). Но потом опять предложил — давайте мириться.

Решили — 1-го опять встретиться.

1 июня.

Вчера было чтение. Оленька, ребята, Дмитриев, Жуховицкий, Ермолинские, Конский, Яншин и мы с Лоли. (И Лоли и Оля плакали в конце.)

Оля, уходя, сказала:

— Пройдут века, а эта пьеса будет жить. Никто никогда так о Пушкине не писал и не напишет.

Яншин потом за ужином сказал, что эта пьеса перекликается с «Мольером» и что М. А. за нее так же будут упрекать, как за «Мольера» — что не выведен великий писатель, а человек, что будут упрекать в поверхности, что он, как актер, знает, что это не так. Говорил, что ему не понравились Наталья, Дантес и Геккерен.

Дмитриев хотел остаться после всех, чтобы говорить, но М. А. не мог — очень утомлен был. Но через час после ухода, примерно часа в четыре ночи Дмитриев позвонил — чем больше он думает, тем больше понимает, как замечательна пьеса. Она его встревожила, он взволнован, не может уснуть. Она так необычна, так противоречит всему общепринятому.

2 июня.

Сегодня М. А. читал вахтанговцам. Успех большой. После чтения говорили сначала артисты, потом М. А. и Вересаев. М. А. аплодировали после его выступления и после чтения.

3 июня.

У нас Дмитриев и Оля. Приходил Тренев, звал к себе. Он имянинник сегодня (как и я). Я не пошла, М.А. просидел у них часок. Ему очень понравился Малышкин — остроумен и приятен.

4 июня.

Ходили в Иностранный отдел, подали анкеты. Анкеты приняли, но рассматривать не будут, пока не принесем всех документов.

9 июня.

Егоров отказался подписать бумажку о том, что Театр не возражает против поездки М. А. за границу.

Оля сказала, что подпишет Вл. Ив.

С договором на «Мольера» волынят.

Танина выставили из Всероскомдрама. Двенадцать лет там работал. Два года назад праздновали его десятилетний юбилей работы там и благодарили. Он подавлен крайне.

12 июня.

Ездили смотреть дачу Шапиро — он предложил нам на лето. Сергею после кори будет там хорошо.

13 июня.

Только сегодня, наконец, подписали договор. Кроме того — Вл. Ив. подписал бумажку.

Прудкин рассказывал, что Акулов на вопрос Качалова: «А что вам больше всего у нас нравится?» — ответил: — «Дни Турбиных».

15 июня.

Ездили в Иностранный отдел, отвезли все документы. Приняли. Также и 440 руб. денег. Сказали, что ответ будет через месяц.

22 августа.

Прервались записи, потому что суматошно шла жизнь.

Не записано: отказ в поездке за границу, история с Вересаевым, которая выразилась в том, что старик наделал массу неприятностей: вмешался в драматургическую часть, предложил свои варианты, пытался вести борьбу за них... Восстановить все это, конечно, нельзя, поэтому просто начинаю записывать день за днем.

Сегодня появился у нас Исай Лежнев, тот самый, который печатал «Белую гвардию» в «России». Он был за границей в изгнании, несколько лет назад прощен и вернулся на родину. Несколько лет не видел М. А. Пришел уговаривать его ехать путешествовать по СССР. Нервен, возбужден, очень умен, странные вспухшие глаза. Начал разговор с того, что литературы у нас нет.

26 августа.

Судакову нужен «Пушкин». Сегодня Женя Калужский, Арендт, Леонтьев и Судаков слушали у нас пьесу.

29 августа.

Марков, Виленкин, Сахновский, Топорков, Федя, Калужский, Мордвинов и Шапошниковы — «Пушкин».

Федя сказал, что это нужно ставить только Станиславскому. Марков сказал, что сцена «на Мойке» не нужна. Без нее пьеса круглей.

Вообще успех. Ужин оживленный.

6 сентября.

Сегодня 600-й спектакль «Турбиных». Театр не поздравлял М. А.

7 сентября.

Был Женя Калужский, говорил, что К. С. поздравлял актеров, но сухо, коротко.

За кулисами был чай по этому поводу.

10 сентября.

Вечером Анна Ильинична, Патя и Сергей Сергеевич.

11 сентября.

Звонок. Возбужденный Илья передает, что Акулов сказал, чтобы ему дали пьесу на просмотр.

Запаковала, надписала, послала в МХАТ для передачи Акулову.

12 сентября.

Днем заходил Тренев посоветоваться: МХАТ хочет возобновить «Пугачевщину». Стоит ли переделывать?

Вечером Дмитриев. М. А. мистифицировал его, сказал, что он — второго класса игрок по шахматам, предложил Дмитриеву фору.

Дмитриев бледнел при каждом ходе, хотя играет прекрасно. Конечно, обыграл М. А. вдребезги, но выкурил от волнения пачку папирос. Когда М. А. признался ему — дико хохотал.

13 сентября.

Днем — деловые письма за границу. Вечером — я в оперетке с Женичкой (моим). К М. А. пришел Людвигов, а потом Дмитриев.

М. А. сказали, что роль еврея в «Турбиных» выкинул К. С. А тогда говорили — «по распоряжению сверху».

16 сентября.

Оля приехала из Риги. Привезла М. А. фрачные сорочки.

Вечером — она с Калужским у нас. Потом — Дина Радлова еще. Разговор о «Пушкине».

Дина осуждала Замятина за то, что не возвращается.

18 сентября.

У М. А. шахматы — играли Ермолинский и Топленинов по очереди с М. А.

У меня в это время Оля с Женей Калужским (он пришел после «Хозяйки гостиницы»).

Он, вместе с Егоровым, принимал гостей: Кагановича и Молотова. Те резко отрицательно говорили о спектакле, об игре, о Еланской, — что она играет отвратительно так же, как и в «Грозе», и что наверно ей оттого дают роли, что она жена Судакова.

Оля говорит, что Немирович в письмах ей и Маркову возмущался К. С.'ом и вообще Театром, которые из-за своих темпов работы потеряли лучшего драматурга, Булгакова.

Когда я рассказала это М. А., он сказал, что первым губителем, еще до К. С., был именно сам Немиров.

19 сентября.

Сегодня отправила заказным в Ленинград Вольфу «Пушкина» — под двумя фамилиями.

20 сентября.

Захава сообщил, что Репертком разрешил «Пушкина».

Ангарский (по телефону) предлагает перевести «Пушкина» и печатать за границей.

Вечером в консерватории на выступлении американского хора «Орфеус».

Видели там Тейера и Файмонвилла. Тейер сказал, что «Боолен вышел замуж...».

21 сентября.

Были на «Красном маке» в Большом. Оттуда с Яковом Леонтьевичем — в «Медведь» на Тверской.

23 сентября.

Сегодня в газетах постановление ЦИК СССР об установлении военных званий: лейтенанта, майора, полковника в том числе.

В газете фельетон Бр. Тур — что ГОМЭЦ произвел надувательство публики: в афишах были обещаны знаменитые солисты в хоре «Орфеус», а их не было и в помине.

Вечером — прием у Коли, вся Пречистенка, как называет этот круг М. А.

24 сентября.

У М. А. — Русланов. Взволнован тем, что МХАТ хочет играть «Пушкина». Особенно же тем, что он должен играть Николая, а во МХАТе это, наверное, будет дано Качалову.

25 сентября.

Оля сейчас сказала, что «Пушкин» пошел к Вл. Ив.

Вахтанговцы прислали ⟨в⟩ МХАТ письмо с протестом против постановки «Пушкина» во МХАТе. А Оля сказала, что Илья плевать хотел на их письмо. Мхатчики говорят, что вахтанговский договор кабальный.

А их договора?

Вечером были с М. А. у Коростина, больного. Выяснили отношения — соавторские.

26 сентября.

У М.А. грипп, сильнейший насморк и кашель.

Приехал Коростин. Подписали соглашение.

Сегодня в газетах постановление об отмене карточной системы.

27 сентября.

Горчаков — по телефону.

Возможно, что комедию начнут репетировать в октябре.

М. А. в постели — диктует мне. Коростин — по телефону. Подходит ли Сухарев для Бобчинского.

Ангарский насчет «Пушкина». Хочет, чтобы М. А. читал у него. М. А. отказался.

Дубровский из харьковского театра о «Пушкине».

Оля с сообщением, что Вл. Ив. сказал о пьесе:

— Она написана большим мастером, тонко, со вкусом. Но образы сделаны так сдержанно, четко, что надо будет (как он сказал) рыть глубины.

Вечером приехал Дубровский, прочитал «Пушкина».

С М. А. говорил по-украински. Увез с собой пьесу.

29 сентября.

Звонок из «Литературной газеты» — просят, чтобы М. А. дал информацию о «Пушкине». М. А. отказался — все равно не напечатают. Ведь ничего не написали о «Биографии Мольера», хотя он и давал информацию. И в «Moscow Daily News» и фотографию, которую упорно просили, не напечатали и карточку не вернули.

1 октября.

В Вахтанговском — драматические переживания. Илья во МХАТе распределяет роли в «Пушкине».

2 октября.

Оля призналась, что мхатчики распечатали пакет с пьесой, посланной Акулову, и списали пьесу.

Радостный вечер. М. А. читал «Ивана Васильевича» с бешеным успехом у нас в квартире. Горчаков, Веров, Калинкин, Поль, Станицын, Дорохин. Хохотали все до того, что даже наши девушки в кухне жалели, что не понимают по-русски. — «Der hat

wazcheinlich etwas sehr schönes geschrieben, das alle lachen so viel!»*

Все радовались, ужинали весело.

3 октября.

Вечером у нас — Дмитриев. Привел Сергея Прокофьева. Вопрос об опере на основе пьесы М. А. о Пушкине. М. А. прочитал половину пьесы. А потом С. Прокофьев взял ее с собой. Он только просил М. А. ввести Глинку.

Пригласил нас завтра на концерт в Большом — он будет играть свою музыку к балету «Ромео и Джульетта».

4 октября.

Бетховенский зал в Большом. Рояль на маленькой эстраде, большая стоячая лампа под громадным желтым абажуром.

Прокофьев играет виртуозно. Музыка не типично балетная, но есть замечательные места (пробуждение города, келья Лоренцо, гавот, дуэль — да многое еще).

Было много знакомых, Вильямс, Дмитриев, Мордвинов, Мелик, Фетер — эти двое сидели за Прокофьевым на эстраде, смотрели в ноты.

Яков Леонтьевич потом, уже за едой в ресторане, сказал стихи, им выдуманные. Будто бы Станиславский говорит:

— Булгаков — человек задорный,
Он много горя причинил.
«Дни Турбиных» писал Подгорный,
«Мольер» — Егоров сочинил.

Василь Григорьевич Сахновский —
Прямой, отважный, честный муж,
Но алкоголик он таковский,
Что пропил задник с «Мертвых душ».

9 октября.

Генеральная «Врагов».

После генеральной стоим в партере: Оля, М. А., Немирович, Судаков, Калужский и я. Немирович очень комплиментарно говорил о «Пушкине». Женя Калужский:

— Вот, Мака, кланяйся в ножки Вл. Ив., чтобы он ставил.

Наступило молчание, и М. А. стал прощаться.

16 октября.

Одиннадцатого М. А. один ездил в гости на дачу к Тейеру.

М. А. говорил, что очень уютно, камин, собака.

Была Лина Степанова, какой-то неизвестный американец. Тейер говорил, что ему очень не нравятся Камерный и мейерхольдовский театры.

---

* Хозяин, вероятно, написал нечто очень хорошее, раз все так много смеются (*нем.*).

Н. Н. Лямин и С. С. Топленинов (слева).
20-е годы. Фото Н. Ушаковой

Сегодня у нас Прокофьев с женой и Дмитриев.

Разговор об опере («Пушкин»), что нужен Глинка.

Прокофьев едет в Африку, в турне. Жена остается здесь.

17 октября.

У М. А. репетиция «Мольера».

Звонок из Реперткома в Сатиру (рассказывал Горчаков): Пять человек в Реперткоме читали пьесу, все искали, нет ли в ней чего подозрительного? Ничего не нашли. Замечательная фраза: «А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?»

Двадцатого придется М. А. ехать туда с Горчаковым.

Вечером неожиданно пошла на «Фауста».

Познакомилась с Меликом. Он дирижировал. Мелик — во фраке, конечно, с красной гвоздикой в петлице.

18 октября.

Звонили из американского посольства:

— Мистер Буллит просит миссис и мистера Булгаковых в пять часов, будет кино, буфет, дипломатический корпус.

После картины все пошли в столовую — стол со всевозможными прелестями, к которым мы почти не прикасались. Буллит подошел, и долго разговаривали сначала о «Турбиных», которые ему страшно нравятся, а потом — «Когда пойдет „Мольер“?» Подходили: Афиногенов, Штейгер, конечно, румынский посол, (очень уговаривал приехать к нему, он только что отделывает себе дом), тот американец, который служит в посольстве в Риге и был у нас с Бооленом, атташе и др. Познакомились с некоторыми дамами.

Когда выходили, швейцар спрашивает: «Ваша машина?..» М. А. сурово ответил: — У меня нет машины.

И мы ушли пешком, по выражению М. А., как экстравагантные миллионеры, которым машина осточертела уже.

19 октября.

У М. А. грипп. Температура 38,2.

20 октября.

Телефонная вакханалия и бешеный день.

Уманский из Литературного агентства — упорные предложения насчет «Мертвых душ» в Лондоне, — чтобы забрать пьесу от Фишера и передать «Литературному агентству».

Какой-то Лейтес из Союза писателей с предложением прочесть там «Пушкина» и обсуждать пьесу. (Конечно, М. А. отказался.)

Горчаков, Калинкин.

Оленька, конечно.

В то же время — посетители.

Симпатичнейший П. попросил 50 руб. Журналист С. — в третий раз — за деньгами, взаймы — но без отдачи.

Тамара Томасовна с двумя портнихами ко мне.

А к М. А. — Калинкин и Горчаков. И привезли Млечина.

Последний никак не может решиться — разрешить «Ивана Васильевича». Сперва искал в пьесе вредную идею. Не найдя, расстроился от мысли, что в ней никакой идеи нет. Сказал: «Вот если бы такую комедию написал, скажем, Афиногенов, мы бы подняли на щит... Но Булгаков!..»

И тут же выдал с головой Калинкина, сказав ему: «Вот ведь есть же и у вас опасения какие-то...»

Вечером — Лямин и Попов.

22 октября.

Генеральная «Севильского цирюльника».

Олины рассказы о театре. Егоров отменяет распоряжения Немировича, постоянно наносит оскорбления актерам, не пустил на концерт Бандровской в МХАТе Петю Селиванова, баритона, который раньше состоял в труппе МХТ и до сих пор бесплатно поет эпиталаму в «Турбиных»... Фактически правят театром Егоров и Рипси...

Виноват во всем, по словам Оли, Станиславский.

Будто бы Станиславский сказал: «Я теперь безработный в Театре».

29 октября.

Днем звонила Сейфуллина. Спрашивала, когда М. А. может принять одну приезжую из Вены по поводу перевода «Мертвых душ». М. А. сказал, что они уже переведены. «Все равно, примите, пожалуйста». Пришла приезжая. Гладко говорит по-русски. Рассказывала, как Гитлер преследует евреев.

Вечером Ермолинские и Лямин.

Ночью звонок Верова: «Ивана Васильевича» разрешили с небольшими поправками.

30 октября.

Приехала Ахматова. Ужасное лицо. У нее — в одну ночь — арестовали сына (Гумилева) и мужа — Н. Н. Пунина. Приехала подавать письмо Иос. Вис.

В явном расстройстве, бормочет что-то про себя.

31 октября.

Отвезли с Анной Андреевной и сдали письмо Сталину. Вечером она поехала к Пильняку.

Мы вечером в Сатире. М. А. делал поправки цензурные. Потом поехали в Клуб мастеров. Андроников изображал Ал. Толстого и Качалова. Ужинали с Яковом Л. и Олей с Женей Калужским. Подсел Млечин. М. А. с ним пошел играть на биллиарде. А потом он нас отвез домой.

1 ноября.

М. А. читал труппе Сатиры «Ивана Васильевича». Громадный успех.

3 ноября.

Утренник в Большом театре — программа самодеятельная. Необыкновенное количество знакомых, масса мхатчиков. После концерта у нас обедали Яншин и Конский.

4 ноября.

Ахматова получила телеграмму от Пунина и Гумилева — их освободили.

Вечером мы в мастерской Василия Яковлева. Он показывал свои работы — потом повез к себе пить кофе.

7 ноября.

Проводила М. А. утром на демонстрацию.

Потом рассказывал — видел Сталина на трибуне, в серой шинели, в фуражке.

Днем звонил Вересаев. Разговор в мирном тоне. Его очень интересует судьба пьесы.

10 ноября.

«Кармен» в Большом театре. После спектакля у нас ужинали Яков Л. и Мелик-Пашаев.

11 ноября.

У Яковлевых. Смешанная публика — художники и гепеусты. Дулова играла на арфе, которую специально привезли для этого.

13 ноября.

Были у Рябцева. У него маленький комнатный биллиард. Играли.

18 ноября.

Первая репетиция «Ивана Васильевича».

19 ноября.

У нас — Яковлевы, Рябцевы, Дулова, Авилов, Топорков, Мелик-Пашаев, Яков Леонт. М. А. читал «Ивана Васильевича».

23 ноября.

Слушали в Большом «Садко». М. А. очень любит эту оперу.

29 ноября.

М. А. был на приеме у американского атташе — в числе гостей видел Афиногенова, Леонова и Прокофьева.

1 декабря.

Чтение «Пушкина» у нас. Книппер-Чехова, Горчаков, Мелик-Пашаев, Кторов, Попова, Станицын, Вильямсы, Калужский с Олей и Ермолинские. Ужинали потом на трех столиках.

21 декабря.

М. А. диктует мне перевод «Скупого» для издательства «Academia».

Идут репетиции «Мольера». У Кореневой сжали некоторые сцены. Она стала устраивать скандалы, ссылалась, что будет жаловаться Марье Петровне! (Лилиной), вскрикивала истерически:

— Ах! Ах! Не надо мне никакого света! — когда во время репетиции режиссер сказал: «Дать свет на Лидию Михайловну!»

Для того, чтобы избавиться от присутствия Сластениной и Баташова в спектакле, пришлось вычеркнуть две роли: Риваль и шута.

Есть надежда, что «Мольер» пойдет в середине января.

22 декабря.

М. А. днем на репетиции «Мольера». Я в Большом на «Леди Макбет». После спектакля, вместе с Леонтьевым и Дмитриевым, заехали за М. А., купили по дороге шампанского. Следом за нами приехал Мелик-Пашаев. Обедали. Мелик играл на рояле, пел и веселился.

1936

1 января.

Новый год встречали у Батурина и Дуловой. Толчея, много незнакомых, оттого невесело.

Небольсин предлагал М. А. вместе писать оперу.

3 января.

Вчера на втором представлении «Леди Макбет». Яков Л. прислал машину.

Мелик блистательно дирижирует.

Публика иногда смеется — по поводу сюжета. Иногда — аплодисмент. Особенно — в музыкальных антрактах.

После оперы поехали в Клуб мастеров. У нас за столиком — Дорохин и Станицын. Состав «Леди Макбет» ужинал в соседнем зале. Дорохин угощал шампанским, и мы незаметно выпили три бутылки. М. А. играл со Станицыным на биллиарде. Потом подошли Мелик и Шостакович. Дорохин стал играть на рояле фокстроты, а мы с Меликом танцевали. Яков Л., который по нездоровью не был с нами, прислал за нами машину, и мы отвезли Мелика и Дорохина домой.

Днем была Славянова из Смоленского театра по поводу «Пушкина».

4 января.

Сегодня репетиция по «Мольеру» с Немировичем.

Звонил Мелик, звал на «Фауста». Потом — уже после спектакля (мы не пошли) — он опять позвонил и сказал, что дирекция Большого театра просит М. А. прочесть им «Пушкина» и на чтение хотели бы привести Шостаковича.

Поздно вечером звонил Волошин и сказал, что весной Камерный театр поедет в Лондон. М. А. сказал, что Таиров — гений.

5 января.

«Тихий Дон» — гастроли Ленинградского оперного театра в филиале.

В первом ряду — Литвинов с дочкой, в ложе правительства — Агранов и Бубнов с женой.

Музыка очень слабая, сюжет скучный, не оперный. Поют плохо. Поставлено еще хуже.

6 января.

У нас в два часа — Яков Л., Мутных, Шостакович и Мелик-Пашаев. М. А. читал «Пушкина» (у них мысль об опере).

Шостакович очень вежливо благодарил, сказал, что ему очень понравилось, попросил экземпляр.

Потом обедали.

Шостакович играл из «Светлого ручья» — польку и вальс. Мелик — его вальс «Златые горы».

7 января.

«Пиковая дама» в постановке Мейерхольда. Многое очень понравилось (мгновенное появление графини со свечкой, солдат вносит свечу в казарме, появление черного человека в сцене игры Германа, приезд Николая), но много и безвкусного. Поют плохо.

После театра — Вильямсы, Калужские и мы пошли в шашлычную против Телеграфа, просидели до трех. Там были американцы и неизбежный барон Штейгер с ними. Тейер и Дюброу подошли к нам.

17 января.

Только вчера закончила переписку «Скряги». М. А. очень устал, диктовал все это время, правя при этом.

26 января.

Вчера по случаю купила М. А. прелестную шубу из американского медведя гризли. Тут же обновили ее — пошли на обед к Ольге Ивановне, у нее муж итальянец, постоянно живет в Москве. Знакомство — через В. Яковлева. Устрицы. Спагетти.

28 января.

Сегодня в «Правде» статья без подписи «Сумбур вместо музыки». Разнос «Леди Макбет» Шостаковича. Говорится «о нестройном сумбурном потоке звуков»... Что эта опера — «выражение левацкого уродства»...

Бедный Шостакович — каково ему теперь будет.

МХАТ, вместо того, чтобы платить за просроченного «Мольера», насчитал на М. А. — явно неправильно — 11 800 руб. Придется возиться с этим делом. Это, конечно, выдумка Егорова.

Слух, что будто бы К. С. хотел отделить филиал и выгнать из МХАТа Судакова и что это ему не удалось. Не знаю, правда ли.

В МХАТ назначен красным директором некто Аркадьев.

6 февраля.

Вчера, после многочисленных мучений, была первая генеральная «Мольера», черновая. Без начальства. Я видела только Аркадьева, секретаря ВЦИК Акулова да этого мерзавца Литовского.

Это не тот спектакль, о котором мечталось. Но великолепны: Болдуман — Людовик и Бутон — Яншин.

Очень плохи — Коренева (Мадлена — совершенно фальшивые интонации), Подгорный — Одноглазый и Герасимов — «Регистр» (Лагранж).

Вильямс сделал прекрасное оформление, публика аплодировала декорациям. Когда Ларин (Шарлатан) кончил играть на клавесине, прокатился первый аплодисмент по залу. Аплодировали реплике короля: «Посадите, если вам не трудно, на три месяца в тюрьму отца Варфоломея...»

Аплодировали после каждой картины. Шумный успех после

конца. М. А. извлекли из вестибюля (он уже уходил) и вытащили на сцену.

Выходил кланяться и Немирович — страшно довольный.

После генеральной обедали с Меликом в шашлычной, а потом поехали в Большой на «Садко» — М. А. очень захотелось музыки.

Поздно вечером Дмитриев.

Закончился день, вернее, поздний вечер, неожиданным приходом Мелика и Якова Л. Мелик играл из «Валькирии». Весело ужинали.

М. А. окончательно решил писать пьесу о Сталине.

Сегодня в «Правде» статья под названием «Балетная фальшь» о «Светлом ручье». Жаль Шостаковича, его вовлекли в халтуру: авторы либретто хотели угодить.

8 февраля.

Коля Лямин. После него М. А. говорил, что хочет написать или пьесу или роман «Пречистенка», чтобы вывести эту старую Москву, которая его так раздражает.

Взяли билеты на завтрашнюю генеральную. М. А. пригласил на завтра Тейера, Файмонвилла и Кунихольмов.

9 февраля.

Опять успех и большой. Занавес давали раз двадцать.

Американцы восхищались и долго благодарили.

11 февраля.

Сегодня был первый, закрытый, спектакль «Мольера» — для пролетарского студенчества. Перед спектаклем Немирович произносил какую-то речь — я не слышала, пришла позже. М. А. сказал — «ненужная, нелепая речь».

После конца, кажется, двадцать один занавес. Вызывали автора, М. А. выходил. Ко мне подошел какой-то человек и сказал: «Я узнал случайно, что вы — жена Булгакова. Разрешите мне поцеловать вашу руку и сказать, что мы, студенты, бесконечно счастливы, что опять произведение Булгакова на сцене. Мы его любим и ценим необыкновенно. Просто скажите ему, что это зритель просил передать».

После спектакля нас пригласили пойти в Клуб мастеров — отпраздновать новый спектакль. Пошли: Станицын, мы, Шверубович Дима, Яншин, Вильямс, почему-то Раевский с женой. Было

ни весело, ни скучно. Но когда подошли к нашему столу Менделевич и Юрьев — стало хуже. Танцевали.

Сегодня в «Советском искусстве» статья Литовского о «Мольере». Злобой дышит.

Сегодня смотрел «Мольера» секретарь Сталина Поскребышев. Оля, со слов директора, сказала, что ему очень понравился спектакль и что он говорил: «Надо непременно, чтобы И. В. посмотрел».

14 февраля.

Сегодня опять генеральная. Боярский и Керженцев смотрят. М. А. послал билеты Вересаевым.

15 февраля.

Генеральная прошла чудесно. Опять столько же занавесов. Значит, публике нравится? А Павел Марков рассказывал, что в антрактах критики Крути, Фельдман и Загорский ругали пьесу.

16 февраля.

Итак, премьера «Мольера» прошла. Сколько лет мы ее ждали! Зал был, как говорит Мольер, нашпигован знатными людьми. Тут и Акулов, и Керженцев, Литвинов и Межлаук, Могильный, Рыков, Гай, Боярский... Не могу вспомнить всех. Кроме того, вся масса публики была какая-то отобранная, масса профессоров, докторов, актеров, писателей. Афиногенов слушал очень внимательно, а в конце много аплодировал, подняв руки и оглядываясь на нашу ложу.

В антракте дирекция пригласила пить чай, там были все сливки, исключая, конечно, правительственных.

Успех громадный. Занавес давали, по счету за кулисами, двадцать два раза. Очень вызывали автора.

В нашу ложу мы пригласили Арендта, Ермолинских и Ляминых.

После спектакля мы долго ждали М. А., так как за кулисами его задержали. Туда пришел Акулов, говорил, что спектакль превосходен, но — спросил он М. А. — «поймет ли, подходит ли он для советского зрителя?»

Сегодня в 4.30 были по приглашению из посольства у американского посла. Он только что вернулся из Америки. Гости — дипломатический корпус, немного русских. Был Буденный в новой форме — в длинных брюках.

Буллит, как всегда, очень любезен, расспрашивал о «Мольере», просил его позвать на спектакль. Фильм — «Бенвенуто Челлини».

17 февраля.

В подвале «Вечерки» ругательная рецензия некоего Рокотова — в адрес М. А.

Обедали у Ермолинских.

Короткая неодобрительная статья в газете «За индустриализацию».

Вечером — второй спектакль «Мольера» (я не пошла) — восемнадцать занавесов.

18 февраля.

М. А. поехал в МХАТ по вызову Аркадьева — для разговора. Я — в Большой на «Фауста». М. А. приехал туда часов в десять, рассказывал: разговор, над чем будет М. А. теперь работать? — М. А. ответил, что единственная тема, которая его сейчас интересует, это о Сталине. Аркадьев обещал достать нужные материалы. М. А. не верит этому.

После «Фауста» поехали с Меликом к нам ужинать.

19 февраля.

Опять у Буллита — кино, буфет, дипломатический корпус. Буллит был в пиджаке, не в визитке, как в прошлый раз. Картина очень хорошая. Комедия об американцах, о том, как англичанин-слуга остался в Америке, очарованный американцами и их жизнью.

Американцы очень милы. Кунихольмы пригласили вечером обедать.

Кроме нас из русских — только художник Кончаловский с женой. Была дочка французского посла, m-elle Альфан, очень хорошенькая и привлекательная. Худенькая блондинка в кудряшках, в клетчатом вечернем платье из тафты. Дюброу показывал кино — он сам снимал — путешествие свое в Америку.

21 февраля.

Общественный просмотр «Мольера». Был Буллит, но не смог досмотреть четвертого акта, так как был приглашен к Литвинову. За чаем в антракте (Буллит, Хеннисcен — муж и жена, Дюброу и я) Буллит необычайно хвалебно говорил о пьесе, о М. А. вообще, называл его мастером.

Успех. Столько же занавесов — около двадцати.

После спектакля Мелик пригласил нас в шашлычную, где угощал с чисто восточным гостеприимством — страшно широко. Хохотали, пили чачу и веселились от души.

22 февраля.

Хорошо провели день. Дюброу отвез нас в машине на американскую дачу. Ходили на лыжах, спускались с гор.

Сегодня юбилей Немировичского театра. Оленька-бедняга переживает: Вл. Ив. не дали ордена (гробовым голосом сказала).

Советовала послать ему цветы. Ну, это уж ни к чему. Послала от имени М. А. телеграмму.

24 февраля.

Дневной спектакль «Мольера». Мы с М. А. поехали к концу спектакля.

В мхатовской газете «Горьковец» отрицательные отзывы о «Мольере» Афиногенова, Всеволода Иванова, Олеши и Грибкова, который пишет, что пьеса «лишняя на советской сцене».

Спектакль имеет оглушительный успех. Сегодня бесчисленное количество занавесов.

Болдуман сказал, что его снимают с роли из-за параллельных «Врагов».

Лучший исполнитель в спектакле!

27 февраля.

Ужасное настроение — реакция после «Мольера».

Занималась делами, писала деловые письма. Оказывается, что «Maison moderne» — это перевод «Зойкиной квартиры». Очень много раз и из-за границы и из Союза запрашивали: что это за новая пьеса Булгакова — «Новый дом»? Мы все не понимали.

Фишер прислал для подписи бюллетень. М. А. отказался подписать — неизвестно, какая труппа играет, как переведено?

Много звонков — просят билеты на «Мольера».

Актер Волошин позвонил и попросил две тысячи взаймы. Теперь пойдут такие просьбы. А у нас долгу семнадцать тысяч и ни копейки на текущем счету — жили на авансы.

В Японии — кровавые события, заговорщики-фашисты убили нескольких министров.

Умер Павлов.

2 марта.

Сенсация театральной Москвы — гибель театра Ивана Берсенева. Правительственное постановление о ликвидации его театра написано в очень суровых тонах.

Театр назван «посредственным». Сказано, что он неправильно носил название «Второго МХАТа».

Очевидно, Берсенев сделал какую-то крупную ошибку. Кто-то рассказывал М. А., что на последнем их спектакле публика бросала цветы на сцену, некоторые плакали, плакал и сам Берсенев.

В «Правде» одна статья за другой, один за другим летят вверх тормашками. Попало даже Голованову, попало даже Леве Книпперу. В статье о МХАТе-II плохими пьесами названы «Земля и небо» (пьеса бр. Тур), пьеса Микитенко и даже «Чудак» Афиногенова!

А сегодня хлопнули Сергея Шервинского. И поделом. Он написал мерзейшую книжку и притом подхалимскую.

Вчера с М. А. были у вахтанговцев на пьесе «Трус». Дурно, и тоже подхалимство.

К М. А. подошел Л. Славин и выразил свое восхищение «Мольером». Редкий случай с писателями.

Сегодня оттепель, весенний день.

4 марта.

Позвонил Яков Л. и сказал, что Мелик упал, повредил ногу.

Вечером у Егорова в кабинете выясняли денежные дела. МХАТ требует возвращения трех тысяч за «Бег» на том основании, что он запрещен. «Покажите запрещение», — говорю.

Потом — к концу спектакля — попали на «Мольера». Театр полон. В правительственной ложе, в полутьме, видели Литовского, который что-то писал.

Занавес давали много раз. М. А. выходил кланяться.

Сегодня в газете объявлен конкурс на учебник по истории СССР. М. А. сказал, что он хочет писать учебник — надо приготовить материалы, учебники, атласы.

5 марта.

Оказывается, Мелик сломал ногу около Художественного театра. М. А. в шутку сказал: «Так ему и надо. Свидание у вас было назначено там?»

Послали ему телеграмму, получили ответ.

М. А. начал работу над учебником.

6 марта.

Вечером с Яковом Л. навещали Мелика. Он очень обрадовался, угощал апельсинами, сластями.

Когда возвращались — пешком — у Художественного театра видели, как прошли Берсенев и Гиацинтова. Он крикнул нам «здравствуйте!» — мне очень хотелось остановиться, подойти, сказать что-нибудь сочувственное, но М. А. и Яков меня удержали, сказали, что это только хуже растравлять их рану.

Сегодня должно было быть свидание у М. А. с Аркадьевым, но почему-то было отменено.

9 марта.

В «Правде» статья «Внешний блеск и фальшивое содержание», без подписи.

Когда прочитали, М. А. сказал: «Конец „Мольеру“, конец „Ивану Васильевичу“».

Днем пошли во МХАТ — «Мольера» сняли, завтра не пойдет. Другие лица.

Вечером звонок Феди: «Надо Мише оправдываться письмом». — В чем? М. А. не будет такого письма писать.

Потом пришли Оля, Калужский и — поздно — Горчаков. То же самое — письмо.

И то же — по телефону — Марков.

Все дружно одно и то же — оправдываться.

Не будет М. А. оправдываться. Не в чем ему оправдываться.

10 марта.

В «Литературной газете» статья Алперса. Ляганье.

Теперь выясняется, что уже с первых чисел марта поползли слухи, что «Мольера» снимут.

Явно снимают и «Ивана Васильевича».

11 марта.

Горчаков звал на сегодняшнюю репетицию «Ивана Васильевича». Зачем себя мучить?

Театр мечется, боится ставить. Спектакль был уже объявлен на афише, и, кажется, даже билеты продавались.

В «Советском искусстве» сегодня «Мольер» назван убогой и лживой пьесой.

Как жить? Как дальше работать М. А.?

12 марта.

Письмо от Вересаева, очень доброе.

Вечером с Яковом Л. навещали Мелика.

14 марта.

В 4 часа 30 мин. были опять званы к Буллиту. Решили не идти, не хочется выслушивать сочувствий, расспросов.

Вечером в Большом на «Наталке-Полтавке». Киевские гастроли оперные.

Сидели в директорской ложе у самой авансцены, ложа была битком набита. Перед началом второго действия в правительственной ложе — напротив — появились Сталин, Молотов и Орджоникидзе.

После окончания — на сцене собрались все исполнители и устроили овацию Сталину, в которой принял участие затем и весь театр. Сталин махал приветственно рукой актерам, аплодировал.

15 марта.

Звонок. М. А. вызывает Керженцев.

— Можете ли, М. А., сейчас приехать?

— Сейчас? Я хотел сейчас пообедать.

Перенесли на завтра на 10.30 утра. Зачем?

16 марта.

В новом здании в Охотном ряду, по пропускам, поднялись вверх. После некоторого ожидания М. А. пригласили в кабинет. Говорили они там часа полтора.

Керженцев критиковал «Мольера» и «Пушкина». Тут М. А. понял, что и «Пушкина» снимут с репетиций.

М. А. показал Керженцеву фотограмму отзыва (очень лестно-

го) Горького о «Мольере». Но вообще не спорил о качестве пьесы, ни на что не жаловался, ни о чем не просил.

Тогда Керженцев задал вопрос о будущих планах. М. А. сказал о пьесе о Сталине и о работе над учебником.

Бессмысленная встреча.

18 марта.

В «Советском искусстве» от 17 марта скверная по тону заметка о «Пушкине».

М. А. позвонил Вересаеву, предлагал послать письмо в редакцию о том, что пьеса подписана одним Булгаковым, чтобы избавить Вересаева от нападок, но Вик. Вик. сказал, что это не нужно.

19 марта.

На сегодня были званы на вечер к французскому послу, но не поехали — все по той же причине — не хочется расспросов.

28 марта.

Были в 4.30 у Буллита. Американцы — и он тоже в том числе — были еще милее, чем всегда.

Дочка норвежского посла говорила, что «Турбиных» готовят в Норвегии и что они шли в Лондоне.

Другая — ее сестра — говорила, что смотрела «Турбиных» в Москве двадцать два раза.

Дочка Альфана сказала М. А.:

— Вы у нас не были...

М. А. ответил, что очень сожалеет, что болезнь помешала придти.

3 апреля.

Арестовали Колю Лямина.

5 апреля.

М. А. диктует исправления к «Ивану Васильевичу».

Несколько дней назад Театр сатиры пригласил для переговоров. Они хотят выпускать пьесу, но боятся неизвестно чего. Просили о поправках. Горчаков придумал бог знает что: ввести в комедию пионерку, положительную. М. А. наотрез отказался. Идти по этой дешевой линии!

Заключили договор на аванс. Без этого нельзя было бы работать, в доме нет ни копейки. Всероскомдрам, конечно, немедленно отказался от выдачи денег.

А МХАТ замучил требованиями возврата денег по «Бегу».

Во МХАТе перемены, в том числе и в литчасти.

12 апреля.

Вчера были на концерте у американского посла. Все мужчины во фраках. М. А. — в черном пиджаке.

Пел тенор Радамский, американский подданный. Потом его жена. Оба пели плохо. Прокофьев играл двенадцать детских пьес, прелестных.

Ужинали, à la fourchette, столы были накрыты в трех местах.

Как всегда, американцы удивительно милы к нам. Буллит уго-

МХАТ, перед спектаклем. Фото Ю. Кривоносова

варивал не уезжать, остаться слушать еще Прокофьева, но мы уехали в третьем часу на машине, которую нам предложил Кеннан.

17 апреля.

Новый завлит в МХАТе Рафалович позвонил к М. А., просит придти завтра в Театр, говорить о «Мольере».

18 апреля.

М. А. с Рафаловичем и Горчаковым говорил о «Мольере». Хотят возобновить спектакли. Просят небольших поправок — смягчить по линии кровосмесительства. Париж стоит обедни. М. А. думает согласиться на поправки.

Вечером у нас были Кунихольмы, Кеннен и Дмитриев. Разговор больше всего о Чехове, которого Кеннан изучает. М. А. подарил Кеннану конверт, адресованный Чехову, веточку из его сада в Аутке и маленький список книг, написанный характерным бисерным почерком Чехова. Все это М. А. получил в подарок от Марьи Павловны, когда был на даче в Аутке, если не ошибаюсь, в 1929 году.

В Театре уже говорят о возобновлении «Мольера», о том, что поспешили с его снятием. Лица неузнаваемы.

11 мая.

Репетиция «Ивана Васильевича» в гримах и костюмах. Без пуб-

лики. По безвкусию и безобразию это редкостная постановка. Горчаков почему-то испугался, что роль Милославского (блестящий вор — как его задумал М. А.) слишком обаятельна и велел Полю сделать грим какого-то поросенка рыжего, с дефективными ушами. Хорошо играют Курихин и Кара-Дмитриев. Да, слабый, слабый режиссер Горчаков. И к тому же трус.

13 мая.

Генеральная без публики «Ивана Васильевича». (И это бывает — конечно, не у всех драматургов!) Впечатление от спектакля такое же безотрадное. Смотрели спектакль (кроме нашей семьи — М. А., Евгений и Сергей, Екатерина Ивановна и я) — Боярский, Ангаров из ЦК партии, и к концу пьесы, даже не снимая пальто, держа в руках фуражку и портфель, вошел в зал Фурер, — кажется, он из МК партии.

Немедленно после спектакля пьеса была запрещена. Горчаков передал, что Фурер тут же сказал:

— Ставить не советую.

19 мая.

Приехал Русланов с просьбой — нельзя ли сделать изменения в «Пушкине».

М. А. *категорически* отказался. М. А. дал согласие в МХАТе сделать перевод «Виндзорских проказниц» и вообще шекспириану сделать наподобие мольерианы в «Полоумном Журдене».

Очень грустно, что М. А. должен подписать этот договор. Но нам нужны деньги на поездку в Киев, иначе без отдыха М. А. пропадет при такой жизни.

12 июня.

Сегодня приехали из Киева. Утешающее впечатление от города. Мы жили в «Континентале». Портили только дожди. «Турбиных» играют без петлюровской сцены.

Какой-то тип распространил ни с того ни с сего слух, что «Турбиных» снимают, отравив нам этим сутки. В первый раз их сыграли четвертого.

Когда ехали обратно, купили номер журнала «Театр и драматургия» в поезде. В передовой — «Мольер» назван «низкопробной фальшивкой». Потом — еще несколько мерзостей, в том числе очень некрасивая выходка Мейерхольда в адрес М. А. А как Мейерхольд просил у М. А. пьесу — каждую, которую М. А. писал.

16 июня.

Композитор Б. Асафьев — с предложением писать либретто (а он — музыку) оперы «Минин и Пожарский». Это — сватовство Дмитриева.

М. А. говорил с Асафьевым уклончиво — Асафьев вообще понравился ему — он очень умен, остер, зол. Но после ухода Асафьева сказал, что писать не будет, не верит ни во что.

17 июня.

Днем — Самосуд, худрук Большого театра, с Асафьевым. Самосуд, картавый, остроумный, напористый, как-то сумел располо-

жить к себе М. А., тут же, не давая опомниться М. А., увез нас на своей машине в дирекцию Большого театра, и тут же подписали договор.

26 июля.

Завтра мы уезжаем из Москвы в Синоп под Сухумом.

«Минин» закончен. М. А. написал его ровно в месяц, в дикую жару.

Асафьеву либретто чрезвычайно понравилось. Он обещает немедленно начать писать музыку.

1 сентября.

Сегодня прилетели в Москву с Кавказа. Разбита после самолета. Вылетели из Владикавказа в пять часов утра, в пять часов вечера обедали дома. М. А. перенес полет великолепно, с аппетитом поглощал пирожки и фрукты.

Конец пребывания в Синопе был испорчен Горчаковым. (В Синопе были: Горчаков, Марков, Вильямсы, Калужский с Олей, Ершов с женой.) Выяснилось, что Горчаков хочет уговорить М. А. написать не то две, не то три новых картины к «Мольеру». М. А. отказался: «Запятой не переставлю».

Затем произошел разговор о «Виндзорских», которых М. А. уже начал там переводить. Горчаков сказал, что М. А. будет делать перевод впустую, если он, Горчаков, не будет давать установки, как переводить.

— Хохмочки надо туда насовать!.. Вы чересчур целомудренны, мэтр... Хи-хи-хи...

На другой же день М. А. сказал Горчакову, что он от перевода и вообще от работы над «Виндзорскими» отказывается. Злоба Горчакова.

Разговор с Марковым. Тот сказал, что Театр может охранить перевод от посягательств Горчакова.

— Все это вранье. Ни от чего Театр меня охранить не может.

М. А. бросил работу. Мы уехали в Тифлис. Ездили на машине по Военно-Грузинской дороге. Были во Владикавказе, где когда-то так мучился М. А.

И вернулись в Москву.

9 сентября.

Что предпринять М. А.?

Аркадьев — в Вене.

Из МХАТа М. А. хочет уходить. После гибели «Мольера» М. А. там тяжело.

— Кладбище моих пьес.

Иногда М. А. тоскует, что бросил роль в «Пиквике». Думает, что лучше было бы остаться в актерском цехе, чтобы избавиться от всех измывательств Горчакова и прочих.

Вечером — композитор Потоцкий и режиссер Большого театра Шарашидзе Тициан. Пришли с просьбой — не переделает ли М. А.

либретто оперы Потоцкого «Прорыв». М. А., конечно, отказался. Потоцкий впал в уныние. Стали просить о новом либретто.

Потоцкий играл фрагменты из «Прорыва».

Ужинали.

14 сентября.

Днем М. А. был у Аркадьева. Тягостный разговор. Аркадьев все время возвращался к «Виндзорским», настаивал, чтобы М. А. продолжал работу.

Вечером М. А. зажег свечи, стал просматривать «Виндзорских», что-то записывать.

Поздно вечером приехали: совсем больной, простуженный Самосуд, Шарашидзе и Потоцкий — «на полчаса». Сидели до трех часов ночи.

Самосуд:

— Ну, когда приедете писать договор — завтра? Послезавтра?

Это его манера так уговаривать. Сказал, что если М. А. не возьмется писать либретто, то он не поставит оперы Потоцкого.

М. А. в разговоре сказал, что, может быть, он расстанется с МХАТом.

Самосуд:

— Мы вас возьмем на любую должность. Хотите — тенором?

В половине третьего звонил Яков Л. — играет где-то на биллиарде с Мутныхом. Приветы.

Хороша мысль Самосуда:

— В опере важен не текст, а идея текста. Тенор может петь длинную арию: «Люблю тебя... люблю тебя...» — и так без конца, варьируя два-три слова.

Асафьев, кажется, сделал уже часть работы, потом заболел. Теперь его ждут сюда.

15 сентября.

Сегодня утром М. А. написал письмо Аркадьеву, в котором отказывается и от службы в Театре и от работы над «Виндзорскими». Кроме того — заявление в дирекцию. Поехали в Театр, оставили письмо курьерше. Теперь М. А. волнуется, что она забудет передать его.

Видели Рафаловича. Он был ошеломлен сообщением М. А. об уходе...

М. А. говорил мне, что это письмо в МХАТ он написал «с каким-то даже сладострастием».

Теперь остается решить, что делать с Большим театром. М. А. говорит, что он не может оставаться в безвоздушном пространстве, что ему нужна окружающая среда, лучше всего — театральная. И что в Большом его привлекает музыка. Но что касается сюжета либретто... Такого ясного сюжета, на который можно было бы

написать оперу, касающуюся Перекопа, у него нет. А это, по-видимому, единственная тема, которая сейчас интересует Самосуда.
25 сентября.

Были у Потоцких. Он играл свои вещи. Слабо. Третий сорт.
1 октября.

Договоры относительно работы в Большом и либретто «Черного моря» для Потоцкого подписаны.

Сегодня М. А. повез в театр заключения по поводу одного либретто и пьесы, которые ему дали для прочтения.
2 октября.

Звонила Екатерина Георгиевна, Мелика — мать, что Мелик нездоров, что у него Шапорин, не приедет ли М. А. для переговоров? М. А. сказал, что приехать не может, попросил Шапорина приехать завтра к нам.
3 октября.

Шапорин у нас. Играл свою оперу «Декабристы», рассказывал свои злоключения, связанные с либретто, которое писал Алексей Толстой. Шапорин приехал просить М. А. исправить либретто. М. А. отказался входить в чужую работу, но сказал, что как консультант Большого театра он поможет советом.
5 октября.

Звонил Уманский из Литературного агентства: «Мертвые души» куплены на все англоговорящие страны. «Турбины» проданы в Норвегию. Кроме того, «Турбины» пойдут в этом сезоне в Лондоне, — последнее он прочитал в заметке в одной английской газете.

Днем зашли к нему в агентство. Он показал заметку, которую он называет «неприятной». В ней сообщается, что пьеса вначале была запрещена цензурой и как потом она была возобновлена.

Сегодня десять лет со дня премьеры «Турбиных». Они пошли 5 октября 1926 года.

М. А. настроен тяжело. Нечего и говорить, что в Театре даже и не подумали отметить этот день.

Мучительные мысли у М. А. — ему нельзя работать.
7 октября.

Кеннен около одиннадцати вечера заехал за нами на машине. Я не поехала. М. А. потом рассказывал, что был профессор Чикагского университета, сестра Тейера и еще два-три американца. Ужинали при свечах. Расспрашивали М. А., над чем он работает, говорили о Пушкине, о Шекспире.
9 октября.

Поехали с М. А. на Поварскую в Союз писателей платить членские взносы. Неожиданно М. А. решил зайти к Ставскому — секретарю ССП. Разговор о положении М. А. Ставский тут же записывал на блокноте: «Турбины»... «Мольер»... «Пушкин»...

Ни черта из этого не выйдет. Ставский — чиновник, неискренний до мозга костей. Да и не возьмет он ничего на себя!

14 октября.

Вечером звонок в передней. На пороге Ставский с шляпой М. А. в руках — они случайно в ложе филиала Большого обменялись шляпами...

Охотно снял пальто, вошел. Разговор. Этот разговор печален и ужасен. По подтексту своему, конечно.

М. А. сказал, что в отечестве ему не дают возможности работать, все вещи его запрещаются.

Ставский сказал, что где-то кто-то будет обсуждать произведения М. А.

Вся его речь состоит из уверток, отписок и хитростей.

17 октября.

Телеграмма Асафьева — он кончил «Минина». Радость М. А.

2 ноября.

Днем генеральная «Богатырей» в Камерном. Стыдный спектакль.

13 ноября.

Проводила М. А. на прием в Спасо-Песковский, к Буллиту. М. А. потом рассказывал: к нему подошел какой-то человек с бородкой, заговорил по-французски. М. А. отвечал ему по-французски же, но сказал, что он — русский. Тот удалился в растерянности.

Потом Аросев (председатель ВОКСа), во время кино сидевший рядом с М. А., сказал, что этот с бородкой — Барков, заведующий Протокольным отделом Наркоминдела.

14 ноября.

В газете — постановление Комитета по делам искусств: «Богатыри» снимаются. «...За глумление над крещением Руси...», в частности.

— Таиров лежит с капустным листом на голове, уверяю тебя.

15 ноября.

Были на «Бахчисарайском фонтане». После спектакля М. А. остался на торжественный вечер. Самосуд предложил ему рассказать Керженцеву содержание «Минина», и до половины третьего ночи в кабинете при ложе дирекции М. А. рассказывал Керженцеву не только «Минина», но и «Черное море».

Асафьев ни сам не едет, ни клавира не шлет, чем весьма портит дело. Не хватало еще этих волнений М. А.

17 ноября.

Прием у военного атташе Файмонвилла в доме американского посла. Два фильма. Первый, по Уэллсу, — «Грядущее» («Future») — о будущей войне. Начало очень сильное, конец — надуманный, неубедительный. Вторая картина — Мелодии Бродвея 1936 года — веселая комедия с обворожительной танцовщицей в главной роли.

После этого поехали в филиал на премьеру «Свадьба Фигаро». Дирижер — Штидри — первоклассный.

После спектакля Керженцев подошел к М. А. и сказал, что он сомневается в «Черном море».

В театр из посольства нас вез Афиногенов. Усердно расспрашивал М. А., как он себя чувствует и над чем работает.

18 ноября.

В прессе — скандал с Таировым и «Богатырями». Литовский не угадал: до этого он написал подхалимскую рецензию, восхваляющую спектакль. Не обошлось и без Булгакова. Тут же вспомнили «Багровый остров»...

Вечером Потоцкий и Шарашидзе. М. А. читал им «Черное море». Потоцкому понравилось.

19 ноября.

Билеты на премьеру «Флорисдорфа» у вахтанговцев. Не пошли (также не ходили по прошлому приглашению — на генеральную «Много шума из ничего»). Не обиделись бы они.

Вечером М. А. играл в шахматы с Топлениновым. Позвонил Яков Леонтьевич и сказал, что Керженцев говорил в правительственной ложе о «Минине» и это было встречено одобрительно.

Между прочим, я вспомнила, что вскоре после снятия «Мольера» Яков Л. рассказывал со слов своего друга Могильного: будто Сталин сказал: «Что это опять у Булгакова пьесу сняли? Жаль — талантливый автор».

Весьма вероятно. Иначе трудно объяснить все эти разговоры и предложения возобновления.

Но где же клавир?

Что делает Асафьев?!

20 ноября.

Опять в газетах о М. А., о «Багровом острове».

Вечером премьера «Кармен» в Большом. Дирижировал Клейбер. Очень сух, по-немецки сдержан.

Декорации Дмитриева хороши, особенно первая картина. Сначало-то у Дмитриева было задумано гораздо интереснее — все в черных, серых и красных тонах. Но Керженцеву — и главное его жене (присутствовавшей при разговоре!) не понравилось. Отсюда — компромисс Дмитриева, жизнерадостное решение.

22 ноября.

Массируемся ежедневно, это помогает нашим нервам.

Разговариваем о своей страшной жизни, читаем газеты...

Вечером М. А. в Большом, я — у Женюшки, он нездоров.

24 ноября.

Вчера вечером Бухов пригласил М. А. играть в шахматы. Я — у Вильямсов. Оттуда пошли компанией (Л. Орлова, Григ. Алек-

сандров, оба Вильямсы, Шебалин и я) в «Метрополь». За ужином у нас, трех дам, был спор: у кого жизнь труднее.

25 ноября.

Открытие съезда Советов. Около половины шестого — гул по радио из нижней квартиры: имя Сталина принималось овацией. Начало его выступления — тоже овация.

Вечером на «Тихом Доне». М. А. передал Самосуду записку о «Руслане».

26 ноября.

Вечером у нас: Ильф с женой, Петров с женой и Ермолинские. За ужином уговорили М. А. почитать «Минина», М. А. прочитал два акта. Ильф и Петров — они не только прекрасные писатели. Но и прекрасные люди. Порядочны, доброжелательны, писательски, да, наверно, и жизненно — честны, умны и остроумны.

Во время пельменей позвонил Мелик и сообщил, что он, по-видимому, поедет 28-го в Ленинград к Асафьеву — его командирует дирекция для прослушивания музыки к «Минину». Подговаривал М. А. ехать тоже, советовал поговорить об этом в Театре.

27 ноября.

Думали провести тихо вечер — неожиданно позвонил и приехал Мелик, вслед за ним Ермолинский. Сидели до трех часов и даже пили шампанское, привезенное Меликом.

28 ноября.

За обедом позвонил Яков Л. Сказал, что дирекция командирует в Ленинград для слушания «Минина» М. А. и Мелика.

М. А. — по желанию Асафьева. Сегодня «Красной стрелой» они и уехали. Первая разлука с М. А. (с тридцать второго года).

29 ноября.

Послала М. А. телеграмму. Ночью, в два часа, он позвонил по телефону. Сказал, что музыка хороша, есть места очень сильные. Что поездка неприятная, погода отвратительная, город в этот раз не нравится.

Клавир перешлет Асафьев через несколько дней, он печатается в Ленинграде.

30 ноября.

Послала М. А. две шуточных телеграммы.

Без него дома пусто.

Звонили Вильямсы, звали покутить. Нет настроения. Утром поеду на вокзал — встречать М. А.

1 декабря.

Приехал. Ленинград произвел на него удручающее впечатление (на Мелика тоже). Публика какая-то обветшалая, провинциальная.

Исключительно не понравились в этот приезд Радловы. Хозяин пришел домой, когда они уже были (по приглашению) — при этом вдребезги пьяный. Вел какие-то провокационные разговоры.

На вокзале Мелик снимал шапку и низко кланялся — большое вам мерси за знакомство! (С Радловыми.) Миша кланялся ему.

Единственный светлый момент — слушание «Минина». Асафьев — прекрасный пианист — играет очень сильно, выразительно. И хотя он был совсем простужен и отчаянно хрипел — все же пел, и все же понравилось М. А.

М. А. привез из Ленинграда в подарок Сергею смешные маски, и теперь сам их надевает.

11 декабря.

«Пиковая дама» с Печковским — Германом. Голос звучит надорванно, но общее впечатление от лица, от игры, да и от голоса — очень сильное. Интересный певец.

После этого пошли в шашлычную с Меликом и Шмелькиной. Там — случайная встреча с компанией пушкинистов (Цявловские и др.), которые весьма радостно приветствовали М. А.

12 декабря.

Днем с Сергеем на «Коньке-Горбунке». Его будут переделывать, в таком виде он больше не пойдет.

13 декабря.

Заболел Сергей. Шапиро говорит — ангина.

15 декабря.

Ночью М. А. определил, что не ангина, а скарлатина. Шапиро, приехавший в семь часов утра, подтвердил диагноз М. А.

21 декабря.

У Сергея болезнь течет нормально, я никуда не выхожу, состою при нем.

М. А. пошел к Мелику выправлять экземпляр «Минина», вчера привезли клавир из Ленинграда. Надо кое-что изменить в тексте.

22 декабря.

Звонили из «Литературной газеты», просят, чтобы М. А. написал несколько слов по поводу потопления «Комсомола».

23 декабря.

Из «Литературной газеты» приходил Бройдо, взял заметку М. А.

24 декабря.

Были у Мелика. Он играл «Минина». Очень хорошо — вече в Нижнем и польская картина.

27 декабря.

Пианист Большого театра Васильев играл «Минина». Слушали: Керженцев, Самосуд, Боярский, Ангаров, Мутных, Городецкий, М. А. и Мелик.

После — высказывания, носившие самый сумбурный характер.

Ангаров: А оперы нет!

Городецкий: Музыка никуда не годится!

Керженцев: Почему герой участвует только в начале и в конце? Почему его нет в середине оперы?

Каждый давал свой собственный рецепт оперы, причем все рецепты резко отличались друг от друга.

М. А. пришел оттуда в три часа ночи в очень благодушном настроении, все время повторял:

— Нет, знаешь, они мне все очень понравились...

— А что же теперь будет?

— По чести говорю, не знаю. По-видимому, не пойдет.

28 декабря.

Звонил Мелик, говорит мне:

— Воображаю, что вы бы наговорили, если бы были на этом обсуждении!

29 декабря.

В «Советском искусстве» заметка, что «Минин» принят к постановке в этом сезоне.

Позвольте?!

1937

1 января.

Новый год встречали дома. Пришел Женичка. Зажгли елку. Были подарки, сюрпризы, большие воздушные шары, игра с масками.

Ребята и М. А. с треском били чашки с надписью «1936-й год», — специально для этого приобретенные и надписанные.

Ребята от этих удовольствий дико утомились, а мы еще больше. Звонили Леонтьевы, Арендты, Мелик, — а потом, в два часа, пришел Ермолинский — поздравить.

Дай Бог, чтобы 1937-й год был счастливей прошедшего!

7 февраля.

Итак, что же вспомнить?

Болезнь Сергея, счастливо закончившаяся, беготня после долгого сиденья дома, нездоровье...

По желанию Комитета, М. А. дописал еще две картины для «Минина», послал Асафьеву и сдал в театр. Теперь от Асафьева зависит возможность начать работу над оперой. Дмитриев сказал, что новые картины Асафьеву понравились.

Но самое важное, это — роман. М. А. начал писать роман из театральной жизни. Еще в 1929 году, когда я была летом в Ессентуках, М. А. написал мне, что меня ждет подарок... Я приехала, и он мне показал тетрадку — начало романа в письмах, и сказал, что это и есть подарок, он будет писать этот театральный роман.

Так вот теперь эта тетрадка извлечена, и М. А. пишет с увлечением эту вещь. Слушали уже отрывки: Ермолинский, Оля, Калужский, Вильямсы, Шебалин, Гриша Конский...

Итак, *третьего февраля.* Ермолинский сказал, что ему очень нужны деньги — мы должны ему давно 2000 руб. Я поехала в

дирекцию к Якову Л. с заявлением М. А., и к концу дня уже Яков Л. позвонил, что можно получить аванс под «Черное море».

Четвертого вечером, поздно — уже в час ночи пришел Дмитриев и рассказал, что ему в МХАТе предложили сделать для «Турбиных» новые декорации, так как их везут в Париж на выставку.

Вчера, то есть *шестого*, я звонила к Феде, надо было купить билеты для одних знакомых. Федя очень обрадовался, сказал, что очень хочет увидеться. Условились, что он придет 11-го. «Jours des Tourbins» везут в Париж! — сообщил он.

Сейчас наступили те самые дни «Пушкинского юбилея», как я ждала их когда-то. А теперь «Пушкин» зарезан, и мы — у разбитого корыта.

9 февраля.

Сегодня получили письмо от Коли из Парижа. В театре «Vieux Colombier» ставят «Зойкину квартиру». Генеральная назначена на восьмое февраля.

И тут же Коля сообщает, что этот негодяй Каганский, уже ограбивший М. А. по «Дням Турбиных», моментально выплыл с воплями, что он — единственный представитель Фишера в Европе и, следовательно, имеет права на гонорар и т.д.

Пришлось перерыть весь архив, искать материалы, посылать их в Париж. Но что из всего этого получится — неизвестно.

12 февраля.

Вчера был Федя. М. А. прочитал ему отрывок из нового романа, в том числе контору Фили. Федя очень польщен.

Разговор о поездке.

— Я вам обязательно напишу, как прошел спектакль.

Больное место М. А.: «Я узник... меня никогда не выпустят отсюда... Я никогда не увижу света».

Опять вчера рылись в архиве, опять посылали документы в Париж.

У М. А. отвратительное состояние:

— Дома не играют, а за границей грабят.

16 февраля.

Мутных предложил М. А. ставить «Минина». Разговор — а кто художник? М. А. предлагает Дмитриева. Дирекция попросила М. А., чтобы он дал Дмитриеву телеграмму об эскизах.

17 февраля.

Две телеграммы М. А.:

одна — Асафьеву,

другая — Дмитриеву, чтобы дал эскизы.

Через несколько часов телефон из Ленинграда — Дмитриев. Взволнован и раздражен тем, что дирекция сама не предлагает ему приступить к работе. А дирекция колеблется между ним и Федоровским.

Ольга Сергеевна Бокшанская

Вечером пошли в новооткрытое место — Дом актера, где просидели очень мило, хотя без музыки, — с Дорохиным, Раевским и Ардовым — с женами их.

18 февраля.

Днем в филиале в ложе дирекции разговор с Мутныхом и Леонтьевым — как быть с Дмитриевым? М. А. говорит:

— Или вы давайте ему телеграмму о том, чтобы он делал эскизы, или придется аннулировать мою телеграмму.

А они говорят, что телеграмма М. А. послана правильно, и они считают, что Дмитриев должен сделать эскизы до договора и показать театру.

Вечером Вильямсы и Любовь Орлова. Поздно ночью, когда кончали ужинать, позвонил Гр. Александров и сообщил, что Орджоникидзе умер от разрыва сердца. Это всех потрясло.

Еще позднее — телефонный звонок из Ленинграда — Дмитри-

ев. Обижен тем, что дирекция так с ним поступает, не желает делать эскизы.

19 февраля.

Днем с Сергеем и М. А. пошли в город, думали попасть в Колонный зал, но это оказалось неисполнимым, очень долго пришлось бы идти в колонне, которая поднималась вверх по Тверской, уходила куда-то очень далеко и возвращалась назад по Дмитровке.

Вечером пришла А. П. с мужем-парикмахером, и мы с М. А. привели себя в порядок — стрижка, прическа, маникюр, педикюр.

20 февраля.

Проводила М. А. в Большой. Вышли из метро на площадь Дзержинского, потому что на Театральную не выпускали.

М. А. был на репетиции «Руслана», потом его позвали на совещание о том, как организовать приветствие Блюменталь-Тамариной к ее 50-летнему юбилею. А потом он с группой из Большого театра вне очереди был в Колонном зале. Рассказывал, что народ идет густой плотной колонной (группу их из Большого театра присоединили к этой льющейся колонне внизу у Дмитровки). Говорит, что мало что рассмотрел, потому что колонна проходит быстро. Кенкеты в крепе, в зале колоссальное количество цветов, ярчайший свет, симфонический оркестр на возвышении. Смутно видел лицо покойного.

Вечером телеграмма от Асафьева. Написал вторую картину, пишет шестую.

Вечером дома одни. Должны были быть Раевский, Дорохин, Ардов с женами, М. А. обещал им почитать из «Записок покойника» (название «Театрального романа»), но, конечно, вечер отменился.

У М. А. дурное настроение духа.

22 февраля.

Один из бухгалтеров Большого театра сочинил пьесу, плохую, конечно. Днем М. А. пришлось с ним разговаривать, то есть бухгалтер просил дать отзыв.

Из театра провожал М. А. домой случайно встретившийся ему на улице Тимофей Волошин, пригласил М. А. к себе и тоже прочитал ему отрывок из своей пьесы.

А вечером — Смирнов, присланный дирекцией Большого театра для консультации по поводу его либретто.

Убийственная работа — думать за других!

Звонок Горюнова. Сообщил ужасное известие о Русланове — он смертельно болен: не то саркома, не то рак. Мы об этом услышали впервые, а он болен третий месяц.

Горюнов — с предложением: не может ли М. А. написать пьесу

к двадцатилетию театра... или не к двадцатилетию, просто так... «да вот бы поговорить!»

М. А. сказал, что после случая с «Мольером» и с «Пушкиным» для драматического театра больше писать не будет.

Горюнов очень возражал, настаивал. Попутно Горюнов сказал, что пьеса Глобы «Пушкин», репетиции которой он видел, кажется, в Ярославле, представляет собой жуткую дрянь.

Ночью с Калужскими пошли в Дом актера поужинать. Там Яншин объяснялся по поводу статьи о «Мольере», говорил, что его слова исказили, что он говорил совсем другое.

24 февраля.

Вчера Раевский с женой, Дорохин с Зосей Пилявской, Ардов с Ольшевской и мой Женичка собрались послушать отрывки из «Записок покойника». М. А. пришлось запоздать — возил Сергея к Арендту (сказал ему, войдя: «С этим мальчиком не соскучишься, вот, повредил руку на катке»).

Чтение сопровождалось оглушительным смехом. Очень весело ужинали.

Вчера же телеграмма от Асафьева, кончил Костромскую картину. Обрадовались.

25 февраля.

Была с Сергеем в Ржевском, Евгений Александрович показывал свою новую форму.

Оля жадно расспрашивала — какое впечатление произвело чтение — ей страшно нравится этот роман.

У М. А. был Смирнов, очень доволен — М. А. сразу привел ему в порядок его конспект либретто.

Вечером звонок Надежды Афанасьевны. Просьба — прочесть роман какого-то знакомого. Ну, как не понимать, что нельзя этим еще загружать!

1 марта.

М. А. был у Русланова. Тот безнадежен. Как жаль! «Говорить было очень трудно, все время надо напрягаться, чтобы не дать ему понять, что с ним».

Русланов напомнил М. А., что он обещал увеличить надпись на «Пушкине». М. А. это сделал.

5 марта.

Звонок Городинского из ЦК. Спрашивал М. А., в каком состоянии «Минин» и принято ли при дополнительных картинах во внимание то, что Комитетом было сказано при прослушивании.

М. А. ответил — конечно, принято.

15 марта.

Открытка от самодеятельности Автозавода им. Сталина, просят писать монтаж к двадцатилетию Октябрьской революции.

18 марта.

После бешеной работы М. А. закончил «Черное море».

19 марта.

Вечером вчера Потоцкий — слушал «Черное море». М. А. сдал в Большой экземпляр либретто.

20 марта.

Вчера были у Меликов. Танцевали. Было весело.

Сегодня днем — в Свердловском военкомате на Кузнецком. М. А. вызвали на переучет.

25-го посылают на комиссию. Придется ехать в Петровско-Разумовское.

Вечером Дмитриев. Длинные разговоры о «Минине» — дополнительные картины до сих пор не присланы. Асафьев шлет нервные письма — по поводу того, что опера назначается на филиал, что ее не начинают репетировать до получения дополнительных картин.

21 марта.

Днем звонок Мутныха. Хочет говорить о «Минине».

Проводила М. А. в дирекцию, сама поехала к Амировой — там мне показали номер газеты «Beaux arts», в котором рецензия о «L'Appartement de Zoika».

— Вы знали, что она идет?.. Стало быть, у вас там будут большие деньги?.. Вот бы Михаилу Афанасьевичу поехать, ведь это единственный случай поехать... с «Турбиными», с МХАТом...

Почему единственный?

М. А. сказал, что слышал, будто Замятин умер в Париже.

Из Парижа ни от Коли, ни из «Société» никаких известий о «Зойкиной квартире» — уже около двух месяцев. Неужели письма пропадают?

Из Берлина письмо от Фишера. Пишет, что на счету у М. А. — 341 марка.

Вечером проводила М. А. ненадолго на «Фауста», откуда он зашел за мной в контору МХАТа. Потом укорял меня, зачем я не вышла к нему навстречу, ему неприятно бывать во МХАТе.

Дмитриев забежал перед поездом в Ленинград. Ну, конечно, разговоры о «Минине». Дирекция, видимо, не хочет, чтобы делал Дмитриев. А Дмитриев говорит: — Я не намерен кланяться перед дирекцией!

Ясно, что придется искать другого художника, наладить их отношения уже трудно.

В полночь М. А. позвонил к Вильямсу. Тот принципиально соглашается делать «Минина».

22 марта.

Сегодня — ценным пакетом — извещение о вызове в суд: Харьковский театр русской драмы подал заявление о взыскании денег по «Пушкину» на том основании, что пьеса не значится в списке разрешенных пьес.

Когда пришел конверт, М. А. повертел его в руках и сказал:

— Не открывай его, не стоит. Кроме неприятностей, ничего в нем нет. Отложи его на неделю.

День убит на писание жалобы Керженцеву, на поездку в Комитет для сдачи этой жалобы.

Вечером Мелик с Минной, Ермолинские. Надевали маски Сережкины, хохотали, веселились, ужинали.

Две картины «Минина» от Асафьева приехали, Мелик принес их и играл. «Кострома» очень хороша.

23 марта.

Отнесла днем в Военный комиссариат характеристику (очень лестную), которую дал Большой театр М. А. В Комиссариате мне сказали, чтобы М. А. сам отвез ее на комиссию 25-го.

Вечером мы с Сергеем проводили М. А. на «Кармен».

Звонил днем Вересаев. Конечно, старик огорчен этим судом. Но когда М. А. предложил ему, что он один пойдет в суд, Вересаев сказал, что он тоже пойдет.

Разговоры по телефону с Калужскими. У М. А. создалось впечатление, что они хотели бы переехать на время к нам, — Марианна явно их выживает. «Но, — сказал М. А., — этого нельзя делать, как же работать? Это будет означать, что мы с тобой должны повеситься!»

24 марта.

Утром — письма, днем — возня по дому, больна Прасковья Михайловна. А завтра — трудный, неприятный день, М. А. надо ехать на переучет. Потерянный день!

25 марта.

Целый день ушел на освидетельствование М. А. в комиссии. Мы поехали в такси, заехали бог знает куда, потом поехали на Ленинградское шоссе, нашли — фабрика «Москвошвей», клуб — в дебрях за Воздушной академией. М. А. прошел переучет, выдали об этом пометку. Но какое он назначение получит — неизвестно. Медицинский диплом тяготит М. А.

Восемнадцать лет он уже не имеет никакого отношения к медицине.

26 марта.

Работать нет никакой возможности из-за этого суда.

Ездили во Всероскомдрам советоваться с юристом Городецким. Он не столько хочет найти поводы для защиты, сколько

приводит резоны для того, чтобы сказать: — Трудное, трудное дело...

Вообще этот Всероскомдрам!

27 марта.

Вечером были Вильямсы. Опять играли с масками — новое увлечение М. А.

28 марта.

М. А. был у Захавы. Выяснились замечательные вещи: оказалось, что разрешение официальное «Пушкина» было и что давал его Литовский. А в список разрешенных пьес «Пушкина» не поместили!

М. А. пытался увидеть экземпляр с разрешением. — Невозможно, заведующая архивом выходная.

Оттуда поехали к Городецкому во Всероскомдрам. Полная перемена декораций. Городецкий: — Надо защищаться! — И даже привел какие-то статьи, говорящие в пользу М. А.

А вечером мы с Женечкой (моим) на «Чио-Чио-Сан».

У нас были Попов и Лямины. М. А. читал им куски из «Записок покойника».

Поздно ночью М. А.:

— Мы совершенно одиноки. Положение наше страшно.

29 марта.

Захава сконфуженно бормотал мне по телефону, что экземпляра с разрешением не нашли!! Но свидетелем быть не отказывается, — что разрешение было.

М. А. — на генеральной закрытой «Руслана».

Вечером — разбор архива М. А.

30 марта.

М. А. разбирает архив.

Вечером пришли Оля с Калужским. Говорили о их бедствиях из-за квартирного вопроса.

Жиденькие рассказы о МХАТе — пустяки, мелочи.

— Аркадьев уезжает на днях в Париж. По-видимому, МХАТ едет.

Рассказывали, что Мейерхольд на собрании актива работников искусств каялся в своих грехах. Причем это было так неожиданно, так позорно и в такой форме, что сначала подумали, что он издевается.

Падает снег и тут же тает. Грязь.

31 марта.

Днем приезжаем в Репертком. Конечно, секретарша сразу же — «занят Литовский». Тем не менее, он принял быстро.

— Да, разрешение он давал. Велел искать пьесу. Пока сидели у него, — светский разговор — об опере и прочее.

Пьесы все нет и нет. Сотрудник, кажется, по фамилии Мерин-

гоф, все ходил куда-то, возвращался и спрашивал: — Вы *наверно* знаете, что пьеса называется «Александр Пушкин»?

Обещали завтра дать справку.

А утром звонил заместитель Боярского Гольдман. Видимо, жалоба М. А. Керженцеву возымела действие. Гольдман говорил, что этот иск — безобразие.

1 апреля.

Возмутительный день. В Реперткоме — ни Литовского, ни его заместителя. Пьесы найти не могут. Справки — нет.

— Если пьесы нет под буквой *А* — ищите ее под *П*.

Нашлась. Стали искать справку. Я стала рядом с секретаршей и увидела, что она перелистывает страницу со справкой. Но тогда она сказала, что справки дать не может. Дело в том, что там было сказано, вернее, написано рукой Литовского — разрешение Вахтанговскому театру приступить к работе над «Пушкиным» и включить пьесу в репертуар. Секретарша позвонила Литовскому (он был в Комитете). Тот сказал — сегодня справки не давать, он даст завтра.

М. А. угрожал жаловаться. Тут же позвонил Ангарову, но того не было на месте.

Ушли около четырех.

А днем до этого пришло приглашение на бал-маскарад в американском посольстве, устраивает дочь посла.

До чего же это не вяжется с нашим настроением!

Вечером М. А. позвонил жене Кеннена, а потом я с ней говорила. Она страшно уговаривала придти: — Какой-нибудь оригинальный костюм!

— А мужчины будут во фраках?

Она отвечает (с сильным акцентом):

— Нет, я думаю, можно смокинг тоже. Но костюм лучше! Маски даются там.

А где, какой смокинг? Где туфли лакированные? Рубахи, воротнички?..

М. А. сам себя и меня развлекал.

— А в камилавке можно?

— ... в камилавке? Да... можно.

«Пойми, что это все равно, что Мелик бы спросил у тебя: а мне в носках придти?!»

2 апреля.

Утром справка была готова. Написано, что пьеса была разрешена к постановке Вахтанговскому театру, но что Комитет приостановил работу над ней.

Потом — суд. Председатель — женщина, производит очень серьезное впечатление. Первым говорил М. А., показал справку Реперткома, вырезки газетные, из которых видно, что пьесу готовились ставить. Сказал:

Сережа Шиловский

— Нам с В. В. Вересаевым не по возрасту вводить в заблуждение театры.

Вторым говорил Городецкий. Дело выиграли.

Большое моральное удовлетворение, что эти негодяи из Харькова хоть тут не смогли сыграть на положении М. А.

Вечером пришел мой Женичка. Рассказывал, что в Ржевском происходят неприятности из-за Олиной комнаты, которую Марианна хочет использовать для себя.

3 апреля.

На Художественный театр М. А. прислано анонимное письмо. Человек пишет, что не знаком с М. А., что является читателем «L'Humanité» и прилагает вырезку.

Там — рецензия о «Зойкиной квартире» и вырезанный из той же газеты снимок одной из сцен.

В рецензии и даже под снимком подчеркивается, что пьеса написана давно и что теперь таких людей и таких событий нет в СССР.

4 апреля.

В газетах сообщение об отрешении от должности Ягоды и о предании его следствию за совершенные им преступления уголовного характера.

Отрадно думать, что есть Немезида и для таких людей.

(Вспомнила при этом слове разговор как-то М. А. с Сергеем-Малым — скоро после нашего соединения с М. А.

М. А. — Понимаешь ли ты, Сергей, что ты Немезида.

Сергей (оскорбленно). Мы еще посмотрим, кто тут Мезида, а кто Немезида.)

Киршона забаллотировали на общемосковском собрании писателей при выборах президиума.

И хотя ясно, что это в связи с падением Ягоды, все же приятно, что есть Немезида и т. д.

6 апреля.

Вечером с Анусей была в Еврейском театре на «Короле Лире». Не досидели до конца. Пьеса измельчена, перенесена в другой план. Михоэлс патологичен. Великолепен Зускин — шут.

Потом — к нам. Пришел и Петя Вильямс.

7 апреля.

Звонок из ЦК. Ангаров просит М. А. приехать. Поехал.

Разговор был, по словам М. А., тяжкий по полной безрезультатности. М. А. рассказывал о том, что проделали с «Пушкиным», а Ангаров отвечал в таком плане, что он хочет указать М. А. правильную стезю.

Говоря о «Минине», сказал: — Почему вы не любите русский народ? — и добавил, что поляки очень красивые в либретто.

Самого главного не было сказано в разговоре — что М. А. смотрит на свое положение безнадежно, что его задавили, что его хотят заставить писать так, как он не будет писать.

Обо всем этом, вероятно, придется писать в ЦК. Что-то надо предпринять, выхода нет.

10 апреля.

В «Вечерней Москве» сообщение о том, что МХАТ заключил договор с Парижем. Везут: «Любовь Яровую», «Анну Каренину», «Бориса Годунова» (?) и «Горячее сердце».

О «Турбиных» — ни слова.

М. А. — никогда не увижу Европы.

11 апреля.

М. А. кто-то рассказывал, будто бы Вишневский сказал в своем выступлении, что «мы зря потеряли такого драматурга, как Булгаков». Вишневский?

И что Киршон тоже будто бы сказал (видимо, на том же собрании), что «время показало, что „Турбины“ — хорошая пьеса».

Свежо предание...

Ведь это одни из главных зачинщиков травли М. А.

Ужинали в Доме актера с Вильямсами. Подсаживался Дзержинский. Мало культурен.

Говорили, к примеру, об «Аиде». Дзержинский сказал, что никогда в жизни не слышал этой оперы и не пойдет — «убежден, что дрянь».

12 апреля.

Днем у М. А. начинающий писатель — узнавал мнение по поводу рассказа его о Марлинском.

Фамилия Дмитриев. Произвел на М. А. приятное впечатление. Но, вообще, эти консультации вызывают у М. А. головную боль.

Утром было письмо из Комитета. Пишут в Харьков по поводу

безобразного иска. Начало хорошее, а конец удивительный: предлагают Харьковскому театру изменить характер иска.

13 апреля.

Генеральная «Руслана». Мы с Сергеем в первой ложе, рядом с директорской. Спектакль утомительный. Оформление Ходасевич вульгарно.

Музыка похоронена.

В публике, как всегда на генеральных, много знакомых. Подходил Качалов, как всегда обаятельный. После спектакля Оля и Калужский пошли к нам обедать. Лейтмотив разговоров:

— «Анна Каренина» — событие в Театре!

Когда они уже ушли, звонил Немирович, разыскивал Олю, хотел узнать о «Руслане».

14 апреля.

Тяжелое известие — умер Ильф. У него был сильнейший туберкулез.

15 апреля.

Позвонили из Союза писателей, позвали М. А. — в караул почетный ко гробу.

Оттуда пошли в Камерный — генеральная — «Дети солнца». Просидели один акт и ушли — немыслимо. М. А. говорил, что у него «все тело чешется от скуки».

Ужасны горьковские пьесы. Хотя романы еще хуже.

Паша Марков просится слушать театральный роман.

19 апреля.

Это уже просто невезение. После «Детей солнца» — попала сегодня тоже на удовольствие — «Большой день» Киршона в Вахтанговском.

Вильямс сделал для этой скверной пьесы очень приличные декорации.

В мое отсутствие к М. А. заходила жена поэта Мандельштама. Он выслан, она в очень тяжелом положении, без работы.

Обедал Дмитриев. Сияет. Говорят, он великолепно сделал «Анну Каренину».

Успех «Карениной» оглушительный. Публика рвется на спектакли.

20 апреля.

Вот это штука — арестован Мутных. В Большом театре волнение.

Звонок из Союзфото иностранного отдела, просят М. А. сняться для Парижской выставки. Я ответила неопределенно.

Слух о том, что приехал в СССР Куприн.

21 апреля.

Слухи о том, что с Киршоном и Афиногеновым что-то неладно. Говорят, что арестован Авербах. Неужели пришла судьба и для них?

Опять звонок Союзфото. Я сказала (по желанию М. А.), что М. А. не будет сниматься. Удивление и раздражение.

22 апреля.

Вечером — Качалов, Литовцева, Дима Качалов, Марков, Виленкин, Сахновский с женой, Ермолинский, Вильямсы, Шебалин, Мелик с Минной — слушали у нас отрывки из «Записок покойника». И смеялись. Но Качалов загрустил. И вообще, все они были как-то ошарашены тем, что вывели Театр — я говорю о мхатчиках.

За ужином (à la fourchette) скучновато — Качалову не дают пить, Сахновскому тоже. Это стесняло других.

Марков пришел поздно и вошел в комнату как раз тогда, когда М. А. читал, что Комаров смеется странным смешком... Все засмеялись, увидев Маркова, и он тоже начал смеяться своим кудахтающим смехом. Получилось забавно.

Марков рассказывал, что в ложе (по-видимому, на «Анне Карениной») был разговор о поездке в Париж, что, будто бы, Сталин был за то, чтобы везти «Турбиных» в Париж, а Молотов возражал.

23 апреля.

Да, пришло возмездие. В газетах очень дурно о Киршоне и об Афиногенове. «Большой день» уже — плохая пьеса.

25 апреля.

Были в Большом театре. Когда шли домой, в Охотном ряду встретили Валентина Катаева. Конечно, разговор о Киршоне. Сказал, что будто арестован Крючков — секретарь Горького.

В «Вечерке» Крючков называется грязным дельцом. Значит, действительно правда, что арестован.

26 апреля.

Вечером Калужские. Рассказывают, что Станиславский взбешен успехом «Анны Карениной», злобствует на Немировича. Сказал, что Театр надо закрыть на два года, чтобы актеров выучить системе.

М. А. в шутку сказал:

— Эх, не знаете вы, что вам дальше надо делать. Я бы мог указать такую инсценировочку, что вы будете засыпаны наградами!

Оля загорелась — какую?!

М. А. потом уверял меня, что она, наверно, скажет об этом Вл. Ив. всерьез. А ему страшно хотелось поддразнить их.

27 апреля.

Шли по Газетному. Догоняет Олеша. Уговаривает М. А. пойти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня и на котором будут расправляться с Киршоном. Уговаривал выступить и сказать, что Киршон был главным организатором травли М. А.

Это-то правда. Но М. А. и не подумает выступать с таким заявлением и вообще не пойдет.

Ведь раздирать на части Киршона будут главным образом те, что еще несколько дней назад подхалимствовали перед ним.

Вечером на «Онегине». Хорошо поет Татьяну Кругликова.

28 апреля.

На «Спящей красавице». Головкина танцевала в первый раз. После спектакля на Тверской столкнулись с Меликом, потом с Марковым.

Марков говорил, что Вл. Ив. похвалил два последних акта «Большого дня», когда Киршон представлял эту пьесу в МХАТ. А Маркову понравились первые два акта, а про третий и четвертый он сказал, что — слабые.

МХАТ тоже виноват в том, что в литературе и главным образом в драматургии хозяйничал Киршон.

У М. А. тяжелое настроение духа.

Впрочем, что же — будущее наше, действительно, беспросветно.

Оля сказала Немировичу, что «у Булгакова есть проект какой-то инсценировки», и тот очень хочет узнать этот проект.

Ровно ничего он не узнает, так как и проекта никакого нет.

29 апреля.

М. А., Сережа и я — на концерте Эгона Петра в Большом зале консерватории. Блестящий пианист. Больше всего понравилось М. А. «У ручья» Листа.

Хмелева, Добронравова и Тарасову наградили званием народных артистов СССР, а Театр — орденом Ленина (последнее — вчера).

М. А. говорит:

— Ох, склока будет в Театре! Шевченко! Коренева! Ливанов!..

30 апреля.

Заезжали навестить вдову Ильфа — не застали.

Зашли тут же к Петрову, но была дома только жена его.

Хорошая солнечная погода, проехались на речном трамвае по Москве-реке. Успокаивает.

Возвращаясь домой, встретили Тренева. Он рассказывал, что на собрании драматургов вытащили к ответу Литовского — зачем протаскивал пьесы Киршона и Афиногенова?!

Он будто бы кричал:

— Не я один!!

Тренев сказал, что МХАТу дано множество персональных орденов.

Вечером у нас Мелик с Минной. М. А. развеселился, рассказывал смешные вещи.

1 мая.

Обедали Ермолинский и Шапошников. Ермолинский рассказал, что на собрании вытащили Млечина. Тот начал свою речь так:

— Вы здесь говорили, что я травил Булгакова. Хотите, я вам расскажу содержание его пьесы?..

Но ему не дали продолжать. Экий подлец!

Предсказания М. А. оправдались: Книппер, говорят, заявила, что она уходит из Театра. А Ливанов сказал, что он вообще не будет играть, пока ему не дадут народного.

2 мая.

Днем М. А. разбирал старые газеты в своей библиотеке.

Вечером были у Троицких, там был муж Нины, видимо, журналист, Добраницкий, кажется, так его зовут. Рассказывал о собраниях драматургов в связи с делом Киршона.

М. А. твердо решил писать письмо о своей писательской судьбе. Дальше так жить нельзя. Он занимается пожиранием самого себя.

3 мая.

М. А. весь день пролежал в постели, чувствует себя плохо, ночь не спал. Такие вечера действуют на него плохо: один пристает, почему М. А. не ходит на собрания писателей, другой— почему М. А. пишет не то, что нужно, третья — откуда М. А. достал экземпляр «Белой гвардии», вышедшей в Париже...

4 мая.

Звонок Оли:

— Владимир Иванович ломает голову над юбилейной постановкой (к юбилею МХАТа в 1938 году). Ведь Мака делал инсценировку «Войны и мира»? Владимир Иванович ее не читал, хочет прочесть... Я сказала Владимиру Ивановичу — как же быть, ведь Булгаков не придет в МХАТ со своей пьесой, а Вы не пойдете к нему... А он ответил: нет, отчего же, я пойду... Так вот, официально от имени Владимира Ивановича спрашиваю — согласен ли Мака работать?

Я сказала, что М. А. болен, потом позвонит.

Когда мы с М. А. шли домой из Большого, куда он захо-

дил, он мне — с малейшими деталями — рассказал, как бы это было, если бы он согласился делать эту работу: как заключался бы договор, как разговаривал бы Немирович по прочтении инсценировки, что было бы на репетициях, как вели бы себя актеры и т. д.

После обеда я позвонила Оле и сказала:

— Миша просит передать, что после разгрома «Бега», «Мольера», «Пушкина» он больше для драматического театра писать не будет.

Оля сказала, чтобы я дала экземпляр инсценировки ей, так как в Музее нет его. Я ответила, что не дам — не стоит, инсценировка неудачная, тогда М. А. просили сделать для одного вечера, а «Войну и мир» нельзя делать для одного вечера, всегда получится только какая-нибудь одна линия — Наташи, или Пьера... Словом, не надо ее читать.

Главное, хотелось скорей закончить этот разговор, так как он волновал М. А.

Сегодня в газетах опубликованы награждения артистов МХАТа: пять орденов Ленина, масса орденов Трудового Знамени, знаков почета.

Назначение Книппер-Чеховой и Тарханова — народными артистами Союза, а Шевченко — народной артисткой РСФСР. Выплакали. Или вернее — выскандалили.

5 мая.

Вечером — у Вильямсов. Был и Шебалин. Очень приятно просидели при свечах до трех часов, а потом пошли пешком домой по пустынному ночному городу. Уже светало. Весенний рассвет и пустые улицы — хорошо.

6 мая.

Ездили днем в Большой — М. А. отвез свой отзыв о либретто «Арсен» — неудачное. А там оказалось, что уже подписан договор на либретто. Так зачем давать на отзыв?

Эти дни М. А. работает над письмом Правительству.

7 мая.

Сегодня в «Правде» статья Павла Маркова о МХАТ. О «Турбиных» ни слова. В списке драматургов МХАТа есть Олеша, Катаев, Леонов (авторы сошедших со сцены МХАТа пьес), но Булгакова нет.

Вечером были у Калужских на новоселье — то есть они временно переехали к одному знакомому.

М. А. спросил:

— Читали сегодняшнюю статью Маркова?

— Нет.

— Читал. Бледная статья.

Днем, когда шли на Москва-реку — кататься на речном трамвае — встретили Тренева, крайне расстроенного. Говорит, что «Большой день», судя по газетам, не снят. Что же это значит? Ругали, ругали Киршона, а между тем ничего!..

8 мая.

М. А. пошел на «Дубровского» в филиал. Звонок по телефону в половину двенадцатого вечера. От Керженцева. Разыскивает М. А. Потом — два раза Яков Леонтьевич с тем же — из кабинета Керженцева. Сказал, что если Керженцева уже не будет в кабинете, когда вернется М. А., то пусть М. А. позвонит завтра утром Платону Михайловичу. Что Яков Леонтьевич сказал Керженцеву о крайне тяжелом настроении М. А. Прибавил: — Разговор будет хороший.

9 мая.

Ну, что ж, разговор хороший, а толку никакого. Весь разговор свелся к тому, что Керженцев самым задушевным образом расспрашивал: — Как вы живете? Как здоровье, над чем работаете? — и все в таком роде.

М. А. говорил, что после всего разрушения, произведенного над его пьесами, вообще работать сейчас не может, чувствует себя подавленно и скверно. Мучительно думает над вопросом о своем будущем. Хочет выяснить свое положение.

На все это Керженцев еще более ласково уверял, что все это ничего, что вот те пьесы не подошли, а вот теперь надо написать новую пьесу, и все будет хорошо.

Про «Минина» сказал, что он его не читал еще, что пусть Большой театр даст ему. А «Минин» написан чуть ли не год назад, и уже музыка давно написана!

Словом — чепуха.

Вечером у нас Вильямсы и Шебалин. М. А. читал первые главы своего романа о Христе и дьяволе. Понравилось им бесконечно, они просят, чтобы 11-го придти к ним и читать дальше.

Петя сказал, что М. А. предложат писать либретто на музыку Глинки («Жизнь за царя»). Это — после того, как М. А. написал «Минина»!!

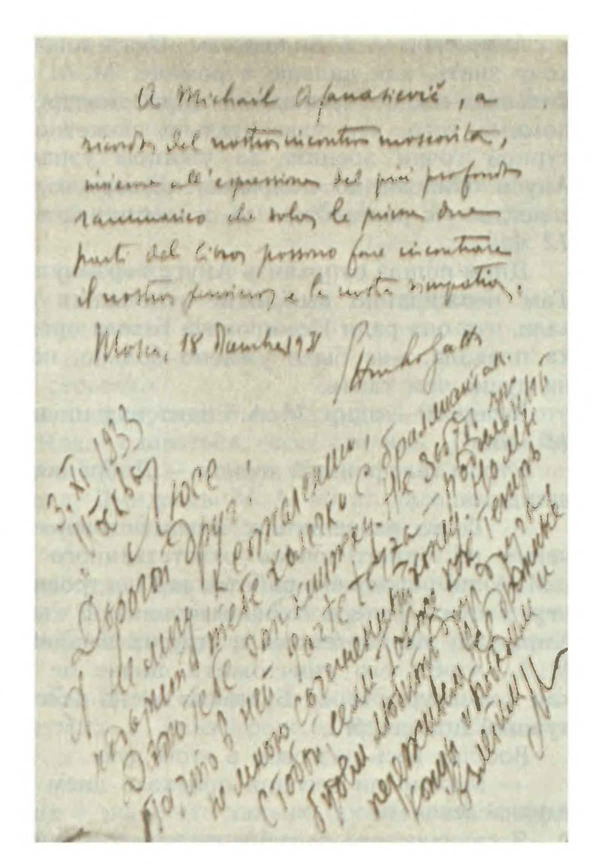
10 мая.

Утром звонили из Большого — Самосуд просит М. А. придти поговорить относительно либретто «Арсен». Условились — вечером в девять.

Потом М. А. продиктовал мне письмо Асафьеву, очень настойчиво советует ему приехать в Москву — только таким образом можно будет разрешить вопрос с «Мининым».

М. А. пошел на почту сдать письмо, а я — в Лаврушинский, выяснять дело с нашим счетом по квартире.

Оказалось, что мы, в числе очень немногих (Зенкевич, Файко, мы), имеем преимущественное право на получение квартиры в Лаврушинском, так как с нас брали взносы в паенакопление как за площадь в 80 кв. м, а дали нам квартиру, теперешнюю нашу, в 50 кв. м. У нас было взято лишних около пяти тысяч, и лежали деньги там около пяти лет.



A Michail Afanasievič, a ricordo del nostro incontro moscovita, insieme all'espressione del più profondo rammarico che soltanto le prime due parti del libro possono far incontrare il nostro giudizio e la nostra simpatia.

Mosca, 18 Dicembre 1931

E Lo Gatto

3.XI.1933

Люсе

Дорогой друг!

Форзац книги М. А. Булгакова «Белая гвардия», вышедшей в Риме на итальянском языке. Надпись переводчика: «Михаилу Афанасьевичу на память о нашей московской встрече с выражением самого глубокого сожаления, что только первые две части книги подтверждают наше мнение и нашу взаимную симпатию. Москва, 18 декабря 1931. Е. Логатто». Ниже — дарственная надпись Елене Сергеевне

А М. А. вычеркнули из списка по Лаврушинскому переулку (у нас уж и номер квартиры был) — квартиры там розданы людям, не имеющим на это права. Лавочка.

После Лаврушинского — во МХАТ купить билеты на «Каренину» для Марка Леопольдовича — отблагодарить его за визит. Видела массу знакомых — Качалова, Москвина, Кореневу, Степанову, еще без конца — все повышенно милы.

Федя обещал билеты. Подтвердил то, что сказал Марков: Сталин горячо говорил в пользу того, что «Турбиных» надо везти в Париж, а Молотов возражал. И, — прибавил Федя еще, — что против «Турбиных» Немирович. Он хочет везти только свои постановки и поэтому настаивает на «Врагах» — вместо «Турбиных».

Вечером М. А. пошел на встречу с Самосудом (которого так и не удалось, конечно, поймать — вечно мечется), а я посмотрела последний акт «Спящей» с Лепешинской.

М. А. поговорил с Яковом Л.

11 мая.

М. А. днем в Большой, я в Литфонд — о летних путевках.

А вечером — к Вильямсам. Петя говорит — не могу работать, хочу знать, как дальше в романе. М. А. почитал несколько глав. Отзывы — вещь громадной силы, интересна своей философией, помимо того, что увлекательна сюжетно и блестяща с литературной точки зрения. За ужином узнали, что день рождения Ануси. Сидели до половины четвертого, пошли пешком домой, а легли — с разговорами — в шесть часов утра.

12 мая.

Днем пошла отправить Анусе корзину цветов, а потом в МХАТ. Там неожиданно выясняли отношения с Оленькой, я ей сказала, что она ради Немировича готова продать кого угодно. Оленька плакала, мне было ужасно больно, но лучше сказать то, что на душе, чем таить.

Вечером — одни. М. А. сидит над письмом к Сталину.

13 мая.

Утром телефонный звонок — Добраницкий. Я сказала, что М.А. нет дома.

— Тогда разрешите с Вами поговорить?.. У меня есть поручение от одного очень ответственного товарища переговорить с М. А. по поводу его работы, его настроения... Мы очень виноваты перед ним... Теперь точно выяснилось, что вся эта сволочь в лице Киршона, Афиногенова и других специально дискредитировала М. А., чтобы его уничтожить, иначе не могли бы существовать как драматурги они... Булгаков очень ценен для Республики, он — лучший драматург...

Вообще весь разговор в этом духе.

— Можно ли сегодня приехать днем повидаться с Михаилом Афанасьевичем?

Я сказала, что сегодня не удастся, попросила позвонить в три часа, чтобы условиться на завтра.

Ровно в три звонок, условились на завтра — приедет в 10 часов вечера.

После обеда ходила с Анусей смотреть «Под крышами Парижа».

Вечером — одни. М. А. сидит и правит роман — с самого начала («О Христе и дьяволе»).

14 мая.

Вечером — Добраницкий. М. А-чу нездоровилось, разговаривал, лежа в постели. Тема Добраницкого — мы очень виноваты перед вами, но это произошло оттого, что на культурном фронте у нас работали вот такие как Киршон, Афиногенов, Литовский... Но теперь мы их выкорчевываем. Надо исправить дело, вернувши вас на драматургический фронт. Ведь у нас с вами (то есть у партии и у драматурга Булгакова) оказались общие враги и, кроме того, есть и общая тема — «Родина» — и далее все так же.

М. А. говорит, что он умен, сметлив, а разговор его, по мнению М. А., — более толковая, чем раньше, попытка добиться того, чтобы он написал если не агитационную, то хоть оборонную пьесу.

Лицо, которое стоит за ним, он не назвал, а М. А. и не добивался узнать.

Добраницкий сказал, что идет речь и о возвращении к работе Николая Эрдмана.

15 мая.

Утром — телефонный звонок Добраницкого. Предлагает М. А., если ему нужны какие-нибудь книги для работы, — их достать.

Днем был Дмитриев.

— Пишите агитационную пьесу!

М. А. говорит:

— Скажите, кто вас подослал?

Дмитриев захохотал.

Потом стал говорить серьезно.

— Довольно! Вы ведь государство в государстве! Сколько это может продолжаться? Надо сдаваться, все сдались. Один Вы остались. Это глупо!

Вечером — Ануся, Петя, Дмитриев. М. А. читал дальше роман. Дмитриев дремал на диване, а мы трое жадно слушали.

16 мая.

Сегодня удружил Самосуд. Прислал композитора Соловьева-Седого с началом оперы. Талантлив он бесспорно, но либретто никакого нету. Какие-то обрывки. Из колхозной жизни, пограничной.

План Самосуда — чтобы М. А. написал это либретто, а у Соловьева есть уже либреттист в Ленинграде — Воинов. Соловьев просит — пишите, М. А.!

А М. А. говорит:

— Что писать? Откуда я знаю, что дальше произошло? И куда девать Воинова, с которым вы обвенчаны?

Соловьев расстроен.

— Вы пишите с Воиновым, как вы начали. А когда у вас будет сценарий, я вам помогу, посоветую, не входя в вашу работу в качестве соавтора.

В газетах сообщение о привлечении Киршона, Лернера, Санникова, Городецкого к уголовной ответственности по их деятельности в Управлении авторских прав.

По телефону Добраницкий просит дать ему почитать «Ивана Васильевича».

Вечером перед «Красной стрелой» заходил Дмитриев. Гудел за ужином, что нужно обращаться наверх, но предварительно выправить начало учебника истории.

М. А. в ужасном настроении. Опять стал бояться ходить один по улицам.

17 мая.

С кем ни встретишься — все об одном: теперь, в связи со всеми событиями в литературной среде, положение М. А. должно измениться к лучшему.

Вечером М. А. работал над романом о Воланде.

18 мая.

Вечером М. А. опять над романом.

Телефон молчит целый день.

19 мая.

Проводила М. А. в Большой, зашла к Якову Л. Он сказал, что при встрече с Керженцевым у него был разговор с ним о М. А. и, между прочим, о «Турбиных». О том, что их можно бы теперь разрешить по Союзу.

У Якова Л. создалось впечатление, что Керженцев может это разрешить. Что только нужно М. А. пойти к нему и поговорить с ним о всех своих литературных делах, запрещениях пьес и т. д., спросить — почему «Турбины» могут идти только во МХАТе?

Когда я за обедом рассказала все М. А., он, как я и ожидала, отказался наотрез от всего:

— Никуда не пойду. Ни о чем просить не буду.

И добавил, что никакие разговоры не помогут разрешить то невыносимо тягостное положение, в котором он находится.

20 мая.

Звонок из секции драматургов — чтобы М. А. непременно пришел завтра на собрание драматургов. Опять о Киршоне, о Ясенском и прочем.

Сказала, что М. А. нездоров.

Потом — Федя о том, что какой-то Хорош добивается свидания с М. А. по литературному делу. Федичка уже как-то говорил об этом Хороше. И почему-то, беспричинно, и М. А. и мне так этот Хорош не понравился, что наотрез отказала.

И наконец вечером звонил Адриан Пиотровский, приехавший из Ленинграда. Он что-то делает в кино в Ленинграде или заведует чем-то, не знаю. Хотел заказать М. А. сценарий. М. А. отказался. Но из любопытства спросил — «на какую тему?» — Антирелигиозную!

21 мая.

Звонил Дмитриев — завтра придет.

22 мая.

Обедал Дмитриев.

Хороши они вместе с М. А. Оба острые, ядовитые, остроумные.

Я позвонила Добраницкому, как условлено было, — что нашла «Ивана Васильевича». Просил разрешения придти завтра.

23 мая.

Днем, предварительно позвонив, пришел Добраницкий. М. А. сказал, что если уж он решил что-то читать, то лучше «Пушкина»

пусть прочтет, хотя вообще и это не стоит делать. Добраницкий попросил тогда и «Пушкина» и «Ивана Васильевича».

М. А. ушел потренироваться ходить одному — как он сказал. А Добраницкий принялся за «Пушкина» Через час я ему сказала, что у нас, в нашей странной жизни, бывали уже такие случаи, что откуда ни возьмись появляется какой-то человек, начинает очень интересоваться литературными делами М. А., входит в нашу жизнь, мы даже как-то привыкаем к нему, и потом — он так же внезапно исчезает, как будто его и не бывало.

— Так вот, если и Вы...

— ...из таких, то лучше исчезайте сейчас и больше не приходите — так вы хотели сказать?

— Да.

Тогда он стал рассказывать мне о себе, о своей жизни и в конце концов сказал:

— Вы увидите, я не исчезну. Я считаю долгом своей партийной совести сделать все возможное для того, чтобы исправить ошибку, которую сделали в отношении Булгакова.

Когда он прочитал «Пушкина», вернулся М. А., и Добраницкий предложил всем нам прокатиться на машине за город, захватив и Сергея (пристяжной конек — зовет его Миша), — ну, скажем, в Химки, посмотреть новый речной вокзал и канал.

Добраницкий ушел и приехал на машине через полчаса, с цветами для меня и шоколадом для Сергея.

Канал вырыт таким образом, что похож на реку, извилистые берега, неожиданные повороты.

Вечером Сергей был с Екатериной Ивановной на «Любови Яровой», принес мне от Оли книгу Немировича, только что вышедшую.

24 мая.

Днем М. А. поехал с Сергеем на реку и в парк. Он говорит, что на воде ему легче.

Вечером звонил Добраницкий. Он сказал — без всякого дела, только чтобы узнать о нашем самочувствии.

25 мая.

Сегодня в «Вечерней Москве» в сообщении об активе МХАТ есть следующие строчки: «При помощи Гейтца, бывшего одно время директором Театра, авербаховцы пытались сделать Художественный театр „театральным органом“ РАППа...»

Если не ошибаюсь, Гейтц, до директорства в МХАТе, был директором Торгсина.

26 мая.

Сегодня в газете — об исключении из партии Афиногенова.

Оля сегодня мне звонила днем:

— Думаю, что вам будет интересно услышать: сейчас на активе МХАТ Рафалович в своем выступлении говорил о том, что «вот какая вредная организация была РАПП, какие типы в ней орудовали... вот что они сделали, например: затравили, задушили Булгакова, так что он вместо того, чтобы быть сейчас во МХАТе,

писать пьесы, — находится в Большом театре и пишет оперные либретто... Булгаков и Смидович написали хорошую пьесу о Пушкине, а эта компания потопила пьесу и позволила себе в прессе называть Булгакова и Смидовича драмоделами». Так что, думаю, что сейчас будет сильный поворот в пользу Маки. Советую ему — пусть скорей пишет пьесу о Фрунзе!

Эта шутка в конце обозначала — чтобы М. А. переделал в пьесу свое либретто «Черное море».

27 мая.

Утром отправляли вещи на дачу — Сергей с Екатериной Ивановной будут жить в Лианозове у Сережиной учительницы музыки.

Потом пошли в город. Я заходила к Феде за билетами. Видела в конторе Рафаловича, который сказал примерно то же, что говорил на активе. Возмущался, что Калужский и Бокшанская только на словах проявляют энергию, а на деле — ни черта.

Телефон молчит, молчит.

28 мая.

Сегодня днем была необыкновенно сильная, короткая гроза. Дождь лил с такой стремительностью, что казалось — за окнами туман.

Когда просветлело, мы с М. А. пошли в Лаврушинский подавать заявление о квартире. Председатель правления Бобунов, который раньше бегал от нас, встретил, как родных. Тут же показал список, в котором была фамилия Булгакова, говорил, что, конечно, мы имеем право на квартиру в Лаврушинском. Вообще, говорил очень много, но из-за невероятной дикции — непонятно. Принял заявление.

Может быть и выйдет что-нибудь. Но откуда мы возьмем деньги, если дадут квартиру?

Вечером в арбатской аптеке — случайная встреча с журналистом Перельманом, расстроившая М. А. Первый вопрос — сколько вы получаете *от Турбиных и Мертвых душ*?...

Затем разговор о том, что положение М. А. сейчас очень хорошее, потому что он не продал себя и не участвовал во всей этой кутерьме.

Сергей был с Екатериной Ивановной сегодня на «Вишневом саду» в МХАТе. Придя, сказал — «это такая дрянь, такая скука! С трудом досидел до конца!»

29 мая.

Была на «Русалке» в филиале с Арендтами и Дарьей Григорьевной. Мельник — Пирогов.

М. А. играл дома в шахматы с Топлениновым.

30 мая.

Вечером позвонил и затем пришел Добраницкий с женой.

Разговор о пьесах М. А., и больше всего о «Беге».

31 мая.

В «Правде» сообщение, что Куприн возвращается на родину. Вечером у нас Калужские.

Москва, улица Фурманова (Нащокинский переулок), 3 (ныне не существует)

1 июня.

В газетах сообщение о самоубийстве Гамарника.

Куприн вчера приехал. Его фотография в «Известиях» — старенький, дряхлый, с женой.

Отправили наконец наших на дачу.

Мелик звонил, звал завтра придти к ним.

2 июня.

Приехал Дмитриев, обедал. Говорит, что Пиотровский послал М. А. письмо.

— Никакого письма он не посылал, так как оно не получено.

Вечером мы у Мелика. Мы уже были там, а Мелик опоздал, он случайно дирижировал «Игорем». Пришел взволнованный и кинулся звонить Якову Л. Театру даны награждения: Мелику дали Трудовое Знамя и заслуженного деятеля искусств. Бурная радость Мелика. Якову дали Знак Почета.

3 июня.

День моих имянин. Обедали: мой Женичка и Дмитриев. Дми-

триев прислал корзину цветов. Женичка — тоже, утром. А к обеду он принес бутылку шампанского.

Вечером Дмитриев, Вильямсы, Оля с Калужским и Федя. М. А. прочитал сцену репетиции из «Записок покойника». Очень понравилась.

Ужинали весело, надевали маски.

4 июня.

Получила чудесную корзину цветов от Вильямсов.

Вечером — Дмитриев и Анна Ахматова. Она прочла несколько лирических своих стихотворений.

5 июня.

В «Советском искусстве» сообщение, что Литовский уволен с поста председателя Главреперткома.

Гнусная гадина. Сколько зла он натворил на этом месте.

В «Правде» — странное письмо Аркадьева. Пишет, что «дал ошибочную информацию» вчера в «Правде» о репертуаре парижской поездки, упомянув «Бориса Годунова».

Вечером у нас опять Добраницкий.

А позднее — Дмитриев, досидел, конечно, до трех часов.

У М. А. новый способ дразнить Дмитриева: будто бы он видел на столе у Аркадьева лист бумаги, разграфленный, графы: «Ленин», «Трудовое Знамя», «Знак Почета» и фамилии под ними. Будто бы под первой графой — Вильямс, Ливанов, еще кто-то... Будто бы М. А. просмотрел, но на листе фамилии Дмитриева не было... Что бы это могло обозначать? Наконец, наводит Дмитриева на мысль, что это — ордена.

Отчаяние Дмитриева, что его нет в списке. Потом — дикий дмитриевский хохот — дды!.. дды!.. — когда понимает, что розыгрыш.

6 июня.

Утром взяла газеты, посмотрела «Правду» и бросилась будить М. А. Потрясающая новость — Аркадьев уволен из МХАТа! Как сказано — «за повторную ложную информацию о гастролях в Париже и репертуаре» и даже «за прямое нарушение решений правительства».

Вот тебе и «Борис Годунов».

М. А. говорит:

— Сто рублей бы дал за то, чтобы видеть сейчас лица мхатчиков!

Днем гуляли по солнцу.

Вечером Дмитриев. Мы встретили его поздравлением с новой квартирой. Вчера он рассказывал о своем разговоре с Аркадьевым, что тот сманивает его на постоянную службу в МХАТе и обещает дать квартиру в Москве.

Дмитриев дико хохотал. Потом рассказал, как Книппер разбудила его (он остановился у них) и сунула ему, не в силах говорить, газету с сообщением об Аркадьеве.

— Воображаю!.. Тетка, в белом пеньюаре... (М. А., говоря

с Дмитриевым, всегда называет Книппер его теткой)... заламывала руки!

— Дды!..

7 июня.

Обедал Дмитриев.

Вечером — он же и Куза, с вопросом, не возьмется ли М. А. делать инсценировку «Нана» или «Милого друга» или что-нибудь из Бальзака?

Разве что из-за денег, чтобы иметь возможность уехать куда-нибудь отдохнуть летом.

Позднее — Соловьев-Седой с конспектом либретто — замучил М. А. Он же обязан только консультировать, а не сочинять либретто!

8 июня.

Какая-то чудовищная история с профессором Плетневым. В «Правде» статья без подписи: «Профессор — насильник-садист». Будто бы в 1934-м году принял пациентку, укусил ее за грудь, развилась какая-то неизлечимая болезнь. Пациентка его преследует.

Бред.

На пароходе — с М. А. и с Женюшкой в Кунцево.

Женька и М. А. купались, вода холодная, грязная.

На пароходе встретили Аннушку Толстую с Патей.

9 июня.

Днем Соловьев — М. А. составил ему драматургический костяк его либретто.

Проводила М. А. в Большой — на минутку. Тут же Мордвинов подхватил его: в «Поднятой целине» нет финала, помогите!

Условились, что М. А. придет вечером. И поехал вечером. А потом я заехала за ним, чтобы навестить Калужских.

Оленька жаловалась, что Евгений сильно пьет. Жаль ее ужасно.

Рассказывала, что Немировичу дали 2 000 долларов — без уплаты за них советскими деньгами 10 000 руб. Он уж уехал за границу.

Говорила, что Вирта написал пьесу о будущей войне — очень плохую.

10 июня.

Был Добраницкий, принес М. А. книги по гражданской войне. Расспрашивает М. А. о его убеждениях, явно агитирует. Для нас загадка — кто он?

11 июня.

Утром сообщение в «Правде» прокуратуры Союза о предании суду Тухачевского, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны и Якира по делу об измене Родине.

М. А. в Большом театре на репетиции «Поднятой целины». Разговор с Самосудом по поводу соловьевской оперы.

Митинг после репетиции. В резолюции — требовали высшей меры наказания для изменников.

Вечером — Аннушка с Патей Поповым. Случайно пришел Мелик. Аннушка, по своей глупости, решила не ударить лицом в грязь перед Меликом и говорила о «высшем свете» (в связи с «Анной Карениной»)... Ругала Немировича за книжку, ругала кого-то, кто описал ее отца, Илью Толстого, кричала «мой отец женился девственником и двадцать лет не изменял жене!»...

На Мелика они произвели удручающее впечатление.

12 июня.

Сообщение в «Правде» о том, что Тухачевский и все остальные приговорены к расстрелу.

М. А. днем предложил взять машину и поехать к Сергею на дачу. Заехали за продуктами к Елисееву и покатили. Дача, как все подмосковные, — убога и в смысле природы и в смысле устройства. Пробыли там недолго, выпили кофе, М. А. выкупался, и поехали домой к обеду.

Перечитала по просьбе М. А. «Нана» и «Bel'ami». А М. А. перечитывает «Евгению Гранде». Видимо, вахтанговцы ошалели от отсутствия пьес, не знают, на что кинуться. Не подходит это!

13 июня.

Были вечером у Калужских. Они рассказывали, что из списка актеров, едущих в Париж, вычеркнули нескольких, в частности, Кторова, Подгорного, Кореневу, Шуру Комиссарова, Настасью Зуеву.

Можно представить, какие скандалы будет закатывать Коренева!

Заведующим по художественной части, с большими полномочиями, назначен Сахновский, причем ему было сказано: с требованиями К. С. вы можете соглашаться только в тех случаях, когда сами найдете это необходимым. Егоров назначен по финансовой части, с полным ограничением прав по художественной части. Всеми делами по поездке заведует Орловский, причем Егоров подчиняется распоряжениям Орловского, а Орловский — распоряжениям Сахновского. Интересно, выпустит еще когти Егоров или нет.

14 июня.

Вечером был Дмитриев. Опять упорно уговаривал М. А. писать пьесу к 20-летию. Сидел до четырех часов ночи.

М. А. сказал ему для передачи вахтанговцам, что ни один из трех романов инсценировать не будет, так как это все материал, не подходящий для советской сцены («Нана» и «Милый друг»), а Бальзак скучен.

15 июня.

М. А. работает сейчас над материалом для либретто «Петр Великий».

— Как бы уберечь мне эту тему? Чтобы не вышло, как с «Пугачевым».

Несколько месяцев назад М. А. предложил Самосуду тему — Пугачев — для либретто. Тот отвел. А потом оказалось — ее будет писать Дзержинский — очевидно, со своим братом-либреттистом.

16 июня.

Днем М. А. поехал на Москва-реку купаться. Жара.

Вечером у нас Оля с Калужским. Сказали, что из списка вычеркнули еще Шевченко и Сластенину.

17 июня.

Вечером у нас Вильямсы. М. А. читал главы из романа («Консультант с копытом»).

18 июня.

Вечером пошли в кафе «Журналист», посидели до двух часов ночи.

Не знаю, почему такие места наводят на меня страшную печаль.

19 июня.

Днем ездили с М. А. в Серебряный Бор купаться.

Вечером пришли к нам Мелик с Минной. Очень славно посидели. М. А. показывал оркестрантов из Большого театра, как они играют в шахматы (на медных оркестранты) и в нужный момент появляются в оркестре и ударяют в инструменты. Потом спокойно — немедленно — уходят доигрывать.

20 июня.

М. А. поехал днем в Фили купаться. Вечером работал над либретто («Петр Великий»). Телефон молчит. Мы держали пари с М. А. третьего дня. Он говорит, что Добраницкого мы больше не увидим — не позвонит, не придет.

21 июня.

Вечером внезапно собрались и пошли к Леонтьевым.

Рядом с их домом было французское посольство. Смотрим — двери раскрыты, сор выметают. Оказалось, посольство переехало.

22 июня.

Вечером — Федя. На днях уезжает в Париж. Поездку считает трудной, ответственной. Ну, конечно, разговор перебросился на дела М. А. Все тот же лейтмотив: М. А. не должен унывать, должен писать. М. А. сказал, что чувствует себя, как утонувший человек — лежит на берегу, волны перекатываются через него...

Федя яростно протестовал. Между прочим, он — шутя-шутя, а выучился говорить по-французски.

23 июня.

Днем М. А. ездил на Москва-реку купаться.

Вечером явился Добраницкий. Я выиграла пари.

Нина, которая тоже пришла с ним, сказала мне («по секрету»), что осенью во МХАТе начнутся репетиции «Пушкина». Откуда она может знать?

24 июня.

Письмо от Кузы. Предлагает М. А. делать «Дон-Кихота», но тут же пишет, что «Нана» они будут ставить.

Взбесились они, что ли?

Пишет, что они готовы немедленно заключить договор на «Дон-Кихота», что он просит позвонить Ванеевой, которая уже знает об этом.

Вечером позвали Вильямсов. М. А. прочитал кусочек романа.

Разговор за ужином о писателях. Петя любит Гоголя и ненавидит Достоевского, и уверял М. А., что он похож на Гоголя.

Ануся до нас была у Николая Эрдмана. М. А., узнав, сейчас же позвонил к Эрдману и стал звать его к нам — М. А. очень хорошо к нему относится.

Но Николай Эрдман не мог уйти из дому.

Вильямс советует М. А. согласиться на «Дон-Кихота», подписать договор и ехать вместе с ними на август в Синоп.

Оля звала к ним, у них Сахновские, но мы из-за Вильямсов не пошли.

25 июня.

М. А. звонил Ванеевой, сказал, что согласен делать «Дон-Кихота». Та ответила, что будет говорить об этом в Комитете искусств.

Размышляли, куда поехать, если заключат договор. Одесса, Крым?..

Вышли в город и тут же в Гагаринском встретили Эммануила Жуховицкого. Обрадовался, говорил, что обижен очень нами, что мы его изъяли, спрашивал, когда может опять придти? Условились на сегодняшний вечер, в десять часов.

В городе М. А. купил украинский словарь.

Жуховицкий явился почему-то в одиннадцать часов и почему-то злой и расстроенный (М. А. объяснил потом мне — ну, ясно, потрепали его здорово в учреждении).

Начал он с речей, явно внушенных ему, — с угрозы, что снимут «Турбиных», если М. А. не напишет агитационной пьесы.

М. А.:

— Ну, я люстру продам.

Потом о «Пушкине»: почему, как и кем была снята пьеса?

Потом о «Зойкиной» в Париже: что и как?

Сказали, что уже давно не имеем известий.

Словом, полный ассортимент: расспросы, вранье, провокация.

М. А. часто уходил к себе в комнату, наблюдал луну в бинокль — для романа. Сейчас — полнолуние.

26 июня.

Неожиданно с дачи приехали Сережа с Екатериной Ивановной (ссыльные — М. А. дразнит их). Мы втроем — М. А., Сергей и я поехали в Фили купаться.

Вечером пошли ужинать в кафе «Журналист». Боже, что за публика.

27 июня.

Жара все стоит нестерпимая. У нас в квартире духота — квартира вся на солнце. М. А. ездил с Сергеем Топлениновым в Парк культуры купаться. Говорит, что станция оборудована прекрасно, но вода такая грязная, что им пришлось отмываться потом под душем.

Вечером М. А. играл в шахматы с Сергеем Топлениновым.

Сегодня в «Комсомольской правде» статья под заглавием «До-

коле же можно увиливать?» — о двух письмах Безыменского, — по-видимому, редакционная, без подписи.

Часов в двенадцать ночи появился неожиданно Мелик. После ужина мы сели играть вчетвером в карты, в придуманную М. А. игру, играли до трех часов.

В «Вечерней Москве» интервью с Асафьевым, причем вся заметка называется «„Минин и Пожарский“ — новая опера Асафьева».

Непонятно: ведь опера не пойдет?

28 июня.

Стоит дикая жара.

Вечером к нам пришли Калужские и мы отправились с ними в ресторанчик Клуба мастеров искусств. Туда же должны были придти и Вильямсы. За каждым почти столиком знакомые лица. Тут и Блюменталь-Тамарина, и Млечин, и Соснин, Вольский, Барнет, Пессимист, Бухов, Комиссаров, Гедике... всех не упомнишь. К нам подсел, кроме Вильямсов, Яншин.

Злорадно хихикал, рассказывал, как он — на банкете в «Метрополе» по поводу награждения орденами — задал Немировичу вопрос:

— А как же вы, Владимир Иванович, «Чудесный сплав» ставили? Почему?

Оля смотрела на него ненавидящими глазами.

Пошли пешком до Страстного, а там сели на ночной автобус.

29 июня.

Вечером пошли в кино с Вильямсами на «Маленькую маму». Чудесная картина, мы уж видели ее зимой на ночном просмотре. Потом пошли поужинать в это же мерзкое кафе «Журналист». Оно гаже вчерашнего и кормят хуже.

М. А. рассказал, что утром звонила Ванеева и выложила следующее: она говорила в Комитете с Боярским по поводу «Дон-Кихота». В Комитете поражены темой. Она не может самостоятельно, без коллектива, подписать договор, просит М. А. подождать до осени. М. А. не должен думать, что это против него в Комитете. Что ее страшно крыли на активе. Словом, собачья чепуха, из которой видно ясно одно, — что она трясется за себя и не смеет сделать ни одного шага решительного.

За ужином Петя рассказывал, что «Сусанин» пойдет непременно на Большой сцене к 20-летию. Что Городецкий уже сделал либретто, а Мордвинов, взяв всевозможные исторические материалы, поехал в Кисловодск, где, кстати, и Самосуд.

Кроме того, пойдут: «Кавказский пленник», «Этери», «Мать», «Броненосец Потемкин»... еще что-то.

«Минину» — крышка. Это ясно.

30 июня.

Жара.

Вечером поехали с М. А. на пароходике.

1 июля.

Ужинали у нас Вильямсы и Гриша Конский, после долгого

перерыва появившийся опять. Гриша едет на лето к Степуну. У того под Житомиром маленькая усадебка. Там можно получить полный пансион, есть купанье. Гриша уговорил тут же позвонить Степуну. Степун сказал мне, что это его очень бы обрадовало, что он постарается все наладить так, чтобы М. А. мог хорошо отдохнуть и работать.

Быть может, мы поедем. Обещали через несколько дней дать Степуну окончательный ответ. М. А. смущает только работа над «Петром» (либретто). Невозможно везти все материалы.

2 июля.

М. А. работает над «Петром». Приехал Дмитриев, пришел обедать. Сказал, что приехал в Москву только для того, чтобы повидаться с нами. Едет в Боржом. Говорил, что не представляет себе, как будет жить два месяца, не видя нас, что будет очень скучать.

После обеда пошли на балкон и стали втроем забавляться игрой — пускали по ветру бумажки папиросные и загадывали судьбу — высоко ли и далеко ли полетит бумажка.

Потом началась сильная гроза, которую мы ждали уж давно, умирали от жары.

Вечером Дмитриев опять пришел, сидел до трех часов ночи.

Он сказал, что они с Асафьевым много говорили о М. А. и решили, что М. А. необычайно высоко стоит в моральном отношении, что, — как забавно сказал Дмитриев, — другого такого порядочного человека они не знают.

М. А. сделал свою гримасу — поджал губы, поднял брови, голова набок. Дмитриев — дды!..

3 июля.

Обедал Дмитриев. Говорят в городе, что может быть мхатчики не поедут в Париж.

Вечером Вильямсы предложили пойти в Эрмитаж, на эстраде элегантный номер «Риголетто». Двое мужчин и две женщины работают, улыбаясь ангельской улыбкой.

Собственно, работает один только человек, остальные — декорация. Отвлекают внимание публики. Один этот засунул в рот красную нитку и пачку иголок, пожевал, а потом вытащил изо рта красную нитку, продетую во все иголки.

Потом мы ужинали в «Метрополе», а эти Риголетто сидели за соседним столиком — абсолютно выдохшиеся. Какая там улыбка.

Поужинали, потом посидели в баре.

4 июля.

Дмитриев вчера должен был уехать, но оказалось — ошибка с билетами, остался еще на день. Пришел к нам обедать.

М. А. ездил с Сергеем Топлениновым на реку — катались на байдарках. М. А. понравилось очень.

5 июля.

Письмо от Асафьева. Благодарит за предложение писать

Киев, Владимирская горка.
20 августа 1934 г.

совместно оперу «Петр», тронут тем, что М. А., несмотря на неудачу с «Мининым» (что не пойдет) — обратился опять к нему.

Вечером играл М. А. в шахматы с Топлениновым.

6 июля.

Неожиданный приезд Сергея с Екатериной Ивановной — дождь выгнал их с дачи.

Вечером все поехали на речном трамвае в Парк культуры, там смотрели номер — езда на мотоциклетках по отвесным стенам. Страшно.

Вечером М. А. пошел с Вильямсами в «Метрополь», мне нездоровится, осталась дома.

7 июля.

Вчера пришло письмо из Лондона, из Европейской компании публикаций, спрашивают у М. А. сведения из его автобиографии, для помещения в энциклопедию: что написал? где жил?

Точно такой же запрос был в 1933-м году, но М. А. тогда не ответил сразу, а потом уж как-то неловко было, много времени прошло.

Они прислали наклеенное отпечатанное сообщение, что Булгаков написал «Белую гвардию», «Зойкину квартиру», «Багровый остров» и т. д. и что в 1921—23 гг. Булгаков был в Берлине, то есть

повторили ту же ошибку, что была помещена у нас в Большой энциклопедии.

М. А. написал, что никогда в Берлине и вообще за границей не был.

Приехала из мхатовского дома отдыха в Пестове Оля, очень хвалила, советовала и нам поехать туда — на август будут путевки продаваться.

Вечером М. А. над «Петром».

8 июля.

Холодный день. М. А. все же поехал с Сережкой на реку, ездили на байдарке. Оба в восторге. Но потом пришлось принимать душ. Хотя станция ЦДКА очень здорово организована, но вода в Москва-реке грязная до ужаса.

Звонила Оля — опять едет в Пестово. Говорит, что 25-го едут в Париж.

Федя еще не уехал.

Вечером М. А. — над «Петром». Досадно, что Дмитриев забыл в Ленинграде на столе у себя обещанный им дневник Берхгольца — самый интересный материал для «Петра», говорит М. А. Теперь ищи по всей Москве.

9 июля.

Неожиданно приехал Женичка (мой) из Ленинграда. Обедал у нас.

Звонок Добраницкого, хотел придти. Я сказала, что мы заняты. Попросил разрешения придти завтра.

Вечером пошли, как условились, к Леонтьевым, почитать кусочки из «Записок покойника». Были, кроме нас, еще Топлениновы. Куски имели громадный успех, особенно радовался Яков Л. Он до того смеялся, что дамы кричали ему с ужасом:

— Яша, перестань смеяться, ты совсем синий!

10 июля.

Решили ехать в Богунью на месяц — к Степуну. Так как денег не хватает, хочу спросить у Екатерины Ивановны — не даст ли в долг.

Поехали на дачу в Лианозово, Лоли с радостью ответила — да, да. Возьмем 1 200 руб. — как раз за двоих Степунам внести.

Вернулись в Москву, пришел Женичка к нам, пообедали. Легли отдохнуть, как всегда.

Вечером пришел Добраницкий, за ним и Нина. По просьбе Добраницкого М. А. прочитал «Бег». Впечатление громадное.

Да и правда — не только эта вещь замечательная, еще надо послушать, как М. А. ее читает.

Дали в Богунью телеграмму — есть ли комната? Хоть бы была!

11 июля.

Из Богуньи от Гриши письмо, очень обстоятельное, — там очень хорошо и нас все ждут.

Второе — от жены Степуна, очень любезное и радушное — непременно приезжайте.

Дала Ивану Сергеевичу на билеты денег, попросила взять на 15-е.

Сегодня видела многих из МХАТа и Большого театра и почувствовала, что, в сущности, есть масса людей, удивительно относящихся к М. А. Или день такой был?

Вечером были у Вильямсов. Петя показывал свои работы — и этих лет и давнишние. Есть удачные портреты. Например, Барнет Борис сидит, громадный, похожий на боксера, а в колоссальном кулаке зажата розовая гвоздика. Про штаны М. А. сказал — скульптурные штаны. Или: Григорий Александров. Снег. Фон — Абрамцево, а на переднем плане Александров в распахнутой короткой куртке, без шапки, с гитарой в руках. Лицо падшего ангела. М. А. сказал:

— Такой он был бы на том свете.

Очень понравилась Петина «Нана».

12 июля.

День физкультурного парада. Поехали к женщине — зубному врачу, которую я случайно нашла и которая нас нагло обсчитала, узнав фамилию.

Остановились на Арбатской площади, смотрели на проходивших физкультурников. Издали очень красивое зрелище — коричневые тела, яркие трусы. Вблизи — красивых лиц почти нет, и фигур тоже.

Вечером пошли к Вильямсам. М. А. обещал им принести и прочитать «Собачье сердце» — хотя М. А. про нее говорит, что это — грубая вещь.

У Вильямсов была Тяпкина, актриса театра Завадского в Ростове — раньше была у Мейерхольда. Смешливая, аппетитная — так и хочется сказать — баба.

13 июля.

Заходила днем в МХАТ по поводу билетов, искала Ивана Сергеевича. Оленька сказала, что Аркадьев арестован. Невольно вспомнилась подхалимская статья в «Горьковце» и надпись на газете в тот день — «Исторический день в жизни МХАТ» — это о приходе Аркадьева в Театр. Вот и «исторический». Наверно, в «Горьковце» теперь локти себе кусает редактор.

14 августа.

Сегодня вернулись из Житомира. Прасковья оглушила сообщением, что у Сережки аппендицит. Была страшная суматоха, возили врача на дачу. Спасибо Якову Леонтьевичу — дал машину, достал доктора. Исключительные люди Леонтьевы!

На столе — счета. И как всегда — какая-нибудь ерунда при приезде. Лежит безграмотная открытка о том, что будто бы не уплачены взносы по соцстраху — угроза прокурором. М. А-чу — письмо из Бюро драмсекции с вопросом, как подвигается его работа над пьесой к 20-летию. Вопроса — пишет ли он вообще эту пьесу — даже не поставлено.

Разбиты вдребезги — не спали две ночи в поезде.

Прасковья сообщила, что писатель Клычков, который живет в нашем доме, арестован. Не знаю Клычкова.

Позвонил Сергей Ермолинский, очень обрадовался приезду нашему.

Какой чудесный Киев — яркий, радостный. По дороге к Степунам мы были там несколько часов, поднимались на Владимирскую горку, мою любимую. А на обратном пути прожили больше недели.

Вечером пошли к Леонтьевым на часок — поблагодарить за их участие к Сережке.

Жизнь в Богунье поначалу была прелестна. Места там очень красивые, купались. Поначалу — кормили. Хотя Гриша Конский, который сидел около меня за столом, всегда говорил громко: вкусно́, но мало́ (окая), или «мало́, но вкусно́».

Но потом, так как приехала масса родственников — бесплатных, а платных было очень мало людей — перешли на голодный паек. М. А. не вытерпел, и пища при этом пресная, а он привык к острой (да и вообще про наш стол М. А. всегда говорит, что у нас лучший трактир во всей Москве) — мы начали с ним через день ходить пешком в Житомир за закусками, приносили сыр, колбасы, икру, ветчину, ну, конечно, масло — хлеб, водку тоже. И таким образом — М. А. по большей части не ходил ужинать, есть эти все лапшевники, а питался дома. Но потом надоело нам, и мы через три недели уехали.

15 августа.

В Лианозове — у Сергея — М. А., я, Женичка мой и Оля. Бедняга Сережка лежит на кровати в саду, боли.

Оленьку в последний день не пустили в Париж. Почему — непонятно.

М. А. потом меня уверял, что это для того, чтобы Немирович не расцвел в Париже пышным цветом и не наговорил и не наделал бы там массы чепухи. Его надо было устранить от всяких выступлений, а Оля бы старалась всячески его поместить на первое место и т. д.

В городе слухи о писательских арестах. Какой-то Зарудин, Зарубин, потом Бруно Ясенский, Иван Катаев, еще кто-то.

16 августа.

М. А. продиктовал ответ драмсекции — что не работает ни над какой пьесой, так как пьесы его все сняли.

А в ответ на вопрос — не нужна ли вам какая-нибудь помощь? — написал, что помощь, действительно, нужна, что пусть они похлопочут о квартире для него в Лаврушинском и об авансе во Всероскомдраме (у нас действительно нет ни копейки).

Такое же письмо Треневу, как председателю драмсекции.

Пошли во Всероскомдрам, подали заявление М. А. об авансе. Встретили там Ардова, он сказал, что арестован Бухов.

Он на меня всегда производил мерзкое впечатление.

Вечером Ермолинский.

17 августа.

Звонок Тренева утром. Письмо, видимо, произвело впечатление. Квартиры, конечно, не будет.

Тут же поехали на дачу к Сергею.

Под вечер пришел Яков Л.

— Я за вами на машине, поедем на речной вокзал в Химки.

Поехали.

Понравилось на вокзале, и пароходик легкого типа — элегантный, тоже понравился. Яков сказал, что директором МХАТ назначен Боярский, и Егоров уже начал делать ему первые пакости.

18 августа.

Утром звонок Олега Леонидова. О письме М. А. Видимо, произвело все-таки впечатление. Но толку, конечно, не будет. Одни разговоры.

Дмитриев прилетел с Кавказа на аэроплане. Обедали. Сидел до отъезда в Ленинград. М. А. слышал, что в Ленинграде посажен Адриан Пиотровский.

19 августа.

Ездила в Лианозово с доктором на машине. Примерно через месяц Сергея будут оперировать.

20 августа.

Холодный обложной осенний дождь.

После звонка телефонного — Добраницкий. Сказал, что арестован Ангаров. М. А. ему заметил, что Ангаров в его литературных делах (М. А.), в деле с «Иваном Васильевичем», с «Мининым» сыграл очень вредную роль.

Добраницкий очень упорно предсказывает, что судьба М. А. изменится сейчас к лучшему, а М. А. так же упорно в это не верит. Добраницкий:

— А вы жалеете, что в вашем разговоре 1930-го года со Сталиным вы не сказали, что хотите уехать?

— Это я вас могу спросить, жалеть ли мне или нет. Если вы говорите, что писатели немеют на чужбине, то мне не все ли равно, где быть немым — на родине или на чужбине?

21 августа.

Дома одни. М. А. сидит над «Петром».

22 августа.

Зашла в дирекцию ГАБТ за М. А., слышала конец его разговора с Самосудом — что-то не вышло с «Поднятой целиной». Трудно будет М. А. У Самосуда престранная манера работы, он делает все на ходу. Ничем не интересуется, кроме своих дел. Он обаятелен, но, конечно, предатель. Он явно не хочет пустить Асафьева на «Петра». М. А. волнуется, считает, что так поступить с Асафьевым нельзя — он переписывался с ним о «Петре».

Оля рассказывала по телефону об успехе МХАТа в Париже, но голос у нее был такой, что я засомневалась.

23 августа.

Шли с Олей — встретили Добраницкого. Оля аттестовала его дурно. Его одно время хотели назначить во МХАТ директором. Тогда Оля встретила его в штыки.

Вечером мы у Ермолинского. Шахматы.

24 августа.

Днем М. А. над «Петром».

Вечером утомился. Я пошла за Ермолинским, привела его к нам. Шахматы. Ужин.

26 августа.

Днем я на даче.

К обеду пришли Вильямсы — приехали из Пестова. Поездка их в Синоп сорвалась — из Комитета ему сообщили, что он едет в Париж. Но после этого — молчание. Так они в Пестове и просидели.

Вечером явился Гриша Конский, приехал из Богуньи. Вспоминали всякие смешные эпизоды из летней жизни.

27 августа.

К обеду Дмитриев.

Вечером Дмитриев и Яков. Яков сообщил, что Ермолинский подавился костью, сейчас в лечебнице, положение его неясно.

28 августа.

Были в Старо-Екатерининской больнице. Канторович надеется на благоприятный исход — кость извлекли.

29 августа.

Я с Марикой утром в больнице — вторая операция, извлекли еще две кости, положение его плохое. М. А. приехал после операции.

Вечером Мордвинов вызвал М. А. на совещание по поводу «Поднятой целины».

Поразительно — совещание назначено на одиннадцать часов вечера в гостинице «Москва». Самосуда вызвали из номера. А братья Дзержинские появились: Иван в половине первого ночи, а брат его либреттист еще позже. Этот самый либреттист очень испугался, увидев М. А. Зачем? Самосуд шепотом ему объяснил, что Булгаков — консультант ГАБТ. Услышав фамилию — Булгаков — поэт Чуркин, который тоже был при этом, подошел к М. А. и спросил:

— Скажите, вот был когда-то писатель Булгаков, так Вы его...

— А что он писал? Вы про которого Булгакова говорите? — спросил М. А.

— Да я его книжку читал... его пресса очень ругала.

— А пьес у него не было?

— Да, была пьеса, «Дни Турбиных».

— Это я, — говорит М. А.

Чуркин выпучил глаза.

— Позвольте!! Вы даже не были в попутчиках! Вы были еще хуже!..

— Ну, что может быть хуже попутчиков, — ответил М. А.

30 августа.

Звонил Виктор Федорович Смирнов, который когда-то приходил по поводу своего либретто. Сказал, что назначен и. о. председателя ВОКСа. Из слов его, что «Аросев тяжело заболел и больше не вернется», понятно, что бывший председатель ВОКСа Аросев арестован.

Мхатчики приехали из Парижа. Вечером пришел Топленинов — играли в шахматы с М. А.

31 августа.

Звонок Файмонвилла — приглашение придти третьего в шесть часов на коктейль.

Приехали дачные бедняги, Сергей обрадовался «Потапу».

Вечером Гриша Конский. Просил М. А., чтобы он почитал ему из романа о Воланде.

Звонил Мелик — был нездоров.

1 сентября.

М. А. водил Сергея к Арендту. Тот сам болен.

2 сентября.

Чудесный летний день. Водили Сергея в госпиталь — операция будет восьмого.

Вечером навестили Мелика по его просьбе. Он нездоров.

В газетах сообщение о самоубийстве председателя Совнаркома Украины Любченко.

Приходили Оля с Калужским. Он показался мне излишне развязным.

3 сентября.

Настойчивые звонки секретарши Файмонвилла (русской), уговаривает придти, спрашивает о здоровье Сергея, хочет что-то ему подарить...

Мы не пошли.

Вечером Оленька. Сначала не хотела признаться, что МХАТ не прошел в Париже. Но потом сказала:

— Ну да, «Анна Каренина» не имела того успеха, на который МХАТ рассчитывал...

И тут же рассказала, что про Аллу Тарасову французы написали, что она похожа на дебелую марсельянку, — что в белогвардейских газетах писали, что у Еланской такая дикция, что ничего не поймешь, что вместо слова — мерзавец — она произносит «нарзанец», что, конечно, понятен испуг Анны Карениной, когда она увидела в кровати вместо своего маленького сына — пожилую еврейку (Морес) и т. д.

Льет дождь. Поздно. Идем ужинать.

4 сентября.

М. А. пошел к Попову — играть в винт.

5 сентября.

Говорил кто-то М. А., что арестован Абрам Эфрос. Может и нет, очень много врут.

М. А. играет в шахматы у Топленинова.

6 сентября.

М. А. возится с «Петром». Вечером Смирнов принес свое либретто. Производит очень несерьезное впечатление. Говорил, что арестован Литовский. Ну, уж это было бы слишком хорошо.

7 сентября.

Отвезли Сергея в лечебницу. Операция будет завтра утром.

15 сентября.

Все прошло благополучно. Сергей уже дома.

16 сентября.

Отчаявшись добиться у Самосуда прослушивания «Петра», М. А. решил сдать его и отвез Якову Леонтьевичу в театр.

Звонил Иосиф Раевский — просил разрешения придти. Условились на завтра.

17 сентября.

Утром я отвезла экземпляр либретто в Комитет, сдала секретарю Керженцева. Комитет только что переехал в новое помещение на Ильинке. Комнаты неуютные, необжитые. Перед секретарем ни одной бумажки на столе. Делать ему, видно, нечего.

Вечером пришла Оленька, потом часов в десять — Раевский, а еще позже, после «Карениной», — Калужский.

Раевского рассказы о Париже: некоторые все время проторчали на барахолке, покупая всякую дрянь, жадничали, не тратили денег на то, чтобы повидать Париж, и ничего в Париже не увидели, кроме галстуков.

Отвратительно повел себя на обратном пути Израилевский, фу, ты, Ливанов. Он учинил Израилевскому мерзкий скандал. Может поплатиться за это, так как Израилевский подал на него жалобу.

Анекдотическую штуку учинила старуха Халютина. На фестивальной репетиции в фойе стала демонстративно бормотать свою роль в присутствии фестивальных иностранцев. Судаков спросил:

— Вы переменили рисунок роли?

— Ничего я не меняла, а просто наплевали мне в душу, не взяли в Париж, вот я и буду теперь играть формально.

Собрались гнать ее из Театра, но ограничились тем, что сняли с роли.

В нашем парижском посольстве сначала очень косо посмотрели на пиджак Ливанова (когда собралась труппа) — грязный, сальные пятна какие-то, неглаженый. А потом сказали: ну что ж, пусть и такой будет...

Наши актрисы некоторые по полнейшей наивности купили длинные нарядные ночные рубашки и надели их, считая, что это — вечерние платья. Ну, им быстро дали понять...

Хмелев старался говорить все время по-французски, это его конек, но ни один француз его не понял, хотя он все время говорил «n'est — ce pas?..»

Потом у него раз безумно разболелись зубы, он просто не-

истовствовал. Иверов принес ему бутылку коньяку, чтобы он выпил и уснул — на него уж ничего не действовало. К нему в номер пришел Калужский и стал уговаривать выпить, и сам напился до полусмерти.

Кто-то спрашивал в кафе — дайте мне ша-нуар — chat noir вместо кафе-нуар... Словом, довольно бесславные рассказы.

18 сентября.

Сегодня М. А. потерял со Смирновым три часа времени — правил ему либретто. Как это печально.

Совершенно летняя жара, хожу в летнем костюме и белой шляпе.

19 сентября.

Опять приехал Дмитриев (он приезжал восьмого), обедал. Говорил, что в Ленинграде видел Литовского. Значит, Смирнов наврал.

21 сентября.

Добраницкий позвонил, просит его навестить — у него перелом ноги.

Поехали.

Показывал М. А. книги по гражданской войне, которых нет у М. А.

22 сентября.

Биндлер позвонил из Большого, сказал, что есть письмо Керженцева о «Петре».

Поехали за письмом. Это записка с заголовком «О Петре», состоящая из 10 пунктов. Смысл этих пунктов тот, что либретто надо писать наново.

Вечером был Арендт — играл с М. А. в шахматы.

23 сентября.

Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить?

Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение.

Поехали днем на речном трамвае — успокаивает нервы. Погода прекрасная.

Вечером М. А. на репетиции «Поднятой целины». До часу ночи помогал выправлять текст. Из театра привезли его на машине. С головной болью.

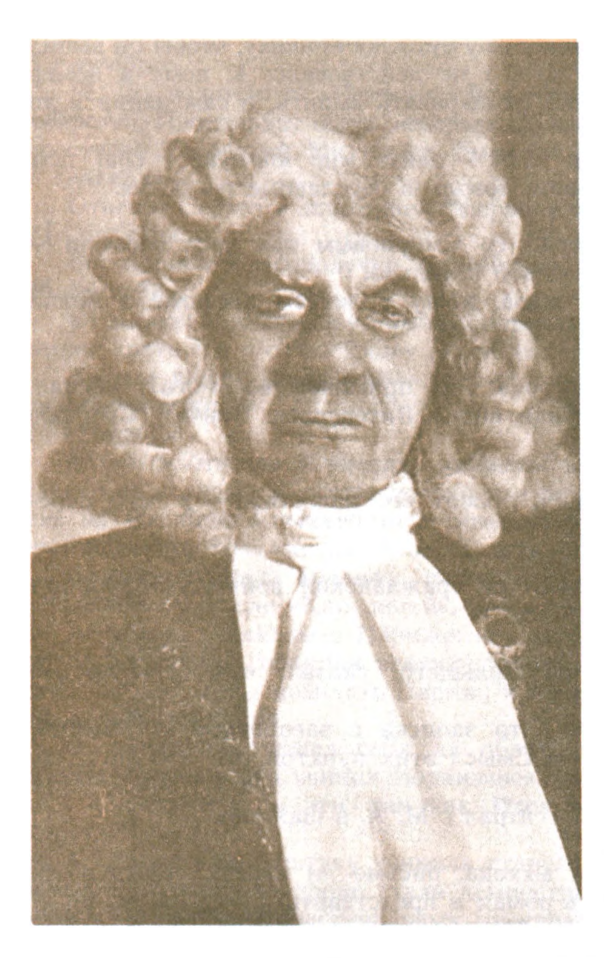
24 сентября.

Напросился Тимофей Волошин, не люблю его. Читал очень плохие свои стихи. Развязен. Судится с Таировым. Тот сделал попытку выгнать его из театра за выступление против него, Таирова, на собрании после «Богатырей».

Днем ездили с М. А. на речном трамвае. Но уже было туманно, моросило.

25 сентября.

Два последних акта «Руслана» слушала, приехав за М. А. в театр. Златогорова очень хороша в Ратмире. Самосуд дирижировал во фраке.



М. А. Булгаков в роли судьи в «Пиквикском клубе». 4 января 1935 г.

Оттуда поехали к Калужским на новую квартиру — на улице Кирова. Квартира приличная, только крутая лестница. Был Гриша Конский. Оленька подарила М. А. книгу, составленную Марковым и переведенную на французский для Парижа. Прекрасно издана, на дорогой бумаге. Ни одного слова о «Турбиных».

Слух, что арестован Киршон. М. А. этому не верит.

26 сентября.

Приехал Дмитриев, привез М. А. испанский экземпляр Дон-Кихота.

По телефону — с Олей и с Виленкиным: из Комитета искусств, из театрального отдела запрашивают экземпляр «Бега». Надо переписывать. Хотя и не верим ни во что.

27 сентября.

Удивительный звонок Смирнова: нужен экземпляр «Бега». Для кого, кто спрашивает? — Говорит, что по телефону сказать не может.

Решили переписывать «Бег».

Днем М. А. ходил на репетицию «Травиаты».

Обедал у нас Дмитриев.

После обеда, как всегда, легли отдохнуть, после чего М. А. стал мне диктовать «Бег».

Позвонил Мелик, попросил разрешения придти. Читал «Петра» (либретто). Сказал, что недостаточно хора, в некоторых местах слишком драматургично.

Потом, попозднее, пришла Минночка и Вильямсы.

М. А. показывал, как дирижирует дирижер в Большом театре (пародия на Мелика).

28 сентября.

М. А. диктует «Бег», сильно сокращает.

Звонил Олеша, спрашивал у М. А. совета по поводу своих болезненных ощущений. Он расстроен нервно, к тому же у него несчастье. Не он говорил, а знаю из газеты и рассказов: его пасынок выбросился из окна, разбился насмерть.

Вечером, на короткое время, перед поездом — Дмитриев с женой.

Потом «Бег» до ночи.

29 сентября.

«Бег» с утра.

М. А. искал фамилию, хотел заменить ту, которая не нравится. Искали: Каравай... Караваев... Пришел Сережка и сказал — «Каравун». М. А. вписал.

Вообще иногда М. А. объявляет мальчикам, что дает рубль за каждую хорошую фамилию. И они начинают судорожно предлагать всякие фамилии (вроде «Ленинграп»...).

А весной была такая игра: мух было мало в квартире и М. А. уверял, что точно живет в квартире только одна старая муха Мария Ивановна. Он предложил мальчикам по рублю за каждую муху. И те стали приносить, причем М. А. иногда, внимательно всмотревшись, говорил — эта уже была. С теплом цена на мух упала сначала до 20 копеек, а потом и до пятачка.

30 сентября.

Целый день «Бег».

Ни звонков, ни писем.

1 октября.

Кончили «Бег».

Позвонила к Виленкину. Старалась расспросить. Но он говорит, что звонила некая Омедор, кажется, из Комитета искусств. Дело, конечно, не в Омедор, это-то ясно. Но в ком?

Вечером М. А. играл в шахматы с Топлениновым. Тот рассказал, что умер Азарий Азарин. Очень жаль, талантлив, порядочен. Не стар.

2 октября.

Приходили от Виленкина из МХАТа за экземпляром. Выдала.

Позвонила Смирнову, что есть экземпляр. Пыталась узнать, с кем он говорил. Безрезультатно.

Ануся уезжает в Крым сниматься в «Ай-болите». Позвала их вечером к нам. Они пришли с Шебалиным. М. А. говорит за ужином:

— Подошел к полке снять первую попавшуюся книжку. Вышло — «Пессимизм»...

Просили Шебалина поиграть, подошел к роялю, взял несколько аккордов — ничего не помнит наизусть. Обещал следующий раз принести ноты. Петя укушен собакой, ему делают прививки — не пьет водки — нельзя.

3 октября.

Днем приехал Смирнов за «Бегом». Вошел, не снимая пальто, явно боясь расспросов. Расспрашивать не стали. Он успокоился, присел, сняв пальто, и тут пошел разговор. В разговоре М. А. сказал:

— Я работаю на холостом ходу... Я похож на завод, который делает зажигалки...

Смирнов попросил, чтобы мы ему показали рецензии Горького на «Бег», а также Пикеля (который зарезал пьесу). Я показала ему — они вклеены в толстую тетрадь вырезок о М. А. Он оживился и попросил перепечатать отзывы Горького и рецензию Пикеля. И увез это вместе с экземпляром. Загадка.

Вечером М. А. пошел с Сергеем в баню. Потом рассказывал мне, как они волновались в поисках потерянной трешки.

4 октября.

Днем в кабинете у Якова Леонтьевича. Опять всплывает «Минин».

Делать или не делать «1812 год» по Льву Толстому? — для оперы.

М. А. сказал, что приехал Немирович: «приехал, приехал, и денег не платит»...

Леонидов Леонид Миронович говорит про Немировича:

— Сидит за границей, ни черта не делает, пишет оттуда глупости! И театр ничего не делает поэтому!

Вечером — среди пенатов — как сказал М. А. Разбирали книги.

Оленька — с какими-то пустяками по телефону. М. А. говорит:

— Это означает, что «Бег» умер.

5 октября.

Письмо от Вересаева, сообщает, что его материальное положение ухудшилось, просит вернуть тысячу рублей, которую мы взяли у него.

М. А. тут же написал ему письмо — сегодня или завтра вернем, просим прощения за задержку.

Я проводила М. А. в Большой, сама пошла в Управление за деньгами. Потом — за М. А.

Самосуд убеждает писать «1812 год». Композитор Багринов-

ский уже играл свою оперу на эту тему, но она Самосуда не удовлетворяет. Возле этого дела суетится Шарашидзе.

Вечером М. А. на «Руслане». Продолжение дневного разговора с Самосудом. Убеждает, что надо писать по картинам, чтобы «зря не пропала бы работа». То есть показывать по картинам. Контроль.

Возникли опять разговоры о «Минине». М. А. говорит:

— Ну, ясно, мне придется отвечать за то, что не так сделал либретто, не такие поляки, как надо...

М. А. не хочет поправлять «Минина», говорит, что предпочитает портновскую работу над «1812 годом».

Надо писать письмо наверх. Но это страшно.

Екатерина Ивановна отвезла тысячу Вересаеву. Денег у нас до ужаса нет.

7 октября.

М. А. начал работать над «1812 годом».

Вечером была с Женичкой моим на премьере «Травиаты» в филиале. Мелик чудесно дирижировал. Оформление Бориса Эрдмана понравилось. Поставлено по-старинке, впечатление, что без режиссера — такие давно знакомые мизансцены. Пели хорошо — Лемешев, Норцов, Барсова. Успех у публики громадный.

После спектакля около леонтьевской машины, где садились леонтьевские дамы и я, — собралась толпа, так как почему-то Евгения Григорьевна сказала: здесь поедет Козловский.

В это время к машине подошел М. А., задержавшийся в театре. Его обступили в темноте переулка: — Лемешев?! Козловский?!

М. А. сказал — нет, не Лемешев, — и сел в машину.

На машину навалилось столько народу, что стало страшно.

9 октября.

Обедал Дмитриев. Говорил, что нужно написать новую картину в «Беге» — тогда пойдет пьеса. Вздор какой!

До поздней ночи М. А., Дмитриев и подошедший Мелик играли на детском биллиарде.

11 октября.

Горюнов позвонил и пришел. Предлагал М. А. делать или инсценировку «Дон-Кихота», или пьесу о Суворове. Засиделся до поздней ночи. Разговор о МХАТе — больное место вахтанговцев. М. А. прочитал ему отрывки из «Записок покойника».

13 октября.

В газетах о снятии Бубнова с должности.

15 октября.

М. А. днем на репетиции «Поднятой целины» (вчера тоже).

Обедал композитор Седой, играл из первой картины своей будущей оперы. Кажется, талантлив.

16 октября.

Композитор Кабалевский играл в Большом театре свою оперу «Кола Брюньон». М. А. давал свои заключения о либретто.

Потом — долгий разговор с Керженцевым о «Петре», о «Минине». Смысл всего разговора, что все это надо переделывать.

Ночью, с Керженцевым, Самосудом — репетиция — проба поставить кино в «Поднятой целине».

17 октября.

М. А. на генеральной «Поднятой целины».

18 октября.

Днем М. А. с Женичкой и Сергеем — играли в карты. А вечером были у Калужских. Очень мило посидели.

20 октября.

М. А. с Седым работали над либретто дома.

21 октября.

День моего рожденья. Получила цветы от М. А. и Сергея «пополам» и, конечно, от моего Женички.

Обедал Дмитриев и Женя.

22 октября.

Днем М. А. опять работал дома с Седым.

23 октября.

Сережкин день рожденья, подарили ему духовое ружье. Пришел Женичка, и мы чудесно провели начало дня вчетвером.

М. А. прозвал Женюшку уже давно прокурором («Ба! И прокурор тут!..»), а кроме того произвел в чин библиотекаря.

Женичка очень польщен был.

Потом пришел Седой — опять работа над либретто.

У М. А. из-за всех этих дел по чужим и своим либретто начинает зреть мысль — уйти из Большого театра, выправить роман («Мастер и Маргарита»), представить его наверх.

Вечером зашли на «Поднятую целину» — была премьера. Мне не понравилось.

25 октября.

Утром Седой. М. А. сказал ему о своем намерении уйти из Большого и о том, что он не хочет делать либретто для соловьевской оперы в качестве соавтора.

Тот расстроился ужасно. М. А. поехал с ним к Якову Леонт. — говорить об этом. Яков Л. предложил: в договор с Соловьевым-Седым не входить, а об уходе еще подумать. Таким образом, хотя бы сваливается работа над чужим и трудным, мучительным материалом.

27 октября.

Уборка книг.

М. А. правит роман.

Вечером Вильямсы и Шебалин.

29 октября.

Необыкновенный невиданный доселе туман. Трамвайное движение затруднено. Днем была на Каменном мосту (шла из Управления) — вверху, внизу, кругом — ничто.

Вечером у Калужских в гостях. Были: Кторовы, Сахновские, Степанова Лина, Гриша Конский. Сперва разговоры о новом

законе, по которому уничтожаются жилищные товарищества. Потом очень хороший ужин. Возвращались около шести часов утра в полном тумане пешком.

Оля дала книгу, которую М. А. случайно обнаружил на полке. Американская книга о МХАТе 1925 г. В ней упоминается о каком-то Булганове — Bulganow. Оказалось по тексту — о М. А.

30 октября.

Заезжал Яков Леонт. Обедали, играли на биллиарде.

31 октября.

М. А. играл в шахматы у Арендта.

Вечером были у нас Ермолинские. Взяли фотографии М. А. — очень удачные.

1 ноября.

Утром позвонил композитор Потоцкий, горячо говорил о своей симпатии к нам, о том, что он очень соскучился, и позвал вечером слушать его новую сюиту. М. А. сказал:

— Это какое-то дело у него есть.

Поехали туда с Яковом Л. Уже от него днем узнали, что дело не в сюите, а что Потоцкий написал либретто на тему о Разине. Приехали. Потоцкий действительно прочитал либретто (в нем — персидская княжна...). Очень дурно. По окончании чтения, после критических высказываний, — Потоцкий подошел к М. А., низко поклонился и, передавая рукопись, сказал — «в руце твои предаю...», то есть, другими словами, хотел, чтобы М. А. взялся править его либретто. М. А. отказался.

Неприятный вечер.

2 ноября.

Прислали билеты из МХАТа на генеральную репетицию «Земли» Вирты.

Женя Арендт попросила достать для проф. Бурденко билеты на «Каренину». Я позвонила Феде, хотя была в недоумении — он не позвонил по приезде из Парижа.

Билеты Федя устроил. И тут же спросил:

— Получили билеты на «Землю»? Приедете?

— Получили.

3 ноября.

На «Землю» не пошли.

5 ноября.

Арестован Пильняк.

Вечером у нас были Мелик с Минночкой и Ермолинские, от которых и узнали о Пильняке.

6 ноября.

Позвонил Петя Вильямс, хочет придти. М. А. позвал и Бориса Робертовича Эрдмана. Почитал им из «Записок покойника».

Борис Эрдман — тонкий собеседник, острый.

7 ноября.

Женичка пришел с демонстрации и обедал у нас.

8 ноября.

Дмитриевы появились из Ленинграда опять. Хотели придти, но я устала, нет ни Екатерины Ивановны, ни Пани.

Позвонил Яков Л., заехал, и они с М. А. и с Сергеем съездили на машине Якова к Елисееву, привезли кой-чего. Яков обедал у нас.

9 ноября.*

Вечером у нас шахматы.

10 ноября.

Ездили для выяснения вопроса о паевых взносах в Лаврушинский в контору. Конечно, не было бухгалтера.

Зашли к Евгению Петрову, приятно провели время около часа, потом их шофер отвез нас домой. Очень мрачный, поэтому на чай не решились дать.

Ужинали у нас Дмитриевы.

11 ноября.

Заходила к Троицким, узнала, что Добраницкий арестован.

Вечером М. А. прибирал книги. Я вытирала с них пыль.

12 ноября.

Днем заходили в Большой к Якову Л. Он получил также, как и М. А., письмо от Соловьева-Седого и просил М. А. зайти поговорить.

М. А. сказал, что он не будет подписывать договора на «Дружбу», не может взять на себя такого обязательства, т. к. чувствует себя плохо.

После этого пошли к доктору Цейтлину за одной книгой по психиатрии, которую он обещал дать М. А. У них состоялся очень интересный разговор. А когда М. А. вышел из комнаты, доктор мне сказал:

— Я поражаюсь интуиции М. А. Он так изумительно разбирается в психологии больных, как ни один доктор-психиатр не мог бы разобраться.

Вечером М. А. работал над романом о Мастере и Маргарите.

13 ноября.

Ездила опять в Лаврушинский. Вечные мучительные заботы — квартира, деньги...

Вечером М. А. пошел к Ермолинскому играть в шахматы, я проводила его туда.

14 ноября.

Вечером пошла с Екатериной Ивановной на премьеру «Человек с ружьем». Погодин и умен и видит окружающее и людей — но чувства сцены у него нет. Картины можно свободно переставить — первую вместо пятой, последнюю — вместо второй и т. д. Реплики тоже можно перекладывать из одной роли в другую. А главное — скучно. Щукин играет внешними приемами, думает все время о том, как стать, какой жест сделать, каким голосом — скороговоркой — сказать... Стремится к портретному сходству. Это очень отвлекает.

---

* В рукописи ошибочно: октября.

Снимок, подаренный Сергею Шиловскому: «Вспоминай, вспоминай меня, дорогой Сережа! Твой любящий искренно М. А. Булгаков. Москва. 29.X.1935 г.»

Хотя кто-то, не помню кто, сказал, что после виртовской «Земли» это откровение.

15 ноября.

Позвонил Конский — соскучился, — можно придти?

Пришел, но вел себя странно. Когда М. А. пошел к телефону, Гриша, войдя в кабинет, подошел к бюро, вынул альбом оттуда, стал рассматривать, подробно осмотрел бюро, даже пытался заглянуть в конверт с карточками, лежащий на бюро. Форменный Битков.

Говорил, что с Калужскими жизнь в общей квартире у них не налаживается.

Сегодня днем проходили по Камергерскому переулку и видели, как ломали, вернее, доламывали Малую сцену МХАТа, — место рождения М. А. как драматурга. Там шли первые репетиции «Дней Турбиных», или, как тогда называлось, «Белой гвардии».

17 ноября.

Первая метель. Все-таки вышли прогуляться. Дошли до Ермолинского.

А вечером проводила М. А. в Большой театр. Зашла за ним к половине двенадцатого, но оказалось — неожиданное совещание по поводу «Сусанина». Сейчас час, его еще нет. Либретто делает Городецкий Сергей, а М. А. привлекли к консультированию.

18 ноября.

Вчера М. А. вернулся из Большого театра в два часа ночи. А сегодня в четыре часа дня опять пошел туда же по тому же поводу — «Сусанин». Сидят все: Самосуд, Мордвинов, М. А., Городецкий, еще кто-то. Пианист играет «Жизнь за царя», а они проверяют текст, подгоняя его к музыке. Пришел М. А. домой часов в семь, а вечером опять было назначено собраться, он пошел к 11-ти, а вернулся в два часа ночи.

19 ноября.

Днем опять заседание по «Сусанину». М. А. пришел домой около шести часов.

Вечером для отвлечения позвал к себе Ермолинского и Топленинова играть в шахматы.

А Городецкий звонил — все насчет того же.

20 ноября.

Была сегодня на собрании в нашем доме по вопросу о новом жилищном законе от 17 октября. Судя по докладу, нас не будут уплотнять, платить будем за квартиру меньше, чем теперь, а паевые взносы вернут в течение года. Очень приятно.

23 ноября.

У Сергея температура, болит ухо. Звонки к докторам.

24 ноября.

Доктора. Потоцкий со своим либретто. М. А., отрываясь для разговоров с врачами, правит либретто. Потоцкий настойчиво просит М. А. войти в работу — соавтором. М. А. твердо отказал. Потоцкий расстроился.

Вечером Марк Леопольдович. Уверил, что прокола делать не надо.

Проводила М. А. (в такси) к Мелику, вернулась, дома сидел Ермолинский.

Позвонил Яков Л. и сообщил, что на «Поднятой целине» был Генеральный секретарь и, разговаривая с Керженцевым о репертуаре Большого, сказал:

— А вот же Булгаков написал «Минина и Пожарского»...

Яков Л. обрадовался этому и тут же позвонил.

1 декабря.

Я лежу с гриппом, Сергей — с желтухой...

Звонок Якова — нужен для Комитета искусств экземпляр «Минина». Хотела встать для переписки, М. А. удержал. Вечером Яков Леонтьевич позвонил — экземпляр нашелся в театре.

Звонил Куза о «Дон-Кихоте». Браться?.. Не браться?.. Денег нет, видно — браться.

2 декабря.

Звонок Кузы — предлагает заключить договор на «Дон-Кихота».

Второй звонок — из Вахтанговского театра, из дирекции: Ванеева просит М. А. приехать завтра.

3 декабря.

М. А. был у Ванеевой — торговалась плаксиво. Деньги будут давать по частям — седьмого, десятого.

Звонил Потоцкий: все сделал по замечаниям М. А. и теперь хочет «с трепетом» прочитать это у нас. Болван.

5 декабря.

Вечером часов в восемь на часок приехал Яков, засиделся допоздна. Привез книгу Фейхтвангера «Москва-1937». Много рассказывал о Керженцеве. Якову приходится трудно.

6 декабря.

Книга произвела на М. А. неприятное впечатление.

7 декабря.

Утром М. А. проснулся, как он сказал, в холодном поту. Обнаружил (ночью!) ошибку существенную в либретто «Сусанина» в картине в лесу, зимой. Стал звонить Самосуду, Городецкому, сообщил им все свои соображения.

Днем пошли за деньгами в Вахтанговский театр. По дороге нагнал Федя и пригласил 13-го к себе.

Получили деньги, вздохнули легче. А то просто не знала, как жить дальше. Расходы огромные, поступления небольшие. Долги.

Сегодня день рожденья Женюши, — он называется еще у нас «номер первый». Это М. А. выдумал игру: они трое (М. А., Женичка и Сергей) спрашивают меня в отдельности, кого я больше всех люблю, кто первый номер.

*9 декабря**.*

Позвонил Федя, напомнил о 13-м.

Потом звонок Оленьки. Рассказывала, что Алексей Толстой прислал Немировичу письмо возмущенное: «...мне прислали из театра требование вернуть 1000 руб. Какую тысячу?! Что такое?! Я, кажется, жив еще, пишу пьесы и такие, которые могут пойти во МХАТе...» и т. д.

Это он по поводу того, что у него был договор со МХАТом и он его не выполнил.

По словам Оли, сначала она схватилась за голову, потом схватился Виленкин, потом еще кто-то... Она позвонила Немировичу в Ленинград. И теперь М. А. уверяет, что Театру это будет стоить еще 20 тысяч — новый договор на пьесу с Толстым, которую он опять же не даст МХАТу.

12 декабря.

Выборы. Наши делегаты — Булганин и Москвин.

Вечером пришел к нам без звонка Мелик.

13 декабря.

Приехал из Ленинграда Соловьев-Седой, пришел днем. М. А. просидел с ним часа три, не меньше, выправляя его либретто.

---

* В рукописи ошибочно: ноября.

Играл нам новую картину своей оперы. Талантливо... но жидко.

У Феди на обеде: Кедров, Раевский с женой, Дорохин, Пилявская, Морес, Комиссаров, Ларин, Якубовская, Шверубович Дима, какой-то Ваничка, у которого оказался прелестный тенор. В конце вечера, уже в первом часу, появился какой-то неизвестный в черных очках, лет пятидесяти, отрекомендовавшийся — «Федин товарищ по гимназии»... Абсолютно как Туллер...

Было шумно, весело. Пели под гармонику — Дорохин играл. Федя привез из Парижа пластинку «Жили двенадцать разбойников», вспоминали «Бег».

14 декабря.

Керженцев пригласил М. А. Сообщил, что докладывал «высокоответственному лицу» о «Минине». Просил М. А. сделать поправки. Сказал, что поляки правильные. (А в прошлый раз говорил, что неправильные.) «Надо увеличить роль Минина, дать ему арию вроде „О, поле, поле...”» и т. д.

О «Дон-Кихоте» сказал, что надо сделать так, чтобы чувствовалась современная Испания. О, ччерт!..

М. А. приехал домой в его машине, усталый, измученный — в семь часов вечера.

Днем до этого он был вызван Самосудом в театр, где сначала был на прослушивании картины Соловьева-Седого и вел по этому поводу разговоры с Самосудом, а потом работал по «Сусанину», выправляя каждое слово текста.

Вечером у нас Дмитриев. Рассказывал, какая безвкусная постановка «Прекрасной Елены» у Немировича. А потом — что на «Землю» публика уже не ходит, боятся в Театре, что спектакль до весны не доживет.

15 декабря.

Проводила М. А. в Большой на репетицию «Броненосца „Потемкина”».

Обедал у нас Дмитриев. Говорит, что МХАТ собирается ставить кроме «Горя от ума» — еще инсценировки «Идиота», «Обрыва», «Войны и мира», причем все инсценировки будут делаться внутри Театра собственными силами — как-то, Марковым, Горчаковым, Сахновским...

Давай им бог.

16 декабря.

Пришло письмо от Асафьева — сплошная истерика. «Что с „Мининым”?! Из Комитета не разрешают делать монтаж оперы для радио!.. Вам не советуют общаться со мной!..» и так далее. Чувствуется, что издерган до последней степени.

Вечером пришел Яков Л.

17 декабря.

Днем М. А. был в Большом на репетиции «Потемкина», а потом там же работал с автором Чишко, выправлял текст либретто.

Вечером послал телеграмму Асафьеву — успокоительную.

В «Правде» статья Керженцева «Чужой театр» о Мейерхольде.

Резкая критика всего театрального пути Мейерхольда. Театр несомненно закроют.

18 декабря.

М. А. послал Асафьеву письмо очень спокойное, логическое.

19 декабря.

Вечером у нас Ермолинский, Вильямсы, Шебалин.

За ужином М. А. выдумал такую игру: М. А. прочитал несколько страничек из черновика инсценировки («Дон-Кихота»), Шебалин должен был тут же, по ходу действия, сочинить музыку и сыграть ее, а Петя Вильямс — нарисовать декорацию. Петин рисунок остался у нас, как память об этой шутке.

20 декабря.

Звонила Оленька, пригласила нас завтра к себе.

21 декабря.

М. А. послал письмо Асафьеву, предупредил, что тот должен приехать в Москву, если интересуется судьбой «Минина».

Вечером мы у Калужских. Хмелев, Прудкин, их жены, Герасимов. Рассказы о Париже. Хмелев очень смешно и талантливо рассказывал, как Женя Калужский лечил его коньяком в Париже от воспаления надкостницы и сам напился вдребезги.

22 декабря.

М. А. ходил в Сандуновские бани с Мордвиновым и Борисом Петровичем Ивановым из Большого.

Там же Борис Петрович передал ему письмо от Асафьева.

23 декабря.

Проводила М. А. в Большой.

Вечером — к Вильямсам пошли. Петя показывал начатый портрет Ануси.

24 декабря.

Днем у М. А. Потоцкий со своим «Разиным».

М. А. кто-то говорил, что Асафьева хотят отодвинуть от «Минина», его музыка не нравится многим.

М. А. тут же дал Асафьеву телеграмму, чтобы приехал.

25 декабря.

М. А. написал Асафьеву в суровом тоне, чтобы он ехал наконец в Москву. Ведь для него же это надо! И телеграмму дал о том же.

Приехал Дмитриев. М. А. заставил и его дать телеграмму Асафьеву. Потом Дмитриев попросил разрешения позвонить от нас в Ленинград. Вызвал какого-то Василия Ивановича. М. А. говорит ему:

— Бог с вами, Владимир Владимирович! Разве мыслимо!.. Василий Иванович!.. Да ведь за версту ясно, что конспирация. Бросьте! Я не разрешаю по моему номеру такие штучки...

26 декабря.

Звонок из Ленинграда, но говорит не Асафьев, а жена его. Повторяет только одно:

— Ваши письма расстроили Бориса Владимировича!

М. А. сердился, говорил потом — конечно, ни одно доброе дело не остается без наказания. Поделом мне.

Вечером у нас Дмитриев, Вильямсы, Борис и Николай Эрдманы. М. А. читал им главы из романа: «Никогда не разговаривайте с неизвестным», «Золотое копье» и «Цирк».

Николай Эрдман остался ночевать.

28 декабря.

У М. А. грипп.

30 декабря.

Сережку устроили в дом отдыха.

31 декабря.

Кончается 1937-й год. Горький вкус у меня от него.

У М. А. температура упала. Едем к Оле встречать Новый год.

1938

1 января.

У Оли: Кторовы (он пел, аккомпанируя себе на гитаре), Елина, Белокуров, Виленкин, мой Женюша.

Сегодня вечером были у Вильямсов. Был и Коля Эрдман. Просили М. А. принести роман — почитать. М. А. читал «Дело было в Грибоедове».

7 января.

Все дни М. А. проболел. Вчера у нас был доктор Брандер с женой.

Стреляли из Сережкиного ружья, надевали маски, развеселились чего-то.

8 января.

Сегодня — постановление Комитета о ликвидации театра Мейерхольда.

Вчера засиделись с Ермолинским в разговорах до пяти часов утра. Безобразие.

9 января.

Вчера были Калужские и Мелики. Разговоры о «Минине». Мелик сыграл первую картину.

12 января.

Шумяцкого сняли — из кино.

13 января.

Ходили во Всероскомдрам. Как всегда, отвратительное впечатление.

14 января.

М. А. с Ермолинским ходили на лыжах.

16 января.

Вчера наконец появился Асафьев. Пришел. Длинный разговор. Он — человек дерганный. Трудный. Но умен, остер и зол.

Сыграл сцену из «Минина» — Кострому.

Играет настолько хорошо, что даже и музыка понравилась.

17 января.

Вчера днем — ССП, надо было внести взносы.

Потом — Литфонд — получали бумажку на дополнительную площадь. Словом — всякая житейская чепуха.

Потом были в Агентстве литературном у Уманского — из Польши запрашивают «Мольера» для постановки.

Ясно, что разрешения на это не дадут. Как М. А. сказал — даже по спине Уманского видно, что не дадут.

Получили там же извещение о поступлении денег по «Мертвым душам».

Вечером М. А. был в Большом. Разговор с Меликом, Самосудом и Асафьевым о «Минине», о том, какие переделки делать и как.

После этого Мелик, Минна и М. А. — в шашлычную и позвонили ко мне. Я захватила Дмитриева, который сидел у нас, и поехала туда же.

Когда возвращались домой, по Брюсовскому, видим — идет Мейерхольд с Райх. Дмитриев отделился, побежал к ним.

Что же теперь будет с Мейерхольдом?

18 января.

Вчера М. А. с Мордвиновым и Вильямсом смотрели в мастерской ГАБТ макеты «Сусанина».

А вечером мы — у Вильямсов. Там же Николай Эрдман. Петя подарил М. А. картину — пейзаж.

19 января.

Вчера гробовая новость о Керженцеве. На сессии, в речи Жданова, Керженцев назван коммивояжером. Закончилась карьера. А сколько вреда, путаницы он внес.

Вечером — братья Эрдманы, Вильямсы, Шебалин.

М. А. читал из театрального романа куски.

Николай остался ночевать.

Сегодня днем М. А. работает с Соловьевым.

Сейчас будем все обедать — Седой, Коля, мы.

Звонок Уманского — речи быть не может об отправке «Мольера» в Польшу! Стало быть — ни дома, ни за границей!..

А как ответить польскому театру?!

20 января.

Сегодня — назначение нового председателя Комитета — Назарова. Абсолютно неизвестная фигура.

Днем опять с Седым работа у М. А. Работа не нравится М. А., он злится, нервничает. Положение безвыходное.

Из-за моего нездоровья отменили приход Меликов и Ермолинских. Ночью, часов в двенадцать, забрел Дмитриев. Рассказывал, что был у Мейерхольда. У того на горизонте появился Алексей Толстой — с разговором о постановке «Декабристов» Шапорина в Ленинграде. Дмитриев думает, что Мейерхольду дадут ставить оперы.

21 января.

М. А-чу приходится наново сочинять либретто для Седого.

Апрель 1935 г. Фото Н. Ушаковой

23 января.

О Назарове говорят, что он был сотрудником «Правды» по отделу искусства или заведующим этим отделом.

Вторично звонил некий Годинский (или Годицкий), написав-

ший пьесу о 1812 годе. Тут же предложил М. А-чу участвовать в редакции этой пьесы, сотрудничество. М. А. отказался. Но утешил его, пообещав сказать о ней свое мнение, когда Годинский привезет ее в перепечатанном виде, чтобы можно было ее прочесть.

25 января.

Вчера вечером М. А. отправился для всяких дел в Большой. Там шло «Лебединое озеро» с Улановой.

Совещание у Самосуда (Мордвинов, Седой и М. А.) все о той же опере.

Потом — собрание по поводу Ленинского дня.

Домой приехал с Вильямсами. За ужином Петя уверял, что публика изнывала от любопытства — кто такой? — глядя на М. А., сидевшего одиноко в бывшей царской ложе. Его посадила туда Серафима Яковлевна, так как театр был переполнен и ложа Б тоже набита до отказа.

Говорят, что Шумяцкий арестован — вместе с женой.

27 января.

Вчера был Николай Эрдман.

28 января.

Вчера были на блинах у Оли. Сахновские, Белокуров, Мелик, Виленкин.

Вкусно, отлично сервировано.

Рассказывали, будто помощник Керженцева Равичев (или Рабичев) застрелился.

29 января.

Вчера у М. А. был Годинский со своей пьесой.

Сегодня звонила днем Вера Дулова, приглашала нас первого на обед. Просила, чтобы М. А. привез и прочитал «Ивана Васильевича». Он отказался. Говорила, что на обеде будут Шостакович и Яковлевы.

Идем вечером слушать Пятую симфонию Шостаковича, которая сделала столько шума.

30 января.

Что было вчера в консерватории! У входа толчея. У вешалок — хвосты. По лестнице с трудом, сквозь толпу пробирался бледный Шостакович. В азарте его даже не узнавали. Бесчисленные знакомые. В первом отделении Гайдн, «Аделаида» Бетховена — пела Держинская.

Под конец — Шостакович. После его симфонии публика аплодировала стоя, вызывали автора. Он выходил — взволнованный, смертельно бледный.

Не хотелось домой, решили поехать компанией в «Метрополь» — мы, Вильямсы, Ермолинские и Борис Эрдман.

Сели в дальнем зале — все было заполнено. Подошел к нашему столу дядя Бориса Эрдмана — очаровательный веселый доктор. Подарил нам — дамам — куклы.

Пошли в бар, вернулись домой бог знает когда.

Сегодня днем М. А. работает с Годинским над его пьесой о 1812 г. Пьеса слабая. Как ее поправишь.

31 января.

М. А. составляет письмо И. В. Сталину о смягчении участи Николая Эрдмана.

Вечером заходил Борис Эрдман.

2 февраля.

На обед вчера не пошли к Дуловой — М. А. не был в настроении.

Днем была в филиале МХАТа на просмотре фильма «Катарина» с Франческой Гааль.

Вечером поехали к Вильямсам. Туда пришли еще Марков и Станицын, который говорил только о Париже. М. А. говорит, что мхатчики теперь навеки ушиблены Парижем. Но довольно скучно слушать все одни и те же дешевые рассказы.

М. А. правит письмо об Эрдмане.

Кроме того, написал письмо Асафьеву с дополнениями к «Минину».

5 февраля.

Сегодня отвезла и сдала в ЦК партии письмо М. А. на имя Сталина.

6 февраля.

Утром звонок Дмитриева, просится придти немедленно. Пришел подавленный. Оказывается, жену его, Елизавету Исаевну, арестовали. Советовался, как хлопотать.

7 февраля.

Говорил Ермолинский, что Ставский больше не будет секретарем Союза писателей.

8 февраля.

В газетах сообщение о страшной катастрофе, погиб дирижабль на севере, в пробном полете: он должен был лететь на выручку к папанинцам, которые в трудном положении на льдине.

Телеграмма от Седого, кричит, что у него простой.

Вот навалилась на голову М. А. эта ненужная забота.

Отправлено Асафьеву второе дополнение к «Минину».

Днем М. А. на репетиции «Трех толстяков». Сняли польку и марш, которые ему нравились — легкомысленные, но веселые.

Вечером пришли к нам Оля с Калужским. Ужинали. М. А. спрашивает:

— Ну, скажи, Оля, по совести, только мне, перекрещусь, что никому не скажу, — «Земля» — плохая пьеса?

Оля дрогнула, но потом очень искренне сказала:

— Да. Плохая.

Потом прибавила:

— Главным образом ее Театр испортил.

9 февраля.

М. А. урывками, между «Мининым» и надвигающимся Седым, правит роман о Воланде.

Вечером пошел к Ермолинскому.

10 февраля.

Днем заходил Дмитриев. Все соображает, как начать хлопоты о Вете.

Отправила телеграмму Седому, чтобы приехал.

М. А. объявил ребятам:

— Кто лучше и скорее выучится говорить по-немецки — получает приз — велосипед.

Это оказало действие, Сергей сегодня целый день говорит по-немецки.

М. А. готовит шприц — будет делать мне укол мышьяку.

М. А. уверяет, что Екатерина Ивановна (немка Сережина) выучится великолепно говорить по-русски, научится ругаться, и когда ей будет дурно на пароходе, во время их воображаемой поездки на пароходе, — а Сережка будет вертеться перед ней, она оттолкнет его ногой и скажет — Уйди ты, сволочь...

11 февраля.

Была вчера на «Толстяках».

Вчера была телеграмма от Асафьева: что присланные тексты прекрасны и он постарается написать отвечающую словам музыку.

12 февраля.

Вчера пришли братья Эрдманы и Вильямсы. М. А. прочитал, по их просьбе, первые главы биографии «Мольера». Петя сказал:

— Теперь я знаю, что буду просить у М. А. (это — за картину).

Дмитриев заходил ненадолго — перед отъездом в Ленинград.

13 февраля.

Вчера позвонил Седой, что приехал. А сегодня с часу дня пришел работать.

Возвратилась с премьеры «Прекрасной Елены» у Немировича. Распирает желание ругать спектакль. Такая безвкусица, пошлость. Актеры безголосые. Текст плохой. В зале не то что смеха — улыбки не было. Это в оперетке.

Все это понимают, но как всегда на премьерах — масса знакомых, родных (участниковских родных) — поэтому говорят с опаской, оглядываясь, туманно.

15 февраля.

Вчера днем опять Соловьев. Работал М. А. с ним до обеда.

Вечером пришел Николай Эрдман с женой, Диной, — М. А. прочитал «Ивана Васильевича». Николай сказал:

— Мне страшно нравится, когда автор смеется. Почему автор не имеет права на улыбку?

Легли очень поздно.

Сегодня в час дня опять Соловьев. У М. А. появилась идея какой-то музыкальной картины, он объяснял ее Соловьеву и просил играть разные нужные ему мелодии.

Телеграмма от Асафьева, что он уже написал музыку. Просит прислать следующие дополнения. Это темпы!

Сейчас М. А. в Большом, работает с Самосудом, Мордвиновым и Соловьевым. Только что звонил, сказал, что опять разрушается все построенное им здание сюжета. Это немыслимо.

На днях из Лондона получили письмо из какого-то отеля «Mount Royal Marble Arch». Начинается словами: «Dear Sir, should you be visiting London this year...»* — то указывают тариф, включая «breakfast»**.

Вчера в «Известиях» заметка о том, что «Прекрасная Елена» имела огромный успех, сегодня в «Вечерке» рецензия, в которой написано: «Прекрасная Елена» — большая победа, но... оркестр звучал тускло, грубо, что текст такой, что с ним надо бороться актерам, что рисунок многих ролей неправильный...

16 февраля.

У М. А. опять мучения днем с Соловьевым.

Вечерами он — урывками — над романом.

Сегодня была в Большом днем у Якова Л. — и он и Мордвинов отчаянно ругали «Прекрасную Елену».

18 февраля.

Вчера вечером были у нас Мелик с Минночкой, Калужские, мой Женичка. Чего-то веселились, надевали маски. М. А. показывал, по просьбе Мелика, как он, Мелик, дирижирует. Калужский изображал Немировича.

Сегодня днем М. А. работал с Соловьевым. Прервалось это мученье звонком Мордвинова, который вызвал Соловьева в театр.

19 февраля.

Вчера поздно вечером — Дмитриев.

Сегодня днем Мордвинов сообщил М. А., что он его освобождает от соловьевского либретто, нашел Соловьеву автора — Прута. От счастья М. А. пригласил Соловьева обедать.

21 февраля.

Вчера позвонил Федя. М. А. позвал его ужинать. Сидели уютно в кухне (нет домработницы). Разговор был скачущий: тут и «арестована буфетчица филиала, жена Саврасова», и «Прекрасная Елена»... Но главное — о М. А., о том, как он себя чувствует, его планы и т. д.

Сегодня иду с Женичкой на «Дни Турбиных», они случайно — на Большой сцене. Хмелев болен. Федя вчера уговаривал и М. А. придти, но он, конечно, отказался.

Асафьеву послали телеграмму, что М. А. нездоров, позже пришлет дополнения к «Минину». Соловьевское либретто довело до головных болей — упорных.

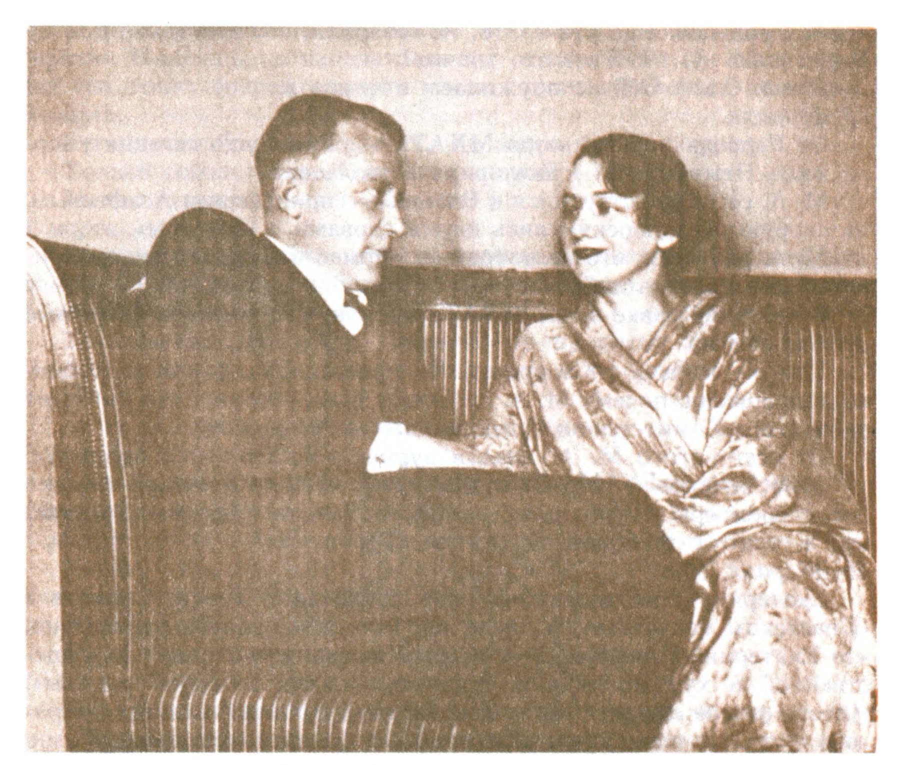
22 февраля.

«Дни Турбиных» живут, принимается каждая реплика, раскаты

---

* «Дорогой сэр, если бы Вы смогли посетить Лондон в этом году...» (*англ.*).

** Завтрак (*англ.*).



Апрель 1935 г. Фото Н. Ушаковой

смеха в смешных местах, полнейшая тишина, напряженность внимания — в гимназии, в приносе Николки. Слышала, как Боярский в антракте спрашивал у Феди: «Что это — всегда так принимают спектакль или только сегодня?». После конца — восемь занавесов. Для рядового спектакля — это много.

Сегодня в газете — Асафьев — по Ленинградской консерватории — награжден Красным Знаменем и получил звание народного. Телеграмма ему: «Поздравляю Приветствую Булгаков».

М. А. ходил на Арбат в книжный магазин и сниматься для паспорта — говорил, что видел в гастрономическом магазине Анатолия Каменского. Тот сказал, что написал об эмиграции и добавил: в своем роде — продолжение «Турбиных» (!).

23 февраля.

Вчера вечером были с Вильямсами в «Метрополе». Петя получил золотую медаль в Париже за панно. Хочет писать для нас картину «Похищение Европы».

В «Метрополе» видели Раевского.

Вечером поздно М. А. читал мне черновую главу из романа.

В Большом какая-то непонятная вещь: арестована Кудрявцева,

Иван Смольцов, еще кто-то. М. А. говорили, что арестован доктор Блументаль (!). Что все это значит?

Дома. Одни. Сейчас поужинаем и — спать.

25 февраля.

От Гаррель — у подъезда МХАТа — узнала, что сегодня умерла жена Немировича — Екатерина Николаевна.

М. А. сегодня встретился в Большом с приехавшим Асафьевым, на скорую руку перекинулись двумя словами о «Минине».

М. А. радуется, что не пойдет на «Ромео и Джульетту», не придется ему править либретто.

В книжной лавке возле МХАТа купили Марлинского и путевые письма Греча.

Там же встреча с Кнорре и с Чичеровым. Последний настойчиво допрашивал, почему М. А. не пишет пьес, говорил, что он будет работать в Комитете, он будет звонить к М. А. ...

От всего этого М. А. впал в дурное расположение сразу же.

Этот Чичеров — тип! Он в 1926 году, чуть ли не через два дня после премьеры «Турбиных», подписал, вместе с другими, заявление в газете с требованием снятия «Турбиных».

26 февраля.

Екатерину Николаевну на ночь привезли в Театр. Сегодня в «Советском искусстве», в числе прочего, в некрологе напечатано, что Екатерина Николаевна «с острым вниманием следила за общественной и художественной жизнью социалистической родины». Ничего она не следила, жила какой-то выдуманной жизнью и играла в куклы до последнего дня, прожила фантастически беззаботно свою жизнь. К чему эта ложь?

27 февраля.

Заходила в Большой, видела Якова Л., который только что приехал с кремации Ек. Ник. Говорил, что Владимир Иванович держался исключительно спокойно, говорил какой-то женщине — какая вы хорошенькая. Но, конечно, это все — защитная маска. Конечно, старику очень трудно.

М. А. с Сергеем в это время ходили на каток.

28 февраля.

Сегодня в газетах сообщение о том, что 2 марта в открытом суде (в Военной коллегии Верховного суда) будет слушаться дело Бухарина, Рыкова, Ягоды и других (в том числе профессора Плетнева).

В частности, Плетнев, Левин, Казаков и Виноградов (доктора) обвиняются в злодейском умерщвлении Горького, Менжинского и Куйбышева.

Вечером у нас Вильямсы. М. А. читал первый акт своей пьесы «Адам и Ева», написанной в 1931-м году по заказу ленинградского Вольфа. В ней наш треугольник — М. А., Е. А., я.

1 марта.

М. А. днем у Ангарского. Сговорились, что М. А. почитает роман.

У М. А. установилось название для романа — «Мастер и Маргарита». Надежды на напечатание его — нет. И все же М. А. правит его, гонит вперед, в марте хочет кончить. Работает по ночам.

3 марта.

Сегодня сообщено в газетах, что вчера начался процесс.

Только сейчас ушли Асафьев с женой и Мелик.

Мелик играл куски из «Минина».

4 марта.

Сегодня должны были придти Вересаев и Ангарский — слушать роман. Но Ангарский заболел, чтение отложено.

5 марта.

Вечером был Дмитриев. Подавлен по-прежнему арестом жены. Не знает, что предпринять, чтобы узнать о ее судьбе.

6 марта.

М. А. все свободное время — над романом.

7 марта.

Был Гриша Конский. Рассказал, что в МХАТе арестован Рафалович.

8 марта.

Роман.

9 марта.

Роман.

М. А. читал мне сцену — буфетчик у Воланда.

10 марта.

Ну что за чудовище — Ягода. Но одно трудно понять — как мог Горький, такой психолог, не чувствовать — кем он окружен. Ягода, Крючков! Я помню, как М. А. раз приехал из горьковского дома (кажется, это было в 1933-м году, Горький жил тогда, если не ошибаюсь, в Горках) и на мои вопросы: ну как там? что там? — отвечал: там за каждой дверью вот такое ухо! — и показывал ухо с поларшина.

Прут отказался от соловьевского либретто.

Была с Женичкой в консерватории на концерте Мелика «Буря» и «Четвертая симфония» (Чайковский). Какое наслаждение — особенно Четвертая. У М. А. сидел Дмитриев.

11 марта.

Роман.

12 марта.

Днем М. А. с Сергеем на «Коньке-Горбунке». Танцевала Минночка. Сережка аплодировал, наваливался животом на барьер и кричал «Б’аво, Минна Соломоновна!»

Звонки Л. Книппера. Рвется к М. А. разговаривать по поводу либретто «Мария», состряпанного по роману Павленко.

Вечером Дмитриев, советовался о письме, которое он хочет послать Сталину (о жене, Вете). Я переписала его письмо на машинке, так как М. А. сказал, что в ГПУ никто не поверит, что это писал художник Дмитриев — почерк как у домработницы.

«А впрочем, может быть, это как раз и понравится», — добавил М. А. задумчиво.

После двенадцати появился Книппер. Либретто представляет собой совершенную бессмыслицу. Он пытался отстаивать его.

13 марта.

Приговор: все присуждены к расстрелу, кроме Раковского, Бессонова и Плетнева.

Вечером М. А. в Большом — с Самосудом и Мордвиновым разбирали либретто «Мать» по Горькому. Потом все они поехали к Вильямсу смотреть его эскизы к «Ивану Сусанину». Эскизы всем очень понравились.

15 марта.

Вчера звонили из Театрального института, приглашали М. А. для переговоров о лекциях о Мольере. М. А. отказался — безмерно утомлен.

Вечером у Меликов — мы и Калужские.

Немирович разослал отпечатанное в типографии письмо-благодарность за сочувствие. В нем такая фраза, например: «Как бы ни был мудр потерпевший такую утрату...». А подписано письмо: «Народный артист СССР Вл. Ив. Немирович-Данченко с сыном».

Оля говорила, что В. И. хотел, чтобы это напечатали газеты, но там отказались — «за отсутствием места», — и тогда он дал отпечатать в типографии.

Конечно, и окружающие виноваты, что все время кричат ему о его «мудрости», но и самому не грех бы подумать.

16 марта.

Звонил Яншин, звал на «Цыган».

М. А. был у Федоровых, играл в винт — это вчера. А сегодня лежит с чудовищным насморком. Видимо, начинается грипп.

17 марта.

У М. А. грипп.

Сегодня в четыре часа прибыли в Москву папанинцы. Слушали по радио речи, потом утомились — однообразно, шумно, — и выключили. Наши газетчики не обладают чувством меры — последние дни газеты полны однообразными статьями, снимками.

Вечером к нам пришли Вильямсы. М. А. прочитал им главы «Слава петуху» и «Буфетчик у Воланда» — в новой редакции.

18 марта.

М. А. больной, сидит — в халате, в серой своей шапочке — над романом.

Рвался придти Гриша — нельзя, М. А. болен.

Оленька звала обедать — то же самое.

19 марта.

Грипп. Роман. Вечером Дмитриев. Утомил М. А.

20 марта.

Грипп. Роман.

Звонок Горюнова из Вахтанговского. Хотят встретиться с М. А., поговорить о «Дон-Кихоте», спрашивал — как идет работа.

Просил дать для своего ученика Алексеева-Месхиева «Турбиных», тот хочет на показе читать Шервинского.

Вечером приехал Марк Леопольдович, осмотрел, выслушал М. А., успокоил — ничего серьезного.

Поздно звонок Ануси — приехал Николай Эрдман, хочет повидаться — когда можно? Позвали и его и Вильямсов на завтра.

21 марта.

М. А. вызвали в Большой, работать над либретто «Мать» — приехал Желобинский. Я отзвонила Анусе — попросила придти 23-го.

Звонил Яншин — опять приглашал в Цыганский театр. Отказалась из-за болезни М. А. Звонили Дмитриев и Р. Симонов — звали обедать в «Националь». Отказалась — все потому же.

Вечером — М. А. пошел опять в Большой — для той же работы. А я, воспользовавшись свободным временем (М. А. ненавидит всякую суету в квартире), позвала полотера, уборщицу — навела блеск в квартире.

22 марта.

Приглашение от американского посла на бал 26-го.

Было бы интересно пойти. Но не в чем, у М. А. брюки лоснятся в черном костюме. У меня нет вечернего платья. Повеселили сами себя разговорами, и все.

24 марта.

Вчера Эрдман и Вильямсы. М. А. читал куски из романа. А сегодня — у М. А. опять работа в Большом. Пришел в час ночи, измученный, с мигренью.

25 марта.

М. А. рассказал про встречу, которая ему была приятна, в Большом. Подошел и познакомился с ним старый бас Сперанский. М. А. был приятен и разговор его и отношение.

Гриша попросился придти вечером и неожиданно привел с собой Курочкина. Кроме них — Дмитриев. Попросили М. А. почитать из Театрального романа.

26 марта.

Яков Л. привез М. А. из театра поздно вечером, остался посидеть. Жаловался очень на зверскую занятость, директора еще не назначили.

27 марта.

Звонок либреттиста оперы Кабалевского — «Мастер из Кламси» — Брагина. Нудный разговор, кончившийся предложением делать вместе «Оливера Твиста» — оперу для детей. Ясно — отказ.

28 марта.

Вчера вечером у нас Федоровы и Николай Михайлович, отец Андровской, и еще один их винтер знакомый. Играли в винт.

У М. А. ларингит, мучается, кашель мешает спать.

Приехал Сергей Ермолинский из Гагр, обедал у нас. Закончил сценарий «Романтики».

29 марта.

Вчера вечером доктор Канторович делал М. А. вливание ментола. Но за это М. А. должен был выслушать написанные доктором два рассказа.

Кроме того — Дмитриев.

31 марта.

Вчера днем М. А. был у Цейтлина (невропатолога), сговаривался о чтении романа. М. А. нравится Цейтлин и как человек, и как блестящий психиатр.

А вечером вчера читал Ермолинскому «Лысую гору». Сегодня они обедали в «Национале». М. А. говорит, что кухня хорошая там.

3 апреля.

Обедали в «Метрополе» с Вильямсами. Сначала пошли в «Националь», но там оказался какой-то банкет, вся прислуга бегала, как ошалелая, было понятно, что все равно ничего не получим толком, потому ушли в «Метрополь». Там были Борис Эрдман с женой, они тоже подсели к нам.

4 апреля.

Роман.

5 апреля.

Роман.

6 апреля.

Роман.

7 апреля.

Сегодня вечером — чтение. М. А. давно обещал Цейтлину и Арендту, что почитает им некоторые главы (относящиеся к Иванушке и его заболеванию). Сегодня придут Цейтлины, Арендты, Леонтьевы и Ермолинские.

8 апреля.

Неожиданно вчера вечером позвонил Николай Эрдман и сказал, что приехал, хочет очень повидаться. Позвали его с женой, также и Петю с Анусей.

Роман произвел сильное впечатление на всех. Было очень много ценных мыслей высказано Цейтлиным. Он как-то очень понял *весь* роман по этим главам. Особенно хвалили древние главы, поражались, как М. А. уводит властно в ту эпоху.

Коля Эрдман остался ночевать. Замечательные разговоры о литературе ведут они с М. А. Убила бы себя, что не знаю стенографии, все это надо было бы записывать. Легли уж под утро.

Вечером был звонок Радловых — Николая и Дины. Оказалось, они переехали из Ленинграда совсем в Москву. Хотят встречи.

9 апреля.

Николай провел у нас целый день, только что проводили его на вокзал.

М. А. сидит над дополнениями к «Минину».

10 апреля.

М. А. отнес переделки в Большой — Асафьеву.

У нас Дмитриев.

11 апреля.

Были вечером у Федоровых. М. А. играл в винт. А мы — Ванда, Федя и я — предавались воспоминаниям. Другие, не играющие в винт гости почтительно прислушивались к театральным разговорам.

12 апреля.

Была с Женичкой на «Аиде». Вспомнилось, что первый раз после знакомства мы были с М. А. на «Аиде», и М. А. говорил: Вы — Амнерис.

Мелик со своего дирижерского места длительно приветствовал нас, к большому удовольствию Женюши и к любопытству публики.

14 апреля.

Вчера вечером М. А. пошел к Сергею Ермолинскому, а я к Вильямсам. Туда неожиданно приехали Самосуд и Захаров смотреть эскизы Пети к «Сусанину». За ужином затеялся интересный разговор, и Самосуд забыл, что его ждет машина. Вспомнил в три часа ночи. Самосуд остроумен, наблюдателен, циничен.

Там же говорили о смерти Шаляпина в Париже. Сегодня в «Правде» есть сообщение об этом. А в «Известиях» — подписанная певцом Рейзеном заметка о том, что Шаляпин ничего после себя не оставил, вообще он уже ничего не давал и не мог дать, и подобная дрянь.

Самосуд отвез меня домой. По дороге говорил о том, что М. А. чересчур чист для нашей жизни.

16 апреля.

Была днем в дирекции Большого, сидела у Серафимы Яковлевны. Она сказала, что Рейзен получает много ругательных писем после своей заметки. Но что он говорит, что ничего подобного он не говорил, это дело рук газетчика.

Сегодня днем звонок Смирнова после длительного перерыва. Просил сказать точный номер газеты и название, откуда взята была горьковская фраза: «„Бегу“ предстоит анафемский успех». Сказал: до сих пор, — вы понимаете, — было не до этого, а теперь в ЦК занялись этим делом, и цитаты (Горького и Пикеля) ошарашили их.

Я сообщила и название и номер газеты. И попросила тут же вернуть мне экземпляр «Бега». На это он прямо вскинулся: «как же?! Сейчас же этот вопрос решается! На днях буду звонить Вам, надеюсь — с известиями».

17 апреля.

Вчера вечером у нас Мелики и Калужские. Мелик играл две картины из своей оперы «Печорин».

Сегодня днем была на генеральной «Кавказского пленника». Хорошие декорации Вильямса, слабая, нетанцевальная музыка Асафьева, неинтересная работа Захарова, прекрасное дирижирование Файера. А все вместе довольно-таки конъюнктурный спектакль, лишенный цельности, да еще с безвкусными волковскими вставками в пушкинскую канву.

*«Александровское бюро» —
любимое место работы М. А. Булгакова*

Масса знакомых, никому не нравится, говорят уклончиво, как всегда на генеральных.

18 апреля.

Вечером у нас Дмитриев. Ругал вчерашний спектакль.

19 апреля.

Пошли с Ермолинскими и Вильямсами ужинать в «Метрополь». Публика скверная. Про двух девиц, грязно одетых и танцевавших вдвоем неприлично, М. А. сказал — минимум на пять лет каждая.

Потом в баре появился мужчина маленького роста, нацмен, видимо, в ночной сорочке, заправленной в брюки, в помочах. Обратился к барменше. Та отвечала с каменным лицом. Он потоптался немного в баре, потом ушел. М. А. не выдержал, спросил у нее: кто? Оказалось, делегат Верховного Совета, приехавший в Москву. Пришел в бар за хлебом.

Тут же в баре сидели жулики — строители нашего нащокинского дома.

20 апреля.

М. А. пошел на премьеру «Кавказского пленника» — главным образом для встречи с Асафьевым, чтобы передать ему последние изменения.

21 апреля.

Вчера М. А. пошел с компанией после спектакля в «Националь», позвонил оттуда, чтобы я пришла. Но мне не хотелось. Он пришел домой во втором часу злой, голодный, говорил, что сначала решили идти небольшой знакомой компанией — Р. Симонов с женой, Мелик с Минночкой и мы. А потом оказалось, что стали подходить — кто-то из азербайджанской труппы, потом их знакомые. Ели не то, что надо, пили тоже все не то, то сидр, то шампанское. Потом отказывались взять с Мелика, Симонова и М. А. деньги. М. А. расстроился всем этим и ушел. Довез его домой Рубен.

Сегодня звонил Дмитриев:

— Можно придти?

М. А.:

— Ну, конечно, я уже смирился с этим бедствием.

22 апреля.

Сегодня был у нас Николай Радлов и угощал М. А. такими сентенциями:

— Ты — конченый писатель... бывший писатель... все у тебя в прошлом...

Это — лейтмотив. Потом предложение:

— Почему бы тебе не писать рассказики для «Крокодила», там обновленная редакция. Хочешь, я поговорю с Кольцовым?

Это что-то новое. Какая-то новая манера воздействия на М. А.

Сегодня в «Известиях» опровержение — от редакции: ничего из того, что было напечатано по поводу Шаляпина, Рейзен не говорил сотруднику «Известий» по телефону, а говорил даже «наоборот»...

Поэтому редакция «Известий» приносит свои извинения Рейзену, сотрудник же Ефроимзон уволен с работы.

Звонил Свен, просит М. А. принять его — написал пьесу.

23 апреля.

Дома, одни.

Роман.

Славу Богу!

24 апреля.

Днем у М. А. — Свен и Козырев. Я, больная, лежала у Сергея в комнате, ни пьесы, ни разговора не слыхала, а М. А. потом сказал, что если бы я слышала, то взбесилась бы.

Вечером М. А. пошел к Федоровым играть в винт.

Написала письмо в Лебедянь старушкам, хочу отправить туда летом Лоли с Сережкой.

Уже две недели у меня Настюша, я отдыхаю после всех цирковых номеров (как говорит М. А.), проделанных прежними домработницами.

25 апреля.

Днем звонил и заходил Асафьев, взял клавир «Минина», будет на отдыхе работать над ним.

Потом звонок Смирнова: он не нашел номера «Правды», где была заметка о «Беге», поэтому проще всего: он заедет к нам и на один день, если мы разрешим, — возьмет альбом с вырезками и покажет заметку кому надо.

М. А. сказал, что альбом он не даст из дому, а что, если нужно, он сам найдет этот номер газеты, если ему только дадут «Правду» за октябрь 1928 г.

Теперь понятно, что нужен был именно альбом вырезок Смирнову, а вовсе не экземпляр «Бега», или, вернее, все было нужно, но не для того, чтобы устроить постановку пьесы.

27 апреля.

Роман — днем.

Вечером я с Женюшей на «Евгении Онегине». Почему-то жутко надоела опера вообще. Хочется в драму. А идти не на что.

28 апреля.

Днем роман.

М. А. вечером — у Ермолинского. Шахматы.

29 апреля.

Из Лебедяни ответ — квартира есть. Вечером пришла Оленька с Калужским. Ужинали. Уже собрались они уходить, как вдруг — часа в два ночи — разгорелся бурный разговор о непринципиальности Немировича и вообще МХАТа. Кричали до четырех часов. Хорошо то, что Оля понимает гораздо больше того, чем говорит, и многое ей самой приходит в голову. Но Калужский упрямо отстаивает мхатовские сданные позиции.

30 апреля.

У нас Федоровы — винтят. Они принесли шампанское. Сидели до пяти часов утра. М. А. отдыхает за игрой.

1 мая.

М. А. пошел вечером к Арендту — посоветоваться, что делать — одолели головные боли.

2 мая.

Звонил Ангарский, просится придти сегодня же слушать роман.

3 мая.

Ангарский пришел вчера и с места заявил:

— Не согласитесь ли написать авантюрный советский роман? Массовый тираж. Переведу на все языки. Денег — тьма, валюта. Хотите, сейчас чек дам — аванс? — М. А. отказался, сказал — это не могу.

После уговоров Ангарский попросил М. А. читать роман (Мастер и Маргарита).

М. А. прочитал три первые главы. Ангарский сразу:

— А это напечатать нельзя.

— Почему?

— Нельзя.

15 августа.

Вот сколько времени я не записывала. Сейчас трудно все восстановить. Что помню? Бешеную усталость весной. Отъезд мой с Сергеем, Лоли и Санькой (сыном Калужского) в Лебедянь. Приезд туда М. А. (и Женички — тоже) — когда все было подготовлено — комната, без мух, свечи, старые журналы, лодка... Изумительная жизнь в тишине. На третий день М. А. стал при свечах писать «Дон-Кихота» и вчерне — за месяц — закончил пьесу. Потом — вместе с Женичкой — уехал в Москву. 7 августа известие о смерти в Москве Станиславского. Срочный отъезд Калужских. Через несколько дней выехали и мы. И вот сегодня около шести утра М. А. встретил нас на вокзале. Две машины всякого барахла. Квартира, после лебедянской скромной обстановки, показалась мне удивительно красивой. Корзина цветов от М. А. Радость встречи. Жалобы М. А. на Дмитриева, жившего у него неделю и сорвавшего работу над «Дон-Кихотом». Но Дмитриева, действительно, надо пожалеть, когда его хотели отправить из Москвы чуть ли не в Таджикистан, как мужа сосланной!

М. А. очень смешно показывал, как Женюшка, который часто приходил к нему и ходил по его поручениям, — задумчиво, молча считал деньги, сидя на диване. М. А. сразу догадывался, что он не додал чего-то.

17 августа.

Вчера заехал Леонтьев и уговорил поехать с ним в Зеленый театр смотреть там «Кавказского пленника».

Пыльно, дышать нечем, на сцене — топочущие лошади, бараны. Балаган.

Марков вцепился в М. А. — надо поговорить! Непременно! Надо дать что-нибудь для МХАТа — это ось разговора. М. А. говорил только об одном, о зле, которое ему причинил МХАТ.

Е. С. Булгакова. 1936 г. Фото Б. Шапошникова

23 августа.

Сегодня, во время мучительных разъездов и беготни по делу о возвращении квартирных денег, встретили в Лаврушинском Валентина Катаева. Пили газированную воду. Потом пошли пешком. И немедленно Катаев начал разговор. М. А. должен написать небольшой рассказ, представить. Вообще, вернуться «в писатель-

ское лоно» с новой вещью. «Ссора затянулась». И так далее. Все — уже давно слышанное. Все — известное. Все чрезвычайно понятное. Все скучное. Отвез меня к М. И., а сам поехал с М. А. к нам и все говорил об одном и том же. Сказал, что Ставского уже нет в Союзе, во главе ССП стоит пятерка (или шестерка?), в которую входит и Катаев. Сказал, что Куприн очень дряхл, не узнает окружающих, путается.

26 августа.

Сегодня в газетах объявление ССП о смерти Куприна. Грустно. Писатель был замечательный.

30 августа.

В Москве стоит небывалая жара — неестественная, непонятная.

Звонил Виленкин — они с Павлом Марковым просятся придти.

4 сентября.

Ночью, первого сентября, после ужина у Вильямсов, ездили на закрытой машине на Воробьевы Горы. Впечатление такое, что сейчас задохнешься — мгла, пропитанная запахом какой-то эссенции, очевидно, с какого-то завода. Красноватые тусклые огоньки внизу в Москве. Страшно.

Второго — прислали из ВОКСа копию письма о том, что в Лондоне в театре «Феникс» готовят «Дни Турбиных», просят прислать фотографии мхатовской постановки. Об этом еще раньше звонил Смирнов. Копию эту ВОКС, конечно, прислал с большим опозданием. Всегда такие письма волнуют М. А., создают неразрешимые вопросы.

В этот же вечер у нас чтение «Дон-Кихота» — Вильямсы, Николай Эрдман, Дмитриев с Мариной (новая его жена).

М. А. выверил на чтении пьесу, будет делать сокращения, есть длинноты.

Третьего сентября был Николай Эрдман, советовался с М. А. о письме, которое он хочет написать — просьбу о снятии с него судимости.

Сегодня первая ласточка из Вахтанговского театра, Горюнов, который прослышал о читке «Дон-Кихота». Сегодня же вечером, черт знает как поздно, просятся придти слушать несколько вахтанговцев.

5 сентября.

Вчера в полночь явились: Горюнов, Куза, Симонов, Ремизова. Видимо, понравилось. В некоторых местах валились от хохоту (янгуэсы, бальзам). Но тут же и страхи: как пройдет? Под каким соусом подать? Да как начальство посмотрит?..

Сегодня 800-й спектакль «Турбиных». Он должен был быть завтра, но сегодня случайно замена (вернее, отмена «У врат царства»).

По телефону поздравили: Оленька, Федя и Конский.

М. А. вечером в Комитете с Самосудом, слушали новую оперу Дзержинского «Волочаевские дни».

7 сентября.

Днем Дмитриев.

Потом М. А. с ним пошел в книжный магазин.

8 сентября.

М. А. днем на репетиции «Фауста». В это время дома — телефонный грохот из Вахтанговского театра. Тут и Козловский, и Куза, и от Ванеевой. Загорелось! Под вечер М. А. говорил с Кузой и категорически отказался читать труппе или совещанию, говорил, что не желает себя подвергать травле. Пусть рассматривают экземпляр и дают ответ.

Тогда просьба, чтобы прочел нескольким ведущим актерам у нас. На это М. А. согласился.

9 сентября.

Переписка «Дон-Кихота» закончилась, экземпляр выдан курьеру из Вахтанговского театра. После этого Козловский по телефону:

— Если разрешите, придем 11-го.

А кто — неизвестно.

Днем звонил Марков — когда М. А. может принять его и Виленкина, очень нужно переговорить. М. А. не было дома, я предложила придти сегодня вечером, предварительно позвонив.

За обедом — звонок. М. А. согласился на сегодняшний вечер.

10 сентября.

Пришли в одиннадцатом часу вечера и просидели до пяти утра. Вначале — было убийственно трудно им. Они пришли просить М. А. написать пьесу для МХАТа.

— Я никогда не пойду на это, мне это невыгодно делать, это опасно для меня. Я знаю все вперед, что произойдет. Меня травят, я даже знаю, кто. Драматурги, журналисты.

Потом М. А. сказал им все, что он думает о МХАТе, все вины его в отношении М. А., все хамства. Прибавил:

— Но теперь уже все это — прошлое. Я забыл и простил. (Как М. А. умеет — из серьеза в шутку перейти.) Простил. Но писать не буду.

Все это продолжалось не меньше двух часов, и когда мы около часу сели ужинать, Марков был черен и мрачен.

Но за ужином разговор перешел на общемхатовские темы, и тут настроение у них поднялось. Дружно все ругали Егорова.

Потом — опять о пьесе. Марков:

— МХАТ гибнет. Пьес нет. Театр живет старым репертуаром. Он умирает. Единственно, что может его спасти и возродить, это — современная замечательная пьеса. (Марков сказал — «Бег» на современную тему, т. е., в смысле значительности этой вещи, — «самой любимой в Театре».) И, конечно, такую пьесу может дать только Булгаков.

Говорил долго, волнуясь. По-видимому, искренно.

— Ты ведь хотел писать пьесу на тему о Сталине?

М. А. ответил, что очень трудно с материалами, — нужны, а где достать?

Они сразу стали уверять, что это не трудно, стали предлагать — Вл. Ив. напишет письмо Иосифу Виссарионовичу с просьбой о материалах.

М. А. сказал:

— Это, конечно, очень трудно... хотя многое мне уже мерещится из этой пьесы.

От письма Вл. Ив. отказался наотрез.

— Пока нет пьесы на столе, говорить и просить не о чем.

Они с трудом ушли в пять часов утра, так было интересно, — сказал Виленкин Оленьке на следующий день.

11 сентября.

Жара упала.

12 сентября.

Вчера было чтение вахтанговцам, у нас. Были: Захава, Глазунов, Рапопорт, Орочко, Козловский и Горюнов, который пришел ко второй половине пьесы.

Неожиданно появились братья Эрдманы.

Очень хорошо слушали Орочко, Рапопорт, Захава. Пьеса, видимо, очень понравилась.

— Но кто же может поставить? — говорит Орочко, — здесь нужен громадный режиссер. Надо Мейерхольда просить.

— Вещь замечательная, — сказал Рапопорт, — но при чем тут Мейерхольд? (Он даже насупился.)

Борис Эрдман сказал, что для художника — мечта сделать эту пьесу.

Вообще расшевелились все. За ужином вахтанговцы стали просить М. А. прочесть из «Записок покойника» — они уже слышали об этом романе.

Успех был громадный, хохотали, как безумные. Еще бы — МХАТ выведен!

Глазунов, больной и усталый, а потом осовевший после ужина, засыпавший, — начисто проснулся, вытаращив глаза, слушал и хохотал чуть ли не больше всех. Долго аплодировали после.

Глазунов сказал:

— Вот, приглашай вас в театр, — а потом, на поди, что получается!

М. А. сказал:

— Я ведь актеров не трогаю.

М. А. слышал, что вернули в Большой театр арестованных несколько месяцев назад Смольцова и Кудрявцеву — привезли их на линкольне... — что получат жалованье за восемь месяцев и путевки в дом отдыха.

А во МХАТе, говорят, арестован Степун.

Сегодня мы ездили на Истру, туда, где вахтанговцы нам дали, или вернее, продали, дачный участок. Нам предлагает доктор Аникин (рекомендация Русланова) купить у него половину дачи. Но

при этом с теперешним этим совладельцем — у Аникина суд. Непонятно. М. А., конечно, сразу оценил положение и сказал, что уж если строиться, то только самостоятельно. Местность очень хорошая, тишина, благодать. А как бы хорошо, действительно, иметь возможность приезжать на дачу из Москвы, жить в этой тишине. Но... не верится даже, что осилим. Подумать только, у М. А. написано двенадцать пьес, — и ни копейки на текущем счету. Идут только две пьесы — в одном театре. Откуда — отложить?

13 сентября.

Днем М. А. в консерватории с балетной группой по «Светлане» (чей-то новый балет). Самосуд его не хочет пропускать, а балетная группа уже сделала много. Головоломка.

14 сентября.

После долгого перерыва звонила Лида Ронжина, сказала, что и брат и дочь у нее арестованы, что на руках у нее остался маленький внук. Просила меня зайти.

Вчера «Светлана», а сегодня вечером М. А. у Мордвинова на заседании — по поводу поправок в либретто «Волочаевские дни».

15 сентября.

Опять работа в Большом над либретто (гусевским).

16 сентября.

Около половины первого ночи, когда у меня сидел Дмитриев, вернулся М. А. из балетного техникума — опять возня с исправлениями «Светланы» (оказывается, музыка Клебанова, либретто — Жиго).

Сильнейший ливень весь вечер и часть ночи. М. А-ча привез Габович в своей машине, он же за ним и заезжал.

М. А. приехал с мигренью.

18 сентября.

Вчера М. А. вернулся поздно от Лепешинской, где балетная группа, вместе с ней и М. А., опять ломали голову все над той же «Светланой» — рассыпается в руках либретто.

Усталость М. А., безнадежность собственной работы.

Сегодня обедал у нас Яков Леонтьевич. Я накрыла красиво стол, Яков привез пломбир. Были ребята — Сергей и Женичка. Смотрели в рот — Мише и Якову — все время ожидая смешных вещей, — как чеховский дьякон.

19 сентября.

Утром звонок по телефону из Вахтанговского театра, приехал кто-то из дирекции Свердловского театра, хочет поговорить с М. А. относительно пьесы.

— Которой? — спросила я.

— «Дон-Кихота», — после паузы удивленно ответил этот приезжий — Георгиевский.

Условились, что напишет из Свердловска.

А вечером Акимов Ник. Пав. звонил — о том же. Приедет завтра утром.

Как все повторяется. М. А. напишет пьесу — начинается ше-

веленье, звонки, разговоры, письма. Потом пьеса снимается — иногда с грохотом, как «Мольер», иногда тихо, как «Иван Васильевич», — и наступает полная тишина.

Сегодня вечером М. А. сел за правку июньского экземпляра «Мастера и Маргариты».

20 сентября.

Сегодня утром пришел Акимов, сказал, что вахтанговцы совершенно очарованы «Дон-Кихотом». Он хочет прочесть. Расхвалил свой театр (комедии?).

Прочитал пьесу тут же, сказал, что сейчас ничего не будет говорить, а вечером — надо, чтобы все осело. Позвонил вечером, по словам М. А., разговор был утомительный и нудный. С одной стороны — он чего-то не понял, а чего — неизвестно. Но с другой стороны — хочет ставить, просит прислать экземпляр пьесы в Ленинград в дирекцию и не заключать договора ни с одним ленинградским театром — не предупредив их.

21 сентября.

Утренние газеты. Гитлер хочет обрушиться на Чехословакию. Неужели возможна война?

М. А. ушел в филиал. Потом встретились с ним в дирекции у Якова Л. Яков убеждал, что мы идеализируем Дмитриева, что на самом деле он — плохой человек, грубый, эгоистичный и чрезвычайно практический.

Больно слышать — Яков все подкреплял фактами.

Одно только, что Дмитриев, как очень талантливый, очень сложный, очень запутанный человек, — действительно может как-нибудь неожиданно обнаружить и дурные черты. Или вернее, бывают периоды в его жизни, когда живущая в нем трусость вдруг подымается и заливает его. И тогда он оборачивается своими дурными свойствами. Яков Л. никогда его не любил и, как сам говорил, — ревновал к нашему исключительному отношению к Дмитриеву.

М. А. познакомился с Давыдовой и Мчедели. Разговор на ходу об опере, о пианисте.

Мучения М. А. со «Светланой». Самосуд ни за что не хочет пропустить этот балет. Хочет, чтобы М. А. разгромил либретто.

А что там громить? Не лучше, не хуже других. Балет как балет. (М. А. рассказал мне содержание.) Сделано уже много и макеты уже готовы.

А вечером тоже удовольствие: чтение либретто Городецкого: «Дума об Опанасе». Боже! М. А. сидел с красным карандашом, подчеркивая те места, которые необходимо изменить.

Но между всеми этими делами — постоянный возврат к одной и той же теме — к загубленной жизни М. А.

М. А. обвиняет во всем самого себя. А мне тяжело слушать это. Ведь я знаю точно, что его погубили. Погубили писатели, критики, журналисты. Из зависти. А кроме того, потому, что он держится далеко от них, не любит этого круга, не любит богемы, амикошонства.

Ему это не прощается. Это как-то под пьяную лавочку высказал все Олеша.

22 сентября.

Вчера в таких же разговорах досидели до четырех утра. Сегодня утром звонили из Вахтанговского — на какое число хотим билеты на «Шел солдат с фронта» — сказала — на 25-е.

Потом — из Большого — Яков Л.

— Где М. А.?

— Ушел в филиал.

— У меня к нему дело есть, интересное. Хороший разговор.

Потом оказалось, что Большой театр предлагает М. А. делать либретто по «M-elle Фифи» с Дунаевским — композитором.

Самосуд подчеркивал:

— Главное — интересная фабула!

Часть материалов раздобыли тут же — на обратном пути домой.

А сейчас, ночью, М. А. рассказал мне содержание всех пяти картин.

23 сентября.

С утра М. А. диктовал мне заключение по поводу этого проклятого Опанаса.

Потом — в филиал. Потом — дирекция. М. А. попросил достать из библиотеки Мопассана в подлиннике. Яков предложил свою машину, и мы поехали домой. Вечером тихо дома. М. А. читает Мопассана.

24 сентября.

Дикое утомление от выходного дня.

М. А. днем работал над «Фифи», а вечером поехал к Вильямсам и с ними вместе — к Понсовым.

25 сентября.

М. А. — за «Фифи».

Вечером пошла с Оленькой в Вахтанговский («Шел солдат...»). Катаев — автор, Петров, Алексей Толстой, Фадеев.

Автора не вызывали ни разу. Разговаривала с Вильямсами, конечно — с Дмитриевым, художником спектакля. Он был до слез взволнован, что на сцене разорвалась туча и дождь не пошел.

Видела Русинову, она мне говорила, что в том виде, как написан «Поход 14 держав», театр ставить не будет, а Алексей Толстой не хочет переделывать. Что будет — неизвестно.

26 сентября.

Сегодня днем М. А. проведал Арендта, тот болен. От него — к зубному врачу.

Вечером — «Фифи». Читал мне первую картину.

27 сентября.

В «Вечерке» ругают Катаева за фальшь и поверхностность. Звонил мой Женичка и сказал, что в «Красной Звезде» и в «Комсомольской правде» тоже ругают.

В «Литературке» — статья Горюнова — о репертуаре, плаксивая. Перечисляет все обиды, нанесенные театру. Как Комитет им

сказал, что юбилейную пьесу дадут им после конкурса, что конкурс провалился, что они сами должны были искать пьесу, что пьесу дорабатывал автор уже в театре с помощью всего коллектива («Человек с ружьем» Погодина). О том, как начальник Театрального управления Гранберг (или Гринберг — не помню) директивно предложил им ставить пьесу Прута. И еще много всяких разностей. В конце статьи, при перечислении пьес, которые они собираются ставить, — «Дон-Кихот», который сделал М. Булгаков.

Звонил Марков — когда можно придти? Условились на сегодня вечером.

28 сентября.

Вчера, конечно, засиделись очень поздно. Пришли Марков и Виленкин. Старались доказать, что сейчас все по-иному: плохие пьесы никого не удовлетворяют, у всех желание настоящей вещи. Надо, чтобы М. А. сейчас именно написал пьесу. М. А. отвечал, что раз Литовский опять выплыл, опять получил место и чин, — все будет по-старому. Литовский — это символ.

После ужина они уговорили М. А. почитать. Он прочел три первые главы «Мастера». Сказали, что все так ясно видно, так ощутимо. Условились, что первого придут слушать продолжение.

Марков, уходя, говорил, что «в воздухе — грозный призрак войны».

Сегодня утром М. А. читал присланное ему на отзыв либретто «Ледовое побоище». Авторы приводят мотивы, почему надо ставить эту оперу, доказывают на трех страницах, что театру выгодна эта постановка, так как налицо полная аналогия с немецкими фашистами. А кроме того — можно показать на сцене такие эффектные вещи, как северное сияние, перевертывающуюся льдину, кровавый лед и тому подобное.

Либретто (текста) нет, есть экспозиция. Неизвестно, что они сделают, сюжетная линия путаная, громоздкая.

М. А. пошел с Сережкой в Сандуновские бани.

Включила радио: войска идут через Берлин в полной готовности. Гитлер объявил Чехии ультиматум.

Значит, действительно, война! Боже.

Вчера говорили об Олином зрении, боюсь, что оно у нее очень ухудшается. Сегодня позвонила к Жене Калужскому, просила его запретить Оле так много печатать (она берет работу на стороне, чтобы покупать всякую фарфоровую ерунду — ее увлечение). Уговаривала показать ее врачам лучшим, предлагала устроить прием у Бурденко. Но Калужский как-то равнодушно, вяло отнесся. Буду говорить с Оленькой опять.

29 сентября.

Звонил Марков. По моей просьбе он говорил с Владимиром Ивановичем об Олиных глазах, и тот обещал, что будет говорить с Оленькой и просто запретит ей брать халтуру, а то она стучит часов по 5—6 по вечерам.

Потом Паша Марков стал восхищенно говорить о романе.

А под конец — о «Дон-Кихоте», очень хочется познакомиться с пьесой.

— Как вы думаете, может так быть, что вахтанговцы, испугавшись, что у них нет нужных актеров, — отказались бы от пьесы?

И сам добавил:

— Конечно, ни за что не откажутся, не дураки.

Я обещала на этих днях — если М. А. согласится — позвать Маркова, Виленкина и Калужских, которые давно просят, — и устроить чтение.

Звонил Ермолинский, приехавший из Вешенской от Шолохова, у которого он прожил около месяца, — работал над сценарием «Поднятая целина».

Охотился там с Шолоховым, рыбарил.

Потом М. А., по вызову Мордвинова, пошел в филиал, я проводила его, и мы условились встретиться в дирекции у Якова Л.

М. А. пришел туда измученный напористым разговором с автором (или обоими — не поняла) «Ледового побоища». Сказал, что он будет к нам звонить, придется еще встретиться.

Яков отвез нас домой, а вечером М. А. опять пошел в дирекцию, где назначено совещание по поводу поздравления МХАТа с юбилеем.

30 сентября.

М. А. пришел вчера часов в одиннадцать. Рассказывал, что он предложил сыграть какую-нибудь сцену из «Вишневого сада», чтобы певцы играли. Но никто не принял этого.

Сейчас двенадцать часов ночи. М. А. ушел в дом писателей, в клуб посидеть, поужинать с Евгением Петровым.

Видимо, Чехословакию поделят без вмешательства военной силы.

1 октября.

С раннего утра звонки Таранова, автора этого самого Побоища: как бы встретиться с М. А.?

М. А. назначил — в час дня в дирекции. Куда я его и проводила.

Погода изумительная, тепло, солнце.

М. А. вернулся усталый в пять часов. Кроме встречи с Тарановым, было еще совещание по поводу юбилея МХАТа.

А сейчас только что за ним заехал Мордвинов (начало девятого) и повез его к Гусеву — работа над гусевским либретто «Волочаевские дни».

Утром М. А. рассказывал мне, что Катаев в отчаянии от истории с пьесой. Он не привык к ругани, а тут — во всех газетах! Обвиняет театр — что испортил пьесу из подхалимства.

Часов в десять позвонил Куза и сказал, что «Дон-Кихота» читали в надлежащих местах (где?!) и он очень понравился. Теперь же читают роман (для проверки, что ли?).

Я говорю — ну, тогда ответ будет через год.

— Нет, нет. Этот человек, которому поручили, уже прочитал первый том. Я надеюсь дать в конце этой шестидневки Михаилу Афанасьевичу благоприятный ответ.

Да, Чехия вынуждена была сдаться без борьбы. Германцы занимают ее области. Войны не будет.

2 октября.

М. А. днем пошел в «Националь» навестить Асафьева, хотел объяснить ему свое молчание. Асафьева не застал, говорил с его женой — Ириной Степановной. Вечером Асафьев позвонил. А позднее М. А. пошел с Дмитриевым в Клуб писателей — ужинать. Дмитриев позвонил, сказал, что хочет посоветоваться. Разговор этот вылился в объяснение. М. А. говорил ему, что его эгоизм нетерпим, что он почему-то позволяет себе говорить грубо с людьми, да еще ссорит людей между собой, передавая им сплетни, что из-за этого М. А. стал относиться к нему неприязненно, что Дмитриев должен изменить свое поведение.

Думаю, что Дмитриев был очень огорчен. Все это правда, что ему говорил М. А., но в корне он (Дмитриев) страшно любит М. А.

М. А-чу нравится Клуб писателей, говорит, кухня хорошая и пусто. Я-то не люблю этих заведений — тоска нападает.

3 октября.

Днем М. А. рассказывал Самосуду в театре содержание «Рашели» («Фифи»). Тому понравилось, но он сейчас же, по своему обыкновению, стал делать предложения каких-то изменений.

М. А. грустен, но ничего поделать нельзя. Приходится работать и подчиняться указаниям, делать исправления. Выхода никакого нет.

Днем звонил Федя:

— Дирекция МХАТ спрашивает, на какие юбилейные спектакли М. А. хотел бы пойти с Вами?

— Спрошу у М. А.

Он — М. А. — тут же впал в ярость.

— Никогда моя нога там не будет!

Стал вспоминать все надругательства, которые над ним произвели во МХАТе...

Еле успокоила. Решили прогуляться по Арбату, в букинистический, в диетический — за икрой.

В диетическом толчея безумная, купили икры — 69 руб. кило.

Книг интересных М. А. не нашел.

Поражает погода — стоят совершенно ясные дни, очень тепло.

Кроме германских, вступили в Чехию и польские войска. Чехия кончила свое существование — без боя.

4 октября.

Утром позвонил Федя — о том же.

— Поблагодарите, пожалуйста, от Мишиного имени дирекцию, но пойти он не может. Он никогда не пойдет во МХАТ.

Федя:

— Я все понимаю, Люсенька, но я думаю, что время заставляет забывать...

— Ну, есть вещи, которые не только не забываются, но еще острее становятся с течением времени.

Настроение у нас убийственное. Это, конечно, естественно, нельзя жить, не видя результатов своей работы.

Поехали за деньгами в сберкассу, оттуда в дирекцию. Яков Л., как всегда обаятельный, попросил М. А. помочь ему — написать адрес МХАТу.

М. А. сказал:

— Яков Леонтьевич! Хотите, я напишу адрес вашей несгораемой кассе? Но МХАТу — зарежьте меня — не могу! Я не найду слов.

Яков нас повез домой, по дороге заезжали за пивом к Никитским воротам. Условились, что вечером Яков придет к нам.

6 октября.

Вчера вечером — Оленька с Калужским. Старались уговорить Олю обратить серьезное внимание на зрение. Может быть, йодистое лечение нужно? Нужно пойти к опытному невропатологу?

Оля рассказывала о том, как Леонидов обрушился на Немировича на репетиции «Достигаева» — за его замечания после репетиции, назвал Немировича, в числе прочего, душителем, кричал:

— Вы опять ходите грязными сапогами по бриллиантам! и прочее.

Немиров не нашел ничего лучшего, как велел Оле преподнести Леонидову его (Немировича) книгу. Леонидов от этого впал в совершенное бешенство.

7 октября.

Вчера приехали: Яков Л., Дунаевский Исаак, еще какой-то приятель его (опять — Туллер?).

Либретто «Рашели» им чрезвычайно понравилось. Дунаевский, вообще экспансивная натура, зажегся, играл, импровизировал польку, взяв за основу несколько тактов, которые М. А. выдумал в шутку, сочиняя слова польки. Дунаевский возбужденно говорил:

— Тут надо будет брать у Бизе, у Пуччини! Что-нибудь такое страстное, эмоциональное! Вот послушайте, это ария Рашели!

Тут же начинал делать парафразы из упомянутых композиторов, блестел глазами, вертелся, как вьюн, подпрыгивал на табуретке.

Рассказал — очень умело — несколько остроумных анекдотов. Объяснялся М. А. в любви. Словом, стояло полное веселье. Как вдруг Яков сказал мне отдельно, что Самосуд заявил:

— Булгаков поднял вещь до трагедии, ему нужен другой композитор!

Ну и предатель этот Самосуд. Продаст человека ни за грош. Это ему нипочем.

8 октября.

Дунаевский прислал громадную корзину цветов мне.

Сережка отколол такой номер. Был в Ржевском, там говорили о пьесе Толстого. Сергей сказал с видом знатока:

— Такая дрянь!..

Усовещивали его долго дома с М. А.

Вечером — Николай Робертович, Вильямсы, Марика.

Сейчас проходит конкурс дирижеров. Мелик нервничает. По общему мнению всех слышавших его выступление — его забили. Говорят: да, как оперный дирижер он хорош. Но для концертов...

Самосуд твердо решил отстранить Дунаевского от оперы, а взять для «Рашели» Кабалевского. М. А. говорит ему:

— Интересно знать, как же дирекция будет смотреть в глаза Дунаевскому?

Тому — хоть бы что. Посмотрел на М. А., как на наивного ребенка.

Третий день подряд обедали в Клубе писателей — тихо, кормят хорошо.

Вчера М. А., чтобы показать мне игру знаменитого маркера Березина (Бейлиса), играл с ним в американку. Тому, видимо, нравится М. А., и поэтому он играл, затягивая игру, хотя мог бы ее закончить в две минуты. Что он и сделал после просьбы М. А.— он просто не дал ему положить ни одного шара. Тихий, вежливый человек, с очень грустными глазами.

Вечером — одни дома.

9 октября.

Сегодня утром условилась с Анусей встретиться в дирекции Большого. Пока ее ждала, подсел Самосуд, разговор был о «Рашели». Он стоит на своем: только Кабалевский может сделать эту музыку.

Потом пришла Ануся, вышли, встретили на Лубянской площади Николая Эрдмана, купили вина, сыр, шоколад и пошли к Вильямсам. Пришел домой Петя. Николай прочитал начало своей комедии. Он читает очень своеобразно, очень хорошо. Потом он проводил меня домой.

Сейчас к нам придут Файки и Волькенштейн играть в винт с М. А.

10 октября.

Они пришли и играли часов до трех. А потом начались разговоры:

— Зачем вы повесили на стены все эти статьи: «Ударим по булгаковщине» или «Положить конец „Дням Турбиных“»..?

Разговор, естественно, пошел по линии литературной жизни М. А.

Ушли они в половине пятого, мы еще просидели вдвоем до половины шестого.

У М. А. мрачное состояние.

13 октября.

Вчера попросился придти Дмитриев с Мариной. Кроме того,

были Ермолинский и мой Женичка. М. А. по их просьбе читал роман — три первые главы.

Сегодня М. А. диктовал мне либретто шуточного заседания — это он выдумал для приветствия МХАТу от Большого. Это будет в конце месяца.

Днем М. А. заходил в кафе, видел там Афиногенова, который взывал — «родной мой!» и тащил его к себе на дачу. Но М. А. отказался — занят.

14 октября.

Только что вернулись от Леонтьевых. Милый вечер, если бы не вопрос о Дунаевском.

М. А. рассказывал содержание «Рашели». Мелику понравилось очень. Хотя тут же возник вопрос — как же показывать в опере кюре! Но если заменять его кем-нибудь другим — все пропадет. Будет нехудожественно, а сейчас так хорошо.

Дунаевский играл свои вальсы и песенки. Весело ужинали.

15 октября.

Возобновление «Фауста». Маргарита — Жуковская, Фауст — Лемешев, Мефистофель — Пирогов. Декорации — такие, как помню в детстве были в Рижском оперном немецком театре, очень наивные. Но мне это нравится.

Возвращались — под проливным дождем — в машине Якова Л. — вместе с ним.

16 октября.

Начинается метель, но тут же превращается снег в слякотную грязь.

М. А. поехал играть в винт к Федоровым.

17 октября.

Неожиданно вчера вечером ко мне приехали сначала Ануся, потом и Петя. Во время ужина позвонил Женичка мой и сообщил, что умерла Блюменталь-Тамарина.

Сегодня днем звонил режиссер областного ТЮЗа Половцев с вопросом, не может ли М. А. дать детский вариант «Дон-Кихота» для их театра.

18 октября.

Вчера вечером пришли: Мелики, Ермолинские и Федоровы — послушать «Дон-Кихота».

Поздравляли Мелика, он получил вторую премию, так же как и Рахлин. Первую получил Мравинский. Мелик принес шампанское.

Сегодня дурнейшее настроение, возня с Сережкой, который томится по выходным дням, и дурная погода.

Около четырех часов слышала, как Боярский по радио говорил приблизительно такое: «...пьеса Михаила Булгакова «Дни Турбиных» вызвала, при своей постановке, волнения из-за того, что многие думали, что в ней содержится апология белого движения. Но партия разъяснила, что это не так, что в ней показан крах и развал белого движения...».

Е. С. Булгакова. 1936 г. Фото Б. Шапошникова

М. А. написал Ванеевой — почему задерживается ответ о «Дон-Кихоте». В это же время звонил Горюнов; по его словам, пьеса уже была в Реперткоме и теперь находится в ЦК ВКП.

20 октября.

Вчера позвонил Федя Михальский, сказал, что у него свободный вечер, я позвала его к нам. Рассказывал, что М. А. внесен в список приглашаемых на юбилей МХАТа, очень просил нас непременно придти. М. А. сказал — нет.

Потом Федя начал убеждать М. А. написать для МХАТа пьесу. Грустный, тяжелый разговор о «Беге». М. А. говорил, что ему закрыт кругозор, что он искусственно ослеплен, что никогда не увидит мира... Федя расстроился и растерянно говорил — нет, нет, вы, конечно, поедете, — сам не веря в это.

21 октября.

Вчера с Мариной и Дмитриевым ужинали в Клубе писателей. Дмитриев мучается, что ему не возвращают паспорта.

Рядом в зале Погодин читал свою «Падь серебряную».

Сегодня мой день рождения, получила три корзины цветов.

22 октября.

Опять звонок Половцева. М. А. сначала думал принять его, потом передумал — не стоит.

Куза по телефону: они возятся с «Дон-Кихотом». Письмо М. А. их взволновало, и они стараются показать, что они яростно хлопочут о проведении этой пьесы.

Ванеева — о том же и о том, что в Реперткоме она произвела благоприятное впечатление.

М. А.:

— Мне не нужны одобрительные отзывы о моей пьесе, мне нужна бумага — разрешена эта пьеса или нет.

Опять Куза:

— 28-го надо ехать в Репертком вместе, разговаривать.

М. А. мне:

— Ох, будет мука мученическая с двух сторон. Репертком будет стараться не дать разрешительной бумаги, а Куза будет стараться испортить пьесу нелепыми вставками.

23 октября.

День рожденья Сергея (фотоаппарат и двухметровый биллиард). Приход Женички, восторг при виде биллиарда. Игра.

В «Правде» статья Маркова о МХАТе, перечислены советские авторы, их пьесы, Булгакова и «Турбиных» нет.

Оля по телефону уверяла, что это в редакции вычеркнули. Весьма вероятно.

Оля звала меня на генеральную «Горе от ума». Я не пошла.

24 октября.

Из Большого приглашение на «Поднятую целину». Сегодня открытие театра после ремонта. М. А. поехал.

25 октября.

Принесли из МХАТа билеты на премьеру «Горе от ума» (30-го), на премьеру «Достигаева» (31-го) и приглашение на торжественное заседание 27-го.

26 октября.

Ужинали Ермолинские. Позвонил Яков Л. — о награждениях во МХАТе. В половину второго ночи позвонила Оленька — счастливая, радостная. Калужский получил Знак Почета, она получит ценный подарок.

Немирович получил все сполна; кроме того — улицу (Глинищевский пер.) переименовали в улицу его имени — и дали дачу, вполне оборудованную.

В конце разговора Оля спросила:

— Значит, до завтра? Ведь вы придете?

— Нет.

— Как?! И ты не придешь?

— Нет, не приду.

— Но почему?!

— Я сказала — почему.

Ведь подумать только. В число юбилейных спектаклей не включили «Турбиных», идущих 13-й год, уже больше 800 раз! Ведь это — единственный случай с пьесой советского автора. Кроме того, ни в одной статье не упоминается ни фамилия Булгакова, ни название пьесы.

27 октября.

Сегодня в газетах опубликованы награждения по МХАТу.

Их очень много, есть награждения званием, много новых народных (Еланская, Коренева, Ершов, Станицын и др.), награждения орденами, награждения денежные (Немирович получил 25 тысяч, другие старики по 20 тысяч и так далее).

В «Известиях» помещена статья некоего Хентли Картера, по телеграфу из Лондона, называется «Театр мирового значения». Он пишет, между прочим, что МХАТ оказывает влияние на репертуар европейских театров, в одном только Лондоне шли: «Вишневый сад», «Три сестры», «Синяя птица», «На дне» и советская пьеса «Дни Турбиных» под названием «Белая гвардия».

Вечером к нам пришли Вильямсы. М. А. прочитал им первую картину «Рашели».

28 октября.

Утром Куза по телефону: Репертком был в Ленинграде эти дни. Я узнаю, вернулись ли, позвоню. Подождите моего звонка.

Неожиданное появление в квартире страхового агента, уговоры застраховать жизнь. М. А. категорически отказался. Тогда тот — совершенно на американский манер, стал говорить очень горячо:

— Но позвольте!.. Сейчас вы здоровы, а завтра вы достаете книги с этой вот верхней полки, падаете, разбиваете себе голову, и вот ваша супруга получает 20 тысяч! Или завтра вы идете по улице, попадаете под трамвай, — и вдова ваша получает 20 тысяч!

На каком-то, кажется, четвертом примере М. А. сдался и, чтобы сделать ему удовольствие, — застраховался на 20 тысяч на один год.

Тогда агент принялся за меня. Убедил он меня тем, что сказал: если я и вас застрахую, я получу премию за 100 %-ное выполнение своей задачи.

Позвонил Куза — реперткомовцы не приехали, свидание откладывается.

Вечером работа М. А. над второй картиной «Рашели».

29 октября.

Куза — опять с комплиментами по поводу «Дон-Кихота»: страшно нравится всем... профессор Дживелегов в восторге...

Репертком приезжает 31-го, встреча будет либо 31-го, либо 1-го.

М. А. пошел к Федоровым винтить.

Леонтьевские дамы привезли билеты на завтрашний концерт в Большом. Рассказывали, что были на генеральной «Горя от ума», что играют плохо, Качалов им не понравился. Понравился Тарханов и Андровская. Дмитриева разругали.

Конечно, они вроде меня, пристрастны к МХАТу, но, может быть, есть и правда.

30 октября.

Была на концерте с Женичкой и Сергеем. Сидели в середине первого ряда, так что и Мелик, дирижировавший «Сечей» и «Риенцо», и Файер (балетными номерами), улыбались и даже общались с нами.

Сергей изредка наклонялся ко мне и шептал: мелодическая вещь... Вспотел, бедняга! (про Мелика)... жиденький аплодисмент... терпеть этого не могу! (про певицу). Женичка возмущался его поведением. Он был элегантен, как всегда.

31 октября.

Днем М. А. в Большом — работа по юбилейному шуточному заседанию в честь МХАТа.

Звонил Куза: свидание с Реперткомом назначено на 4 ноября. До чего надоело это.

1 ноября.

Прямо удивительно — ноябрь, а на дворе тепло, хожу в летнем пальто нараспашку, правда, в вязаном костюме.

Зашла, проводив М. А. в Большой, к зам. директора Литфонда, сказала, что в магазине Литфонда отказались дать писчую бумагу Булгакову — «он уже и так получил больше нормы», а норма, оказывается, четыре килограмма бумаги в год.

На чем же теперь писать?

Зам. объяснил, что поручили Фадееву наладить это дело, но когда это будет — неизвестно, и надежд на получение в скором будущем бумаги нет.

Пришла домой — корзина цветов, от кого неизвестно.

Позвонила Марика, попросила М. А. придти поставить банки Сергею Ермолинскому — болен. М. А. пошел.

Звонок Бориса Эрдмана — только что вышел из лечебницы, болел скарлатиной!

А сейчас (11 часов) звонок из филиала МХАТа — администратор плачущим голосом умоляет нас идти на банкет МХАТа в «Метрополе», объясняет, что приглашение посылали сегодня два раза, первый раз посланный не нашел улицы, второй раз — никто не открыл (мы спали). Послали третий раз. И действительно, тут же звонок на лестнице. Я говорю — М. А. нет дома.

— А вы?!

— Не могу, не с кем сына оставить.

У Дмитриева ангина, 40°. Звонила Марина.

2 ноября.

М. А. в Большом — на репетиции шуточного поздравления МХАТа. Вечером пришел Борис Эрдман, принес свои эскизы к «Уриэль Акосте».

Почему-то разговор о происхождении слов и выражений ходячих. М. А. достал все свои любимые словари: Даля, Таккеля, Вандриеса, Михельсона — стали рыться, находить.

3 ноября.

Сегодня из Большого принесли на заключение М. А. четыре либретто.

М. А. на репетиции — днем. А вечером, прорепетировав в последний раз свою роль передо мной, М. А., в черном костюме, пошел в Дом актера, тут же вернулся за зонтиком — сильнейший дождь.

Позвонил Борис Эрдман, уговаривал меня пойти с ним смотреть М. А., но я объяснила — не с кем оставить Сергея, оттого и сижу дома.

Позвонили Вильямсы, звали к себе — тоже пришлось отказаться.

4 ноября.

Вчера М. А. вернулся в начале третьего с хризантемой в руке и с довольным выражением лица. Протомив меня до ужина, стал по порядку все рассказывать. Когда он вышел на эстраду, начался аплодисмент, продолжавшийся несколько минут и все усиливавшийся. Потом он произнес свой conférance, публика прерывала его смехом, весь юмор был понят и принят. Затем начался номер (выдумка М. А.) — солисты Большого театра на мотивы из разных опер пели тексты из мхатовских пьес («Вишневый сад», «Царь Федор», «Горячее сердце»). Все это было составлено в виде заседания по поводу мхатовского юбилея. Начиная с первых слов Рейзена: «Для важных дел, египтяне...» и кончая казачьей песней из «Целины» со специальным текстом для МХАТа — все имело шумный успех.

Когда это кончилось, весь зал встал и стоя аплодировал, вызывая всех без конца. Тут Немирович, Москвин, Книппер пошли на сцену благодарить за поздравление, целовать и обнимать исполнителей, в частности М. А-ча целовали Москвин и Немирович, а Книппер подставляла руку и восклицала: «Мхатчик! Мхатчик!»

Публика кричала «автора». М. А-ча заставили выходить вперед. Он вывел Сахарова и Зимина (молодых дирижеров Большого, сделавших музыкальный монтаж по тексту М. А.), они показывали на М. А., он — на них. Кто-то из публики бросил М. А. хризантему.

После чего М. А. вернулся домой, хотя его очень уговаривали все остаться. Габтовцы, особенно молодежь, были очень довольны успехом номера, кто-то с восторгом сказал про М.А. — «вот ловко трепался!» (про речь!).

Сегодня с утра бенефис продолжается. Звонили с поздравлениями Гриша Конский, Оленька.

Оля (в диком восторге):

— Неужели Миша теперь не чувствует, какие волны нежности и любви неслись к нему вчера из зала от мхатовцев?.. Это было так неожиданно, что Миша вышел на эстраду... такой блистательный conférance... у меня мелькала почему-то мысль о Мольере, вот так тот говорил, наверно...

Звонил Мордвинов с тем, чтобы вечером встретиться с М. А. в дирекции — для работы над гусевскими «Волочаевскими днями», — но и он сказал: Вчерашнее выступление М. А. ведь первым номером прошло.

Без конца звонил Куза, но тот по другому поводу — он заедет за М. А., не может ли он подождать до трех часов?

М. А. днем навещал Дмитриева, который болеет у Книпперов

(он всегда там останавливается). Видел Ольгу Леонардовну, та говорит:

— Самый лучший номер! Блестяще! Вы оживили Большой театр!

М. А. взял на время у Дмитриева книжку «К 40-летию МХАТа». Там, в числе спектаклей, кроме «Турбиных» и «Мертвых душ», и загубленный «Мольер». Написано 296 репетиций. Спектакль прошел семь раз.

Сегодня в «Советском искусстве» подвал «В кабинете депутата» — о Дунаевском. Приведены его слова, что больше всего его сейчас интересует и заполняет работа над оперой, либретто к которой написал уже М. Булгаков, из времен франко-прусской войны, по рассказу Мопассана.

Подождали Кузу до половины четвертого и решили пойти пообедать в Клуб писателей. В это время звонок:

— Где М. А.? Нет дома? В театре? Какой номер телефона? Как разыскать?

— А кто это? По какому делу?

— Чичеров, из драмсекции. У нас идет заседание по важному вопросу, и мы не можем решить его без М. А. (?)

(Потом — на необычайной ласковости):

— Что же он нас совсем забыл? Отчего никогда не позвонит, не придет?

(Просил непременно позвонить, дал номер своего телефона, потом понял, что М. А. не позвонит):

— Я сам ему буду звонить.

Тут же звонок Кузы:

— Где М. А.?

— Ушел. Ждал, а теперь ушел.

— Куда? Дайте адрес, я поеду его разыскивать.

— Не пытайтесь, это невозможно, я не знаю, куда он пошел.

А вообще это нехорошо получилось, это неуважение к драматургу, к театру. Почему реперткомовцы это позволяют себе?

Куза сам на них зол, понимает, что это безобразие, волнуется.

— Вы, пожалуйста, Василий Васильевич, выясните точно день и час, М. А. очень занятой человек.

И тут мы пошли в Клуб писателей, где несколько человек говорили М. А-чу: а вас Чичеров разыскивает. Комедия.

Поднялись в столовую, там всего три человека. Один из них, Лев Никулин, стал кружить около нашего столика, наконец попросил М. А. представить его. Подсел. Тоже сказал — а вас Чичеров разыскивал.

Подошел маркер Березин и стал звать М. А. на состязание в Политехнический. М. А. сказал, что очень занят. Тогда Николай Иванович (этот Березин-Бейлис) предложил сыграть сегодня.

После обеда мы пошли в биллиардную. Они стали играть, Березин играет сверхъестественно: в одну лузу, например, положил восемь шаров подряд — в течение нескольких минут.

Дома узнали, что Куза звонил еще два раза. Кроме того, Серафима Яковлевна из Большого — что сегодня встреча с Мордвиновым отменяется. Кроме того, Раевский с поздравлением.

Тут же звонок Мелика:

— Елена Сергеевна! Почему такая демонстрация против МХАТа? Почему Вы не пришли ни вчера, ни на юбилейные спектакли, ни на банкет?

— Вы же умный человек, Александр Шамильевич, вы же должны понимать...

— Ну, да, я понимаю, — свинства было достаточно проделано МХАТом.

Позвонил Борис с докладом и поздравлением.

Легли спать, встали в десять часов вечера. Мелик с вопросом — почему не идем? М. А. пошел один, я осталась из-за Сергея дома.

Звонил Яков Л., сначала о вчерашнем, потом о Дунаевском. Тот очень интересуется оперой, волнуется, как Самосуд? Яков сказал мне, что Оля просила его, «как умного человека и как человека, близкого нам, воздействовать на нас, чтобы мы прекратили свое игнорирование МХАТа и начали опять там бывать».

После всех разговоров, звонков, поздравлений видно, что М. А. была устроена овация — именно это выражение употребляли все. Что номер был блестящий. Все подчеркивают, что в этой встрече обнаружилось настоящее отношение к М. А. — восторженное и уважительное.

5 ноября.

М. А. днем в Большом. Звонок Кузы: «Дон-Кихот» разрешен Главреперткомом и Комитетом по делам искусств. Теперь начало работы над пьесой задерживается только чтением М. А. пьесы театру.

— Дайте официальную бумагу из театра о разрешении. До этого, не думаю, чтобы М. А. согласился читать. История с «Пушкиным» слишком памятна.

Позвонил через короткое время. Я подозвала М. А. к телефону. Условились, что бумагу пришлют девятого, а десятого в два часа дня — чтение пьесы труппе.

Вечером звонки Мордвинова и Гусева — М. А. объяснил, что он нездоров, пусть они приедут сюда. Встречу отложили.

Звонок Оленьки. М. А. попросил ее достать книгу к 40-летию МХАТа.

Потом позвонил Федя — с поздравлением по поводу выступления М. А. Когда я спросила о книге —

— Книга лежит для Вас!

Ужинали вдвоем.

Насколько интересна «Моя жизнь в искусстве» — настолько скучна «Работа актера».

М. А. говорит:

— Система Станиславского, это — шаманство. Вот Ершов, например. Милейший человек, но актер уж хуже не выдумаешь.

А все — по системе. Или Коренева? Записывает большими буквами за Станиславским все, а начнет на сцене кричать своим гусиным голосом — с ума сойти можно! А Тарханов без всякой системы Станиславского — а самый блестящий актер! Когда начали репетировать на квартире у К. С-а «Мертвые», и К. С. начал свои этюды, — Тарханов сразу все сообразил и схватился за бок, скорчивши страшную гримасу.

К. С.:

— Михаил Михайлович, что с Вами?

— Печень...

И ушел, и не приходил во время всех бесчисленных репетиций, и сыграл Собакевича первым номером. Вот тебе и система!

(А Оленька мне рассказывала, как Коренева один раз сказала К. С-у восторженно:

— К. С.! У меня несколько тетрадей записей — всего, всего, что Вы говорили на репетициях (кажется, лет десять назад). Что мне делать с этими записями?

— Их надо немедленно сжечь!)

За эти 2—3 дня я прочитала, по просьбе М. А., четыре либретто, присланные ему. Одно — вполне пристойное. Но три — невозможны. Впечатление такое, после чтения всех присланных либретто, — что хорошие либретто пишут разные люди и каждый посвоему. А дурные все — пишет один и тот же человек. Пишет неграмотно, бездарно, но пишет без конца.

6 ноября.

Утром пришла по почте от Л. Никулина его пьеса «Порт-Артур» с надписью: «Мастеру драматургии Михаилу Аф. Булгакову».

М. А. поблагодарил его по телефону, тот пригласил М. А. зайти к нему сегодня днем.

Потом звонок Виленкина:

— Василий Григорьевич спрашивает, когда М. А. может его принять?

Условились, что придут — и Сахновский и Виленкин — 10-го вечером.

7 ноября.

День прошел, как все праздничные дни, то есть с утра пришел Женичка, и ребята то дружат, то ссорятся.

Сейчас первый час ночи, М. А. пошел — только что — к Вильямсам, я из-за Сергея осталась дома.

Днем звонил Ангарский. Сообщил, что в Лондоне идут «Дни Турбиных» под названием «Белогвардейцы». Говорит, что М. А. должен протестовать.

— Против чего? Ведь я же не видел этого спектакля. Вот к чему приводит такое ненормальное положение! Ведь обычно, если пьеса какого-нибудь нашего автора идет за границей, он едет туда и как-то руководит постановкой. Если у нас ставится пьеса иностранного автора, он обычно приезжает сюда. Но что я

На отдыхе в Синопе. 10 августа 1936 г.

могу сделать, если меня упорно не пускают за границу? Как можно протестовать против того, чего не видел?!

8 ноября.

Днем М. А. с Дмитриевыми обедал в «Национале». Там присоединился к ним Вайнонен с женой.

Сейчас идем к Файко.

9 ноября.

Сегодня М. А. винтит у Федоровых.

М. А. сказали, что его выступление записано на пленку.

Получили из Вахтанговского театра бумагу — «Дон-Кихот» Реперткомом разрешен.

10 ноября.

Днем — в два часа было назначено чтение в Вахтанговском театре. Встретили М. А. долгими аплодисментами. Слушало около ста человек. Слушали хорошо. Вся роль Санчо, эпизод с бальзамом, погонщики — имели дикий успех. Хохотали до слез, так что приходилось иногда М. А. прерывать чтение.

После конца — еще более долгие аплодисменты. Потом Куза встал и торжественно объявил: «Все!», то есть, что никаких обсуждений. Этот сюрприз был ими явно приготовлен для М. А.

Сейчас ложимся спать, надо отдохнуть, т. к. в половине двенадцатого придут Виленкин и Сахновский.

11 ноября.

Пришли. Начало речи Сахновского:

— Я прислан к Вам Немировичем и Боярским сказать Вам от имени МХАТа: придите опять к нам, работать для нас. Мне приказано стелиться, как дым, перед Вами... (штучка Сахновского со свойственным ему юмором)... Мы протягиваем к Вам руки, Вы можете ударить по ним... Я понимаю, что не счесть всего свинства и хамства, которое Вам сделал МХАТ, но ведь это не Вам одному, они многим, они всем это делают!

Примерно в таком духе и дальше.

12 ноября.

Дмитриев говорил, что Сахновский сказал ему: — ох, боюсь, что Михаил Афанасьевич не согласится работать для МХАТа!

13 ноября.

Вчера вечером Борис и Николай с женой. Ну, и Дмитриев, конечно. Николай прочитал первый акт своей будущей пьесы. М. А. сказал — Сухово-Кобылинская школа.

Дмитриев опять о МХАТе, о том, что им до зарезу нужно, чтобы М. А. написал пьесу, что они готовы на все!

— Что это такое — «на все»! Мне, например, квартира до зарезу нужна — как им пьеса! Не могу я здесь больше жить! Пусть дадут квартиру!

— Дадут. Они дадут.

Для М. А. есть одно магическое слово — квартира. «Ничему на свете не завидую — только хорошей квартире».

У нас, действительно, стройка отвратительная — все слышно

сверху, снизу, сбоку. А когда наверху танцуют — это бедствие. Работать М. А. очень трудно.

13 ноября.

У М. А. днем в Большом встреча по либретто балета «Василек».

Вечером иду в балет — приехали ленинградцы, — а оттуда к Мелику. Туда же придет и М. А. после работы над «Волочаевскими днями».

14 ноября.

Замечательный танцовщик Чабукиани, пластичен, выразителен, легок, темперамент и техника — одинаково поразительны. Громадное впечатление от Улановой, громадное. Вообще, ленинградцы сильнее московских балетных.

Портил дело конферансье Гаркави, страшный пошляк. При мне администратор филиала — милейший Чацкий (вечер был в филиале МХАТа) говорил ленинградскому администратору:

— Если бы я знал, что у вас Гаркави будет выступать, я бы вам не дал зала. Вы должны помнить, что это МХАТ!

У Меликов было весело. Он страшно гостеприимный хозяин. Шумит, кричит, веселится, как дитя.

Вернулись очень поздно.

М. А. сегодня днем опять с теми же балетными работал. Позвонил и сказал, что вечером они придут к нам, так ему удобнее.

За обедом М. А. рассказал, что во время работы в кабинет вошла очень закутанная в платки женщина, с платочком на голове, подошла к М. А. и сказала:

— Я хотела Вас поздравить с Вашим выступлением... (еще что-то любезное по поводу самого выступления) — и ушла. Оказалось — Марина Семенова. А днем также поздравила Златогорова.

15 ноября.

Вчера вечером пришли Холфин и Чуфаров. М. А. перерабатывает их либретто и в смысле сюжетной линии, и в смысле изложения. Тут же мне диктовал это на машинку. Продолжалось это до двух часов ночи.

Легли мы около пяти — с разговорами обычными, а в половине одиннадцатого уже встали, т. к. эти же милые молодые люди должны были придти в одиннадцать часов. Опять работа — до половины третьего. Тут началась кутерьма. Приехал Куза за М. А., чтобы ехать в Репертком. Ко мне приехал доктор. Балетные не уходят. Стеши (домработницы) нет. Екатерина Ивановна мечется. Кошмар.

После мне М. А. говорил:

— Ты мне можешь объяснить, зачем я был нужен Реперткому? Посмотреть, что ли, на меня хотелось?

После комплиментов в адрес пьесы Мерингоф вытащил какую-то бумажку: — вот у нас есть пожелания — если, конечно, вы согласитесь, — вписать... (какие-то изречения, пословицы)...

— Я на этих днях сократил пьесу на 15 страниц, — ответил М. А., и Мерингоф остался с раскрытым ртом.

Вечером М. А. поехал для встречи с Юровским — композитором и Прутом — либреттистом (либретто «Опанас»). Встреча не состоялась, он пошел проветриться — сказал он.

А тут звонки: Ануся — встретимся завтра. Доктор. Яков Л. — звал пойти завтра на «Горе от ума» в Малый. Рассказывал, что у него только что сидел долго Самосуд, восхищался безмерно Булгаковым, сказал, что он — самый лучший, едва ли не единственный настоящий художник, чувствует эпоху, как никто. Самый советский из всех писателей!

Потом — Оленька, тоже звала на «Горе от ума», но я должна была отказаться — буду работать на машинке.

16 ноября.

Вчера уже поздно, уж я собиралась залезть в свою вечернюю ванну, — раздался телефонный звонок: Женичка мой еле слышным голосом просит приехать на станцию метро (Коминтерн), ему там стало дурно. Не помня себя оделась, оставила М. А. записку и выбежала. У нашего метро на счастье стоял ЗИС. В дежурной Коминтерна нашла Женичку — его приводили в чувство, он несколько раз терял сознание — у него летом, в Лебедяни тоже это случалось. Как это страшно, лежит без кровинки в лице. Когда ему стало лучше, отвезла его в Ржевский. Оттуда позвонила М. А., он вышел ко мне навстречу, и мы в четвертом часу утра только пришли домой.

Легли в шестом часу. А около одиннадцати уже пришли Холфин и Чуфаров. М. А. додиктовал мне либретто и поехал в Большой на читку, отвезя меня в дирекцию, где у меня была встреча с Анусей.

Приехал М. А. домой обедать в шестом часу, измочаленный. Рассказывал, что либретто разнесли в пух и прах.

Сейчас только встали (10 часов вечера), еще бродим, разбитые. Ляжем рано, только ванны возьмем.

17 ноября.

Решить-то решили рано лечь, а легли — с разговорами — в четвертом часу.

Сегодня М. А. пошел винтить к Федоровым. А ко мне пришел мой Женюшка, и мы с ним просидели весь вечер вдвоем.

18 ноября.

Обедал Николай Эрдман. После обеда — биллиард до десяти часов вечера. Потом он рассказывал свою будущую кинокомедию. Хорошо выдумал и сюжет и трюки разные. В двенадцатом часу поехал на вокзал (во Владимир уехал). А мы — в ванны, потом будем ужинать, разговаривать и спать.

21 ноября.

Вчера по телефону сговорились, что Вильямсы и Николай Робертович придут к нам ужинать. Как всегда, было хорошо. Потом Николай Робертович остался ночевать. С разговорами легли

около шести часов. Встали поздно. После завтрака М. А. с Николаем Робертовичем играли на биллиарде, увлечены, как дети. Затем мы с М. А. пошли обедать в Клуб писателей, так как у нас дома бедствие — больна Стеша, болен Сергей, я ставлю банки (научил М. А.) то одному, то другому. Екатерина Ивановна тоже плохо себя чувствует.

В Клубе к нашему столику сразу же подошел Чичеров с тем же разговором: почему, М. А., вы нас забыли, отошли от нас? И в ответ на слова М. А. о 1936-м годе, когда все было снято, сказал:

— Вот, вот, обо всем этом нам надо поговорить, надо вчетвером — Вы, Фадеев, Катаев и я, все обсудим, надо, чтобы Вы вернулись к драматургии, а не окапывались в Большом театре.

Потом подошел Катаев и сказал, что Гнат Юра непременно хочет ставить у себя «Дон-Кихота», просит экземпляр пьесы. Что он, Катаев, едет завтра в Киев и может отвезти пьесу. М. А. сказал: надо еще раньше переписать экземпляр, у меня один — испещренный поправками.

Потом — Березин предложил М. А. играть на биллиарде, и они играли, — под напряженными взглядами присутствовавших писателей.

Сейчас одиннадцать часов вечера. Ванна М. А., ванна моя, ужин и спать, спать, спать!

22 ноября.

Обедали опять в Клубе. Подсел к нам знакомый М. А. по Батуму поэт Чачиков. Спрашивал у М. А. сведений по поводу встречи Пушкина с Шевченко — для своей поэмы.

Потом М. А. поехал в Большой для встречи с Самосудом и молодыми либреттистами по поводу разгромленного либретто.

23 ноября.

Утром звонок Кузы: Комитет поручил ему просить М. А. приехать на заседание по вопросу о репертуарном плане Вахтанговского театра.

Я заехала за М. А. в три часа в Большой и на той же машине отвезла его в Комитет.

М. А. потом рассказывал: «Дон-Кихот», конечно, поставлен в последнюю очередь.

Главное свелось к сражению Толстого с вахтанговцами по поводу его пьесы.

По словам Кузы и других вахтанговцев, пьеса плохая, вахтанговцы стараются заставить его переделать, а он уже переделывал, но ничего не получилось. Он злится, они тоже.

Был на совещании Горчаков, говорил М. А.:

— Позвали бы, когда будете читать «Дон-Кихота»! Говорят — очень хорошо!

Пришел М. А. утомленный и в состоянии какой-то спокойной безнадежности.

Вечером в Большом — опять встреча с молодыми либреттистами («Василек»).

24 ноября.

Дмитриев, по случаю того, что ему наконец вернули паспорт, — пригласил обедать в ССП. Ели раков. Подавали медленно, — только два официанта там, — поэтому засиделись долго. Ну и типы там в столовой попадаются. Это — не 19-й век, не — честные бородатые лица с ясными глазами.

И откуда они только берутся. Действительно, может быть, верно говорит С. Е., что начинают заниматься литературой потому, что нет уже черной биржи. Считают литературное дело самым выгодным.

Вечером М. А. был на «Кавказском пленнике», говорит, что в правительственной ложе видел (так ему показалось) Сталина и Молотова. М. А. пробыл там недолго и пошел в филиал на «Псковитянку».

Звонили Вильямсы — Петя звал приехать, покажет эскиз для выставки. Звонила Оленька, у них мхатовцы. Ни туда, ни сюда не могла пойти — нездоровится.

25 ноября.

Опять обедали в Клубе, опять М. А. играл с Бейлисом на биллиарде и один раз выиграл. Но это, конечно, тот поддался, не иначе. Ему, видно, очень нравится М. А.

Дома, во время ужина, около часу позвонил Брагин. Его конспект оперы «Чрезвычайный комиссар» лежит у М. А. для отзыва. Ровно час М. А. говорил с ним по телефону, дал ему детальный разбор, советы, как вести дальнейшую работу, что оставить, что вычеркнуть, что углубить.

Сегодня, после долгого перерыва, М. А. сел за работу над «Рашелью».

Сегодня звонил опять Половцев, руководитель областного ТЮЗа, просит «Дон-Кихота».

27 ноября.

Вчера вечером был Борис Эрдман. Играли на биллиарде. Легли поздно.

Сегодня утром, среди других звонков, такой — это Сергей рассказал.

— Ваш телефон завтра будет выключен, так как за вами числится задолженность в 18 руб.

Пришлось идти на телеграф, там выяснять эту чепуху. Видимо, сотрудница забыла вписать оплаченную квитанцию. Обещали все выяснить и завтра позвонить.

Звонил писатель Миндлин с просьбой, чтобы М. А. пришел сегодня в Дом писателя на читку его пьесы «Сервантес».

Звонил Эскин, зам. директора Дома актера:

— Мы очень просим М. А. помочь нам в устройстве одного вечера...

М. А. сказал мне:

1936 г. Фото Б. Шапошникова

— А ты бы ему ответила: «Как же, как же, Михаил Афанасьевич как раз разрабатывает новое коленце...»

Эскин звонил четыре раза, пока я ему не сказала напрямик, что это никак невозможно, что М. А. очень занят.

Насчет этого же звонил Конский. Узнав, что М. А. отказался, он сначала огорчился, а потом сказал: — ну, тогда и я не буду участвовать.

Звонил Куза, но мы спали. Да, а вчера днем два раза звонил Павел Марков: — Миша, нам надо непременно повидаться. Ты, Боярский, Сахновский и я. Предлагаем встречу назначить во МХАТе.

М. А. очень кисло согласился на 30-е в 12 часов дня.

28 ноября.

Утром звонок Кузы; просит экземпляр сокращенный, тот, который М. А. читал в театре, — «а то у нас работа задерживается». Я говорю — «а разве Вы начинаете работать? По газетам можно понять, что вам не утвердили репертуарный план».

— Это ничего не значит. На нас почему-то ведется атака со стороны прессы. Но это не имеет никакого значения. Мы

работу продолжаем. А в частности, «Дон-Кихот» с декабря начинает репетироваться.

Позвонила сотрудница из телеграфа: — «Простите, это ошибка, никакой задолженности за вами нет». Какова работа.

Дикая мигрень. А все от того, что ложимся спать каждый день под утро. Вот вчера тоже вернулись от Вильямсов, где слушали радиолу, в четыре часа, а легли в пять. Из-за мигрени пришлось не идти смотреть Уланову в «Лебедином озере».

Сейчас вечер, одиннадцать часов, мы дома. Благословенная тишина.

29 ноября.

М. А. пошел в Большой — сдать либретто — целых четыре, — что лежали для отзыва у него.

Куза прислал извещение, что «Дон-Кихот» включен в план 1939 года, а также экземпляр «Дон-Кихота», с просьбой выправить его. М. А. сидит и правит.

Второй тихий вечер. Как это хорошо.

В газетах отклики зарубежной печати на сообщение ТАСС (27-го) об укреплении отношений между СССР и Польшей. Вчера в «Правде» статья по этому вопросу.

Интересно, отразится ли это на постановке в Большом «Сусанина». Кто о чем, а мы все — о театре.

Над нами — очередной бал, люстра качается, лампочки тухнут, работать невозможно, М. А. впадает в ярость.

— Если мы отсюда не уберемся, я ничего не буду больше делать! Это издевательство — писательский дом называется! Войлок! Перекрытия!

А правда, когда строился дом, строители говорили, что над кабинетами писателей будут особые перекрытия, войлок, — так что обещали полную тишину. А на самом деле...

— Я не то что МХАТу, я дьяволу готов продаться за квартиру!..

30 ноября.

Ну, состоялся этот знаменитый разговор. Все блеф, конечно.

Изумительна первая же фраза Боярского:

— Ну что же, будем говорить относительно того, как бы вы нам дали пьесу. (М. А. говорит, что он запомнил ее точно.)

М. А. говорит:

— Я сразу обозлился и выложил ему все, все хамства МХАТа, все о разгроме 36-го года, о том, что «Мольер» мне принес, за мою работу, иск театра денежный и выключение из квартирного списка в Лаврушинском... Все выложил о травле, о разгроме моральном, материальном... даже легче стало.

На все это Боярский применил такой прием:

— Вам *практически выгодно* написать для нас пьесу... у нас бывает правительство... Наши старики могут обратиться...

М. А. сказал:

— Нет, у меня сейчас нет сил писать.

А дома говорит мне:

— А я рад, что все сказал этим подлецам. Ей-богу, легче стало.

1 декабря.

Вчера вечером Николай и М. А. ломали головы, как лучше составить заявление в ССП и подать (через Толстого) — об изменении участи Николая Робертовича, о снятии судимости и принятии в Союз.

Потом пришел и Борис и Вильямсы. Биллиард. Ужин, стерляди. Опять биллиард.

Вчера звонил Федя:

— Как настроение Миши? Как впечатление от встречи? Будет ли работать для нас?

Звонил, ломился придти Гриша, но я сказала, М. А. занят очень.

Оленька — сконфужена за Боярского:

— Ну, конечно, разве он может? Это надо было иначе делать, надо было бы, чтобы с Мишей Москвин говорил.

Рипси звонит: я хотела бы, Люсенька, с тобой посоветоваться по литературному делу, спросить совет...(?)

М. А. сидит над клавиром «Иоланты». Какая-то дама сделала новый текст, очень безвкусный. Оказывается, было задание — избежать божественных слов, которые были в таком изобилии у Модеста. Какая чепуха.

2 декабря.

Рипси приехала посоветоваться, правильно ли составлен договор с Литературным агентством у Лилиной по книге К. С. «Работа актера». Почему — с нами?!

Вечером — Яков. Возмущался мхатовцами.

5 декабря.

Вчера днем М. А. заходил к Сергею Ермолинскому. М. А. ходит к нему поиграть в шахматы, а кроме того — Сергей Ермолинский, благодаря тому, что вертится в киношном мире, — много слышит и знает из всяких разговоров, слухов, сплетен, новостей. Он — как посредник между М. А. и внешним миром.

Вечером пришел к нам Николай Эрдман, потом Оля привела Сергея из кино (они смотрели «Александра Невского»), позвонили Калужскому, тот тоже пришел. Ужинали. М. А. и Николай играли на биллиарде. Легли страшно поздно. А в двенадцать часов дня сегодня М. А. должен был быть в Большом для работы над либретто Прейса «Мать» по Горькому. Он ушел, пришел Евгений-прокурор, и вот до сих пор (сейчас четыре часа дня) они с Николаем играют на биллиарде. Женичка очень хорошо рассказывал о вчерашнем вечере в Ржевском: был Федя Михальский, родственники Евгения Александровича и дед с женой. (Это М. А. прозвал Алексея Толстого: дед, или дед-комбинат.) Дед со всеми разговаривал на «ты», почти всех обозвал свиньями и наседал на Федю:

— Вот я написал две пьесы, и обе они прошли мимо вашего театра!.. А сейчас у меня такой замысел! Такой!.. А я вот возьму и отдам пьесу в Малый!..

Потом стукнул кулаком по столу, кричит:

— Ты не слушаешь меня!!

А Федя бросал пробками в дам и не обращал на него внимания.

Потом дед кричал страшным голосом:

— Я творец! Вы должны меня воплощать!..

Вчера пришло письмо от Саши Гдешинского. Он пишет М. А., что был тяжело болен, ему грозит остаться калекой на всю жизнь. Просит достать лекарство, которого нет в Киеве — ятрен-казеин, — есть, говорят, только в Кремлевской аптеке. Оленька предложила достать через Иверова. Дали обнадеживающую телеграмму Саше Гдешинскому.

Сегодня пришло очень милое письмо от Дунаевского — в ответ на письмо М. А.

7 декабря.

Вчера Оленька прислала лекарство. Днем, когда М. А. обедал в «Национале» с Дмитриевыми, звонил Виленкин:

— Марков к вам не дозвонился. Просил меня позвонить: он очень просит дать ему на несколько дней «Бег», он хочет серьезно проводить вопрос о постановке во МХАТе.

Я сказала, что передам М. А. Вечером во время винта (были Файко и Волькенштейн) Виленкин позвонил опять. М. А. сказал ему, что дать не может, надо еще прокорректировать.

А мне сказал потом, что ему органически не хочется давать, что МХАТ задумал какой-то фокус.

Вчера Оля прислала, по поручению Сахновского, М. А. книгу Сахновского «Работа режиссера» с очень хорошей надписью.

М. А. сегодня днем опять просидел в Большом больше трех часов над тем же либретто «Мать». Сидит их человек пять, ломают над этим либретто головы: Прейс представил совершенно безграмотную работу.

Вечером М. А. диктовал мне письма: Саше — о том, что завтра высылаем лекарство, Сахновскому — благодарность за книгу, и Елизавете Карповне.

Сегодня достала случайно для М. А. три рубашки. Обещали достать две пары теплых носков.

Сегодня день рождения Женюшки.

9 декабря.

М. А. все дни бьется, правит «Мать». Все в том же составе: дирижер Небольсин, режиссер Шарашидзе, еще кто-то. Приходит домой усталый.

Вчера вечером у нас были Мелик с Минной, Ермолинские. Конечно, играли на биллиарде.

10 декабря.

Днем М. А. в Большом («Мать»). Я переписываю «Дон-Кихота» для представления в Репертком.

Вечером М. А. с Сережкой пошли в Сандуновские бани, но вернулись вскоре домой — колоссальная очередь.

Вечером — о «Беге» — М. А. не хочет давать МХАТу.

На улице туман. Удивительная зима — туманно, грязно, не холодно.

12 декабря.

Сегодня в «Советском искусстве» статья некоего А. Кут — о пьесе Миндлина «Сервантес», рекламного характера, уговаривает театр ставить ее.

В начале статьи — строки о «драмоделах, стряпающих сотые переделки „Дон-Кихота“».

13 декабря.

Сегодня Миша позвонил к Чичерову и спросил его, кто такой Кут. Тот ответил, что не знает. Просил Мишу придти на совещание по поводу пьес и репертуара. Миша ответил, что не придет и не будет ходить никуда, покуда его не перестанут так или иначе травить в газетах.

14 декабря.

Сегодня к ночи было 20° мороза! А утром был —1°, и вчера еще было сыро и грязно.

15 декабря.

Вчера у нас был Борис Эрдман, попросил дать ему почитать «Бег». Прочитал у нас, понравилась ему пьеса необычайно! Весь вечер говорил о ней. А за ужином Миша прочитал три картины из «Пушкина». Борис сказал, что придет следующий раз для того, чтобы прочесть всего «Пушкина».

Сегодня звонил Чичеров, нас не было дома, он говорил с Сергеем, просил передать, что Кут — это Кутузов, что секция драматургов очень заинтересована «Дон-Кихотом» Михаила Аф., просит дать ей возможность ознакомиться.

Миша пошел сейчас (девять часов вечера) в Большой — работа колхозом над «Волочаевскими днями» Гусева. Все эти дни он работает то днем, то вечером (а иногда и днем и вечером) над чужими либретто.

Я вспомнила сейчас, как он, придя 13-го из Большого в половине второго ночи, рассказывал мне, в какой суматошной обстановке проходит работа: кабинет Мордвинова, он с Вильямсом разговаривает по поводу «Сусанина», срочно разыскивают Гусева для того, чтобы начать работу по либретто — оказывается, Гусев не мог попасть никак в театр — не пускали ни через один подъезд, так как у него нет пропуска. Тогда его жена купила у перекупщика два билета на «Поднятую целину» по 25 руб., и они вошли в театр.

В кабинет входят в это время человек 30 молодых писателей нацменьшинств — они должны встретиться с участниками «Целины» после спектакля. Все они гуськом проходят через кабинет, Миша сидит за письменным столом, все они вежливо ему кланяются, принимая его за какое-нибудь ответственное лицо в театре, всем им 30 раз отвечает, каждый раз приподнимаясь. После

чего в соседнем помещении начинается заседание. Борис Аркадьевич бегает из одной комнаты в другую, то говорит там речь, в качестве председателя, то разговаривает по делу в своем кабинете. Самосуда найти не могут.

Сегодня целый день сильнейший мороз — утром было 26°, как сказала мне Лоли.

Я ездила по своим делам — замерзла страшно.

Сейчас только — в час ночи — когда я уже собиралась взять ванну и лечь спать — позвонил Женя и сказал, что по радио сообщили о гибели Чкалова при испытании им нового самолета.

16 декабря.

Продолжается мороз — без снега.

Днем Миша был в Большом на открытом заседании парткома, пришел домой в шесть часов.

Вечером пошел играть в винт к Файко.

Газеты полны Чкаловым. Сергей хотел пойти с товарищем в Колонный зал, я поехала с ними, но на Дмитровку с Театральной попасть нельзя было. Милиционеры сказали, что надо идти через Петровку и Столешников на Дмитровку, где собираются колонны.

Я побоялась, что мальчишки очень зазябнут и отправила их домой.

17 декабря.

Миша днем в Большом.

Смешной рассказ Миши о том, как сонные поляки просыпаются в лесу в «Сусанине».

Сережа Ермолинский звал к себе, но предупредил, что будет вся «Пречистенка». Я не пошла, а Миша пошел.

18 декабря.

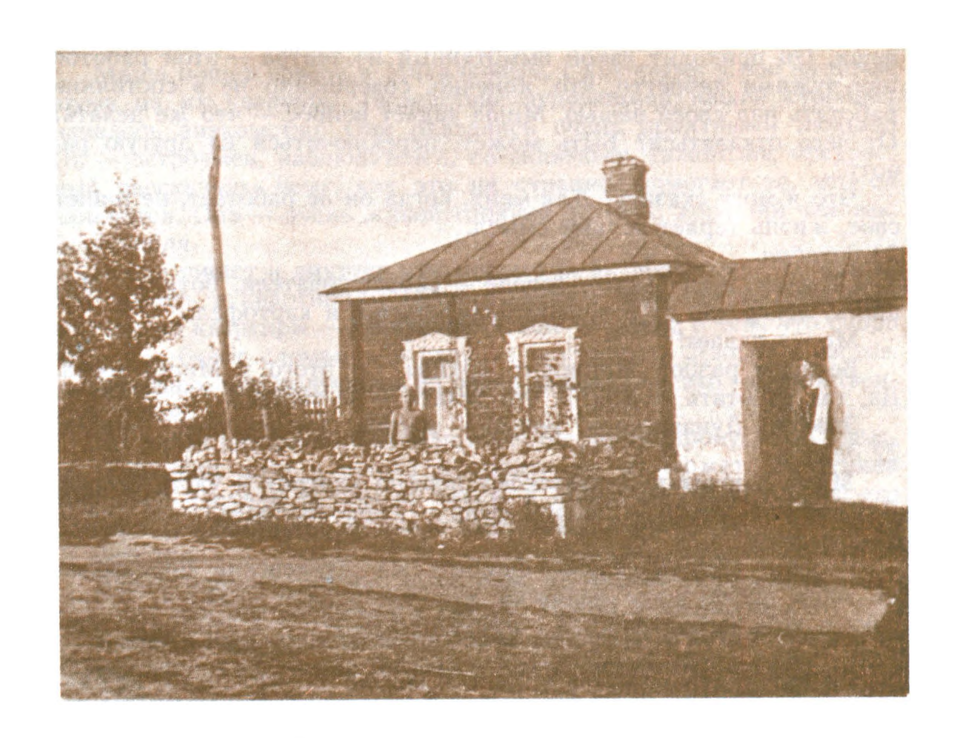
Миша нездоров, кашляет. Сидим дома, морозно.

В начале четвертого слышала глухие раскаты, значит, хоронят Чкалова — пушечные залпы.

Ждем вечером Дмитриева.

19 декабря, вечером.

Из вчерашних разговоров Дмитриева: «...во МХАТе два человека относятся по-настоящему к Вам (к М. А.) — Ольга Сергеевна



Сережа и Елена Сергеевна в Лебедяни. 1938 г.

и я. Ну, Сахновский, конечно, хорошо относится, Виленкин тоже, но действительно хорошо — только О. С. и я...»

Я спросила, может быть, вы приведете пример какой-нибудь такого отношения?

Долго молчал, ничего не надумал.

Потом на мой вопрос — знает ли Ольга о разговорах по поводу «Бега» — сказал, знает. И потом добавил: «Тут недавно, при разговоре о „Беге", она сказала, что для нее теперь Хлудов и Корзухин не звучат».

20 декабря.

Ночь на 21-е — 2 часа ночи. Сейчас посмотрела на градусник — 26° мороза, а когда открывала форточку — проветрить спальню — показалось, что адовая холодина, пожалуй, и больше. Это с 14-го числа держится.

Улицы, как вымерли.

Миша — в гриппе, сильнейший насморк у него. Конечно, лежать в кровати не хочет, бродит по квартире, прибирает книги, приводит в порядок архив.

За ужином — вдвоем — говорили о важном. При работе в театре (безразлично, в каком, говорит Миша, а по-моему, особенно в Большом) — невозможно работать дома — писать свои

вещи. Он приходит такой вымотанный из театра — этой работой над чужими либретто, что, конечно, совершенно не в состоянии работать над своей вещью. Миша задает вопрос — что же делать? От чего отказаться? Быть может, переключиться на другую работу?

Что я могу сказать? Для меня, когда он не работает, не пишет свое, жизнь теряет всякий смысл.

21 декабря.

Сегодня днем была в городе — скоросшиватели, ботинки Мишины, лекарство от головной боли, спички и картофель.

Мороз падает!

Вечером разбор Мишиного архива. От этого у Миши тоска. Да, так работать нельзя! А что делать — не знаем.

Звонок Дунаевского ночью — завтра, уговорились, придет.

22 декабря.

Миша прочитал Дунаевскому первую картину и часть второй. Дунаевский потом — после обеда — импровизировал — и очень в духе вещи.

Вообще (боюсь ужасно ошибиться!) Дунаевский производит на меня впечатление человека художественной складки, темпераментного, загорающегося и принципиального — а это много значит!

Он хотел, чтобы Миша просто отдал бы ему «Рашель», не связываясь с Большим. Но Миша не может, он должен, по своему контракту с Большим, сдать либретто в театр.

Решили, что Дунаевский будет говорить с Самосудом и твердо заявит, что делать «Рашель» будет он.

Вечером позвонил и пришел Борис Эрдман. Биллиард.

В Москве уже несколько дней ходят слухи о том, что арестован Михаил Кольцов.

Сейчас звонил (двенадцать часов ночи) Виленкин и рассказывал мне, что Сахновский говорил с Немировичем о том, насколько серьезна возможность постановки «Бега» — стоит ли беспокоить Мих. Аф. разговорами об этом.

Немирович сказал, что сейчас об этом речи быть не может — и в интересах МХАТа и автора.

Я сказала Виленкину — Мих. Аф. был прав, когда говорил — не дам я «Бега», это дело нереальное.

24 декабря.

Вчера вечером позвонила Ануся, сказала, что им очень хочется придти к нам.

Пришли, сначала был и Дмитриев, но он вскоре ушел, а мы вчетвером ужинали — приятно, как всегда, с ними. Почему-то за ужином вспомнили Керженцева — добродушно вспомнили.

Сейчас — вечером — занимаемся разборкой архива. Миша сказал — знаешь, у меня от всего этого (показав на архив) пропадает желание жить.

Мороз упорный — вот уже 10 дней. Сейчас смотрела — 24°.

25 декабря.

Миша пошел наверх к Михалковым, с которыми у нас на почве шума из их квартиры (вследствие чудовищной нашей стройки) началось знакомство. Они оказались очень приятными людьми. Он — остроумен, наблюдателен, по-видимому, талантлив, прекрасный рассказчик, чему, как это ни странно, помогает то, что он заикается. Она — очень живой горячий человек, хороший человек.

26 декабря.

Миша пишет и диктует мне письмо В. М. Молотову — с просьбой помочь в квартирном вопросе. Кроме всех неприятных сторон нашей квартиры — прибавилось еще известие о том, что скоро наш дом будет сломан — в связи с постройкой Дворца Советов.

Не знаю, что получится из этого письма, но это — единственный выход.

Во время диктовки получили известие по телефону, что Сережке подшибли ногу в школе и придти он не может. Екатерина Ивановна поехала за ним на такси, а Миша на руках принес его домой — по лестнице. Вызвала хирурга.

27 декабря.

Вчера пришел хирург, пока еще не может определить, есть трещина или это растяжение связок. Покой, компрессы.

Вчера к нам пришли Михалковы. Засиделись поздно.

А сегодня я отнесла письмо в Кремлевскую башню.

Потом зашла в Репертком — отнесла «Дон-Кихота». Мерингофа не было, я оставила экземпляры. На обратном пути — в МХАТ — отдала Оле деньги для мамы. Видела много мхатовцев, были милы необычайно.

28 декабря.

У нас разговоры о Новом годе. Хотели мы его встретить тихо — с Вильямсами и Эрдманами. Но — понятно, как узнали наши знакомые, что мы будем дома — все угрожают приходом. Выяснилось, что может собраться таким образом человек 15—16. Что никак невозможно. У меня нет даже столько рюмок, вилок. Да, вообще, это всегда бывает неудачно — когда большая компания.

Переговорила с Вильямсами, они предложили устроить встречу у Лены Понсовой.

Днем Миша в редакции «Советского артиста» (газета Большого театра) по их просьбе писал фельетон для новогоднего номера. Я зашла к Серафиме Яковлевне — условились там встретиться. Видела Якова Л., Самосуда. Потом Яков Л. отвез нас домой.

1939

1 января.

Вчера: елку зажгли. Сергей ликовал. Борис Робертович принес французское шампанское, на звонки не отвечали, сидели тесно и мило — братья Эрдманы, жена Николая Робертовича, Вильямсы и мы — втроем — с Сергеем.

Сегодня — Михалков, пришел поздравить и уж поздравил! Авторские в кино отменяются! А если, вслед за этим, и по театру? Да, это будет интересно!

Есть ответ из Секретариата Совнаркома — Мишино письмо переслано в Моссовет.

Женя болен корью, заболел 30-го, по-видимому, на ногах перенес начало болезни. Форма тяжелая.

5 января.

Утром в Реперткоме. Мы ходили за визой на «Дон-Кихота». Миша — Пушкиной, секретарю Мерингофа, на ее фразу — «пьеса у тов. Мерингофа», сказал, побелев: «буду жаловаться в ЦК, это умышленно задерживают разрешение». Это меня ужасно огорчило, а Миша твердит — я прав. И я теперь не знаю.

6 января.

Около одиннадцати вечера позвонил Федя и сказал — «у нас дорогие гости на Вашем спектакле». Это, конечно, означает только одно, что Правительство смотрит «Дни Турбиных» (идет на Большой сцене, заменяя «Мертвые души»).

Федя говорил доброжелательно, ласково, что меня и Мишу тронуло.

Потом Ольга, которая сговаривалась со мной, чтобы мы пришли к ним, позвонила и сказала — «да, я хочу тебе сообщить, что сегодня Правительство смотрело Вашу пьесу». Я ответила — «Я знаю». — «Тебе уже сказали?! Кто?? Федя?» — «Да».

К Ольге не пошли, сидим вдвоем с Мишей, ужинаем. Ощущение праздничное от уюта, уединения.

Мороз упал, а он нас замучил.

Разговор о Чулкове, который умер на днях. Миша говорит — «он был хороший человек, настоящий писатель, небольшого ранга, но писатель».

А я его не знала.

Сегодня на рассвете, в шесть часов утра, когда мы ложились спать, засидевшись в длительной, как всегда, беседе с Николаем Робертовичем, Миша сказал мне очень хорошие вещи, и я очень счастлива, в честь чего ставлю знак.

Вчера, когда Николай Робертович стал советовать Мише, очень

дружелюбно, писать новую пьесу, не унывать и прочее, Миша сказал, что он проповедует, как «местный протоиерей».

Вообще их разговоры — по своему уму и остроте, доставляют мне бесконечное удовольствие.

8 января.

Вечером Мелики. Миша читал первую картину «Рашели», которая чрезвычайно понравилась. Потом играли на биллиарде. Миша очень развеселился, чему я очень рада, так как у него эти дни тягостное пессимистическое настроение духа.

Сегодня Миша отослал Дунаевскому первую отредактированную картину «Рашели».

9 января.

Дмитриев был, нездоров, говорил, что его вызвали повесткой в Ленинград, в НКВД. Ломал голову, зачем?

А у него еще здесь в Москве монтировка «Половчанских», на днях собирается ехать в Ленинград.

10 января.

Письмо Смирнова из ВОКСа с приложением перевода письма из Лондона. Это приложение представляет собой совершенную чепуху — нельзя понять, искажена пьеса или не искажена.

Ездили с Мишей поговорить с Уманским в Литературное агентство. Как все это нелепо! Судьба — пьес своих не видеть, гонорары за них не получать, а тут еще из ВОКСа присылают письма, которые только раздражают.

14 января.

Вчера провели вечер у Меликов. Миша и Александр Шамильевич играли на биллиарде.

Сегодня днем заходила в Репертком. Мерингоф, узнав, что «Дон-Кихот» сокращен на 15 страниц, страшно огорчился и вздыхал.

— Как бы пьеса не потеряла своей гармонии?

Я говорю — «Вы не волнуйтесь. Вряд ли Михаил Афанасьевич станет сам свои пьесы, без надобности, портить».

Условились, что он прочтет ее и даст визу 16-го в три часа дня.

Потом пошла в Моссовет, к секретарю Ефремова. Тот сказал, что бумага, наверно, попала к инспектору квартирному, туда и надо обратиться.

Из роскошного особняка (подъезд № 2 Моссовета) с громадными комнатами, коврами, тяжелыми дубовыми дверями — попала в подъезд № 3 — грязное, неуютное помещение, в комнате № 102 застала очередь, повернулась и ушла. Нет, так квартиру не получишь!

Сейчас еду в Большой за Мишей, и оттуда к Ольге.

16 января.

Вчера пришли вечером Борис и Николай Робертович, играли на биллиарде.

Сегодня утром звонили из Реперткома четыре раза. Тов. Мерингоф просит М. А. зайти к нему. Пошли. Сначала — комплименты, потом сожаление, почему выброшена такая хорошая и нужная сцена, как разговор Дон-Кихота с Санчо о золотом веке. — «Такой юмор замечательный!.. и так важно для пьесы...».

Миша согласился вставить.

Потом Мерингоф стал говорить — надо дать пьесу размножить, чтобы шла по Союзу, надо дать заметки в газете и все в таком роде.

Причем, должна признаться, несмотря на все мое отвращение к этому месту — Реперткому, — Мерингоф вел себя очень пристойно, серьезно и доброжелательно. Сговорились, что я сегодня сделаю вставки, завтра в два часа приду в Репертком и он мне даст визу.

Обедали — Миша, Николай Робертович, Женичка и я. А после отдыха, вечером, Миша взялся, после долгого перерыва, за пьесу о Сталине. Только что прочла первую (по пьесе — вторую) картину. Понравилась ужасно. Все персонажи живые.

18 января.

И вчера и сегодня вечерами Миша пишет пьесу, выдумывает при этом и для будущих картин положения, образы, изучает материал. Бог даст, удача будет!

Второй день оттепель.

19 января.

Сегодня звонили днем из Драмсекции — придет ли Мих. Аф. на заседание — выборы Бюро драмсекции?

Я сказала, что М. А. на службе, в Большом театре и на заседании не будет.

Вечером звонок — Судакова. «Я не могу успокоиться с „Бегом", хочу непременно добиться постановки, говорил уже в Комитете по делам искусств...»

Кроме того интересуется «Дон-Кихотом» и «вообще всей продукцией Мих. Аф.». Наговорил тысячу комплиментов по адресу Миши и попросился придти 21-го вечером.

20 января.

Сегодня днем опять звонили из Драмсекции — с тем же вопросом. Мой ответ — тот же. Потом вечером в восьмом часу телеграмма от Чичерова — «своим отсутствием срываете выборы, просим придти сегодня» — что-то в этом роде.

Проводила Мишу в десятом часу туда (в Клуб писателей), а сама пошла на хоры и оттуда смотрела на собрание. Ужасно

не понравилось — галдели, склока идет все время, вообще литературой и не пахнет.

23 января.

Вчера были у Ольги — Кторов, Попова, Дорохин, Пилявская, Раевский с женой, Федя, Гриша, мой Женюшка. Дорохин показывал замечательно фокусы. Раевский показывал пародии на декламаторов — очень талантливо, ужинали, смеялись, — а все вместе почему-то оставило впечатление гнетущее. Объяснить, почему, трудно.

Третьего дня заезжала к Евгению Петрову, отвезла ему рукопись «Дон-Кихота» и спросила, не напечатает ли «Литературная газета» отрывок из пьесы. Он сказал, что он, к сожалению, в этой редакции состоит на роли Ревунова-Караулова, сам решить не может, но отвезет рукопись редактору Войтинской и сообщит нам результат.

Потом зашла в отдел распространения при Всероскомдраме и условилась, что дам им экземпляр «Дон-Кихота» для распространения по Союзу.

24 января.

И сегодня, и вообще последние дни Миша диктует «Рашель». От Дунаевского пришло на днях письмо — очень милое — с восторженными отзывами по поводу первой картины и с просьбой присылки дальнейших. Вот Миша и взялся.

Вчера днем — без Миши, и сегодня днем в его присутствии — приходил некий Юдкевич из Ленинградского театра им. Пушкина (бывш. Александринки) с просьбой, чтобы Миша дал им что-нибудь — на любую тему — современную, историческую, русскую, нерусскую. Миша сказал, что сейчас ни о чем речи не может быть, он завален работой. Если они хотят, пусть напишут в марте, — если к тому времени будет готова пьеса, над которой он сейчас работает, — тогда можно будет говорить.

Сегодня (и на днях, но нас не было дома) звонил Рубен Симонов. Он сказал, что начинают работать «Дон-Кихота», что новому директору (Ванееву выперли) пьеса страшно понравилась, что ставить будет он, Симонов, что Горюнов вряд ли будет играть Санчо, так как роль очень мягкая (а тот напорист, конечно) и все в таком роде. Потом сказал: «а вот „Турбины“ — какая хорошая пьеса! Очень ее Анастас Иванович хвалил! Настоящая пьеса!»

26 января.

Вчера вечером к нам пришли Петя и Ануся. Миша прочитал им вторую и третью картины новой пьесы. Петя сказал, что вещь взята правильно, несмотря на громадные трудности этой работы. Что очень живой — герой, он такой именно, каким его представляешь себе по рассказам.

— 600 —

Глава 19.

Маргарита

~~В Москве не бывает весны. Человек, который уйдет если куда-нибудь в [illegible] зиму, так и не замечает, что весна прошла. Разве только [illegible] неприятными сквозняками в [illegible]~~

Лишь тогда, когда над Москвой пронеслась первая гроза, очнулась Маргарита Николаевна и поняла, что вот и наступила и свершилась весна.

Маргарита Николаевна, как только отгремели потоки и перестало ~~бушевать и грохотать~~, сама открыла балконную дверь, вышла и увидела, что ~~[illegible]~~ ветки лип уже не голые, а зеленые, что ~~трава~~ в саду оживает уже

М. А. Булгаков. Страница рукописи

Уговаривали писать дальше непременно, уверены, что выйдет замечательная пьеса. Ждут с нетерпением продолжения.

Сегодня утром Миша диктовал мне третью картину «Рашели» и тут же — перед обедом — мы пошли на почту и отправили Дунаевскому ее, а также и телеграмму — получил ли он вторую картину.

Вечером звонил Куза — о том же, что и Симонов. Добавил, что в Комитете пьеса очень нравится. Я сижу — перепечатываю «Дон-Кихота», Миша купается.

27 января.

Звонил Евгений Петров, сказал, что пьеса Войтинской очень понравилась и что она будет звонить. Она и позвонила, условились, что Миша приедет в редакцию завтра в десять часов вечера, чтобы поговорить, какой фрагмент печатать.

Вечером позвонил и пришел Николай Робертович, а потом и Борис Робертович.

28 января.

Вот так история! Поехали ровно к десяти часам, в редакции сидит в передней швейцар, почему-то босой, вышла какая-то барышня с растерянным лицом и сказала, что «Войтинской уже нет в редакции... она не будет сегодня больше... Она вчера заболела.., а лучше всего обратитесь к ответственному секретарю...»

Обратились, тот сказал, что он готов от имени Войтинской принести свои извинения, что причины ее отсутствия таковы, что приходится ее извинить, — и мы так и не поняли, что с ней, собственно, случилось.

29 января.

Мое посещение Художественного театра. Сказала, что дом наш, наверно, будут сносить. На Федю это произвело большое впечатление, и даже на Ольгу.

Федя пошел меня провожать и по дороге расспрашивал, не пишет ли Миша пьесу современную. Я сказала, что есть замысел о Сталине, но не хватает материала. Он тут же стал подавать советы, как достать материал.

Петров Евгений Петрович по телефону сказал: у Войтинской, видите ли, «force majeure»* — какой это форс-мажор?!

Ничего не понимаю, но отрывок, кажется, они будут печатать.

Вечером Миша в Большом — разговор с Самосудом и Захаровым о «Сусанине».

1 февраля.

Вчера вечером был Яков Л.

Сегодня в газетах — награждение писателей орденами. Наг-

---

* непредвиденные обстоятельства (*фр.*).

раждены, за малым исключением, все сколько-нибудь известные. Больше двадцати человек получили орден Ленина, сорок с чем-то — орден Красного Знамени и больше ста — Знак Почета.

Это награждение, по-видимому, произвело большое впечатление на читающую публику, во всяком случае — даже шофер, который вез нас сегодня к Евгению Петрову, говорил (узнав, что надо ехать в дом писательский в Лаврушинском) — «там ведь праздник сегодня».

Мы с Евгением Петровым сговорились накануне, что приедем к ним завтра, а сегодня днем Миша спросил его по телефону — может быть, в связи с награждением Вам надо идти куда-нибудь — он сказал, что нет и что они ждут нас.

Заводил радиолу — американскую, у него есть очень хорошие пластинки. Слушали Шестую симфонию Чайковского, Дебюсси и очень оригинальную вещь — голубая симфония, кажется, так называется.

2 февраля.

Сегодня в газетах — награждение киноработников по картинам — «Александр Невский», «Выборгская сторона», «Великое зарево», «Человек с ружьем», «Волга-Волга» и еще многим другим.

В ночь с 17 на 18 февраля.

Девятый день лежу в постели с тяжелым гриппом и осложнениями. Сердце, как ком, болели бешено ноги, теперь отпускают, настроение духа ужасное, злюсь, нервничаю. Миша утешает меня, вспрыскивает мне камфору по рецепту Марка Леопольдовича.

Вспоминать, что было в эти дни, не буду. Но сегодня: звонок из Комитета по делам искусств, просят Мишу придти в Комитет к тов. Немченко по поводу постановки в Англии «Дней Турбиных».

Что такое? Что за оказия?

С этим — продолжение тяжелых разговоров о нестерпимом Мишином положении, о том, что делать?

Миша пришел после полуночи из театра, говорит, что генеральная «Сусанина» назначена на 19-е днем, что это будет обыкновенная генеральная, а Правительство будет смотреть спектакль. Когда первый спектакль — неизвестно еще.

Лежу и пережевываю окрошку этих дней. В частности (вчера на «Лебедином» с Улановой) — в ложе дирекции дамы низким басом Мише — «Вы — первый!». Что за чертовщина? Оказалось — они хотели утешить Мишу по поводу того, что ему не дали ордена. Господи!

Потом этот Лондон. О, боже!

На дворе оттепель. Вот уж несколько дней. Дома — запущенность, как всегда бывает, когда я лежу.

Сережка ездил с новой домработницей покупать ей кровать. Себе постелил на полу ковер, содрав его со своей кушетки, — в пылком стремлении украсить свою комнату.

Купил четыре банана, бананов этих сколько угодно, но их мало кто покупает.

Миша все дни разбитый, вчера мучили его с либретто Чуфарова и Холфина. Лакированная поддельная вещь!

Ну, надо спать! Все равно ничего не придумаешь.

Вчера на «Лебедином» в ложе Б Мишу познакомили с каким-то человеком, похожим, по словам Миши, на французского короля. Семидесятилетний старик. Комплименты по поводу «Турбиных» (хотя страшно, что он говорил... «читал»!)... Разговоры о Киеве, о Врубелевской живописи... Общительный старик. Какой-то архитектор.

А знакомил Юзовский. Не знаю, в какой мере этот Юзовский приложил свою руку к травле Турбиных. А может быть, и не прикладывал?

В ночь с 19 на 20 февраля.

Марика явилась в десять часов утра (вчера я просила Мишу, чтобы он ее устроил на генеральную). Я была не в силах ехать, осталась дома. Тихая, как гроб, пустая квартира. Звонки к Тине. Сидела на своей кровати закутанная, читала Щедрина — пестрые письма.

Миша появился в пятом часу. Генеральная: Сусанин — Рейзен, Антонида — Барсова, Собинин — Большаков, Ваня — Антонова.

Успех странный и средний. Самосуда не вызывали, Вильямса — тоже, хотя декорациям аплодировали во многих местах.

Партер: Книппер-Чехова, Лева Книппер, Ольга, мой Женюшка, леонтьевские дамы, Пречистенка, Леонидов, мхатчики.

Почему не было бешеного успеха «Славься»? — Публика не знала, как отнестись.

Вечер. Слабость. Горчичники. Миша чудесно за мной ходит, веселит меня.

Тина (домработница) входит и спрашивает, сколько Михеевых в танковом дивизионе.

Сережка орет из своей комнаты, заводя радио — «Тамаркина!!»

Председатель Комитета по делам искусств — приехал ко второй части оперы. Женя, который сидел через два кресла от него, говорит, что Назаров сказал — колоколов не надо.

21 февраля.

Днем Миша, наконец сговорившись, у Немченко в Комитете.

Всю эту историю затеял и поднял Смирнов из ВОКСа. Немченко показала, по ходу разговора, Мише письмо от Смирнова к Солодовникову. Смирнов выражает беспокойство по поводу того, что пьеса в Лондоне идет в извращенном виде, и пишет, что «ввиду того, что фотографий в Лондон не послали, теперь уж (примерно так) нельзя отделываться сообщениями, что „Дни Турбиных" не самая лучшая советская пьеса».

Длинные, бесполезные разговоры (в том числе с участием Мерингофа) по телефону о том, как реагировать на эту постановку. Слова Миши о том, что он вовсе не уверен в том, что там есть извращения, а что, может быть, там просто играют первый вариант, украденный Каганским.

Мишины слова о том, что он, прежде всего, будет протестовать против того, чтобы отыгрываться, опорочивая его пьесу за границей. — «Дайте мне списать фразу Смирнова».

Немченко прижала документы к груди и не дала списать.

Мерингоф посоветовал Немченко по телефону, чтобы запросить Наркоминдел, какой текст играется.

Далее — Миша: не фотографии надо посылать, а автора, когда его пьесы играются за границей.

Немченко: «валюты...»

Миша: «Товарищ Немченко!!.»

Немченко — буро-красная.

Далее. Комплиментарные речи Месхетели, сидящего в этой же комнате, о «Дон-Кихоте».

Ночь. Миша пришел со спектакля (или генеральной, не разберешь!) «Сусанина». Ждали Правительство в полном составе. Но приехали только Калинин и Ворошилов в ложу, Литвинов — в первом ряду партера.

Партер полон знакомыми и известными в Москве лицами: Москвин с Аллой, Дзержинский, Юровский, из Наркоминдела — Барков, из Дипкорпуса и так далее. Серафима взволнованная — в длинном платье, Лебедев-Кумач, Толстой, Мясковский, комитетские, Судаков с Клавой, композитор Прокофьев — не пересчитать.

Самосуд нервничал. Успех средний. Пел Пирогов, Антониду — Жуковская, Ваня — Златогорова, тенор Большаков. Миша говорит, что верхние ноты берет легко.

25 февраля.

Вчера. Днем Миша пошел к Марике. Играл в шахматы с Сережей Топлениновым и Дмитриевым. У Миши — сильные головные боли. Сережа прогревал ему синей лампой голову.

Вечером Эрдманы, разговоры о том, как Миша сочинял конспект-программу «Сусанина».

Потом — звонок и приезд Дунаевского. Неудачный вечер, Миша был хмур, печален, потом говорил, что не может работать над «Рашелью», если Дунаевский не отвечает на телеграмму и

если он ведет разговоры по поводу оперы в таком роде, что «Франция ведет себя плохо» — значит, не пойдет!

Дунаевский играл до четырех часов на рояле, кой-какие наметки «Рашели». А потом мы с Николаем Робертовичем пилили Мишу, что он своей мрачностью и сухостью отпугнул Дунаевского.

Сегодня днем больна вдребезги из-за вчерашней бессонной ночи. К вечеру поправилась, читаю по Пушкину.

Миша был в Большом на совершенно бессмысленном совещании Самосуда с неким Груздевым — горьковедом, по поводу оперы «Мать».

Ложусь спать.

Миша очарователен. Обожаю его!

Миша видел, что я пишу дневник и говорит: напиши, что я очарователен и что ты меня любишь. Я и написала.

26 февраля.

Только что уехал Дунаевский. Наконец-то плодотворно и организованно поработал он с Мишей над тремя картинами «Рашели». Играл наметку канкана. Но пока еще ничего не писал. Миша охотно принимает те поправки, которые предлагает Дунаевский, чтобы не стеснять музыкальную сторону. Но одну вещь Дунаевский предлагал совершенно неверно — лобовую сатирическую песенку по адресу пирующих пруссаков, вместо песенки по Беранже.

Ужинали втроем, угощала замороженной клубникой. Миша говорит, что это дрянь ужасная.

27 февраля

Иду вечером на «Ивана Сусанина».

Умерла Крупская.

28 февраля

Мне крайне не понравился и утомил безмерно «Сусанин». По-моему, всегда эта опера была лобовой, патриотической и такой и осталась, и всякие введения Минина и Пожарского ни к чему не приводят.

Уйма знакомых, здоровалась раз пятьдесят, видела Евгения Петрова, Берсенева, Дунаевского, Хенкина и множество, множество других.

Миша был дома. К нему звонил Бертенсон из Малого, просит «Бег», Миша отвечал, что он не верит в это дело. Тот настойчиво просит дать для чтения.

Тело Крупской в Колонном зале. Миша, бывший в центре, говорит, что центр перерезан милицейскими оцеплениями, так что из него трудно было уехать.

Миша сидит вечером над романом («Мастер и Маргарита»), раздумывает.

У меня сегодня днем во Всероскомдраме встреча. Совсем неизвестный человек подошел и расспрашивал о Мише. Над чем работает, как живет: восхищался, объявил себя пламенным его почитателем, горевал над страшной судьбой, над тем, что не дают хода пьесам его. Потом сказал: моя жена — Дуся Виноградова, надо дать ей ту пьесу, которую Михаил Афанасьевич считает сильнейшей и которую не ставят, и она будет говорить в Кремле об этом(!).

Когда я рассказала дома Мише об этом разговоре, он сказал: Что это за путь! — Я так и сказала ему.

1 марта.

Днем звонил Дмитриев, спрашивал, когда же можно придти.

Потом Миша пошел к Сергею Топленинову, куда пошел и Дмитриев, и они играли там в шахматы.

А мы с Женичкой ходили в город, к Елисееву. Купили пиво, бананы.

На улицах — колоссальные очереди — стоят люди для того, чтобы попасть в Колонный зал, где лежит тело Крупской.

Мы ехали на такси, доехали до Никитских ворот, дальше не пропускают. Пошли пешком по Леонтьевскому. Купила мимозы.

Вечером Миша — над романом. А я начиталась страхов у Жуковского («Нечто о привидениях») и стала ходить за Мишей по пятам, чтобы не оставаться одной.

2 марта.

Днем Миша в Большом.

Я — в Всероскомдраме, отнесла «Дон-Кихота» в отдел распространения.

Вечером — Миша — роман.

4 марта.

Хамский звонок из «Вечерней Москвы»:

— Михаила Афанасьевича.

— Он болен. Говорит его жена.

— Мне жена не нужна, а нужен Михаил Афанасьевич...

— Он болен.

— Мне он нужен здоровый, больной не нужен... Дело отпадает...

Ну, я ответила.

Миша разозлился, позвонил заведующему отделом искусства в «Вечерке», сказал — «от Вас был звонок». Тот: «это Гринвальд и Бернштейн». — «Так нельзя звонить...» и т. д.

Потом звонил Яков Л. и сказал, что к нему звонил Бернштейн и сказал: «вот дала мне отповедь жена Булгакова...»

Я сказала — «не я отповедь дала, а они по-хамски звонили».

5 марта.

Звонок. — «Я писательница, встречалась раньше с Михаилом Андреевичем и хорошо его знаю...»

— С Михаилом Афанасьевичем?

Поперхнулась. Фамилия неразборчивая. Словом, написала либретто. Хочет, чтобы М. А. прочитал.

Вечером Вильямсы и Лена Понсова. Разговор о детях, о домработницах. Скучно. Петя сказал, что вахтанговцы с ним подписывают договор на «Дон-Кихота» и играть эту пьесу будут.

В ночь с 6-го на 7-е марта.

Опять эта писательница! Опять приставание, чтобы Миша по старому знакомству прочитал либретто и сказал свое мнение.

Днем Сергей с товарищем на «Коньке-Горбунке». Миша показывал, как они сидели в первом ряду с важным видом и аплодировали. На деньги, которые я дала им, пили воду в буфете. Сергей сказал — «до'огой буфет!»

Вечером «Сусанин», пошел Миша. На спектакль приехал И. В. Сталин. В правительственной ложе аплодировали после второго акта.

Бедняга Антонова сбилась в сцене монастыря, неправильно взяла слова, сбила хор и оркестр. Самосуд был безумно расстроен.

Миша приехал домой до окончания спектакля и дослушал со мной «Славься» по радио.

7 марта.

Днем правила экземпляры «Дон-Кихота» в отделе распространения. Писала неграмотная машинистка. Пришла домой с головной болью.

На улице около Управления догнал Тренев, спросил, что делает Миша своего? — Ничего. И нет никакой веры в то, что его пьеса может пойти.

— Напрасно, напрасно. Сейчас такое время... Хотят проявить смелость... У меня был разговор о нем и в ЦК и в Комитете... Надо нам непременно повидаться... Приходите к нам на этих днях...

Миша сказал: «Я же еще пойду кланяться?! Ни за что».

Вечером у нас Дмитриев с Мариной.

Разговор Миши с Дмитриевым о МХАТе, о пьесе для него. Миша сказал — «капельдинером в Большом буду, на улице с дощечкой буду стоять, а пьесу в МХАТ не дам, пока они не привезут мне ключ от квартиры!»

8 марта.

Сегодня звонили из школы Сталинского района, то есть почему-то она сказала «из филармонии», но филармония оказалась не при чем, а просят М. А. сделать доклад на тему о творчестве Мольера для старших классов школы. Приедут, отвезут, привезут. Говорила очень приятно. Я сказала, что М. А. вряд ли сможет это сделать, так как ему надо было бы готовиться к докладу, а он занят чрезвычайно.

Звонила опять писательница — оказалось Сергей Мятежный. Я

ей объяснила, что М. А. очень сейчас занят, попросила, чтобы она отложила присылку либретто на неделю.

10 марта.

Вчера я провела целый день у Ольги, а Миша с перерывом на обед — в Большом. Встретились дома уже часов в десять вечера. Тут же приехал и Гриша Конский (после телефонного звонка). Просьба почитать роман. Миша говорит — я Вам лучше картину из «Дон-Кихота» прочту. Прочитал, тот слушал, хвалил. Но ясно было, что не «Дон-Кихот» его интересовал. И, уходя, опять начал выпрашивать роман хоть на одну ночь. Миша не дал.

Сегодня днем были в дирекции, сидели у Якова Л. Он рассказывал, что Сергей Городецкий невероятно нахамил по телефону. Его не пустили на закрытый спектакль «Сусанина». — «Я морду буду бить тому, кто скажет, что я не имею отношения к этому спектаклю», — сказал Городецкий.

11 марта.

Дома — марочный психоз. Сережка стал собирать альбом марок. Поминутно — мальчишки, мены, покупки. Женька с марками. Вырезывание из конвертов и так далее.

Звонок телефонный — девица из Клуба писателей, «по поручению президиума» просит Мишу что-нибудь прочесть 23 марта в большой клубный день.

Тут мы с Мишей разошлись. Я обрадовалась, думала, что выступление пойдет Мише на пользу.

А Миша сказал, что из этого ничего, кроме гадостей, не выйдет и уперся, сказал, что читать не будет. Вспоминал все издевательства, которые над ним проделывались после чтения среди писателей.

Миша отправил сегодня письмо Вересаеву, в нем текст соглашения между ними обоими по поводу пьесы «Пушкин».

Да, повинен Викентий Викентьевич в гибели пьесы — своими широкими разговорами с пушкинистами об ошибках (исторических), о неправильном Дантесе и т. д., своими склоками с Мишей. А М. А. приходится теперь ломать голову над формулами соглашения.

13 марта.

Вчера вечером были у Мелика — день рождения Минны. Родственники по этому случаю. И в них вкраплены для оживления — Мчедели из Большого, балерина Никитина и мы. Потом случайно пришли тенор Червяков и Булдаков (кажется, секретарь парткома Большого театра). После ужина Червяков и Мчедели пели.

Сегодня днем гуляла с Анусей. Она мне подарила массу фиалок и мимоз. Мы пошли к нам обедать.

А вечером Оля позвонила и попросила придти — и, главное, чтобы Миша прочитал «Дон-Кихота».

Рассказывают, что Самосуд и Леонтьев вместе с Назаровым (первый был снят с «Поднятой» из-за пульта) были вызваны к Ста-

лину, и он им дал указания по «Сусанину». Будет переделываться финал оперы. Вчера уже спектакль шел без предпоследней картины — реквием не исполнялся.

14 марта.

Кроме нас были еще Вильямсы, Виленкин, и потом — уже поздно — Гриша Конский. Пьеса мхатчикам понравилась, по-видимому. Во время ужина они возвращались к разговору о том, что сыграть Дон-Кихота может только Качалов. (А он большею частью живет в Барвихе по болезни или лежит в Кремлевской больнице!) Распределяли роли между актерами МХАТа, просили дать почитать Василию Ивановичу. Но Миша сказал, что ни в коем случае пьесу в МХАТ не даст и читать тоже не может дать.

Миша пришел домой совершенно разбитый нравственно, говорит, что больше не может слушать эти разговоры о том, что Качалов выглядит моложе Массальского, что он идеальный Чацкий, про Немировича, про Париж и так далее — все эти вечные однообразные мхатовские разговоры.

Сегодня заходила днем в филиал МХАТа к Чацкому — записала билеты на Турбиных. Очень приятно было отношение Чацкого и всех билетеров знакомых.

15 марта.

Миша вечером у Федоровых — винт.

Я была у модистки, благо рядом, зашла на часок к Ольге. Женя Калужский сидит с рукописью Вирты — «Заговор» (кажется) — и, ежесекундно чертыхаясь, читает.

16 марта.

Вечер у Николая Радлова и Дины — Книппер-Чехова, художник Осьмеркин с женой, архитектор Кожин и мы. Мне было весело, рада была услышать какие-то другие разговоры, вместо приевшихся мхатовских тем за эти дни. Но Миша был в полном отчаянии, говорит, что больше никуда не хочет ходить, вечера — потерянные, разговоры пустые и, главное, — фальшивые.

18 марта.

Вчера были вечером у Леонтьевых. Кроме нас — Вильямсы, Мелик с Минной. Мелик играл. Миша с Арендтом до ужина играли в шахматы. У меня был сердечный разговор с Д. Г. Когда она говорила о том, как они переживали ордена писателям, — разволновалась до слез.

В чем дело? Неужели могли думать, что Мише дадут орден?! Да и зачем ему?

Миша днем почти всегда в Большом — там идут репетиции — к концу уже — и «Матери» и «Щелкунчика». О первой он говорит с ужасом, о втором — с удовольствием.

Дома работает над фельетоном, который у него просят для их газеты в театре.

Оля перепечатала «Пушкина» для меня. Говорит, что пьеса — совершенна во всех отношениях, что она буквально рыдала, дописы-

вая ее, что у нее такое чувство, что она потеряла самое близкое и дорогое. Словом, тысяча приятностей.

Потом — «знаешь, Виталий романтик!.. Говорит, поговорите вы с Владимиром Ивановичем о «Пушкине»!.. Ты же ведь знаешь... Да притом, у Жени ведь портфель ломится от пьес... Мы уверены, что пройдет время, и все театры будут играть эту пьесу!»

Я стояла у телефона и молчала. Но если бы чувства могли убивать, наверно, Владимира Ивановича нашли бы сейчас мертвым в постели!

22 марта.

Вчера позвонил Борис Робертович и предложил пойти в Клуб писателей. Заехал за нами.

Только сели за столик — услышали в зале вопли, которые все трое дружно определили как «мхатовские». Действительно, оказалось, что Топорков — в роли Чичикова — у Коробочки. (Вчера в Клубе был вечер Гоголя.)

Прелестно ужинали — икра, свежие огурцы, рябчики, — а главное, очень весело. Потом Миша и Борис Робертович играли на биллиарде с Березиным и одну партию друг с другом, причем Миша выиграл. Потом встретили Михалковых и с ними и с Эль-Регистаном пили кофе. Эль-Регистан рассказывал интересные случаи из своих журналистских впечатлений, а Михалков говорил, как всегда, очень смешные и остроумные вещи. Миша смеялся, как Сережка, до слез.

В общем, чудесный вечер.

А сегодня днем тоже получила удовольствие. Мы с Мишей зашли днем в Дом актера и там устроили нам прослушивание ленты, записанной в день празднования МХАТовского юбилея, когда от Большого театра программу выдумал и вел М. А.

Теперь я убедилась, что успех был большой. А голоса Мишиного я не узнала.

23 марта.

Миша диктовал «Рашель».

25 марта.

Вчера пошли вечером в Клуб актера на Тверской. Смотрели старые картины — очень смешную американскую комедию и неудачную, по-моему, «Парижанку» — постановка Чарли Чаплина. Потом ужинали.

Все было хорошо, за исключением финала. Пьяный Катаев сел, никем не прошенный, к столу, Пете сказал, что он написал — барахло — а не декорации, Грише Конскому — что он плохой актер, хотя никогда его не видел на сцене и, может быть, даже в жизни. Наконец, все так обозлились на него, что у всех явилось желание ударить его, но вдруг Миша тихо и серьезно ему сказал: вы бездарный драматург, от этого всем завидуете и злитесь. — «Валя, Вы жопа».

Катаев ушел мрачный, не прощаясь.

Сейчас пришла с премьеры «Матери» в филиале Большого. Невыразимо плохо! Скучная сама по себе повесть переделана бездарным либреттистом, текст безграмотный, музыка беспомощная, маленькая, вернее, никакая. С трудом высидела представление. Насколько удалось выжать из знакомых (всегда осторожно высказывающих впечатления на премьерах) — у всех «Мать» вызывает одинаковые чувства. Только жена Самосуда почему-то сказала, что она проплакала целый акт — до того трогательно. Si non e vero*.

После «Матери» застала у нас Сергея Ермолинского, который уезжал месяца на полтора в Одессу.

Да, говорят, какой-то критик сказал об этой опере: уж полночь близится, а музыки все нет!

26 марта.

Дописывала под диктовку Миши «Рашель». Уф! Кончено!

27 марта.

Сегодня Миша сдал в театр «Рашель». Слава богу!

В «Советском искусстве» в хронике сообщение, что у вахтанговцев в ближайшие дни начнется работа над «Дон-Кихотом», сделанным Булгаковым.

Кто-то мне сказал сегодня, что и по радио было такое сообщение.

Вечером — одни.

28 марта.

Сегодня пришло письмо от директора ВТО Эскина, очень милое письмо с приглашением на заграничные фильмы, которые он специально поставил к представлению 30-го, чтобы заманить М. А. Машину предлагает. Все для того, чтобы уговорить М. А. принять участие в устройстве программы вечера.

Вечером у нас Борис Эрдман, а потом Яков Л.

29 марта.

Вечером у нас Калужские. Позвонила Эскину, сказала, что М. А. не может придти 30-го, болен, невралгия. Был ужасно огорчен. И с этим же потом позвонил Гриша К.

30 марта.

Была на спектакле «Созвездие Гончих Псов» в Детском театре. Пошла посмотреть на работу Эрдмана. Очень хорош последний акт — дворик с галерейкой и теплое синее небо.

Нездоровится.

31 марта.

Только что вернулась с «Пиковой дамы». Бывают такие дни — все было плохо. И чувствовала раньше, что лучше бы не идти! Пошла все-таки. Во-первых, встретила жену В. Я-ва, которая настойчиво приглашала и сказала, что так не отстанет, пока не придем. А во-вторых, все не понравилось — не могу видеть Ханаева — Германом. Плохо пела Леонтьева — Лизу, прегадко — Батурин — Томского, музыка почему-то не звучала так, как обычно. А главное, очень неприятно поразил Дмитриев. До сих пор я всегда смотрела

---

* Если это и неверно (*ит.*).

«Пиковую» из ложи Б — оттуда трудно понять, что делается на сцене. А вот из первого ряда, где мы сидели с Женей, очень ясно видны все недочеты. Все декорации (кроме Канавки, которая блестяще сделана), все костюмы — безвкусны, разнокалиберны, бессмысленны.

1 апреля.

Сидели над составлением и переводом письма к Кельверлей — по поводу постановки «Турбиных» в Лондоне.

2 апреля.

Письмо отправили.

3 апреля.

Вчера вечером пришел Борис Эрдман, а потом Сергей Ермолинский. Миша был в Большом, где в первый раз ставили «Сусанина» с новым эпилогом.

Пришел после спектакля и рассказал нам, что перед эпилогом Правительство перешло из обычной правительственной ложи в среднюю большую (бывшую царскую) и оттуда уже досматривало оперу. Публика, как только увидела, начала аплодировать, и аплодисмент продолжался во все время музыкального антракта перед эпилогом. Потом с поднятием занавеса, а главное, к концу, к моменту появления Минина, Пожарского — верхами. Это все усиливалось и, наконец, превратилось в грандиозные овации, причем Правительство аплодировало сцене, сцена — по адресу Правительства, а публика — и туда, и сюда.

Сегодня я была днем в дирекции Большого, а потом в одной из мастерских и мне рассказывали, что было что-то необыкновенное в смысле подъема, что какая-то старушка, увидев Сталина, стала креститься и приговаривать: вот увидела все-таки! что люди вставали ногами на кресла!

Говорят, что после спектакля Леонтьев и Самосуд были вызваны в ложу, и Сталин просил передать всему коллективу театра, работавшему над спектаклем, его благодарность, сказал, что этот спектакль войдет в историю театра.

Сегодня в Большом был митинг по этому поводу.

Сегодня — тихий день. Написала и перевела письмо секретарше Лондонского ВОКСа — об адресах театра, режиссера и переводчика.

Телефон испорчен, все время звонки, а говорить нельзя.

4 апреля.

Миша вечером у Мелика. Я зашла на минутку к Оле в Театр. Как у меня много с ним связано.

Отправили письмо Тоду по «Турбиным».

5 апреля.

Днем вдруг охватил прилив энергии — надо что-то делать, куда-то идти... Миша (как он сказал — чтобы разрядить это напряжение) согласился пойти вместе со мной в Репертком — с «Пушкиным». Мерингоф по телефону — когда узнал, что М. А. придет — испуган-

но: А что с ним случилось?! — Ничего, просто пьесу Вам принесет. — Аа! Очень приятно!

Но эта радость у него мгновенно исчезла, когда он увидел «Пушкина»:

— Что это Вам вздумалось? (замечательный вопрос).

— Да это не мне, это жене моей вздумалось.

Тут Мерингоф устроил такой фортель — оказывается, просто от автора он пьесу принять не может. Нужно или через театр, или через отдел распространения.

Ну, что же, получит через отдел распространения!

Кроме того, для того же «разряда» позвонила к Месхетели и условилась, чтобы он принял М. А. 8-го.

Вечером Миша в Большом, откуда пришел, совершенно измученный, в первом часу ночи.

Сегодня М. А. написал письмо Марилу по поводу «Турбиных».

6 апреля.

Ушла от меня Тина, вернее, пришлось уволить из-за необычайно широкого образа жизни — беспрестанные звонки по телефону, беспрестанные гости и красноармейцы в большом количестве.

Миша вечером пошел играть в винт.

7 апреля.

День начался звонком Долгополова. Первое — просит М. А. сообщить ему содержание «Рашели», так как он дает статью о Дунаевском, и Дунаевский, говоря о «Рашели», посоветовал обратиться к Мише.

Второе — сообщение о заседании Художественного совета при Всесоюзном комитете по делам искусств. Оказывается, Немирович выступал и много говорил о Булгакове: самый талантливый, мастер драматургии и т. п. Сказал — вот почему вы все про него забыли, почему не используете такого талантливого драматурга, какой у нас есть — Булгакова?

Голос из собравшихся (не знаю кто, но постараюсь непременно узнать):

— Он не наш!

Немирович: Откуда вы знаете? Что вы читали из его произведений? Знаете ли вы «Мольера», «Пушкина»? Он написал замечательные пьесы, а они не идут. Над «Мольером» я работал, эта пьеса шла бы и сейчас. Если в ней что-нибудь надо было по мнению критики изменить, это одно. Но почему снять?

В общем, он очень долго говорил и, как сказал Долгополов, все ему в рот смотрели, и он боится, что стенографистка, тоже смотревшая в рот, пропустила что-нибудь из его речи.

Обещал достать стенограмму.

Потом позвонила Ольга — с тем же самым.

Потом звонил Яншин с напоминанием о том, что мы обещали придти в Цыганский театр.

Вечером разговор с Мишей о Немировиче и об этом — «он не наш»; я считаю полезной речь Немировича, а Миша говорит, что лучше бы он не произносил этой речи, и что возглас этот дороже обойдется, чем сама речь, которую Немирович произнес через три года после разгрома.

«Да и кому он ее говорит и зачем? Если он считает хорошей пьесу „Пушкин“, то почему же он не репетирует ее, выхлопотав, конечно, для этого разрешения наверху».

Сегодня в Большом Самосуд держал речь перед М. А., Мордвиновым, Меликом о том, что предпринимает меры, чтобы Толстой с Шостаковичем написали оперу об Иване Грозном.

Сейчас в МХАТе встреча московских работников искусств с ленинградскими орденоносцами. Нам прислали билеты; мы не пошли.

8 апреля.

Миша написал письмо Кузе — о «Дон-Кихоте» — будут ли ставить.

10 апреля.

Позвонил и пришел Николай Эрдман. Я позвала Вильямсов.

11 апреля.

Звонил Рапопорт — он будет ставить «Дон-Кихота», Симонов болел, теперь очень перегружен, кроме того, хочет играть в «Дон-Кихоте».

Рапопорт просил встретиться — переговорить с М. А. о распределении ролей.

М. А. говорит — все это липа, это в ответ на мое письмо.

12 апреля.

Пришло письмо от Кузы — уверения, что пьеса принята театром с энтузиазмом — и пойдет в правильный срок.

Днем М. А. был у Рапопорта. Впечатление от разговора — кислое, «маломощное», как сказал Миша.

Вечером иду на «Сусанина». А к нам придет Борис Эрдман.

13 апреля.

Смотрела новый финал. Лучше прежнего, уж очень был скучен статический финал. Но и сейчас народу — жидко дано. А декорации, костюмы очень хороши. Видела в театре Хмелева, условились, что придет к нам 19-го.

Была сегодня в Реперткоме. Они вызывали М. А., но он, конечно, не пошел. Говорила с политредактором Евстратовым — по поводу «Мертвых душ». Он считает, что М. А. надо пересмотреть пьесу в связи с изменением отношения к Гоголю — с 30-го года и вставить туда что-то. Я сказала, что ни пересматривать, ни вписывать М. А. не

будет. Что это его не интересует. Что я просто оттого подняла вопрос с этой пьесой и буду поднимать о других, чтобы выяснить положение М. А., которого явственно не пускают на периферию и вообще запрещают.

14 апреля.

Зашла к Оле в Театр по делу и посмотрела случайно первый акт «Врагов» — Качалов играл Якова Бардина, заменял Орлова, который внезапно заболел. Сыграл Качалов неплохо. Он был бы вообще блестящим комическим актером. Комические реплики доходили прекрасно.

П. Марков черен, Виленкин сконфужен. Оля напряжена.

15 апреля.

Днем, проходя по Пречистенке, зашла к Ермолинским, сидели тихо втроем, как вдруг за стеной раздался шум голосов, лай собак.

Выяснилось, что там собралась почти вся «Пречистенка». Когда я взглянула в ту комнату — зашаталась! Сидят почему-то в шубах семь женщин... Не люблю я этого круга, да и меня там не любят.

16 апреля.

Днем была в дирекции Большого театра, а Миша в Большом. Видела Якова Л. — у него был сердечный припадок накануне. Разве так можно работать?

Потом поехали в машине Мчедели — Мелик, Мчедели и мы — в Химки (вокзал). Там пообедали, погуляли и вернулись в город.

Вечером были на «Раймонде». Я, к сожалению, попала только ко второму действию. Говорили, что в первом Семенова танцевала удивительно! Но и то, что я видела, было прелестно. Мы с Мишей долго хлопали ей из ложи Б, и она нам кланялась. В зале стояли после конца балета около получаса, непрерывно вызывая ее.

Потом там же в Большом был показан фильм «Ленин в 1918 году». Звук не был налажен, и потому текст пропал совершенно, я не поняла ни слова, смотрела, как немой фильм. Художественно — это, конечно, невероятно слабо.

Получили ответ от Кельверлей. Оказывается, это не ее постановка, а некоего Branson Albery, к которому она и советует обратиться.

17 апреля.

Миша в Большом, слушает «Руслана». Сережка с Лоли на «Пади серебряной». Я одна дома. По радио — концерт Лемешева. Очень приятно поет — и музыкально и толково.

18 апреля.

Ну, утро!.. Миша меня разбудил словами: вставай, два письма из Лондона! Ты прочти, что пишет Кельверлей!

А Кельверлей прилагает ответ Куртис Брауна, который она получила на свой запрос ему. Оказывается, что К. Брауну была представлена Каганским доверенность, подписанная Булгаковым, по которой 50 % авторских надлежит платить З. Каганскому (его

парижский адрес) и 50 % Николаю Булгакову в его парижский адрес, что они и делали, деля деньги таким путем!!!

Мы с Мишей как сломались!.. Не знаем, что и думать!

19 апреля.

Отправили телеграмму в Лондон — Куртис Брауну — задержите платежи.

Кроме того — благодарственное письмо Кельверлей.

Но что это?!

Вечером у нас — Борис Эрдман, Хмелев и Гриша. Пришел еще один приезжий из Киева — знакомый Мишин профессор, но просидев недолго, ушел, взяв, конечно, письмо Феде Михальскому, чтобы устроить ему билеты в МХАТ.

Хмелев рассказывал с чьих-то слов, что было заседание Художественного совета при Комитете искусств, с которого Таиров ушел с гордо поднятой головой, так как там говорилось, что театры должны сохранять свое лицо, что нельзя все театры «под МХАТ» причесывать, что Камерный театр был хорошим театром, Жирофле-Жирофля и так далее.

Потом Хмелев говорил, что он с кем-то из комитетских говорил о «Беге».

Поужинали хорошо, весело. Сидели долго. Но Гриша! Битков форменный!

20 апреля.

Отправили в Лондон Куртис Брауну телеграмму — письмо с заявлением, что никогда такой доверенности М. А. не подписывал, вопрос — какой же документ предъявил Каганский, просьба сохранить авторскую часть поступлений, не высылать никому. Что получится из всего этого?

Письмо от Дунаевского, полное уверений в том, что скоро мы услышим первые картины «Рашели».

Миша вечером у Ермолинских.

22 апреля.

Вчера позвонил и пришел Николай Эрдман. Засиделись, как обычно, до пяти утра.

Миша пришел из театра измученный душевно. Самосуд хочет свалить на него ответственность за балет «Светлана». Миша предупреждал, что в настоящем виде балет нельзя пустить. Балетная группа постановщиков «Светланы» стала бегать от него. А Самосуд не хочет сам запретить, а хочет, чтобы все это легло на Мишу.

Утром звонок руководителя Детского театра — просьба дать «Дон-Кихота». Не дали, конечно. До Вахтанговского никуда Миша не будет давать. Да вряд ли и после. Тем более, что для детского пришлось бы перерабатывать.

23 апреля.

Сегодня Миша перед спектаклем («Князь Игорь») в Большом и перед вторым действием «Онегина» в филиале говорил несколько

М. А. Булгаков
и Я. Л. Леонтьев
Шарж С. С. Топленинова

слов о Шекспире. Говорил минут по 8—10. В филиале и встретили и проводили аплодисментом, слушали внимательно. В Большом — холоднее. Оркестрантам и тут и там очень нравилось, улыбались в смешных местах.

24 апреля.

Днем — Николай Эрдман, вечером Борис. Мише нездоровилось, он полеживал.

25 апреля.

Миша отвез в Союз писателей, по их заявке, автобиографию и фотокарточку. Автобиография — сплошное кладбище пьес.

Вечером М. А. у Федоровых — винт. Я воспользовалась и устроила дома чистку, полотера. Сейчас все блестит.

Звонила Ануся — позвала к ним 30-го.

Сегодня у М. А. был в Большом разговор по поводу «Светланы». Яков Л. — на стороне Миши. «Нельзя же из меня делать какую-то карету скорой помощи», — сказал Миша.

Мордвинов выражал восхищение по поводу шекспировского доклада. Черняков просит, чтобы Миша сделал доклад для актеров. Для этого доклада в 8 минут Миша неделю просидел над материалами.

27 апреля.

Вчера у нас Файко — оба, Марков и Виленкин. Миша читал «Мастера и Маргариту» — с начала. Впечатление громадное. Тут же настойчиво попросили назначить день продолжения. Миша спросил после чтения — а кто такой Воланд? Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет. Я предложила ему написать, я тоже напишу, и мы обменяемся записками. Сделали. Он написал: сатана, я — дьявол. После этого Файко захотел также сыграть. И написал на своей записке: я не знаю. Но я попалась на удочку и написала ему — сатана.

Утром звонила Лидия Александровна — взволнованная, говорит: мы не спали почти, все время говорим только о романе. Я ночью догадалась и сказала Алеше. Не можем дождаться продолжения!

29 апреля.

Вчера была премьера «Щелкунчика», я была с Женей в партере, а Миша — в ложе Б.

Знакомых, мхатовцев было тьма! Был, между прочим, Виленкин, который сказал, что ночь после романа не спал.

После балета Вильямсы, Марика, Женюшка и мы поехали в Клуб писателей, где весело поужинали, немного потанцевали — одни в большой комнате с камином.

«Щелкунчик» — чистенький балетный спектакль, лишенный хоть какого-нибудь яркого захватывающего момента — конечно, полное несоответствие с Гофманом и с Чайковским.

Когда мы приехали в Клуб, к Мише подошли три ужинавших там художника: Иогансон, Восьмеркин и еще один и произнесли что-то очень приятное в смысле их необычайного уважения к творчеству М. А., к его честности. Потом перед уходом они опять подошли и я слышала, как Иогансон опять говорил о своем бесконечном восхищении и уважении и попросил поцеловать М. А.

30 апреля.

У Вильямсов перенесено на 2-е. Сегодня они придут вечером к нам.

2 мая.

Вчера у нас было назначенное продолжение чтения: к той компании присоединились еще Вильямсы, которые, услышав про чтение, заявили, что они придут.

Было опять очень хорошо. Аудитория замечательная, М. А. читал очень хорошо. Интерес колоссальный к роману.

Миша за ужином говорил: вот скоро сдам, пойдет в печать. Все стыдливо хихикали.

3 мая.

Вчера было чтение у Вильямсов «Записок покойника». Давно уже Самосуд просил об этом, и вот наконец вчера это состоялось. Были, кроме нас и Вильямсов, Самосуды, Мордвиновы, Захаровы, Лена Понсова, еще одна подруга Ануси.

Миша прочитал несколько отрывков, причем глава «Репетиция

с Иваном Васильевичем» имела совершенно бешеный успех. Самосуд тут же выдумал, что Миша должен прочитать эту главу для всего Большого театра, а объявить можно, что это описана репетиция в периферийном театре.

Ему так понравилась мысль, что он может всенародно опорочить систему Станиславского, что он все готов отдать, чтобы это чтение состоялось. Но Миша, конечно, сказал, что читать не будет.

4 мая.

Вчера был день рождения Миши. Подарила ему словарь Александрова — русско-английский, и кроме того, по рассеянности купила Павловского — русско-немецкий, который у нас уже есть. Отнесла обратно, поменяю на что-нибудь другое.

Сегодня капустник в ВТО — балета Большого театра.

Вызвала парикмахера на дом и портниху — немного поправить платье надо и пришить живые цветы хочу. Женьку отправила за розовыми и лиловыми тюльпанами.

В «Правде» на первой странице о назначении на пост наркоминдела тов. Молотова, а на последней в хронике — об уходе, по его просьбе, Литвинова с поста наркоминдела.

5 мая.

Капустник прошел оживленно, программа понравилась. Хотя собственно, непонятно, почему они так кроют «Щелкунчика» — он ничем не хуже других балетов. Говорят, что программу балетные приготовили в то время, когда «Щелкунчик» был снят с генеральной и сдан в поправку.

Сегодня днем обменяла Мише словарь на словарь Дьяченко — церковно-славянский. Миша был очень доволен.

Вечером — продолжение чтения. Оля напросилась, что она непременно хочет слушать. Вильямсы придти не могут, Ануся нездорова. Петя рассказывал, что про роман Самосуд все время кричит: гениально!!

6 мая.

Чтение было, как всегда, очень приятное по атмосфере внимания.

Вчера перед чтением Оля мне сказала, что арестована Венкстерн.

7 мая.

Миша продиктовал письмо Куртис Брауну по поводу лондонской постановки, потом его переводила.

8 мая.

Письмо Куртис Брауну отправила.

Вечером позвонил и пришел Гриша, принес два ананаса почему-то. Ведь вот обида — человек умный, остроумный, понимающий — а битковщина все портит!

Умолял Мишу прочитать хоть немного из романа, обижался, что его не звали на чтение. Миша прочитал «Казнь».

Тогда стал просить, чтобы разрешили придти к нам — на нес-

колько часов — прочитать весь роман. Миша ответил — когда перепечатаю.

Просится, чтобы взяли его вместе жить летом.

Разговоры: что у вас в жизни сейчас нового? Как относитесь к Фадееву? Что будете делать с романом?

9 мая.

Миша утром продиктовал два письма — Каганскому и брату Николаю в Париж — «что это значит?» Отправила их.

Вечером он пошел в Большой по «Волочаевским дням».

Во время обеда сегодня позвонил Раниенсон — из миманса Большого театра (очень талантливый артист, первоклассно показывал на последнем капустнике Мордвинова, а на предыдущем — Небольсина) — сказал, что хочет только поблагодарить Мих. Аф. за его отношение к себе. «Никогда в жизни не думал, что такой большой человек может быть так прост. Никогда в жизни не забуду его отношения!» А Миша мне вчера рассказывал, что на следующий день после капустника Раниенсон подошел к нему и сказал: «Если Вам когда-нибудь понадобится друг, располагайте мной».

Миша пришел вечером из театра рассерженный — Самосуд не явился на совещание совершенно! Был сначала у Дзержинского Ивана, а потом в редакции «Правды». И даже сам знать не дал! Немыслимо с ним работать.

10 мая.

Днем звонок — Вольф! Я закричала — какой Вольф?! Вениамин Евгеньевич?!

Пришел через час, похудел, поседел, стал заикаться. Оказывается, просидел полгода, был врагом народа объявлен, потом через шесть месяцев был выпущен без всякого обвинения, восстановлен в партии и опять назначен на свой прежний пост — директора Ленинградского Красного театра (теперь — имени Ленинского комсомола).

Просит М. А. приехать в Ленинград прочитать труппе «Дон-Кихота», если подойдет, театр хотел бы ставить. Мише ехать не хочется, думает просто послать пьесу.

Вечером Миша в Большом на «Щелкунчике», я на «Норе». Приятно было посмотреть пьесу с простыми человеческими словами и чувствами.

Миша рассказывал: в кабинете в театре сидит Яков Л. — один — и читает журналы. Ждет Самосуда. А тот, ясно, неизвестно где.

12 мая.

Вчера была с Женей на «Половчанских садах» — второй спектакль, называется на пригласительном билете — «первое представление».

Немирович на днях заявил, что после «Горя от ума» театр больше генеральных устраивать не будет, так как публика прихо-

дит невозможно злая, ничего не нравится, по городу распускаются слухи о неудаче театра. Значит, сразу — премьера. Не знаю, что было вчера на первом представлении, но сегодня публика была точно такая же злая, как, вероятно, бывала на генеральных «Горя от ума» и была бы на генеральной «Половчанских». Все ругались. Правда, пьеса не просто слаба, но и очень претенциозна и скучна. А театр делает многозначительное лицо — обратите внимание, какие мысли! Какая философия!

А философия копеечная, «военные болеть не могут», отец называется Макковей, дочь — Воробей, один сын — безногий и в продолжение всей пьесы перед зрителем — клиника. Семья изображена — образцовая будто бы, а все персонажи — отталкивающие.

Сегодня сообщение, что вчера разбились летчики Серов и Осипенко. Но как произошла катастрофа — неизвестно.

15 мая.

Вчера у нас было чтение — окончание романа. Файко — оба, Марков, Виленкин, Ольга, Ануся, мой Женя. К ужину подошли Петя и Женя.

Последние главы слушали почему-то закоченев. Все их испугало. Паша в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя — ужасные последствия могут быть.

Сегодня пришла от Вольфа телеграмма — внезапно заболел, встречу откладывает. По-видимому, вся телеграмма — вранье. Но почему тогда начал разговор? Зачем?

Звонил и заходил Файко — говорит, что роман пленителен и тревожащ. Что хочет много спрашивать, говорить о нем.

16 мая.

Вчера были у Лены Понсовой. Кроме нас — Вильямсы и Цецилия Мансурова и родственники Понсовой. Мансурова — интересно рассказывала о халтурных выступлениях, нравах их.

В этот вечер в Театре Вахтангова шли «Без вины виноватые» — и часов в десять или одиннадцать вечера по радио — передававшему спектакль, послышались какие-то невнятные слова, звуки разные. Оказалось, все три диктора вдребезги напились и черт знает что говорили.

17 мая.

Вчера у нас были Мелик с Минной и Ермолинские.

Сегодня днем без звонка зашел приехавший из Киева Загорский. Видимо, сидел. Теперь — завлит в Театре Красной Армии.

Сидел, обедал, рассказывал без конца, какие пьесы будет ставить их театр, какие хорошие пьесы у Афиногенова и Вирты.

Я не выдержала и сказала, что пьесы эти плохие и что из театра все уходят пустые и злые поэтому.

18 мая.

Вчера вечером позвонил и пришел Николай Эрдман.

Звонила Ольга — умер в Горьком бывший администратор филиала Б. М. Чацкий. Как грустно!

Такой очаровательный, культурный человек был.

Из-за каких-то больных артистов, перемена в репертуаре в Горьком — прибавляются «Турбины».

Миша задумал пьесу («Ричард Первый»). Рассказал — удивительно интересно, чисто «булгаковская пьеса» задумана.

19 мая.

Вчера вечером Борис Эрдман. Сказал, что к нему звонили и сказали, что умер Виталий Лазаренко.

А вчера же утром в газетах было о том, что он получал орден и читал при этом Калинину свои стихи.

Потом выяснилось (так говорят), что Лазаренко вручали орден в больнице и стихи он читал там.

20 мая.

Вчера вечером был Николай Эрдман.

Сегодня утром заходил Дмитриев с известием о Вете. По-видимому, ее уже нет в живых.

В городе слух, что арестован Бабель.

21 мая.

Мои имянины. Миша принес чудесный ананас.

Братья Эрдманы прислали колоссальную корзину роз. Вильямсы — тоже — очень красивую корзину роз.

Женька принес сирень.

За обедом ребята так наелись пломбиром и ананасом, что еле дышали.

Часов около восьми вечера стало темнеть, а в восемь — первые удары грома, молния, началась гроза. Была очень короткой. А потом было необыкновенно освещенное красное небо.

Миша сидит сейчас (десять часов вечера) над пьесой о Сталине.

22 мая.

Вчера поздно вечером пришли Вильямсы, Борис и Николай Эрдман с женой. А позже, когда мы уже ели пирог — позвонил и пришел Дмитриев.

Миша пишет пьесу о Сталине.

Сегодня днем дозвонилась (звонила два дня), наконец, до валютного отдела НКФ и узнала от юрисконсульта, что им была дана положительная резолюция на Мишином заявлении (о выписывании из Америки пишущей машинки на деньги от «Мертвых душ» через Литературное агентство), но что потом это было изменено и решено отказать. Но кто это сделал, он не знает, что он советует приехать лично и говорить об этом.

Это не жизнь! Это мука! Что ни начнем, все не выходит! Будь то пьеса, квартира, машинка, все равно.

23 мая.

Ездила за деньгами во Всероскомдрам. Город в красных флагах. Обратно шла пешком. Устала. Сообщение с центром прервано — встреча Коккинаки и Гордиенко.

Сегодня прочла вечером одну картину из новой пьесы. Очень сильно сделано.

Сегодня пошло Мишино заявление об уходе из дачного кооператива. Конечно, разве мы можем строиться?!

24 мая.

Утром или, вернее, днем (мы поздно встали) пришел Дмитриев, а потом Сергей Ермолинский. Последний — прощаться, уезжает в Одессу, а потом в Синоп.

Потом мы поехали с Мишей до Новодевичьего, там немного погуляли по старым местам.

Сегодня письмо из Лондона от Куртис Брауна с двумя копиями писем Николая Булгакова. Совершенно ясно, что он, представив Мишину доверенность на «Зойкину» или какие-нибудь письма (по-видимому, так) — получал там деньги по «Турбиным». Представить себе это трудно, но приходится так думать.

25 мая.

Звонил Горюнов, просил дать молодому актеру куски роли Лариосика — будет показывать на экзамене. Пришел этот актер — по-моему, очень хорошо подходит к роли.

26 мая.

Утром письмо от Николая из Парижа — он пишет, что он очень рад, что пришло, наконец, от Миши письмо, что он несколько раз писал Мише, но письма не доходили. Сообщает о том, что почел за лучшее с Каганским покончить дело по «Зойкиной» полюбовно, заключил с ним договор, по которому все платежи — пополам получают. Просит доверенность, та уже кончилась. Пишет, что у него для Миши 1600 с чем-то франков от «Зойкиной» и 42 фунта с чем-то от «Дней Турбиных».

Вечером позвонил и пришел Гриша К. — проститься перед Киевом.

Пришла, сговорившись по телефону, из Тифлиса приехавшая некая Гурула — хочет перевести «Дон-Кихота» на грузинский и устроить пьесу в Тифлисе. Произвела удивительно приятное впечатление. И спутник ее тоже. Какие-то солнечные люди! Улыбаются, приветливы, радушны! Дали ей экземпляр. Она взяла адрес, обещала извещать о ходе работы.

27 мая.

Ездили с Мишей утром в Наркомфин в валютный отдел. Миша говорил сначала с юрисконсультом — тот сообщил об отрицательном ответе. Миша сказал, что обжалует его. Потом юрисконсульт ушел, поговорил с начальником отдела и, придя, пригласил туда нас. Миша сказал — я ведь не бриллианты из-за границы выписываю. Для меня машинка — необходимость, орудие производства.

Начальник отдела обещал еще раз поговорить с замнаркома, думает, что ответ дадут положительный.

Оттуда пошли во Внешторгбанк, Миша хотел справиться насчет открытия счета — для перевода денег от Коли сюда. Оказывается, счет будет — закрытый, то есть для выписывания чего-нибудь опять надо брать разрешение, и получить его очень трудно.

По дороге купила Сергею две пары обуви, а то он в таких обдерганных ходит, ужас!

Сговорилась с Евгением Александровичем, что он устроит Сергея на лето в пионерский лагерь, верст 80 от Москвы.

Я довольна, Анапа меня пугала, он бы, конечно, не слушался Екатерину Ивановну.

28 мая.

Сегодня днем раздобыла нужные бумаги для Сергея. Потом — на телеграф — отправила телеграмму-письмо Куртис Брауну, чтобы продолжали платить, как раньше.

Мише пришла в голову мысль сделать балетное либретто «Калоши счастья» по Андерсену.

Из театра пришел поздно, обедал в кафе. Вечером пошел играть в винт к Федоровым.

29 мая.

Утром звонил Дмитриев — какой-то ленинградский композитор, кажется Щербаков, предлагает Мише сделать для него Ивана Грозного, другого либреттиста никак не хочет, прислал Дмитриеву письмо с просьбой узнать Мишин ответ.

Письмо от К. Марила с предложением заняться этим проклятым делом (из Лондона).

5 июня.

За эти дни: появление по телефону Судакова с желаниями навестить Мишу по поводу того, будет ли он работать для Малого театра. Условились. Вдруг он звонит опять, что приехать не может, просит разрешить приехать завтра. Миша обозлился, передал, что ни завтра не может, ни послезавтра, а потом уезжает в Ленинград.

Потом всякие звонки вроде поэта Д'Актиля, который, конечно, хлопочет о своем либретто в Большом театре. Миша сказал, сдайте его секретарю художественной части и так далее.

Всякая хозяйственная кутерьма, хлопоты, связанные с отправлением Сергея в лагерь (15-го будет), надоедание мелочей, желание скорей сплавить наших куда-нибудь, чтобы была возможность работать, отсылка письма Николаю Булгакову в Париж с копией письма-телеграммы Куртису.

Позавчера, 3-го, пришла Ольга — знаменитый разговор о Мишином положении и о пьесе о Сталине. Театр, ясно, встревожен этим вопросом и жадно заинтересован пьесой о Сталине, которую Миша уже набрасывает. В разговоре, конечно, едва не дошло до столкновения (Миша сказал о том, что Театр, в особенности Станиславский, совершил преступление), но как-то рассосалось.

Вчера (4-го) звонок Виленкина, и вечером он сам у Миши, а я в это время была на «Пути к победе» — вахтанговцы прислали приглашение.

О пьесе говорить не хочу, настолько это нехудожественно и лживо. В коллекцию входит после леоновских пьес, поразивших

Москву и вызвавших, по-видимому, единодушное отвращение. Прибавляется еще одна.

За ужином — конец разговора Виленкина с Мишей. Виленкин сказал, что Калишьян говорит, что М. А. совершенно прав, требуя условий для работы, и говорит, что примет меры к тому, чтобы наше жилье можно было обменять на другое; настойчиво предлагают писать договор. Миша рассказал и частично прочитал написанные картины. Никогда не забуду, как Виленкин, закоченев, слушал, стараясь разобраться в этом.

Сегодня днем звонил и приезжал режиссер Тифлисского театра им. Грибоедова — Абрам Исаакович Рубин, взял экземпляр «Дон-Кихота» для ознакомления.

7 июня.

Вчера был приятный вечер, были Файко, Петя и Ануся, Миша прочел им черновик пролога из пьесы о Сталине (исключение из семинарии). Им чрезвычайно понравилось, это было искренно. Понравилось за то, что оригинально, за то, что непохоже на все пьесы, которые пишутся на эти темы, за то, что замечательная роль героя.

Сегодня поздно к вечеру звонок от Якова — объявился след старого знакомца, Тимофея Бережного! Просит (через Якова, а не непосредственно!!), чтобы Миша ехал в Ленинград срочно читать «Дон-Кихота».

В сегодняшней «Вечерке» — интервью с Дунаевским. Там — его слова о том, что он с увлечением продолжает работу над «Рашелью».

Убеждена, что ни одной ноты не написал, так как пишет оперетту и музыку к киносценарию.

Днем звонил Виленкин — Калишьян просит М. А. назначить день, когда он может придти во МХАТ для переговоров о пьесе. Миша сказал — 9-го в два часа дня.

8 июня.

Миша днем пошел к Якову и оттуда послал телеграмму в Ленинград, что выехать не может («в ближайшие дни» — по настоянию Якова), а экземпляр высылает.

Я ходила днем в Литфонд, узнала, что ни одного места на июль никуда нет. А на август надо заявление подать сейчас же.

При мне вошел в этот же отдел весьма невзрачного вида человек (судя по тому, что его я видела раз в Реперткоме у Мерингофа, к которому он подольщался неимоверно, — это член ССП). Он хлопотал, чтобы ему поскорей выдали путевки. И в это же

время другая служащая вошла и сказала ему, что его просьба о 20-тысячной ссуде удовлетворена, и она только не знает, что нынешняя его просьба о трех тысячах входит в эту ссуду или это сверх того.

Он был подавлен, что все это она сообщила в присутствии публики, пробормотал сначала — входит. Она не расслышала, переспросила. Тогда он сказал — нет, не входит.

Звонил Дмитриев, что приехал композитор Щербаков, просит Мишу повидаться с ним.

Бандероль «Дон-Кихота» сделала, завтра отправлю.

9 июня.

Утром звонок по телефону — секретарша Немченко (Репертуарный отдел при Комитете искусств). Просит М. А. прислать им «экземпляры „Дон-Кихота" и той пьесы, которую М. А. только что закончил».

— Никакой пьесы М. А. не закончил. — Пауза.

— Разве?.. — Пауза. — Ну, тогда, значит, ошибка... А «Дон-Кихота» можете нам прислать?

Направила ее в отдел распространения.

Думаю, что она туда и не звонила, так как «Дон-Кихот» ей вряд ли нужен.

Потом Дмитриев звонит. Оказывается, по его словам, Щербаков (или Щербачев) приехал только для свиданья с Мишей. Непременно просит, чтобы М. А. его принял. Перевела на завтра.

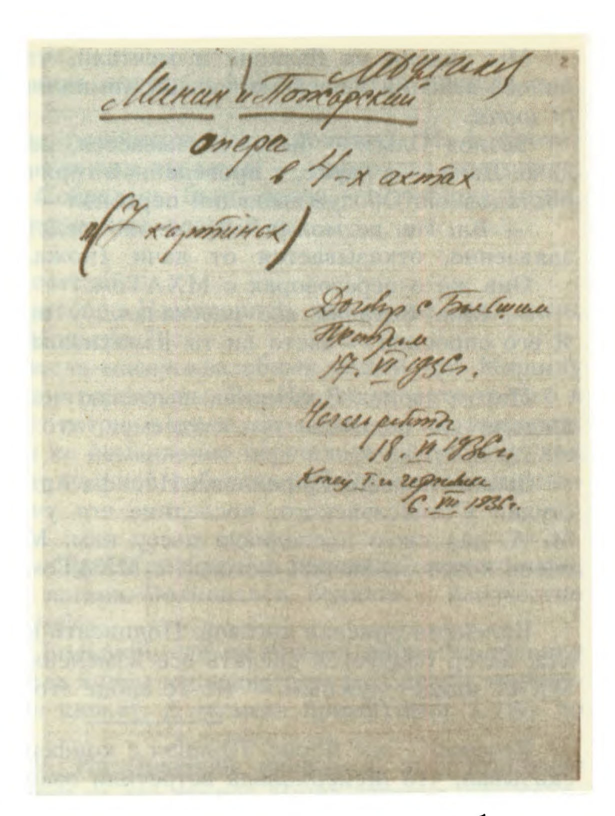
К двум часам пошли в МХАТ.

В кабинете Калишьяна — он, Виленкин, М. А. и я. Накрыт чай, черешня.

Сначала разговор о квартире. Речь Калишьяна сводилась к тому, что он очень рад, что М. А. согласился опять работать для МХАТа, но, конечно, эта работа должна протекать в совершенно других условиях, условиях исключительного благоприятствия, что Театр не окажет никакой услуги, заменив нашу квартиру другой, что он слышал и понял, что теперешняя квартира не дает возможности работать М. А. и так далее. Потом сказал, что постарается к ноябрю — декабрю устроить квартиру и по возможности — четыре комнаты.

Потом Миша сказал: а теперь о пьесе. И начал рассказывать. Говорил он хорошо, увлекательно (как сказал мне сейчас по телефону Виленкин, позвонивший, чтобы узнать наше впечатление).

Оба — и Калишьян и Виленкин — по окончании рассказа, говорили, что очень большая вещь получится, обсуждали главную роль — что это действительно герой пьесы, роль настоящая, а не то, что в других, — ругали мимоходом современную драматургию — вообще, по-моему, были очень захвачены. Калишьян спра-


Булгаков

Минин и Пожарский

опера в 4-х актах

(7 картинок)

Договор с Большим Театром 17.VI.1936 г.

Начал работу 18.VI.1936 г.

Конец I-й черновой 6.VII.1936 г.

М. А. Булгаков.
Страница рукописи

шивал Мишу, какого актера он видит для Сталина и вообще для других ролей.

Когда мы только что пришли в МХАТ — началась гроза, а уходили — накрапывал дождь. Мы в машине Калишьяна поехали в Клуб писателей обедать.

Утром была духота, как в бане, а вечер — холодный.

Миша сидит, пишет пьесу. Я еще одну сцену прочла — новую для меня. Выйдет!

11 июня.

Вчера проходила часов в семь вечера около филиала. Зашла и прослушала первый акт «Чио-Чио-Сан» — с отвращением, надоела опера вообще.

Пришла домой. Борис Эрдман сидит с Мишей, а потом подошел и Николай Робертович. Миша прочитал им три картины и рассказал всю пьесу. Они считают, что — удача грандиозная. Нравится форма вещи, нравится роль героя.

Николай Робертович подписал, наконец, договор на свой киносценарий. Борис очень доволен своей работой (найденным при этой работе новым) — над 1812 г.

Мы сидели на балконе и мечтали, что сейчас приблизилась полоса везения нашей маленькой компании.

13 июня.

Звонок Ольги — была, оказывается, неделю у Немировича на даче. Дача — в парке, с проведенной горячей водой, изумительной обстановкой. Обслуживающий персонал — пять человек.

— Вл. Ив. не может, ему не по средствам, он сегодня подает заявление, отказывается от дачи (пожалованной к 40-летию).

Она же о переговорах с МХАТом:

— Мне Виталий все рассказал... у вас тут события такие... Я его спросила — часто ли ты взмахивала ресницами?..

Потом звонок Виленкина: высылаю человека с договором. Калишьян уж подписал его, надеемся, что М. А. тоже подпишет.

Звонок некоего Рафаилова, Иосифа Артемьевича, — я директор студии Станиславского, последние его ученики... Просим, чтобы М. А. дал свою последнюю пьесу нам. Мы слышали, что он не очень хочет заключать договор с МХАТом.

Виленкин прислал договор. Подписать нельзя из-за одного пункта: автор обязуется сделать все изменения, дополнения, которые МХАТ найдет нужным — что-то вроде этого, то есть смысл такой.

Вечером у нас Борис. Пришел с конференции режиссеров, рассказывал, что Мейерхольда встретили овацией.

Миша немного почитал из пьесы. Весь вечер — о ней. Миша рассказывал, как будет делать сцену расстрела демонстрации.

Настроение у Миши убийственное.

Наступила жара.

Миша сказал Симонову о пьесе. Задыхнулся, как говорила Настасья.

14 июня.

Днем Миша в Большом — на прослушивании певцов.

Разговоры с Виленкиным. Калишьян согласился вычеркнуть пункт.

Миша над пьесой. Написал начало сцены у губернатора в кабинете. Какая роль!

Вечером пошли в кафе у Арбатской площади — Дом журналиста. Кормили отвратительно.

Душно. Хотя днем лил дождь — никакого облегчения не принес.

15 июня.

Днем Миша в Большом, оттуда в МХАТ — куда пришла и я. Подписал договор.

Вечером — Оля у нас, попросила Мишу почитать. М. А. прочитал первую картину. — Уважил ты меня! — много раз повторяла.

Жара удушающая. Собралась было гроза, но прошла мимо. Погрохотало, немного пролилось влаги и все.

16 июня.

Обедали в Клубе писателей.

Звонок Ольги, говорит про Немировича, что он не спал ночь, думал, почему сняли «Мольера»?!!

Когда Ольга произнесла массу хвалебных вещей про Мишину новую пьесу и пожалела, что, вот, вы, Вл. Ив., ее узнаете только в сентябре, хотя она будет готова в июле, вероятно, — тот закричал: как в сентябре? Вы мне ее немедленно перешлите за границу, как она будет готова. Я буду над ней работать, приеду с готовым планом.

17 июня.

Почти не спала ночь. Сергей разбудил в половине шестого утра, пошла его провожать в лагерь. Волновался, бедняга — неизвестно ведь как будет — не дома!

Потом за Мишей в Большой, где он правил либретто-афишку для «Абессалома». Видела конец последнего акта. Скучно, по-моему, и совсем непонятен сюжет. А музыка примитивна. Сужу по концу, конечно.

Потом обед в Клубе. На Чичерова произвело оглушительное впечатление, когда в ответ на его вопрос Миша ответил, что работает над пьесой о молодом Сталине.

18 июня.

Письмо от Гриши из Киева. Известие о пьесе и о договоре произвело там что-то вроде фейерверка. Пишет, что рабочие сцены окружили Снеткова и спрашивали, о чем пьеса, и он нес им какую-то околесину.

Сейчас вернулись с «Сусанина». Миша не слушал — большая работа (в театре же) над двумя либретто, а я сидела в ложе Б.

Дикая жара. Впечатление, что весь партер и оркестр — белый, так как все непрерывно машут платками, афишками и веерами.

19 июня.

Яков позвонил, приглашая на премьеру «Абессалома».

Попали к третьему акту, пошли было в партер, но так жарко, что нестерпимо — перешли в ложу Б.

На спектакле — Правительство. Я видела И. В. Сталина в белом кителе. Он аплодировал, но мало.

После спектакля к нам пришли Дмитриев и Марина. И я и Миша разговаривали с ним резко и начистоту. Да, он окончательно расшифровался. Как наивно мы обманывались с Мишей много

лет! Человек, который думает только о себе, а на всех людей смотрит только с точки зрения, какую из них можно извлечь пользу.

Застали дома телеграмму Маркова из Сочи. Ликует по поводу пьесы!

Всему теперь цену знаем.

21 июня.

Вчера была Ольга вечером. Миша читал ей некоторые картины.

Сегодня — звонок Рапопорта из Вахтанговского, предлагает Мише встречу по поводу «Дон-Кихота». Зачем эта встреча теперь, когда все разъезжаются, совершенно непонятно!

До этого ездили с Мишей в Серебряный Бор. Миша выкупался. Жарко. Туда ехали в открытом линкольне — хорошо, обратно пришлось в автобусе.

Вечером Борис Эрдман.

22 июня.

Были Виленкин и Оля. Миша читал им фрагменты. Вижу, что им нравится.

23 июня.

Миша уехал в Серебряный Бор купаться. Я — хлопотать о покупке заграничной машинки.

Будто бы арестован Мейерхольд.

24 июня.

Упала жара! Миша радуется.

Вечером — «Раймонда» с Семеновой. Танцевала блестяще, раскланивалась обаятельно. Стучала ногой в будку электротехника, чтобы тот дал рампу — вызывали очень долго и тот уже потушил рампу. Кто-то пустил слух, что в публике Мэри Пикфорд, причем ее видели в двух местах.

25 июня.

Не очень жарко. Миша в Большой, опять возня с разными либретто. Я — по поводу машинки в Технопромимпорт. Потом вместе ездили в диетический, но там сегодня пустовато. Я заходила за Мишей в Большой театр, увидала последние картины «Сусанина». У Михайлова — колоссальный успех у публики, да и у оркестрантов, которые тоже долго аплодировали ему.

26 июня.

В газете Большого театра выпад против Миши по поводу опоздания программы «Абессалома», причем он назван заведующим литературной частью. Миша сказал в дирекции — такой у нас должности нет, и никакого отношения к этому опозданию я не имею.

27 июня.

Вчера вечером у Ольги — Качалов, Виленкин, мой Женя и мы. Ольга очень хотела, чтобы Миша читал, но Миша не захватил с собой никакой рукописи. Но Качалов так мило рассказывал всякие смешные рассказы, что Миша попросил Женю съездить за рукописью, и Миша прочитал первые три главы из «Мастера».

Мне понравился Качалов и то, как он слушал — и живо и значительно.

Когда отправились к Ольге — попали под грозу и до нитки промокли. Пришлось из метро возвратиться домой и переодеться.

Сегодня от Мишиного брата из Парижа письмо, сообщает, что уезжает из Парижа в отпуск.

28 июня:

Вчера «Сусаниным» закрылся сезон в Большом. После этого в отдельном кабинете, в «Метрополе» был товарищеский ужин. Самосуд, дирижеры, вообще ведущий состав в театре. Человек около двадцати. Самосуд все время говорил речи, провозглашая тосты за каждого из присутствующих.

Сегодня должны были быть у Качалова — он просил Мишу почитать из пьесы о Сталине. Но все это развалилось, потому что сейчас же тут началась ерунда. Ольга и Виленкин заволновались, что Калишьян обидится. А Калишьяна позвать нельзя, потому что Боярский обидится, вообще чепуха началась!

Сезон кончился, но Мише сегодня пришлось в дирекции читать и совещаться по поводу шапоринских «Декабристов». Шапорину нужны еще две картины, Толстой этих картин не пишет. Они между собой грызутся.

Миша пришел измочаленный.

Толстого не было, конечно. Совещались Самосуд, Мордвинов, Мелик, Шапорин и Миша о том, что надо ускорить получение от Толстого недостающего материала.

Вечером вторая ерунда. Виленкин позвонил к Мише, советуя познакомить Калишьяна с фрагментами пьесы. Миша тогда позвал Калишьяна к себе на завтра. А потом Виленкин в тревоге сам же забил отбой, опять началось — «Боярский обидится» и прочее. Миша разозлился, и разговаривала с Виленкиным я. Он взял на себя отменить это свидание.

29 июня.

Я простужена. По телефону устроила через Якова себе машину ехать завтра к Сергею в лагерь.

Миша был на Москва-реке.

В газетах известие о том, что не прекращаются нападения японцев на монгольской территории и воздушные бои между советско-монгольской авиацией и авиацией японской.

1 июля.

Вчера поехала с Олей на машине в лагерь. Кончилось дело тем, что привезла его обратно в Москву. Он так просил об этом, при этом с волнением, со слезами, что я, конечно, не могла его оставить. Насколько видела, мне там не понравилось — 14 ребят в одной комнате, грязно, неуютно. По немногим словам Сергея, он

неохотно говорит такие вещи, поняла, что ребята его дразнили очень, издевались, что он толстый и картавит.

Теперь думаем, куда их отправить. Вызвала Лоли, попросила ее поехать с ним куда-нибудь, скажем, в Анапу.

Миша сегодня днем — на реке. Вечером пришел к нему Дмитриев и они пошли посидеть в кафе журналистов.

А ко мне пришла Марина.

3 июля.

Вчера утром телефонный звонок Хмелева — просит послушать пьесу. Тон повышенный, радостный, наконец опять пьеса М. А. в Театре! и так далее.

Вечером у нас Хмелев, Калишьян, Ольга. Миша читал несколько картин.

Потом ужин с долгим сидением после. Разговоры о пьесе, о МХТ, о системе. Разошлись, когда уж совсем солнце вставало. Рассказ Хмелева. Сталин раз сказал ему: хорошо играете Алексея. Мне даже снятся ваши черные усики (турбинские). Забыть не могу.

Утром звонок Ольги — необыкновенные отзывы о пьесе Калишьяна и Хмелева.

Днем поехали в Серебряный Бор — купаться. Жара. Поехали на ЗИСе, уж очень только дорого — 60 руб. А удобно. Купаться было необычайно приятно.

4 июля.

Днем позвонила в Литературное агентство к Уманскому. Он посоветовал достать в МХАТе бумагу для поддержки в Наркомфине — чтобы не платить 4000 руб. за пишущую машинку. Обычно все писатели получали эту скидку.

Калишьян очень любезно — бумагу дал.

Пока сидели у Ольги — гроза.

6 июля.

Вчера вечером у нас Гриша и Ольга. Гриша упросил М. А. почитать пьесу. Не пойму его. Видимо, оценил очень, но в то же время серьезно хмур. Может быть, оттого, что на роль в ней не надеется.

Вечером идем к Леонтьевым.

Сегодня в газетах о японской провокации.

7 июля.

Говорят, арестован Боярский. Должна сказать, что человек этот мне был очень неприятен всегда.

Вечером придет к нам Борис Эрдман.

9 июля.

Вчера днем Миша должен был идти в ССП на учет. Потом мы обедали там уже в Клубе.

Вечером провожали Вильямсов на вокзал, а оттуда к Калужским.

Сегодня урожай звонков: три раза Калишьян. Просит Мишу прочитать пьесу в Комитете 11-го.

Потом Оля, Федя — с выражениями громадной радости и волнения по поводу Мишиного возвращения в МХАТ.

Хмелев — о том, что пьеса замечательная, что он ее помнит чуть ли не наизусть, что если ему не дадут роли Сталина — для него трагедия.

Некая Шашкова — директор Театра им. Ленинского комсомола — с просьбой дать пьесу им.

11 июля.

Вчера с Борисом Эрдманом пошли поужинать в Жургаз.

Там оказались все: и Олеша, и Шкваркин, и Менделевич, и мхатчики, и вообще знакомые физиономии. Все сидят и едят раков.

К нашему столику все время кто-то подсаживался: несколько раз Олеша, несколько раз Шкваркин, Дорохин, подходили Станицын, Комиссаров, еще какой-то — не помню фамилии. Мхатчики и писатели — конечно — все о пьесе. Уж ей придумывают всякие названия, разговоров масса.

Кончилось все это удивительно неприятно. Пьяный Олеша подозвал вдребезги пьяного некоего писателя Сергея Алымова знакомиться с Булгаковым. Тот, произнеся невозможную ахинею, набросился на Мишу с поцелуями. Миша его отталкивал. Потом мы сразу поднялись и ушли, не прощаясь. Олеша догнал, просил прощения. Мы уехали на ЗИСе домой. Что за люди! Дома Миша долго мыл одеколоном губы, все время выворачивал губы, смотрел в зеркало и говорил — теперь будет сифилис!

12 июля.

Вчера Миша спросил Калишьяна, могу ли и я пойти на чтение. Потом Калишьян приехал за нами и повез в Комитет. Там — Храпченко, Солодовников, Месхетели, Сахновский, Москвин и еще человек пять. Слушали с напряженным вниманием. Пьеса очень понравилась.

Потом обсуждали. Но так мало, что сразу стало ясно, что ее обсуждать-то собственно нечего. Калишьян, уходя, просил Мишу сдать пьесу к 1 августа.

По возвращении сейчас же звонки Хмелева и Долгополова. У последнего — истерическое любопытство.

У нас Борис. Принес две бутылки шампанского.

Вчера было письмо от Виленкина — дружественное и теплое.

Кроме того, сегодня звонок Сахновского, звонок Конского. Вот так пьеса!

Во время читки пьесы — сильнейшая гроза.

13 июля.

Отказ из Наркомфина (по телефону) — просила снять платеж в советских знаках, кроме валюты.

Сергею разрезали фурункул на животе.

14 июля.

Калишьян пригласил Мишу в Театр. Разговор о поправках. Просил пьесу сдать к 25 июля.

В «Советском искусстве» — заметка о Ленинградском, бывшем Александринском. Даже по нескольким словам о принятом «Дон-Кихоте» видна злобная травля.

15 июля.

Калишьян бьется с названием пьесы, стремясь придать ей сугубо политический характер. Поэтому — перезваниванье по телефону.

В «Литературной газете» — отрывок из пьесы Миндлина «Сервантес». Странные обороты («Ложат на скамью») и т. д. Ах, Петров, Петров... и «Литературка» печатает.

Долгополовский звонок — жаждет получить сведения о пьесе.

16 июля.

Часов в восемь вечера Сахновский. Все понятно: он хочет ставить пьесу, а Немирович тоже. Будет кутерьма и безобразие, которое устроит Немирович.

17 июля.

Сегодня звонок Калишьяна — справка о книгах о тифлисской семинарии.

Спешная переписка пьесы.

Сережку отправила в Анапу. Оба — и Екатерина Ивановна и он — радовались, как дети. Сережка проявил такую энергию в деле получения машины, что я ахнула — достал частную. Иначе опоздали бы на поезд.

Вечером Миша поехал на винт, но вскоре вернулся. У нас Калужский.

Основное — безумное желание прочесть пьесу.

Слух о том, что зверски зарезана Зинаида Райх.

18 июля.

Ужасно плохо себя чувствую, по-видимому, чем-то отравилась. Температура 37,7. Работать не могу. Волнуемся, успею ли переписать к сроку пьесу. В крайнем случае, надо будет выписать Ольгу из Пестова.

Звонил Калишьян — все о пьесе. Вечером придет к нам Борис Эрдман.

Поиски названия.

19 июля.

Чувствую себя лучше, температура нормальная. Могу писать. Миша утром диктовал. Теперь поехал с Калишьяном в Пестово. Вернется вечером.

20 июля.

Мише понравилось в Пестове, купался. Рассказывал, как встретили его живущие там мхатчики — в связи с пьесой.

Диктовка продолжается беспрерывно. Пьеса чистится, сжимается, украшается.

21 июля.

Миша диктует.

Вечером придет Борис Эрдман.

22 июля.

Сегодня Миша продиктовал девятую картину — у Николая II — начерно.

Миша решил назвать пьесу «Батум».

23 июля.

Перебелил девятую картину. Очень удачна. Потом поехали с Калишьяном в Пестово.

Мне там не понравилось — очень унылый пейзаж, напоминает ленинградские острова в худшем издании. Комары. Вечером — очень холодно из-за массы воды. Мхатчики приклеились к Мише, ходили за ним, как тени.

Калишьян хочет 27-го устроить читку пьесы на партийном собрании.

24 июля.

Пьеса закончена! Проделана была совершенно невероятная работа — за 10 дней он написал девятую картину и вычистил, отредактировал всю пьесу — со значительными изменениями.

Вечером приехал Калишьян, и Миша передал ему три готовых экземпляра.

26 июля.

Звонил Калишьян, сказал, что он прочитал пьесу в ее теперешнем виде и она очень ему понравилась. Напомнил о читке 27-го.

27 июля.

Утром позвонил некий Борщаговский из Киевского украинского театра — о пьесе, конечно. Ему говорили о ней в Комитете.

В четыре часа гроза.

Калишьян прислал машину за нами.

В Театре в новом репетиционном помещении — райком, театральные партийцы и несколько актеров: Станицын, Соснин, Зуева, Калужский, молодые актеры, Свободин, Ольга, еще кое-кто.

Слушали замечательно, после чтения очень долго, стоя, аплодировали. Потом высказыванья. Все очень хорошо. Калишьян в последней речи сказал, что Театр должен ее поставить к 21 декабря.

28 июля.

Вечером у нас Леонтьевы (без Якова, который в Барвихе), а потом позвонили и пришли оба Эрдмана.

29 июля.

Ездили купаться в Серебряный Бор. На обратном пути — гроза.

1 августа.

Звонил Калишьян, что пьеса Комитету в окончательной редакции — очень понравилась и что они послали ее наверх.

Вечером придет к нам Виленкин.

3 августа.

Звонил инспектор по репертуару некий Лобачев — нельзя ли прочитать пьесу о Сталине, периферийные театры хотят ее ставить к 21 декабря.

5 августа.

Разговор по телефону с Калишьяном: Миша неожиданно обнаружил в договоре пункт, по которому автор не имеет права передавать пьесы ни в один театр до постановки в МХАТе. А когда она будет?! Это же кабала! Калишьян, конечно, защищал право МХАТа на этот пункт. Придется говорить об этом в Комитете.

Сегодня приезжает Немирович. Калишьян намекал в разговоре на то, чтобы М. А. поехал встречать, но, конечно, М. А. не поедет.

Вечером. Днем звонил Яков Л., звал нас приехать к нему в Барвиху завтра. Мише ехать не хочется. Вряд ли поедем.

Позвонил и пришел Николай, а с ним Борис Эрдман. У Николая — удручающее известие — отказано в возможности жить в Москве.

Звонил Виленкин — очень мил.

6 августа.

Целый день у нас провели Николай Эрдман с женой и Оля. Разговоры пустые. Оля явно пришла говорить о пьесе и очень была обозлена присутствием чужих людей.

В «Известиях» статья Сахновского «Год без Станиславского» — сплошная брехня.

7 августа.

Утром поехала во Всероскомдрам получать деньги на поездку.

Потом приехал из Архангельского Женичка. Уговорились, что он будет наезжать сюда для ревизии — нет ли чего делового в письмах, телеграммах.

Звонок Судакова — страшный вой. Как получить пьесу, чтобы дублировать ее. МХАТ не смеет только себе забирать! Вся страна должна играть! И все в таком роде. А под всем этим — готов себе локоть укусить, что упустил пьесу тогда весной.

Я посоветовала обратиться в Комитет.

Вечером явилась после своего выходного дня Аграфена Тимофеевна — в слезах. У нее умерла внучка. Отпустила ее на похороны до 9-го вечера.

Позвонили к Калишьяну — насчет поездки — железнодорожных билетов, гостиницы. Условились, что́ завтра пойдем к нему в Театр.

Рассказывал, что Немировичу пьеса понравилась, что он звонил в Секретариат, по-видимому, Сталина, узнать о пьесе, ему ответили, что пьеса еще не возвращалась.

Вечером Миша пошел за Сергеем Топлениновым, привел его — сидят играют в шахматы.

Звонил Борис — режиссер киевский Вильнер просит дать ему возможность познакомиться с пьесой.

8 августа.

Утром, проснувшись, Миша сказал, что, пораздумав во время бессонной ночи, пришел к выводу — ехать сейчас в Батум не надо. С этим я позвонила к Калишьяну. Условились, что он, по приезде из Комитета, позвонит и пришлет за нами машину.

В это время позвонила Ольга от Немировича. 1) Вл. Ив. хочет повидаться с М. А. по поводу пьесы. 2) Театр посылает в Тифлис — Батум бригаду для работы подготовительной к этой пьесе. Думал ее возглавить сам Немирович, но его отговорили Сахновский и Ольга. Тогда Сахновский выставил свою кандидатуру, но так как он должен сейчас же сесть за работу над пьесой (он — режиссер, у него бригада — два помрежа и Лесли и Раевский, а художественное руководство — Немировича), то его тоже отставили, и Немирович сказал — самое идеальное, если поедет Мих. Аф.

Калишьян прислал машину, и мы поехали к нему. Сначала он один. Потом там же — Сахновский и Ольга. Договорились, что М. А. едет во главе бригады, выяснили, что ему надо будет в Тифлисе и Батуме (едут художники Дмитриев и Гремиславский, Виленкин и Лесли).

Потом разговор с Калишьяном о договоре. Он убеждал, что до постановки пьесы в МХАТе она нигде идти не может и не должна. Отсюда — и пункт. Меня он убедил. В договоре вписал — срок постановки в МХАТе не позднее 15 марта 1940 г.

Ольга мне сказала мнение Немировича о пьесе: обаятельная, умная пьеса. Виртуозное знание сцены. С предельным обаянием сделан герой. Потрясающий драматург.

Не знаю, сколько здесь правды, сколько вранья.

9 августа.

Утром письмо от Гриши — конечно, больше всего о пьесе.

В двенадцать часов проводила Мишу к Немировичу, сама вернулась домой.

К обеду Миша вернулся, рассказал подробно свидание. Прекрасная квартира, цветы на балконах, Немирович в цветной жакетке-пижаме, в веселеньких брюках, помолодевший. Сахновский, Ольга.

— У вас все очень хорошо. Только вот первая картина не так сделана. Надо будет ее на четырех поворотах сделать.

После Мишиных слов и показа его, как говорит ректор: а впрочем, может быть, и на одном повороте.

— Самая сильная картина — демонстрация. Только вот рота... (тут следует длинный разговор, что делать с ротой).

Миша:

— А рота совсем не должна быть на сцене.

Мимическая сцена.

А после сказал Ольге:

— Лучше всего эту пьесу мог бы поставить Булгаков.

Ольга мне по телефону потом: по-моему, была чудесная встреча! Тебе Миша рассказывал?!

Вообще же после рассказа у меня осталось впечатление, что ничего они не поняли в пьесе, что ставить, конечно, может по-настоящему только М. А., но что — самое главное — они вообще не режиссеры.

Вечером письмо от Загорского из Киева — просит пьесу Театр Красной Армии. А утром сегодня звонил какой-то киевлянин, просил дать ему пьесу, чтобы он перевел ее на украинский язык для Киева.

10 августа.

Днем разговор по телефону с Калишьяном. Поездка откладывается, по-видимому, до 14-го. Предложил ехать на Сочи, оттуда пароходом в Батум. Отказался Миша и сказал, что просит взять билеты прямо на Тифлис, через Баку.

Телеграмма от Дмитриева — не приехать ли ему в Тифлис встречать нас и оттуда уже вместе в Батум. Миша, по совету Калишьяна, ответил, чтобы ехал прямо в Батум.

11 августа.

Приехал Виленкин, звонил.

Вечером звонок — завлит Воронежского театра, просит пьесу — «ее безумно расхваливал Афиногенов».

Сегодня встретила одного знакомого, то же самое — «слышал, что М. А. написал изумительную пьесу». Слышал не в Москве, а где-то на юге.

Забавный случай: Бюро заказов Елисеева. То же сообщение — Фанни Ник. — А кто вам сказал? — Яков Данилыч. Говорил, что потрясающая пьеса.

Яков Данилыч — главный заведующий рестораном в Жургазе. Слышал он, конечно, от посетителей. Но уж очень забавно: заведующий рестораном заказывает в гастрономе продукты — и тут же разговоры о пьесе, да так, как будто сам он лично слышал ее.

13 августа.

Условились с Калишьяном, что он в три часа пришлет машину и Миша поедет в Театр получать документы, билеты и деньги. Поехали. Получили.

Вечером позвонил и приехал — с громадным букетом цветов — Яков. Потом Марика, которая только что приехала в Москву — Сергея еще нет.

Укладывались. Звонки по телефону: из Казанского театра некий Варшавский — о новой пьесе. «Советское искусство» просит М. А. дать информацию о своей новой пьесе: «наша газета так следит за всеми новинками... Комитет так хвалил пьесу...»

Я сказала, что М. А. никакой информации дать не может, пьеса еще не разрешена.

— Знаете что, пусть он напишет и даст мне. Будет лежать у

меня этот листок. Если разрешение будет, я напечатаю. Если нет — возвращу Вам.

Я говорю — это что-то похожее, как писать некролог на тяжко заболевшего человека, но живого.

— Что Вы?! Совсем наоборот...

Неужели едем завтра!!

Не верю счастью.

14 августа.

Восемь часов утра. Последняя укладка. В одиннадцать часов машина.

И тогда — вагон!

15 августа.

Вчера на вокзале: мой Женюшка, Борис Эрдман, Разумовский и, конечно, Виленкин и Лесли.

Через два часа — в Серпухове, когда мы завтракали вчетвером в нашем купе (мы, Виленкин и Лесли), вошла в купе почтальонша и спросила «Где здесь бухгалтер?» и протянула телеграмму-молнию.

Миша прочитал (читал долго) и сказал — дальше ехать не надо.

Это была телеграмма от Калишьяна — «Надобность поездки отпала возвращайтесь Москву».

Через пять минут Виленкин и Лесли стояли, нагруженные вещами, на платформе. Поезд пошел.

Сначала мы думали ехать, несмотря на известие, в Тифлис и Батум. Но потом поняли, что никакого смысла нет, все равно это не будет отдыхом, и решили вернуться. Сложились и в Туле сошли. Причем тут же опять получили молнию — точно такого же содержания.

Вокзал, масса людей, закрытое окно кассы, неизвестность, когда поезд. И в это время, как спасение, — появился шофер ЗИСа, который сообщил, что у подъезда стоит машина, билет за каждого человека 40 руб., через три часа будем в Москве. Узнали, скольких человек он берет, — семерых, сговорились, что платим ему 280 руб. и едем одни. Миша одной рукой закрывал глаза от солнца, а другой держался за меня и говорил: навстречу чему мы мчимся? может быть — смерти?

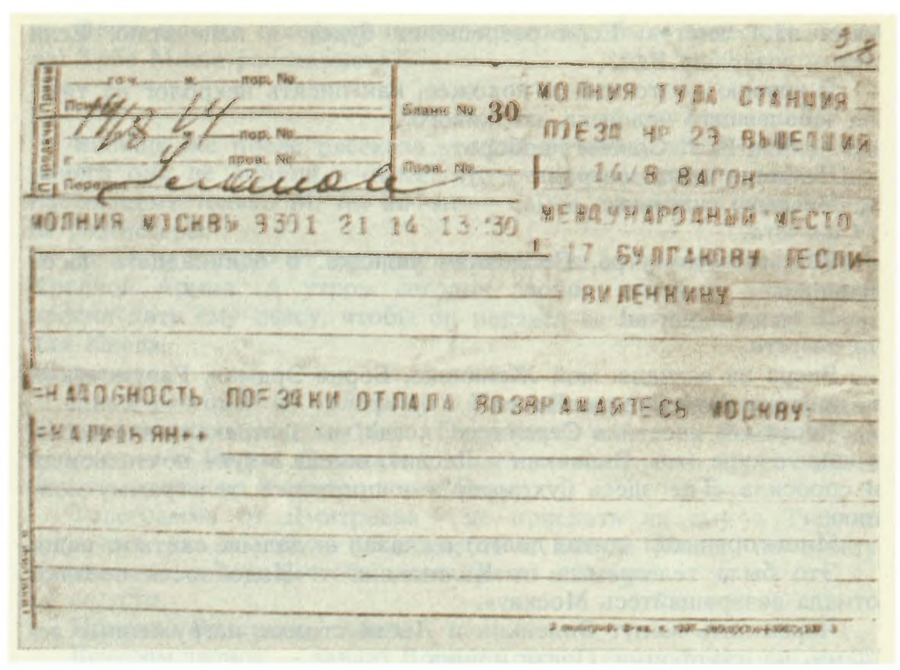
Через три часа бешеной езды, то есть в восемь часов вечера, были на квартире. Миша не позволил зажечь свет: горели свечи. Он ходил по квартире, потирал руки и говорил — покойником пахнет. Может быть, это покойная пьеса?

Позвонила к Калишьяну — нет дома. Говорила с Виленкиным и Лесли, которые, страшно трудно и мучительно, приехали в Москву поездом перед нами незадолго.

Потом позвонила к Разумовскому, который мне сказал, что знает от Калишьяна, что пьеса не пойдет.

Позвонили к Борису, он вечером пришел.

Поздно звонок Лесли, потом Виленкина о том, что Калишьян ему назначил придти завтра (то есть сегодня) в одиннадцать часов



МОЛНИЯ МОСКВЫ 9301 21 14 13 30

МОЛНИЯ ТУЛА СТАНЦИЯ ПОЕЗД НР 23 ВЫШЕДШИЙ 14/8 ВАГОН МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕСТО 17 БУЛГАКОВУ ЕСЛИ- ВИЛЕНКИНУ

=НАДОБНОСТЬ ПОЕЗДКИ ОТПАЛА ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ МОСКВУ=

=КАЛИШЬЯН++

Телеграмма, отменившая поездку в Батум

утра. Потом Мишин звонок Калишьяну — то же приглашение утром от одиннадцати до двенадцати часов в Театр.

Состояние Миши ужасно.

Утром рано он мне сказал, что никуда идти не может. День он провел в затемненной квартире, свет его раздражает. За день: звонок Виленкина часа в три. Сказал одну опять-таки фразу — не пойдет. Вопросы, что с Мишей, как здоровье, не надо ли доктора достать.

Потом мой разговор с Калишьяном. Я сказала, что М. А. придти не может. — Понимаю, понимаю. Может быть, Вы придете в Театр? Разве вам не хочется узнать?

Потом сговорились, что или я пойду завтра в Театр или он придет к нам. Вечером часов в восемь — Борис позвонил и пришел. Потом звонок Сахновского. Необыкновенно бодрым голосом спросил, может ли завтра придти. Утром поедет в Барвиху к Влад. Ив., а оттуда к нам. Потом — Яков Л. Он болен, поэтому сегодня не придет. Придет завтра — «больной или здоровый, но приду».

17 августа.

Вчера в третьем часу дня — Сахновский и Виленкин. Речь Сахновского сводилась к тому, в первой своей части, что М. А. должен знать, что Театр ни в коем случае не меняет ни своего отношения к М.А., ни своего мнения о пьесе, что Театр выполнит все свои обещания, то есть — о квартире, и выплатит все по договору.

Потом стал сообщать: пьеса получила наверху (в ЦК наверно)

резко отрицательный отзыв. Нельзя такое лицо, как И. В. Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать.

Второе — что наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым, как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе.

Это такое же бездоказательное обвинение, как бездоказательно оправдание. Как можно доказать, что никакого моста М. А. не думал перебрасывать, а просто хотел, как драматург, написать пьесу — интересную для него по материалу, с героем, — и чтобы пьеса эта не лежала в письменном столе, а шла на сцене?!

Виленкин остался у нас обедать.

Вечером пришел Яков. Разговор с Мишей. Миша думает о письме наверх.

Поздно — Борис. В городе уже знают о запрещении.

Условилась с Калишьяном по телефону, что приедет завтра днем.

Это все вчера. А сегодня — тишина мертвая. За весь день позвонил только Виленкин, сообщил, что уезжает на два дня. Калишьян не позвонил.

18 августа.

Вечером вчера неожиданно без звонка Марика, Катя Топленинова. Очень трогательно, с подарками с Сельскохозяйственной выставки — Мише.

За ужином — звонок Бориса, а потом звонок Ольги из Пестова. «Только накануне узнала от Калишьяна, с тех пор думаю только об этом. Позвонила, чтобы услышать твой голос».

Спрашивала, как Миша, рассказывала, что все актеры, которые в Пестове, убиты.

Сегодня днем Сергей Ермолинский, почти что с поезда, только что приехал из Одессы и узнал.

Попросил Мишу прочитать пьесу. После окончания — крепко поцеловал Мишу. Считает пьесу замечательной. Говорит, что образ героя сделан так, что если он уходит со сцены, ждешь — не дождешься, чтобы он скорей появился опять.

Вообще говорил много и восхищался, как профессионал, понимающий все трудности задачи и виртуозность их выполнения.

Пришла Марика, пообедали. Миша лег отдохнуть. За весь день — ни одного звонка.

Потом около десяти — Борис Эрдман. Посидел немного, очень занят. Вышли все вместе, Миша пошел к Сереже, а я, проводив его немного, домой.

Миша все время мучительно раздумывает над письмом наверх.

19 августа.

Утром звонки: Бориса, потом Калишьяна с извинениями, что до сих пор не позвонил и не пришел. Хотел придти сегодня в 5 часов 30 минут, но я попросила раньше или позже — в это время Миша спит. Потом — Виленкин, после звонка пришел. Миша говорил с ним, что у него есть точные документы, что задумал он эту пьесу в начале 1936 года, когда вот-вот должны были появиться на сцене и «Мольер», и «Пушкин», и «Иван Васильевич».

1 час ночи. Калишьян не пришел. Телефон молчит. Не звонит никто, не приходит никто. Миша сидит над итальянским языком.

Я — по хозяйству. Но завтра должна придти новая — приходящая, интеллигентный человек — по газетному объявлению.

20 августа.

Почти подряд три звонка:

1) Петров — замолчал у трубки, когда я сказала, что М. А. болен и прошу его мне сообщить, какое дело.

2) Некая Чиркова из Большого театра хочет лично вручить М. А. пакет.

3) Некая Горская, хочет непременно, чтобы М. А. уделил ей несколько минут, она хочет с ним посоветоваться. Она же позвонила еще через полчаса, но М. А. не подошел к телефону.

Потом Сергей Ермолинский с предложением ехать на дачу к Сесиль. Миша отказался — нет купанья.

Звонок из газеты «Московский большевик» — о «Батуме». Сказала, что пьеса не пойдет нигде. Пауза. — Простите... простите, что побеспокоил...

Вечером пришел Борис.

21 августа.

Звонил Виленкин, узнать, как у нас. Советует увезти М. А. куда-нибудь, но обязательно уехать из Москвы. Сказал, что Григорий Михайлович объяснил ему, что чувствует себя безмерно виноватым перед М. А., что до сих пор не пришел. Занят ужасно ремонтом, даже жену не мог встретить. Придет обязательно.

Рассказывал, что Федя очень удручен был, когда узнал.

22 августа.

Рано (для нас), в одиннадцать часов приехал без звонка Калишьян. Убеждал, что фраза о «мосте» не была сказана.

Уговаривал писать пьесу о советских людях. Спрашивал: а к первому января она будет готова? (!)

Попросил дать «Бег», хотя тут же предупредил, что надежд на ее постановку сейчас никаких нет.

У Миши после этого разговора настроение испортилось.

О деньгах и квартире — ни слова.

Сегодня в газетах сообщение о переговорах с Германией и приезде Риббентропа.

Вечером Виленкин, а потом Миша пошел к Сереже Ермолинскому.

Звонил Долгополов необыкновенно бодро: ну, что хорошенького? Когда сказала — запрещена пьеса, — не мог поверить: что Вы?! Ведь я о ней слышал совершенно необыкновенные отзывы и от Храпченко, и от Москвина, и от целого ряда еще лиц... Ради бога, простите, что я так бестактно позвонил.

23 августа.

Звонила Нина Николаевна Литовцева — удивительно сердечно. Мне было приятно, к ней у меня всегда чувство симпатии, она всегда была ровна, несмотря ни на что.

Потом я позвонила Виленкину, что 25-го приду в Театр возвратить командировочные деньги и за мой билет. Из-за всех неприятностей стала рассеянна.

Чищу изо всех сил квартиру, мне легче, когда я занимаюсь физической работой. Читать могу только что-нибудь очень утешительное и беспечное.

Миша упорно заставляет себя сидеть над языками — очевидно, с той же целью, как я над уборкой.

От Леонтьевых — дам — дружеские, ласковые письма.

24 августа.

Сегодня в газетах — пакт о ненападении с Германией подписан.

Днем мы зашли к Федоровым.

Вечером — убирала квартиру.

25 августа.

Полотер, уборщица, мальчик на подмогу, приходящая домработница — словом, ад. Миша сбежал на целый день.

Днем я заехала в МХАТ, отвезла обратно тысячу — командировочных, бумаги и 250 руб. за мой билет в Тбилиси. День 14-го обошелся нам больше 600 руб. В Театре все глядят на меня с сочувствием, как на вдову.

Звонила Ануся, приехала из Гагр, звала придти.

26 августа.

Сегодня — сбор труппы в Большом и первое заседание по декаде. Миша был. Слова Самосуда (о «Батуме»): а нельзя ли из этого оперу сделать? Ведь опера должна быть романтической.

Вечером — звонок Феди: «Знайте, что всеми мыслями, всеми чувствами я с Вами».

Вечером позвонил и пришел Гриша К. Хочет уходить из МХАТа, мы отсоветовали ему.

27 августа.

Сегодня без конца телефонные звонки. Из Союздетфильма — чтобы Миша сделал сценарий из пьесы «Батум» и, несмотря на мое сообщение — запрещена, — все-таки непременное желание увидеться. Оля — два раза, необыкновенно нежно, со слезами, о Мише, о нас обоих. Калишьян — с сообщением, что запрещение не отражается на материальной стороне и что деньги я могу придти полу-

З А В Е Щ А Н И Е.-

Город Москва, одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, октября месяца, десятого дня. Я, нижеподписавшийся, Б У Л Г А К О В Михаил Афанасьевич, проживающий в городе Москве, улица Фурманова д.№3, кв.№44, настоящим завещанием, на случай моей смерти, делаю следующее распоряжение:

1. Все мое имущество, какое только в день смерти моей окажется мне принадлежащим, где бы таковое ни находилось и в чем бы ни заключалось, я завещаю в полную собственность жене моей Б У Л Г А К О В О Й Елене Сергеевне.

2. Содерж. 2-ое прим. к ст.422 Гражданского кодекса мне известно.

3. Первый экземпляр настоящего завещания хранится в делах 1-ой Московской Городской Государственной Нотариальной конторы (ул.Кирова дом №6), а второй экземпляр завещания выдается завещателю БУЛГАКОВУ Михаилу Афанасьевичу.-

М. Булгаков

1939 г. Октября 10 месяца 10 дня. Настоящее завещание

за. [illegible] Зенюк Н. Л.

нотариально удостоверено мной Государственным Нотариусом Первой Московской Городской Государственной Нотариальной конторы. Самоличность, правоспособность и дееспособность [illegible] Завещание подписано завещателем [illegible] собственноручно.

[illegible] Взыскано [illegible] руб. [illegible]

[illegible]

Завещание М. А. Булгакова

чить, когда угодно. Второе — что Храпченко приглашает Мих. Аф. для разговора. И что он, Григорий Михайлович, считает целесообразным пойти. Я спросила: а это не будет такой же бестолковый и бессмысленный разговор, как вел Керженцев после «Мольера»? Тогда Мих. Аф. еще хуже будет себя чувствовать? — Нет, нет, ни в коем случае.

Из Днепропетровска — режиссер Театра русской драмы Стриловский с вопросом о «Батуме» — что эта пьеса «пока» запрещена или совсем? (!) И с просьбой прислать «Дон-Кихота», хотят ставить, слышал очень хорошие отзывы о пьесе.

Яков — с заботливыми вопросами, что у нас нового и как чувствует себя Миша. Я спросила об отпуске для Миши — о чем говорить!! Конечно, ему нужно ехать.

Виленкин — с сообщением о деньгах (по договору — то же, что Калишьян). Кроме того, сказал, что весь сегодняшний день (сбор труппы в МХАТе) прошел под знаком «Батума» и Мих. Аф.

В общем скажу, за это время видела столько участия, нежности, любви и уважения к Мише, что никак не думала получить. Это очень ценно. Сейчас вечером позвонила Феде, что не могу его позвать, и от него услышала опять настоящие слова.

У Миши состояние раздавленное. Он говорит — выбит из строя окончательно.

Так никогда не было.

28 августа.

Днем Мишу проводила в Большой, а сама к М. И.

Звонила Ануся, Дмитриев, хотят видеть. Наверно, позову завтра.

Вечером, сейчас, Миша пошел пройтись, дойдет до Сергея Ермолинского, я — в ванну.

С Храпченко сегодня встреча не вышла, днем он был на сессии, а в три часа поехал к Немировичу.

29 августа.

Днем проводила Мишу в Большой, зашла в цветочный магазин на Петровке и послала домой прелестную корзину цветов — с витрины. Потом зашла за Мишей и мы вместе пошли к Вильямсам, как уговорились раньше по телефону. По дороге Миша рассказал разговор с Самосудом. Сначала о здоровье, об отдыхе, потом о пьесе. Какой сюжет? Почему запрещена? И, конечно: — Надо оперу делать. Шостакович, а? — Миша: Самуил Абрамович, я Вас предупреждаю, пьеса запрещена ЦК. — А музыка? Ведь музыка. Пьеса это другое дело. Женская партия есть?

У Вильямсов — как всегда — очень хорошее отношение. Петины слова: Вы сейчас же должны писать новую пьесу.

Вечером — милый звонок Бориса. Придет завтра.

Миша пошел пройтись — до Сергея дойдет, посидит немного.

31 августа.

Вчера днем Дмитриев. Миша с ним — на Ленинских горах на байдарке.

Вечером у нас Оля и Женя Калужский. Со слов Оли — Немирович не может успокоиться с этой пьесой и хочет непременно просить встречи с Иосифом Виссарионовичем и говорить по этому поводу.

Сегодня мы с Мишей и Марикой на пароходике на Ленинские горы. Там Миша ездил опять на байдарке, а мы сидели на станции.

Вечером у нас Федя. Миша прочитал ему половину пьесы. Федя говорил — гениальная пьеса и все в таком роде. Высказывал предположения, что могло сыграть роль при запрещении: цыганка, родинка, слова, перемежающиеся с песней.

1 сентября.

Сегодня открытие в Большом. Миша пошел туда на часок. К нам пришел Борис.

2 сентября.

Вчера и сегодня газеты полны военных сообщений, о всеобщей мобилизации в ряде стран, эвакуации детей и так далее. А сегодня — известие о начале военных действий между Польшей и Германией.

Вечером у нас Файко и Ермолинский. В 11 часов 30 минут, уже сидя за столом, включили радио и слушали последние известия. И так мне это напомнило начало картины Уэллса «Будущее».

3 сентября.

Военные действия развиваются. Отрезан коридор, бомбардировки целого ряда городов, в том числе Варшавы, Кракова, Лодзи, Люблина. Франция и Англия еще не выступили. Ох, до чего им не хочется!

8 сентября.

Конечно, все разговоры о войне. Сегодня ночью, когда вернулись из Большого, услышали по радио, что взята Варшава.

Ходили мы в театр для разговора с Яковом. Он не советует ехать в Батум (у нас уж были заказаны билеты на 10 сентября). Доводы его убедительны. И пункт неподходящий и время. Уговорил поехать в Ленинград. Обещал достать билеты и номер в «Астории».

В Большом мобилизовано за два дня 72 человека.

Город полон слухов: что закрыта для пассажирского движения Белорусская железная дорога, что закрыто авиасообщение; что мобилизована половина такси, все грузовики и большая часть учрежденческих машин, что закрыты 18 школ (под призывные пункты взяты, или под госпитали, как говорят другие), что эшелоны идут на западную границу и на Дальний Восток. И так далее.

Вчера были у нас Калишьян с женой и Хмелев. Калишьян очень уговаривал не ехать в Батум — дожди там начались. Говорил с Мишей о новой пьесе очень настойчиво, предлагал заключить договор. Потом заговорил об инсценировке «Вешних вод». На прощанье очень просил придти 9-го в Театр — перед отъездом.

Миша не пойдет.

9 сентября.

Калишьян не позвонил, следовательно, и я не пошла в Театр. Готовлюсь к отъезду в Ленинград. Звонки Бориса, Ермолинского, Конского, Оли.

Ужасно мы огорчены, что сорвалась поездка на юг. Так хотелось покупаться, увидеть все эти красивые места!

29 сентября.

Нет охоты возвращаться к тому, что пропущено. Поэтому прямо — к Мишиной тяжелой болезни: головные боли — главный бич.

Сегодня звонил Виленкин. Были Файко, вели себя сердечно и тепло.

К вечеру Мише легче с головой.

Кругом кипят события, но до нас они доходят глухо, потому что мы поражены своей бедой.

Мы заключили договор с Германией о дружбе.

Интересно отметить, что Мелик ни разу не навестил Мишу, и ни единого раза не справились о Мишином здоровье ни Самосуд, ни Мордвинов.

Характерно для Пречистенки. Тата Лямина позвонила, но сказала, что Коле не будет сообщать в Калугу о болезни Миши до тех пор, пока Миша не выздоровеет, а то Коля расстроится.

7 октября.

Гриша звонил: умер Щукин.

9 октября.

Вчера большое кровопускание — 780 граммов, сильная головная боль. Сегодня днем несколько легче, но приходится принимать порошки.

18 октября.

Сегодня два звонка интересных. Первый — от Фадеева, о том, что он завтра придет Мишу навестить (да, я не записываю аккуратно в эти дни болезни — не хватает сил — не записала, что (кажется, это было десятого) было в МХАТе Правительство, причем Генеральный секретарь, разговаривая с Немировичем, сказал, что пьесу «Батум» он считает очень хорошей, но что ее нельзя ставить.

Это вызвало град звонков от мхатчиков и, кроме того, ликующий звонок от М. А., который до того трубки в руку не брал.

Может быть, завтрашний приход в связи с этим разговором?).

А второй, который меня бесконечно тронул, это звонок некоего Гоши Раниенсона, сотрудника миманса из Большого. Он сказал, что я должна знать, что есть человек, который для М. А. сделает все, что только ему нужно. Дал свой телефон и настоятельно требовал, чтобы я дала ему какое-нибудь поручение.

Сегодня у Миши днем: Патя, Арендт, Сережа Ермолинский, доктор Захаров.

Звонки: Забугин, Шапиро, Оля, Калишьян (необычайно любезный) и так далее.

М. А. и Е. С. Булгаковы в Барвихе. Декабрь 1939 г.

Меня необыкновенно трогает отношение к Мише профессора Страхова. Он все восхищался Мишиным юмором, какой он сохранил и в болезни.

Мише сегодня разрешили в первый раз чашку бульона. Как он наслаждался ею!

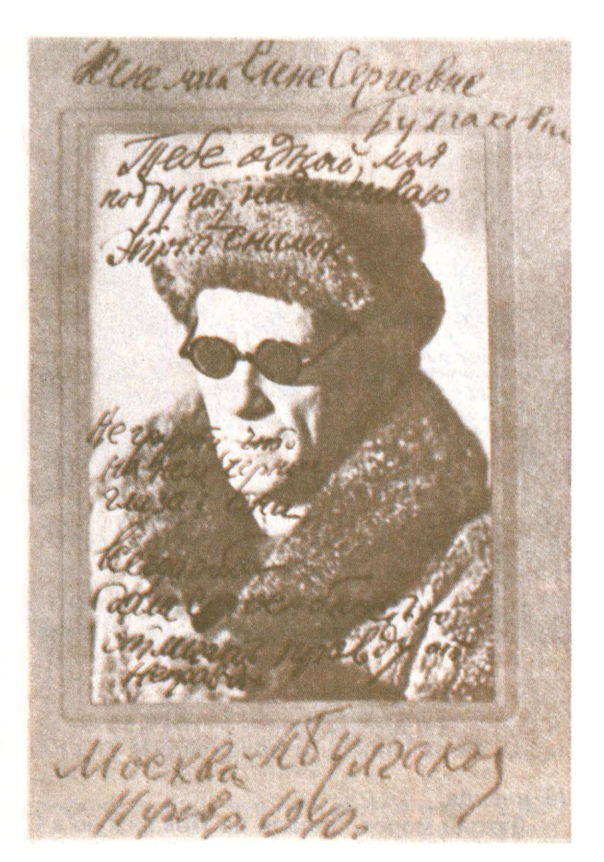
Вчера привезла домой пишущую машинку (из Америки получена). Прекрасная машина, но увы! — писать не могу на ней. Какой-то непонятный замок, что ли, на ней? Надо позвать мастера.

1940

1 января.

Ушел самый тяжелый в моей жизни год 1939-й, и дай Бог, чтобы 1940-й не был таким!

Вчера после обеда зашел к нам Борис Эрдман, посидел у нас до вечера. Потом — Файко — перед своей встречей у Шкваркина. Часов в одиннадцать пришел Ермолинский и мы вчетвером — Миша, Сережа, Сергей Ермолинский и я — тихо, при свечах, встретили



*«Жене моей
Елене Сергеевне
Булгаковой.
Тебе одной, моя подруга,
надписываю этот снимок.
Не грусти, что на нем
черные глаза: они всегда
обладали способностью
отличать правду
от неправды.
Москва. М. Булгаков.
11 февр. 1940 г.»*

Новый год: Ермолинский — с рюмкой водки в руках, мы с Сережей — белым вином, а Миша — с мензуркой микстуры. Сделали чучело Мишиной болезни — с лисьей головой (от моей чернобурки), и Сережа, по жребию, расстрелял его.

Было много разговоров по телефону, от мхатчиков (Оля, Виленкин, Федя, Гжельский, Книппер), из Большого театра — Мордвинов, Иванов Борис Петрович, Петя Вильямс, Топленинов. Звонил Шапиро М. Л., звонил Файко с приветом от Шкваркина, еще кто-то.

Сегодня поздравления и пожелания продолжаются: Маршак, Рапопорт (из Вахтанговского), Радлов Николай, Хмелев, Николай Эрдман, Раевский, Дорохин, Шапошников, Гоша, Захаров.

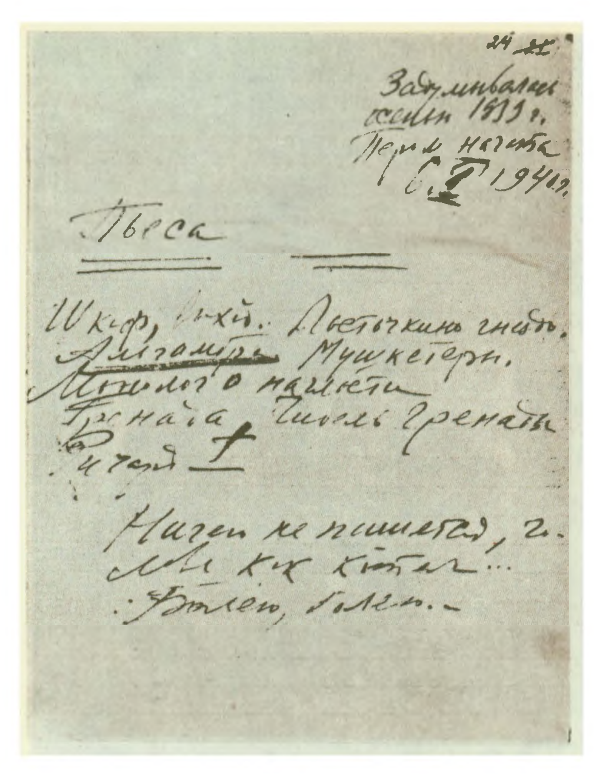
10 января.

Плохой день. В анализах — много белка — 1,5. Звонок мой Владимиру Петровичу — опять придется Мише есть черт знает что и мучиться.

Дикий мороз. Свыше 30° Цельсия. Рассказы Марфуши про очереди, в магазинах ничего нет.

Миша лежит.

Мечты о тепле.



М. А. Булгаков.
Страница рукописи

13 января.

Лютый мороз, попали на Поварскую в Союз. Миша хотел повидать Фадеева, того не было. Добрались до ресторана писательского, поели: Миша — икру и какой-то суп-крем, а я котлеты — жареные из дичи, чудовищная гадость, после которой тошнило. Бедствие столовки этой, что кто-нибудь подсядет непременно. В данном случае это был Вл. Немирович-Данченко. Назойливые расспросы о болезни, Барвихе и т. д.

Миша был в черных очках и в своей шапочке, отчего публика (мы сидели у буфетной стойки) из столовой смотрела во все глаза на него — взгляды эти непередаваемы.

Возвращение в морозном тумане. У диетического магазина — очередь.

14 января.

Асеев. Страшно восторженно отзывается о нас обоих, желает во чтобы то ни стало закрепить это знакомство. Прочитал свой отрывок из «Маяковского».

Мица лежит, мороз действует на него дурно.

15 января.

Миша, сколько хватает сил, правит роман, я переписываю.

Письмо вахтанговцам о нарушенном ими договоре на «Дон-Кихота». Пусть платят за 20 спектаклей. Безобразие, что делается.

М. А. Булгаков. 1940 г. Фото К. Венца

Звонок Асеева — достал для Миши какое-то кашне, хочет подарить.

Радлов Николай по телефону сказал, что ожидается мороз в 42°!

16 января.

42°! (Утром не то 38, не то 40, потом 42).

Сережа не пошел в школу, конечно. Окна обледенели, даже внутренние стекла.

Работа над романом. Возня по телефону с Виленкиным о договоре на «Пушкина» (вопрос о Вересаеве).

Звонок Гоши Раниенсона — трогательное отношение к Мише.

Сестра Миши — Елена пришла, читала роман запоем (Мастер и Маргарита).

Пришел Ермолинский в валенках, читал вслух кусочек романа — воробушек. Мишин показ воробушка. Сережка наш — в военной форме — томится от бездействия. Звонок Маршака — хочет придти 19-го.

Оля прислала, по моей просьбе, из театрального буфета — икру, сыр, конфеты, яблоки.

Вечером — правка романа.

Пошли к Файко. Незначащий, какой-то, драматургический разговор.

Домой — ужин на письменном столе Мишином. Я верю, что он поправляется.

17 января.

42°. За окном какая-то белая пелена, густой дым. Намазала Марфуше лицо кремом — отправила ее за заказом к Елисееву. Звонок Виталия — мой «проект» договора на «Пушкина» принят театром.

Сегодня днем в открытую в кухне форточку влетела синичка. Мы поймали ее, посадили в елисеевскую корзину. Она пьет, ест пшено. Я ее зову Моней, она прислушивается. Говорят, птица приносит счастье в дом.

Газеты теперь приходят поздно. Сегодня принесли часов в шесть. Из «Известий» узнала, что в Вахтанговском театре опять смерть — умер артист Козловский — внезапно, как там написано.

18 января.

Радлов Николай.

19 января.

Оля.

24 января.

Плохой день. У Миши непрекращающаяся головная боль. Принял четыре усиленных порошка — не помогло. Приступы, тошноты.

Вызвала на завтра утром дядю Мишу — Покровского.

А сейчас — одиннадцать часов вечера — позвонила к Захарову. Узнав о состоянии Миши, вышел к нам — придет через 20 минут.

Живем последние дни плохо, мало кто приходит, звонит. Миша правил роман. Я писала.

Потом о квартире. Разговор, взволновавший Мишу.

Жалуется на сердце. Часов в восемь вышли на улицу, но сразу вернулись — не мог, устал.

15 февраля.

Пишу после длительного перерыва. С 25-го января, по-видимому, начался второй — сильнейший приступ болезни, выразившийся и в усилившихся, не поддающихся тройчатке головных болях, и в новых болях в области живота, и в рвоте и в икоте. Одним словом, припадок сильнее первого. Записывала только историю болезни, а в дневнике ни слова.

Вчера позвонил Фадеев с просьбой повидать Мишу, а сегодня пришел. Разговор вел на две темы: о романе и о поездке Миши на юг Италии, для выздоровления.

Сказал, что наведет все справки и через несколько дней позвонит.

19 февраля.

У Миши очень тяжелое состояние — третий день уже.

Углублен в свои мысли, смотрит на окружающих отчужденными глазами. К физическим страданиям прибавилось или, вернее, они привели к такому болезненному душевному состоянию. Ему сейчас неприятен внешний...

10 марта.

16. 39. Миша умер.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ

Без даты.

Мишины слова (бесконечно часто за эту болезнь):

Цирк Шапито

Соломонский

Высший технический персонал — я.

Средний — Леля, Марика.

Низший — Лоли, Марфуша.

18 декабря 1939 г.

Вернулись из Барвихи 18 декабря 1939 г. в 12 часов дня.

25 января 1940 г.

Прогулка на почту (телеграмма Рубену Симонову) и до Ермолинских...

Файко (читал им из «Записок покойника»).

Продиктовал страничку (о Степе — Ялта).

28 января.

Работа над романом.

1 февраля.

Ужасно тяжелый день. «Ты можешь достать у Евгения револьвер?»

3 февраля.

Сказал: «Всю жизнь презирал, то есть не презирал, а не понимал... Филемона и Бавкида... и вот теперь понимаю, это только и ценно в жизни».

5 февраля.

Мне: «Будь мужественной».

6 февраля.

Утром, в 11 часов. «В первый раз за все пять месяцев болезни я счастлив... Лежу... покой, ты со мной... Вот это счастье... Сергей в соседней комнате».

12. 40:

«Счастье — это лежать долго... в квартире... любимого человека... слышать его голос... вот и все... остальное не нужно...»

7 февраля.

В 8 часов (Сергею): «Будь бесстрашным, это главное».

29 февраля.

Утром: «Ты для меня все, ты заменила весь земной шар. Видел во сне, что мы с тобой были на земном шаре».

Все время, весь день необычайно ласков, нежен, все время любовные слова — любовь моя... люблю тебя — ты никогда не поймешь это.

1 марта.

Утром — встреча, обнял крепко, говорил так нежно, счастливо, как прежде до болезни, когда расставались хоть ненадолго.

Потом (после припадка): умереть, умереть... (пауза)... но смерть

М. А. Булгаков, Е. С. Булгакова, П. С. Попов, Сережа Шиловский, М. А. Ермолинская. 1940 г. Фото К. Венца

все-таки страшна... впрочем, я надеюсь, что (пауза)... сегодня последний, нет предпоследний день...

Без даты.

Сильно, протяжно, приподнято: «Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя!» — Как заклинание.

Буду любить тебя всю мою жизнь... — Моя!

8 марта.

«О, мое золото!» (В минуту страшных болей — с силой).

Потом раздельно и с трудом разжимая рот: го-луб-ка... ми-ла-я.

Записала, когда заснул, что запомнила.

«Пойди ко мне, я поцелую тебя и перекрещу на всякий случай... Ты была моей женой, самой лучшей, незаменимой, очаровательной... Когда я слышал стук твоих каблучков... Ты была самой лучшей женщиной в мире... Божество мое, мое счастье, моя радость. Я люблю тебя! И если мне суждено будет еще жить, я буду любить тебя всю мою жизнь. Королевушка моя, моя царица, звезда моя, сиявшая мне всегда в моей земной жизни! Ты любила мои вещи, я писал их для тебя... Я люблю тебя, я обожаю тебя! Любовь моя, моя жена, жизнь моя!»

До этого:

«Любила ли ты меня? И потом, скажи мне, моя подруга, моя верная подруга...»

Елена Булгакова

ВОСПОМИНАНИЯ

ПИСЬМА НА ТОТ СВЕТ

Ташкент. 17 февраля 1943 г.

Все так, как ты любил, как ты хотел всегда. Бедная обстановка, простой деревянный стол, свеча горит, на коленях у меня кошка. Кругом тишина, я одна. Это так редко бывает.

Сегодня я видела тебя во сне. У тебя были такие глаза, как бывали всегда, когда ты диктовал мне: громадные, голубые, сияющие, смотрящие через меня на что-то, видное одному тебе. Они были даже еще больше и еще ярче, чем в жизни. Наверно, такие они у тебя сейчас. На тебе был белый докторский халат, ты был доктором и принимал больных. А я ушла из дому, после размолвки с тобой. Уже в коридоре я поняла, что мне будет очень грустно и что надо скорей вернуться к тебе. Я вызвала тебя, и где-то в уголке между шкафами, прячась от больных (пациентов), мы помирились. Ты ласково гладил меня. Я сказала: «Как же я буду жить без тебя?» — понимая, что ты скоро умрешь. Ты ответил: «Ничего, иди, тебе будет теперь лучше».

Комната продолговатая, в серых тонах. Мы живем в ней втроем — Миша, Сергей и я. Сергею шесть лет, он в своем сером костюме. Миша в халате купальном. Я сначала чувствую только беспредельное счастье. Как чудесно мы живем втроем. Потом понимаю про смерть, что это временное воскрешение. Надолго? Один раз или будет еще? Надо успеть спросить у Миши все, что не успела спросить в жизни. Он старается меня рассмешить, говорит какие-то смешные четырехстишия. Я хочу запомнить, записать. Сергей! Скорей дай бумагу! Он дает все не ту. Наконец, на одной голубой промокашке я начинаю записывать: «Зачем ты шутишь над могилой тупого интригана?» (Это я вижу совершенно ясно.) Я подхожу к нему и говорю: «Если бы ты знал, как я соскучилась по тебе, Мишенька!» — Он смотрит на меня, я вижу его лицо, с жилками, глаза голубые, — он рад до слез. Спрашивает: «А значит тот... тебя не удовлетворяет?..» — «Ффу!»

Он доволен.

Этот сон я видела в Котельниче числа 20 февраля — под утро.

Как-то давно, по-моему в ночь на 13 марта (13-го я ехала в Ленинград) такой сон:

Москва, весна, солнце, Замоскворечье. Миша идет рядом со мной, в черном пальто, в шапке. Я понимаю, что он воскрес, и только боюсь, чтобы кто-нибудь из встречных (а все встречают его с каким-то необычайным почетом) не дал ему понять, что он умер.

Мы идем к церкви. Я всю дорогу думаю — надолго ли и успеет

М. А. и Е. С. Булгаковы и Сережа Шиловский. 1940 г.
Фото К. Венца

ли он закончить «Записки покойника»? В церкви мы становимся в дверях. По дороге он был необыкновенно оживлен, весел. Теперь начинается утомление. Все выходят и приветствуют его. И опять — мои страхи.

Но он наклоняется ко мне и говорит, что очень устал, надо спешить домой. Мы идем, а жизнь уходит из него с каждым шагом. Я боюсь, что не дойдет. Темнеет, начинает моросить дождь. Жизнь уходит, он желтеет и слабеет на глазах.

И наконец валится на рельсы, на какой-то площади, раскинув руки. Темно. Едут автобусы.

Сны про него.

Сегодня, в ночь на 29-е марта.

Неизвестная комната, довольно большая, квадратная. Я сплю на кровати. Слева окно. Через комнату — на противоположной стене — я вижу еще две кровати. На одной из них спит Сергей. Миша в халате ходит по этим кроватям, и, наклонившись над Сергеем, заботливо покрывает его одеялом и еще чем-то сверху. Сначала я думаю только: как он любит Сережу! А потом — ведь он умер. Значит, опять появился мне. Перелетаю комнату, и вот Миша лежит на своей кровати. А я, стоя рядом на коленях (кровати разъехались, не так как были вначале — вместе), целую его частыми, частыми поцелуями.

А он? — Хороший любовник. Я так тоскую без тебя! — И тут он

как-то дает мне понять, что я должна много учиться, совершенствоваться (но как-то выходит, что в смысле познаний), что это необходимо для той (его) жизни. Что мы увидимся. А теперь он будет время от времени мне являться в снах. Эта мысль доставляет мне счастье. Я ощущаю живое тепло его лица. Он такой же, как в жизни, только немного желтее.

Потом в комнате появляется стол — большой, обеденный. За столом несколько человек близких, кажется, мама. Миша сидит на хозяйском месте. В разговоре он говорит какую-то цитату, в ней слова, кажется: бронзовые руки. — Он очень хитро мне подмигивает и улыбается. Понимаем только мы с ним, что это значит — что он будет появляться.

Потом дворик ташкентский. Я стою наверху балаханы в шубе и валенках. Раннее, раннее утро. Еще не рассвело. Зима глубокая. Небо в тучах, густых, серых. Масса снежных сугробов. Толстый снег. Внизу женская фигура. — Я сейчас спущусь, Любочка. — (Мне кажется, что это Л. Орлова). Но когда я подхожу, она исчезла, и на ее месте толстый черный кот. Второй сугроб — тоже толстый черный кот. Третий — тоже.

Потом верх балаханы. Первая комната. Я на кровати, рядом рваные туфли. Шум в соседней комнате, кто-то ходит. Встаю, заглядываю — никого.

Рваные туфли.

В эту ночь я проснулась очень рано, часов около пяти. Долго лежала и часов в семь приняла сонный порошок. Увидала небо — темное с небольшим просветом голубого. На него надвинулся занавес, и черные края сблизились. Второй занавес темнее — опять сблизились черные края. И так много, много раз. Потом стало все черно, и я заснула. И увидела сон про М. А.

Москва. 8 января 1948 г.

Масенький, сегодня утром опять видела тебя во сне. Я лежу у себя на кровати, на одеяле разбросаны листы «Белой гвардии» и масса открыток (виды Киева), необычайно красивых, в оранжевых и зеленых тонах. Ты в средней комнате. Я рассматриваю одну открытку — старинная церковь. А ты из соседней комнаты отвечаешь на мой вопрос: Ну да, ведь там написано — из церкви вышел человек в офицерской форме. Вот из этой церкви я и вышел...

Потом я попросила тебя закрыть форточку — было очень морозно в комнате. Ты, в коричневом халате своем, раздвоился — пошел к окну и остался стоять в ногах у кровати. Я смотрела на тебя и ясно видела весь твой силуэт в халате за прозрачной занавеской. Ты долго старательно развязывал шнурки, которыми я с вечера прикрепляю форточку, чтобы не хлопала ночью. Тогда я вспомнила, что ведь ты же умер, как же это может быть. И решила быстро зажечь лампу около себя, чтобы проверить. Схватила шнур с вилкой, быстро воткнула в штепсель, но лампа не зажглась. А ты уже шел от окна и гово-

рил: Я сейчас сам отвезу эти открытки Александру Васильевичу, потом мы запремся, никого не пустим, хорошо? Подошел ко мне — халата не было уже на тебе, а как всегда бывало: белая рубашка ночная, засунутая в белые же короткие кальсоны — до колен. И я ясно увидела тебя, твое лицо, твою фигуру, особенный цвет кожи, сияющие глаза,—так ясно, как никогда не бывает во сне. Ты несколько раз поцеловал меня в плечо и спросил: Тебе хорошо? Я приподнялась, обняла тебя, прижалась, от тебя шло живое тепло,—я сказала: Боже, как я счастлива. Ты еще раз поцеловал меня и спросил: Ты довольна, что я тебе верен? От счастья я открыла глаза и засмеялась. Было удивительно тепло и из форточки совсем не дуло.

Но когда через полчаса я встала, в комнате был дикий мороз, форточка была открыта, и все завязки были завязаны, как я это сделала вечером.

Москва. 31 мая 1955 г.

Начало сна не помню. Но вот мы в черном ЗИМе останавливаемся, не доехав до нашей дачки. Предвечернее серое небо, вдалеке лес, а кругом нас поле, и почему-то дальше в машине не проедешь. Когда я удивилась: Почему? — Миша сказал: — А что, Мыся, устанешь, если пойдем? — Нет, просто очень спать хочется. — Потом вышли на довольно уютную аллейку под деревьями, там ждала соседка по даче. — Ну, как? — Вы представить не можете, сколько людей подходило к М. А. Может быть, оттого, что знают, что теперь не скоро увидят его, что мы уедем на дачу...

Потом — дача, уютная, обжитая. Соседка оставила для нас решето малины, я стала ее есть, засыпая. А перед этим — подошла к окну, за окном Миша полоскал рот — в халате. Сергей уже спал, он был маленький. В общем, и рассказывать нечего, никаких событий, никаких слов. Только необыкновенно уютно, спокойно и тихо, и это темнеющее небо и тишина.

Я проснулась — наверно, было очень рано — часы стояли. Завернулась опять в одеяло и стала перебирать всю прелесть сна, и опять задремала — и не знаю, увидела ли опять это самое или так ярко это было перед глазами и в чувстве, что просто казалось, что еще раз увидела.

ИЗ ПОЗДНИХ ДНЕВНИКОВ

2 января 1956 г.

Днем пошла на пушкинскую квартиру. Оттуда — в Пушкинский музей на набережной Макарова, 4.

Шапошников Борис Валентинович встретил меня, и мы — в разговорах — просидели около трех часов. Подарила ему лично и музею — сборники. На последнем, по его настоянию, сделала надпись. Он спросил, не захочу ли я продать их институту архив М. А., то есть, «конечно, — прибавил он, — я понимаю, что мы не в состоянии приобрести сразу такой ценный архив. Но по частям. Может быть, даже сделаем такое условие, что Вы будете в дальнейшем сообщать нам, когда Вы захотите продать что-либо из архива М. А.».

Я обещала подумать, посоветоваться с Женичкой и придти к нему еще раз.

Говорили, конечно, много о М. А. Он вспомнил, что в сентябре 1939 года он пришел к нам, когда мы вернулись из Ленинграда и М. А. уже был болен.

«Я вошел в вашу квартиру, окна были завешены, на М. А. были черные очки. Первая фраза, которую он мне сказал, была: „Вот, отъелся я килечек“ или: „Ну, больше мне килечек не есть“».

Борис Валентинович сидел в этом красивом здании, в своем кабинете, увешанном с потолка до полу старыми картинами, в старинном кресле, в накинутой на плечи большой шубе на меху — и был похож на портрет вельможи XVIII века.

Встретились мы и говорили так хорошо, как никогда раньше в жизни. Женичка, которому я потом, за обедом в «Европейском» ресторане, сказала это, — верно заметил:

— Возраст.

4 января 1956 г.

Только что ушли Женя с Люсей. Сидели, вспоминали прошедшее. Я рассказывала.

Про разговор М. А. со Сталиным.

В результате снятия всех пьес Булгакова с репертуара, о чем, как о достижении, объявлялось в газетах, — у М. А. наступила катастрофа. Так как жили они раньше, имея долги, то с получением денег по пьесам («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров») пришлось, во-первых, рассчитываться по долгам, во-вторых, обзаводиться квартирой, обстановкой. Ну, конечно, и людей много бывало. Поэтому сбережения были маленькие и их быстро проели.

Когда я с ними познакомилась (28 февраля 1929 года) — у них было трудное материальное положение. Не говорю уж об ужасном

душевном состоянии М. А. — все было запрещено (то есть «Багровый» и «Зойкина» уже были сняты, а «Турбиных» сняли в мае 1929 г.). Ни одной строчки его не печатали, на работу не брали не только репортером, но даже типографским рабочим. Во МХАТе отказали, когда он об этом поставил вопрос.

Словом, выход один — кончать жизнь. Тогда он написал письмо Правительству. Сколько помню, разносили мы их (и печатала ему эти письма я, несмотря на жестокое противодействие Шиловского) по семи адресам. Кажется, адресатами были: Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ягода, Бубнов (нарком тогда просвещения) и Ф. Кон. Письмо в окончательной форме было написано 28 марта, а разносили мы его 31-го и 1 апреля (1930 года).

3 апреля, когда я как раз была у М. А. на Пироговской, туда пришли Ф. Кнорре и П. Соколов (первый, кажется, завлит ТРАМа, а второй — директор) с уговорами, чтобы М. А. поступил режиссером в ТРАМ. Я сидела в спаленке, а М. А. их принимал у себя в кабинете. Но ежеминутно прибегал за советом. В конце концов я вышла, и мы составили договор, который я и записала, о поступлении М. А. в ТРАМ. И он начал там работать. А 18-го апреля часов в 6—7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Большом Ржевском и рассказал следующее.

Он лег после обеда, как всегда спать, но тут же раздался телефонный звонок и Люба его подозвала, сказав, что из ЦК спрашивают.

М. А. не поверил, решил, что розыгрыш (тогда это проделывалось) и взъерошенный, раздраженный взялся за трубку и услышал:

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, да.

— Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.

— Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явным грузинским акцентом:

— Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или — Михаил Афанасьевич — не помню точно).

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — вас пустить за границу? Что — мы вам очень надоели?

М. А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса (да он и звонка вообще не ожидал) — что растерялся и не сразу ответил:

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

Кабинет М. А. Булгакова. Нащокинский переулок, 3

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами...

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить.

— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю вам всего хорошего.

Но встречи не было. И всю жизнь М. А. задавал мне один и тот же вопрос: почему Сталин раздумал? И всегда я отвечала одно и то же: А о чем он мог бы с тобой говорить? Ведь он прекрасно понимал, после того твоего письма, что разговор будет не о квартире, не о деньгах, — разговор пойдет о свободе слова, о цензуре, о возможности художнику писать о том, что его интересует. А что он будет отвечать на это?

На следующий день после разговора М. А. пошел во МХАТ и там его встретили с распростертыми объятиями. Он что-то пробормотал, что подаст заявление...

— Да боже ты мой! Да пожалуйста!... Да вот хоть на этом... (и тут же схватили какой-то лоскут бумаги, на котором М. А. написал заявление).

И его зачислили ассистентом-режиссером в МХАТ. Первое время он совмещал с трамовской службой, но потом отказался там.

Вспоминала и рассказывала рассказ Александра Николаевича Тихонова. Он раз поехал с Горьким (он при нем состоял) к Сталину хлопотать за эрдмановского «Самоубийцу». Сталин сказал Горькому:

— Да что! Я ничего против не имею. Вот — Станиславский тут пишет, что пьеса нравится театру. Пожалуйста, пусть ставят, если хотят. Мне лично пьеса не нравится. Эрдман мелко берет, поверхностно берет. Вот Булгаков!.. Тот здорово берет! Против шерсти берет! (Он рукой показал — и интонационно.) Это мне нравится!

Тихонов мне это рассказывал в Ташкенте в 1942 году, и в Москве после эвакуации — я встретила его около МХАТа.

Потом еще рассказывала, как я Горького в первый раз увидела. Это было в 1921 году в июне (или июле). Мы с Евгением Александровичем пришли к патриарху, чтобы просить разрешения на брак. Дело в том, что я с Юрием Мамонтовичем Нееловым (сыном Мамонта Дальского), моим первым мужем, была повенчана, но не разведена. Мы только в загсе оформили развод. Ну, и надо было поэтому достать разрешение на второй церковный брак у патриарха.

Мы сидели в приемной патриаршего дома. Громадная, длинная комната, пол натерт до зеркального блеска, у всех окон — зелень, на полу — дорожки. Тишина. Пустота. Вдруг дверь на дальней стене открылась и вышел патриарх в чем-то темном, черном или синем, с белым клобуком на голове, седой, красивый, большой.

Правой рукой он обнимал Горького за талию, и они шли через комнату.

На Горьком был серый летний, очень свободный костюм. Казалось, что Горький очень похудел, и потому костюм висит на нем. Голова была голая, как колено, и на голове была тюбетейка. Было слышно, как патриарх говорил что-то вроде: Ну, счастливой дороги...

Потом он, проводив Горького до двери, подошел к нам и пригласил к себе. Сказал:

— Вот пришел проститься, уезжает.

Потом, когда Евгений Александрович высказал свою просьбу, — улыбнулся и рассказал какой-то остроумный анекдот не то о двоеженстве, не то о двоемужестве, — не помню, к сожалению.

И дал, конечно, разрешение.

19 октября [*1956 г.*]

Днем позвонил и приехал Твардовский, привез «Мастера», сказал, что он потрясен, узнав, поняв, наконец, масштаб Булгакова: «Его современники не могут идти ни в какой счет с ним». Еще говорил много о своем впечатлении от романа, но кончил так: «Но я должен откровенно сказать Вам, Е. С., что сейчас нельзя поднимать вопроса о его напечатании. Я надеюсь, что мы вернемся к этому, когда будет реальная возможность». Привез мне в подарок свою книгу «Дом у дороги» с милой надписью. Когда я сказала ему, что

М. А. его любил (а это так), был очень смущен и доволен: а я не думал, что он меня заметил.

20 октября [1965 г.]

Сегодня позвонила жена Солженицына, уговорились, что придут часа в четыре.

Пришли. Не успели поговорить, как пришел Тед и привел с собой некоего Сучкова Федора Федотовича — из «Сельской молодежи» — что-нибудь напечатать просит из Булгакова.

До этого, когда Тед позвонил и мы уславливались, я думала, что они посидят у меня часа два. Но когда они вошли и я увидела лицо Солженицына, увидела, как они оба стали к окну — я должна была повести себя невежливо по отношению к Теду и Ф. Ф. — принять этот приход, как деловой визит и выпроводить их как можно скорей. Они явно обиделись, особенно Ф. Ф. Но мне настолько дорого душевное состояние Солженицына, что я пошла на это.

Он, после ухода тех двух, строго (по своей манере) допросил меня, кто да кто, зачем приходили, откуда я их знаю. Ох, до чего неповторимый человек. И до чего ужасно, что они не встретились с Мих. Аф. — вот была бы дружба, близость, полное понимание друг друга.

На прощанье он крепко поцеловал меня, подарил карточку с хорошей надписью. Сидел, пил чай и говорил, как ему нравится тут, как все уютно, красиво и как ни у кого.

Тяжелый у него период жизни. Завтра идет в ЦК. Обещал потом побывать, рассказать, что и как.

26 января 1967 г.

Вечером, когда мы сидели с И. В. в кухне, позвонил Боборыкин и сказал: человек, который украл у вас «Дьяволиаду», стоит рядом со мной. Он вернет вам ее.

— Пусть он сейчас же принесет книгу, я не доживу до завтра.

— Е. С. не доживет до завтра. (Это Боборыкин — ему):

— Дайте ему трубку! Как его зовут?

— Он хочет остаться неизвестным.

— Хорошо, дайте ему трубку! Я прошу вас...

— Это я говорю, я украл книгу из любви к Булгакову. Но теперь я верну вам ее. Не бойтесь, верну.

— Прошу вас — сегодня — я не могу ждать.

— Вы требуете сегодня?

— Да.

— Хорошо.

Через час звонок. На пороге Боборыкин, возбужденный, в руках — бутылка вина и сверток с апельсинами. А за ним — на площадке тот — с книгой.

Я оттолкнула Боборыкина с его дарами и схватила книгу.

Тот был явно на взводе, невероятно смущен.

Я проверила надпись — на месте.

Повела их в кухню, там их поразил Иг. Вас. — он стоял, гро-

мадный, недружелюбный, даже враждебный. У Боборыкина вывалились апельсины, я взяла из его рук вино, поставила на стол.

Боборыкин:

— Это — тоже писатель, мне даже нравятся его рассказы...

Тот, не решаясь войти в кухню, на пороге, качнувшись вперед:

— Я — ученик Михаила Афанасьевича... Он тоже бы стащил такую книгу... Она была за гвоздем, а я отодвинул гвоздь...

Я стала прощаться с ними.

— Но вы мне обещали книгу...

— Ах, да. Сборник прозы?

Дала сборник. Он поцеловал руку, склонившись до земли.

— Я украл ее из-за Михаила Афанасьевича, а возвращаю ее из-за вас.

25 февраля 1970 г.

Сегодня, наконец, вернулся ко мне тот портрет Миши, с которого он нарочно соскребывал краску. Портрет этот написал, кажется, кто-то Соколов, что ли, слабый художник. Он пришел к М. А. в 1926—27 годах, когда гремели «Турбины», и М. А. неловко ему было отказать, уж очень бедно выглядел, и М. А. показалось, что ему нужны деньги. На портрете молодой Булгаков (да еще в пору такого успеха!) был похож на Победоносцева (по-моему, во всяком случае, — Мишу это повеселило, когда я сказала). Но портрет висел и висел над шкафом книжным. И вот Миша, убедившись, что я крепко сплю, влезал ночью на стул и постепенно соскребывал краски на лице. А по утрам говорил мрачно: это неспроста, это обозначает что-то очень плохое...

Пока я, случайно проснувшись, не увидела, что Миша в подштанниках стоит на стуле и скребет ножичком портрет. Был пойман с поличным.

Я недавно отдала его реставрировать — вот дура! Когда принес Буткевич, я пришла в ужас. Он стал успокаивать — вернут, вернут прежний вид! Потом я уехала в Малеевку, потом болезни, моя, Сергея... И, вот, наконец, вчера дозвонилась...

И привез. Прежний! Прежний. И под стеклом, в рамке. Как я счастлива.

ЗАПИСИ. НАБРОСКИ

Рассказ Миши о чтении «Робеспьера»

Раскольников, Федор Федорович, бывший в то время (примерно, год 1929-й) начальником Главреперткома, написал пьесу «Робеспьер». Он предложил Никитиной, что прочтет ее на одном из никитинских субботников.

Публики собралось необыкновенно много, причем было несколько худруков, вроде Берсенева, Таирова, еще кое-кого — забыла. Актеры были — из подхалимов.

Миша сидел крайним около прохода ряду в четвертом, как ему помнится.

Раскольников кончил чтение и сказал после весьма продолжительных оваций:

— Теперь будет обсуждение? Ну что ж, товарищи, давайте, давайте...

Сказал это начальственно-снисходительно. И Миша тут же решил выступить, не снеся этого тона. Поднял руку.

— Берсенев Иван Николаевич, Александр Яковлевич Таиров... — перечислял и записывал ведущий собрание человек... (Не помню — кто был третьим)... Булгаков... (человек сказал несколько боязливо)... (Дальше пошли другие, поднявшие руки).

Начал Берсенев.

— Так вот, товарищи... мы только что выслушали замечательное произведение нашего дорогого Федора Федоровича! (Несколько подхалимов воспользовались случаем и опять зааплодировали). Скажу прямо, скажу коротко. Я слышал в своей жизни много потрясающих пьес, но такой необычайно подействовавшей на меня, такой... я бы сказал, перевернувшей меня, мою душу, мое сознание... — нет, такой — я еще не слышал! Я сидел как завороженный, я не мог опомниться все время... мне трудно говорить, так я взволнован! Это событие, товарищи! Мы присутствуем при событии! Чувства меня... мне... мешают говорить! Что я могу сказать? Спасибо, низкий поклон вам, Федор Федорович! (И Берсенев поклонился низко Раскольникову под бурные овации зала.)

(Да, а Раскольников, сказав: «Давайте, давайте, товарищи...», сошел с эстрады и сел в третьем ряду, как раз перед Мишей.)

— Следующий, товарищи! — сказал председатель собрания. — А! Многоуважаемый Александр Яковлевич!

И Таиров начал, слегка задыхаясь:

— Да, товарищи, нелегкая задача — выступить с оценкой такого произведения, какое нам выпала честь слышать сейчас! За свою жизнь я бывал много раз на обсуждении пьес Шекспира, Мольера, древних Софокла, Еврипида... Но, товарищи, пьесы эти,

при всем том, что они, конечно, великолепны, — все же как-то далеки от нас! (Гул в зале: пьеса-то тоже несовременная!..) Товарищи!! Да! Пьеса несовременная, но! Наш дорогой Федор Федорович именно гениально сделал то, что, взяв несовременную тему, он разрешает ее таким неожиданным образом, что она становится нам необыкновенно близкой, мы как бы живем во время Робеспьера, во время Французской революции! (Гул, но слов разобрать невозможно.) Товарищи! Товарищи!! Пьеса нашего любимого Федора Федоровича — это такая пьеса, поставить которую будет величайшим счастьем для всякого театра, для всякого режиссера. (И Таиров, сложив руки крестом на груди, а потом беспомощно разведя руками, пошел на свое место под еще более бурные овации подхалимов.)

Затем выступил кто-то третий и сказал:

— Я, конечно, вполне присоединяюсь к предыдущим ораторам в их высокой оценке пьесы нашего многоуважаемого Федора Федоровича! Я только поражен, каким образом выступавшие ораторы не заметили главного в этом удивительном произведении?! Языка!! Я много в своей жизни читал замечательных писателей, я очень ценю, люблю язык Тургенева, Толстого! Но то, что мы слышали сегодня — меня потрясло! Какое богатство языка! Какое разнообразие! Какое — я бы сказал — *своеобразие!* Эта пьеса войдет в золотой фонд нашей литературы хотя бы по своему языковому богатству! Ура! (Кто-то подхватил, поднялись аплодисменты.)

— Кто у нас теперь? — сказал председатель. — Ах, товарищ Булгаков! Прошу.

Миша встал, но не сошел со своего места, а начал говорить, глядя на шею Раскольникова, сидящего, как известно, перед ним.

— Дда... Я внимательно слушал выступления предыдущих ораторов... очень внимательно... (Раскольников вздрогнул.) Иван Николаевич Берсенев сказал, что ни одна пьеса в жизни его не взволновала так, как пьеса товарища Раскольникова. Может быть, может быть... Я только скажу, что мне искренне жаль Ивана Николаевича, ведь он работает в театре актером, режиссером, художественным руководителем, наконец, — уже много лет. И вот, оказывается, ему приходилось работать всегда на материале, оставлявшем его холодным. И только сегодня... Жаль, жаль... Точно также я не совсем понял Александра Яковлевича Таирова. Он сравнивал пьесу товарища Раскольникова с Шекспиром и Мольером. Я очень люблю Мольера. И люблю его не только за темы его пьес (которые он берет для своих пьес), за характеры его героев, но и за удивительно сильную драматургическую технику. Каждое появление действующего лица у Мольера необходимо, обоснованно, интрига закручена так, что звена вынуть нельзя. Здесь же, в пьесе т. Раскольникова (шея Раскольникова покраснела), ничего не поймешь что к чему, почему выходит на сцену это действующее лицо, а не другое. Почему оно уходит? Первый

акт можно свободно выбросить, второй перенести... Как на даче в любительском спектакле!

Что же касается языка, то мне просто как-то обидно за выступавшего оратора, что до сих пор он не слышал лучшего языка, чем в пьесе т. Раскольникова. Он говорил здесь о своеобразии. Да, конечно, это своеобразный язык... вот, позвольте, я записал несколько выражений, особенно поразивших меня... «Он всосал с молоком матери этот революционный пыл»...

Да...

Ну, что ж, бывает. Не удалась пьеса. Не удалась.

После этого, как говорил Миша, произошло то, что бывает на базаре, когда кто-нибудь первый бросил кирпич в стену.

Начался бедлам.

Следующие ораторы предлагали действительно выкинуть какие-то сцены, действующих лиц...

Собрание закончилось. «А сейчас Иван Иванович исполнит полонез Шопена». Шея у Раскольникова стала темно-синей, налилась.

Миша поднялся и направился к выходу. Почувствовав на спине холодок, обернулся и увидел ненавидящие глаза Раскольникова. Рука его тянулась к карману. Миша повернулся к двери. «Выстрелит в спину?»

Будто бы

Михаил Афанасьевич, придя в полную безнадежность, написал письмо Сталину, что так, мол, и так, пишу пьесы, а их не ставят и не печатают ничего, — словом, короткое письмо, очень здраво написанное, а подпись: Ваш Трампазлин.

Сталин получает письмо, читает.

Сталин. Что за штука такая?.. Трам-па-злин... Ничего не понимаю!

(Всю речь Сталина Миша всегда говорил с грузинским акцентом.)

Сталин (нажимает кнопку на столе). Ягоду ко мне!

Входит Ягода, отдает честь.

Сталин. Послушай, Ягода, что это такое? Смотри — письмо. Какой-то писатель пишет, а подпись «Ваш Трам-па-злин». Кто это такой?

Ягода. Не могу знать.

Сталин. Что это значит — не могу? Ты как смеешь мне так отвечать? Ты на три аршина под землей все должен видеть! Чтоб через полчаса сказать мне, кто это такой!

Ягода. Слушаю, ваше величество!

Уходит, возвращается через полчаса.

Ягода. Так что, ваше величество, это Булгаков!

Сталин. Булгаков? Что же это такое? Почему мой писатель пишет такое письмо? Послать за ним немедленно!

Ягода. Есть, ваше величество! (Уходит.)

Будто бы Михаил Афанасьевич, придя в полную безнадежность, написал письмо Сталину, что так, мол, и так, пишу пьесы, а их не ставят и не печатают ничего, — словом, короткое письмо, очень здорово написанное, а подпись: Ваш Трампазлин.
Сталин получает письмо, читает.
— Что за штука такая?.. Трам-па-злин... Ничего не понимаю!
(всю речь Сталина Миша всегда говорил с грузинским акцентом).

Е. С. Булгакова. Страница рукописи

Мотоциклетка мчится — дззз!!! прямо на улицу Фурманова. Дззз!! Звонок, и в нашей квартире появляется человек.

Человек. Булгаков? Велено вас доставить немедленно в Кремль!

А на Мише старые белые полотняные брюки, короткие, сели от стирки, рваные домашние туфли, пальцы торчат, рубаха расхлистанная с дырой на плече, волосы всклокочены.

Булгаков. Тт!.. Куда же мне... как же я... у меня и сапог-то нет...

Человек. Приказано доставить, в чем есть!

Миша с перепугу снимает туфли и уезжает с человеком.

Мотоциклетка — дззз!!! и уже в Кремле! Миша входит в зал, а там сидят Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Ягода.

Миша останавливается у дверей, отвешивает поклон.

Сталин. Что это такое! Почему босой?

Булгаков (разводя горестно руками). Да что уж... нет у меня сапог...

Сталин. Что такое? Мой писатель без сапог? Что за безобразие! Ягода, снимай сапоги, дай ему!

Ягода снимает сапоги, с отвращением дает Мише. Миша пробует натянуть — неудобно!

Булгаков. Не подходят они мне...

Сталин. Что у тебя за ноги, Ягода, не понимаю! Ворошилов, снимай сапоги, может, твои подойдут.

Ворошилов снимает, но они велики Мише.

Сталин. Видишь — велики ему! У тебя уж ножища! Интендантская!

Ворошилов падает в обморок.

Сталин. Вот уж, и пошутить нельзя! Каганович, чего ты сидишь, не видишь, человек без сапог!

Каганович торопливо снимает сапоги, но они тоже не подходят.

Ну, конечно, разве может русский человек!.. Уух, ты!.. Уходи с глаз моих!

Каганович падает в обморок.

Ничего, ничего, встанет! Микоян! А впрочем тебя и просить нечего, у тебя нога куриная.

Микоян шатается.

Ты еще вздумай падать!! Молотов, снимай сапоги!!

Наконец, сапоги Молотова налезают на ноги Мише.

Ну, вот так! Хорошо. Теперь скажи мне, что с тобой такое? Почему ты мне такое письмо написал?

Булгаков. Да что уж!.. Пишу, пишу пьесы, а толку никакого!.. Вот сейчас, например, лежит в МХАТе пьеса, а они не ставят, денег не платят...

Сталин. Вот как! Ну, подожди, сейчас! Подожди минутку.

Звонит по телефону.

Художественный театр, да? Сталин говорит. Позовите мне Константина Сергеевича. (Пауза.) Что? Умер? Когда? Сейчас? (Мише.) Понимаешь, умер, когда сказали ему.

Миша тяжко вздыхает.

Ну, подожди, подожди, не вздыхай.

Звонит опять.

Художественный театр, да? Сталин говорит. Позовите мне Немировича-Данченко. (Пауза.) Что? Умер?! Тоже умер? Когда?.. Понимаешь, тоже сейчас умер. Ну, ничего, подожди.

Звонит.

Позовите тогда кого-нибудь еще! Кто говорит? Егоров? Так вот, товарищ Егоров, у вас в театре пьеса одна лежит (косится на Мишу), писателя Булгакова пьеса... Я, конечно, не люблю давить на кого-нибудь, но мне кажется, это хорошая пьеса... Что? По-вашему тоже хорошая? И вы собираетесь ее поставить? А когда вы думаете? (Прикрывает трубку рукой, спрашивает у Миши: ты когда хочешь?)

Булгаков. Господи! Да хыть бы годика через три!

Сталин. Ээх!.. (Егорову.) Я не люблю вмешиваться в театральные дела, но мне кажется, что вы (подмигивает Мише) могли бы ее поставить... месяца через три... Что? Через три неде-

ли? Ну, что ж, это хорошо. А сколько вы думаете платить за нее?.. (Прикрывает трубку рукой, спрашивает у Миши: ты сколько хочешь?)

Булгаков. Тхх... да мне бы... ну хыть бы рубликов пятьсот!

Сталин. Аайй!.. (Егорову.) Я, конечно, не специалист в финансовых делах, но мне кажется, что за такую пьесу надо заплатить тысяч пятьдесят. Что? Шестьдесят? Ну, что ж, платите, платите! (Мише.) Ну, вот видишь, а ты говорил...

После чего начинается такая жизнь, что Сталин прямо не может без Миши жить — все вместе и вместе. Но как-то Миша приходит и говорит:

Булгаков. Мне в Киев надыть бы поехать недельки бы на три.

— Ну, вот видишь, какой ты друг? А я как же?

Но Миша уезжает все-таки. Сталин в одиночестве тоскует без него.

— Эх, Михо, Михо!.. Уехал. Нет моего Михо! Что же мне делать, такая скука, просто ужас!.. В театр, что ли, сходить?.. Вот Жданов все кричит — советская музыка! советская музыка!.. Надо будет в оперу сходить.

Начинает всех сзывать по телефону.

— Ворошилов, ты? Что делаешь? Работаешь? Все равно от твоей работы толку никакого нет. Ну, ну, не падай там! Приходи, в оперу поедем. Буденного захвати!

— Молотов, приходи сейчас, в оперу поедем! Что? Ты так заикаешься, что я ничего не понимаю! Приходи, говорю! Микояна бери тоже!

— Каганович, бросай свои еврейские штучки, приходи, в оперу поедем.

— Ну, что, Ягода, ты, конечно, уж подслушал все, знаешь, что мы в оперу едем. Готовь машину!

Подают машину. Все рассаживаются. В последний момент Сталин вспоминает:

Сталин. Что же это мы самого главного специалиста забыли? Жданова забыли! Послать за ним в Ленинград самый скоростной самолет!

Дззз!.. Самолет взвивается и через несколько минут спускается — в самолете Жданов.

Сталин. Ну, вот, молодец! Шустрый ты у меня! Мы тут решили в оперу сходить, ты ведь все кричишь — расцвет советской музыки! Ну, показывай! Садись. А, тебе некуда сесть? Ну, садись ко мне на колени, ты маленький.

Машина — дззз... — и они все входят в правительственную ложу филиала Большого театра.

А там, в театре, — уже дикая суета, знают, что приезжает начальство, Яков Л. звонил по телефону Самосуду, у того ангина, к Шостаковичу. Самосуд через пять минут приезжает в театр — горло перевязано, температура. Шостакович — белый от страху —

тоже прискакал немедленно. Мелик во фраке, с красной гвоздикой в петличке готовится дирижировать — идет второй раз «Леди Макбет». Все взволнованы, но скорее приятно взволнованы, так как незадолго до этого хозяин со свитой был на «Тихом Доне», на следующий день все главные участники спектакля были награждены орденами и званиями. Поэтому сегодня все — и Самосуд, и Шостакович, и Мелик ковыряют дырочки на левой стороне пиджаков.

Правительственная ложа уселась. Мелик яростно взмахивает палочкой и начинается увертюра. В предвкушении ордена, чувствуя на себе взгляды вождей, — Мелик неистовствует, прыгает, рубит воздух дирижерской палочкой, беззвучно подпевает оркестру. С него градом течет пот. «Ничего, в антракте переменю рубашку», — думает он в экстазе.

После увертюры он косится на ложу, ожидая аплодисментов, — шиш.

После первого действия — то же самое, никакого впечатления. Напротив — в ложе дирекции — стоят: Самосуд с полотенцем на шее, белый, трясущийся Шостакович и величественно-спокойный Яков Леонтьевич — ему нечего ждать. Вытянув шеи, напряженно смотрят напротив в правительственную ложу. Там — полнейшее спокойствие.

Так проходит весь спектакль. О дырочках никто уже не думает. Быть бы живу...

Когда опера кончается, Сталин встает и говорит своей свите:

— Я попрошу товарищей остаться. Пойдемте в аванложу, надо будет поговорить.

Проходят в аванложу.

— Так вот, товарищи, надо устроить коллегиальное совещание. (Все садятся.) Я не люблю давить на чужие мнения, я не буду говорить, что, по-моему, это какофония, сумбур в музыке, а попрошу товарищей высказать совершенно самостоятельно свои мнения.

Сталин. Ворошилов, ты самый старший, говори, что ты думаешь про эту музыку?

Ворошилов. Так что, вашество, я думаю, что это — сумбур.

Сталин. Садись со мной рядом, Клим, садись. Ну, а ты, Молотов, что ты думаешь?

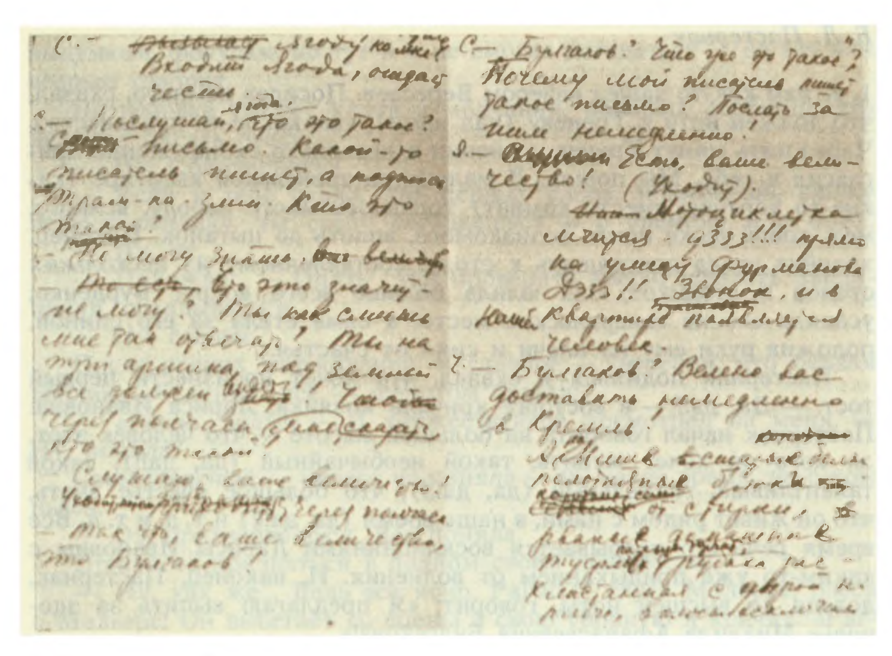
Молотов. Я, вваше ввеличчество, ддумаю, что это ккакофония.

Сталин. Ну, ладно, ладно, пошел уж заикаться, слышу! Садись здесь около Клима. Ну, а что думает наш сионист по этому поводу?

Каганович. Я так считаю, ваше величество, что это и какофония и сумбур вместе!

Сталин. Микояна спрашивать не буду, он только в консервных банках толк знает... Ну, ладно, ладно, только не падай! А ты, Буденный, что скажешь?

Буденный (поглаживая усы). Рубать их всех надо!



Е. С. Булгакова. Страницы рукописи

Сталин. Ну, что ж уж сразу рубать? Экий ты горячий! Садись ближе! Ну, итак, товарищи, значит все высказали свое мнение, пришли к соглашению. Очень хорошо прошло коллегиальное совещание. Поехали домой.

Все усаживаются в машину. Жданов растерян, что его мнения не спрашивали, вертится между ногами у всех.

Пытается сесть на старое место, то есть на колени к Сталину.

Сталин. Ты куда лезешь? С ума сошел? Когда сюда ехали, уж мне ноги отдавил! Советская музыка!.. Расцвет!.. Пешком дойдешь!

На утро в газете «Правда» статья:

Сумбур в музыке. В ней несколько раз повторяется слово «какофония».

Настоящий писатель создает свои произведения ценой своего здоровья, своей жизни.

Умирая, он шутил с той же силой юмора, остроумия. Рассказывал тархановские истории.

1. К нам как-то зашел вечером Вересаев. Посидев немного, сказал, что должен идти к Треневу (над нами), там какое-то празднество. Через пять минут Тренев позвонил и несколько сконфуженно пригласил к себе. Мы пошли. В маленькой треневской квартире (какие-то контуры вместо комнат) толкалось много народу, всякого, меж собой даже почти незнакомого, вплоть до цыганок. Наконец, хозяйка стала приглашать к столу, составленному из нескольких столов и столиков; она юлила больше всего вокруг Бурденко; усадила его на генеральское место, а сама стала за его спиной, положив руки ему на плечи и сияя от счастья.

Пастернак поднялся и сказал, что хочет произнести первый тост. — Да, да!! — в восторге кричала хозяйка, Лариса Ивановна. Пастернак начал говорить на большой высоте — что человек этот, за кого он хочет выпить, такой необычайный (да, да!!), такой талантливый, гениальный (да, да!!!), что большое счастье знать, что он живет рядом с нами, в наше время (да, да!!!) и т. д. и т. д. Все время речь его прерывается восклицаниями Ларисы Ивановны с каким-то уже придыханием от волнения. И, наконец, Пастернак, доведя до высшей ноты, говорит: «Я предлагаю выпить за здоровье Михаила Афанасьевича Булгакова!»

— Нет, нет!!! — взвизгивает хозяйка. — Мы должны выпить за здоровье Егора Нилыча Бурденко! (может быть, я путаю имя, отчество).

— Ну, конечно, конечно, мы выпьем потом и за Егора Нилыча, — спокойно говорит Пастернак, — но Егор Нилыч — явление законное, а Булгаков — незаконное!

2. Когда Миша был уже очень болен, и все понимали, что близок конец, стали приходить — кое-кто из писателей, кто никогда не бывал... Так, помню приход Федина. Это — холодный человек, холодный, как собачий нос. Пришел, сел в кабинете около кровати Мишиной, в кресле. Как будто — по обязанности службы. Быстро ушел. Разговор не клеился. Миша, видимо, насквозь все видел и понимал. После его ухода сказал: «Никогда больше не пускай его ко мне». А когда после этого был Пастернак, вошел, с открытым взглядом, легкий, искренний, сел верхом на стул и стал просто, дружески разговаривать, всем своим существом говоря: «Все будет хорошо», — Миша потом сказал: «А этого всегда пускай, я буду рад».

Как-то осенью 1929 года Михаил Афанасьевич очень уж настойчиво звал по телефону — придти к нему на Пироговскую. Пришла. Он запер тщательно все двери — входную, из передней в столовую, из столовой в кабинет. Загнал меня в угол около круглой черной печки и, все время оглядываясь, шепотом сказал, что есть важнейшее известие, сейчас скажет. Я привыкла к его розыгрышам,

выдумкам, фокусам, но тут и я не смогла догадаться — шутит или всерьез говорит.

Потребовав тысячу клятв в молчании, наконец, сообщил, что надумал писать пьесу.

— Ну! Современную!

— Если я тебе скажу два первых слова, понимаешь, скажу первую реплику, ты сразу догадаешься и о времени и о ком...

— Ну, ну...

— Подожди... — Опять стал проверять двери, шептать заклинания, оглядываться.

— Ну, говори.

После всяких отнекиваний, а главное — уверений, что первая реплика объясняет все, — шепотом сказал:

— «Рагно, воды!» — И торжествующе посмотрел на меня. — Ну, поняла?

Срам ужасный — ничего не поняла — ни какое время, ни о ком пьеса.

— Ээ, притворяешься. Все поняла.

Пришлось признаться в полном своем невежестве.

— Ну, как же... Ведь все ясно. Рагно — слуга Мольера, пьеса о Мольере! Он выбегает со сцены в свою уборную и кричит: «Рагно, воды!», утирает лоб полотенцем. Но, смотри, ни-ко-му ни слова!

Рагно потом превратился в Бутона, а реплика укоротилась: *Мольер* (сбрасывая плащ, переводя дух): Воды!

Пьесу писал больше всего по утрам, вставал рано, часов в шесть, зажигал свечи — канделябр, поставив его на печку, стоявшую рядом с круглой печью. Сам в халате, надев наушники и слушая утреннюю музыку, садился к этой печке и писал. Первый вариант, первый черновик сравнительно мало отличался от последней редакции.

Потом попросил, чтобы я перевезла на Пироговскую свой «ундервуд». Начал диктовать. Таких машинных перепечатываний было...

Реперткомм — запрещение, потом (с сокращениями, измененным названием) разрешение.

Потом, уже работая с МХАТом, диктовал дополнения, диктовал с ненавистью к этим дурацким требованиям, — злился хуже, чем на вычерки Реперткома.

〈*О рассказе «Был май...»*〉

Написано М. А. Булгаковым (продиктовано Е. С. Булгаковой) 17 мая 1934 года сразу же после прихода домой в Нащокинский пер. из АОМСа (административный отдела Московского Совета), куда мы были вызваны для получения заграничных паспортов — после того, как М. А. написал просьбу о них на имя А. С. Енукидзе.

17 мая по телефону некий т. Бориcполец сказал М. А-чу, чтобы

мы пришли, взяв с собой паспорта и фотокарточки, для получения паспортов. В АОМСе он встретил нас очень любезно, подтвердил сказанное, дал анкеты для заполнения, сказал, что мы получим валюту. Перед ним на столе лежали два красных паспорта. Когда мы внизу заполняли анкеты, в комнату вошли двое: женщина и мужчина. Меня очень смешил М. А. во время заполнения анкеты, по своему обыкновению. Те пришедшие присматривались очень внимательно, как мы сообразили потом. Паспортов нам Борисполец не выдал, «паспортистка ушла», — сказал. Перенес на 19-е. С 19-го на 20-е и т. д. Через несколько дней мы перестали ходить. А потом, в начале июня, кажется, 7-го, во МХАТе от Ивана Сергеевича, который привез всем мхатовцам гору паспортов, — мы получили две маленькие бумажки — отказ. На улице М. А. стало плохо, я довела его до аптеки. Там его уложили, дали капли. На улице стоял Безыменский около своей машины. «Ни за что не попрошу», — подумала я. Подъехала свободная машина, и на ней отвезла Мишу. Потом он долго болел, у него появился страх пространства и смерти.

А эту главку он продиктовал мне 17 мая, — она должна была быть первой главой будущей книги путешествия. «Я не узник больше! — говорил Миша счастливо, крепко держа меня под руку на Цветном бульваре. — Придем домой, продиктую тебе первую главу...»

У «Записок покойника», или «Театрального романа», как у всех вещей Михаила Афанасьевича, есть своя история.

В сентябре 1929 года, когда я отдыхала на Кавказе, Михаил Афанасьевич написал мне, что он «готовит к приезду подарок, достойный...» (У него была манера обрывать фразу на самом интересном месте.)

Вернувшись в Москву, я получила от него этот таинственный подарок. Он протянул мне тоненькую тетрадку, написанную его характерным почерком и открытую на первой странице.

Выглядела она так:

Тайному другу.

1

Открытка.

Бесценный друг мой! Итак, Вы настаиваете на том, чтобы я сообщил Вам в год катастрофы, каким образом я сделался драматургом...

Потом шло первое письмо, и в нем начинался рассказ.

Но слишком была заполнена жизнь Михаила Афанасьевича работой, причем всегда срочной. Инсценировка «Мертвых душ», «Жизнь Мольера», «Кабала святош», работа ассистентом-режиссером во МХАТе... И тетрадка лежала без движения. До 1936 года.

Да, в 1932 году М. А. подарил мне книгу своих молодых рассказов, написав на ней: Тайному другу, ставшему явным...

В 1936 году Михаил Афанасьевич ушел из МХАТа, перешел на работу в Большой театр — консультантом-либреттистом. МХАТ отодвинулся, стал виден яснее, стал сюжетом для произведения. И 26 ноября, вернувшись из театра, Михаил Афанасьевич зажег свечи на столе своего бюро и стал работать. А через два часа, потирая руки от удовольствия, он предложил мне послушать. Это была первая глава «Записок покойника». И так, день за днем, он писал эту вещь, писание доставляло ему громадное наслаждение.

В 1938 году он отложил «Записки» для двух своих последних пьес, но главным образом для того, чтобы привести в окончательный вид свой роман «Мастер и Маргарита». Он повторял, что в 1939 году он умрет и ему необходимо закончить Мастера, это была его любимая вещь, дело его жизни.

И «Записки покойника» оборвались на незаконченной фразе.

План последней пьесы (насколько помню), задуманной М. А. Булгаковым

Первая картина. Кабинет. Громадный письменный стол. Ковры. Много книг на полках. В кабинет входит писатель — молодой человек развязного типа. Его вводит военный (НКВД) и уходит. Писатель оглядывает комнату. В это время книжная полка быстро поворачивается, и в открывшуюся дверь входит человек в форме НКВД (Ричард Ричардович). Начинается разговор. Вначале ошеломленный писатель приходит в себя и начинает жаловаться на свое положение, настаивает на своей гениальности, просит, требует помощи, уверяет, что может быть очень полезен. Ричард в ответ произносит монолог о наглости. Но потом происходит соглашение. Писатель куплен, обещает написать пьесу на нужную тему. Ричард обещает помощь, обещает продвинуть пьесу, приехать на премьеру. Конец картины.

Вторая картина. Мансарда, где живет писатель со своей женой. Бедность, неряшество. Жена раздражена. Входит писатель, внешне оживлен, но внутренно смущен — сдал позиции. Рассказывает, что попугай на улице вынул для него билетик «с счастьем». Потом сообщает о разговоре с Ричардом. Ссора с женой. Она уходит от него. Писатель один. Это его в какой-то мере устраивает. Он полон надежд, начинает обдумывать будущую пьесу.

Третья картина (второй акт). За кулисами театра. Старики и молодежь. (В пользу молодежи написаны характеры.) Появляется писатель. Разговоры о ролях, о репетициях.

Четвертая картина. Там же. Генеральная. За кулисы приходит Ричард. Приглашает ведущих актеров и автора к себе на дачу — после премьеры.

Пятая картина (третий акт). Загородная дача. Сад. Стена из

роз на заднем плане. Ночь. Сначала общие разговоры. Потом на сцене остаются Ричард и женщина (жена или родственница знаменитого писателя). Объяснение. Ричард, потеряв голову, выдает себя полностью, рассказывает, что у него за границей — громадные капиталы. Молит ее бежать с ним за границу. Женщина, холодная, расчетливая, разжигает его, но прямого ответа не дает, хотя и не отказывается окончательно. Ее зовут в дом, она уходит. Ричард один. Взволнован. Внезапно во тьме, у розовых кустов, загорается огонек от спички. Раздается голос: «Ричард!...» Ричард в ужасе узнает этот голос. У того — трубка в руке. Короткий диалог, из которого Ричард не может понять — был ли этот человек с трубкой и раньше в саду? — «Ричард, у тебя револьвер при себе?» — «Да». — «Дай мне». Ричард дает. Человек с трубкой держит некоторое время револьвер на ладони. Потом медленно говорит: «Возьми. Он может тебе пригодиться». Уходит. Занавес.

Четвертый акт. Шестая картина. За кулисами театра. Общее потрясение — известие об аресте Ричарда. О самоубийстве его... О том, что он — враг... Пьеса летит ко всем чертям. Автор вылетает из театра.

Седьмая картина. Мансарда. Там жена писателя. Появляется уничтоженный автор. Все погибло. Он умоляет простить, забыть. Уговаривает, что надо терпеливо ждать следующего случая...

Ричард — Яго. Писатель — типа В. У него намечался роман с одной из актрис театра.

Как педель Максим спас Николку

(Со слов Ксении Александровны Булгаковой — записано в августе 1968 г. в Марианских Лазнях.)

Когда украинцы пришли, они потребовали, чтобы все офицеры и юнкера собрались в Педагогическом музее Первой гимназии (музей, где собирались экспонаты работ гимназистов). Все собрались. Двери заперли. Коля сказал: «Господа, нужно бежать, это ловушка». Никто не решался.

Коля поднялся на второй этаж (помещение этого музея он знал, как свои пять пальцев), и через какое-то окно выбросился во двор — во дворе был снег, и он упал в снег. Это был двор их гимназии, и Коля пробрался в гимназию, где ему встретился Максим (педель). Нужно было сменить юнкерскую одежду. Максим забрал его вещи, дал ему надеть свой костюм. И Коля другим ходом выбрался — в штатском — из гимназии и пошел домой.

Другие были расстреляны.

ИЗ ПИСЕМ К НИКОЛАЮ АФАНАСЬЕВИЧУ БУЛГАКОВУ

Москва. 14 сентября 1960 г.

Дорогой Никол, прошел 21 год со времени получения письма от Вас — от 21.VI.39. Это было еще при жизни Миши. Мы никак не могли объяснить себе наступившего после этого молчания. Миша умер 10 марта 1940 г. У него была неизлечимая болезнь — нефросклероз, гипертоническая болезнь. Затем война. В моей жизни новое горе — умер сын. Я не задаю сейчас Вам никаких вопросов и не пишу о себе, буду ждать ответа от Вас. Пишу на этот адрес, кроме того, на адрес Ваш и Ивана Афанасьевича — квартирный. Мой адрес сейчас: Москва, Г-19, Суворовский бульвар, 25, кв. 23.

Шлю сердечный привет Вам и всей семье.

Елена Булгакова.

17 октября 1960 г.

Дорогие Ксения Александровна и Николай Афанасьевич, с большой радостью получила вчера Ваше письмо от 11 октября. Кстати, напишите мне, пожалуйста, когда Вы получили мое письмо и от какого числа? Дело в том, что я на адрес лаборатории профессора д'Эреля послала Вам два письма. Кроме того, на старые квартирные адреса — Ваш и Ивана Афанасьевича — на rue Duval — тоже два письма, но они вернулись обратно. Одновременно с этим письмом я выслала Вам книгу Миши — две пьесы: «Дни Турбиных» и «Последние дни (Пушкин)». Эта книга вышла в московском издательстве «Искусство» в 1955 году, разошлась в течение первых же дней и стала уникальной. Мне очень хотелось бы, если это Вам интересно, — а в этом я не сомневаюсь, — выслать Вам также его книгу «Жизнь Мольера». Помните, Вы еще выслали ему фотографию памятника Мольеру, которая была ему нужна для книги?

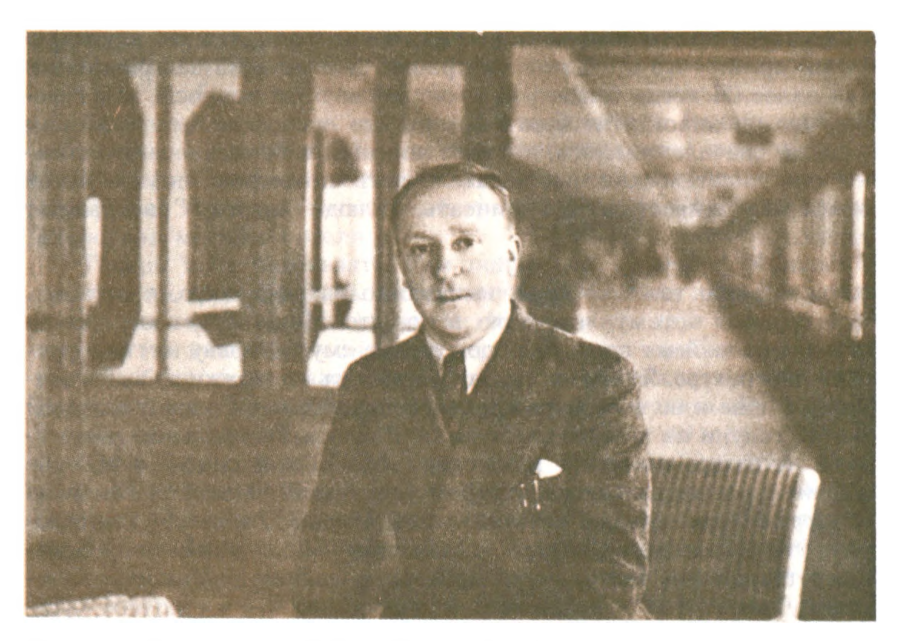
Из пьес Мишиных идут: в МХАТе — «Последние дни» уже раз 300, и «Мертвые души», по Гоголю, больше 700 раз. В театре Станиславского — «Дни Турбиных» — около 600 раз (не считая прошедших около тысячи раз спектаклей во МХАТе) — Мишины вещи любит советский зритель, сборы всегда полные. В Ленинграде, в бывш. Александринке, теперь Театр имени Пушкина, — идет «Бег». Он шел еще в Сталинграде. Что делается на периферии — я не знаю, так как в 1955 году кончились авторские, по закону — 15 лет. Про дружественные страны знаю, что «Бег» идет в Польше и Чехословакии, в Праге. Мне прислали из обеих стран письма, фотографии актеров с автографами, афиши, программы. «Бег» получил и у нас на «Волжской весне» — премию для театра, также и на польском фестивале этого года. Половину своего об-

работанного уже мной архива Миши я сдала в Пушкинский дом при Академии наук СССР в Ленинграде, а над другой частью еще работаю. Вчера получила из редакции газеты «Литература и жизнь» сообщение — вырезку из газеты о «неизвестной пьесе М. Булгакова». Я, конечно, знала о ней, но рукописи у нас не было. Вообще до нашей с ним встречи он уничтожал все свои рукописи, оставляя только машинопись. Но с 1930 года я сохранила каждый листок, каждую строчку. Сначала Миша подсмеивался, а потом стал мне помогать в этом и ничего не выбрасывал. На глазах у всех Миша стал успокаиваться, как-то, если можно так выразиться, расцветать внешне, и к 1939-му году он был прелестен и внешне и душевно. Так что все его обычные разговоры о скорой смерти (а он их вел всегда в самой юмористической форме, за столом с друзьями — и все, глядя на его актерские показы и слушая его блестящий текст — не могли удержаться от смеха). Но так как он их вел всегда, то раз в год (обычно весной) я заставляла его проделывать всякие анализы и просвечивания. Все давало хороший результат, и единственное, что его мучило часто, это были головные боли, но он спасался от них тройчаткой — кофеин, фенацетин, пирамидон. Но осенью 1939 года болезнь внезапно свалила его, он ощутил резкую потерю зрения (это было в Ленинграде, куда мы поехали отдыхать), — и профессор, обследовав его, сказал: «Ваше дело плохо. Немедленно уезжайте домой». Эта докторская жестокость повторилась и в Москве — врачи не подавали ему надежды, говоря: «Вы же сами врач, и все понимаете». Миша всегда, с самого первого дня, когда попросил, чтобы я была с ним, взял у меня клятву, что я не отдам его в больницу, что он умрет у меня на руках, — предупреждая о том, что с ним будет все, как с отцом, Афанасием Ивановичем. И даже год сказал — 1939-й. Врачи мне тоже говорили, что это вопрос трех-четырех дней. Но Миша прожил после этого еще семь месяцев, как он говорил: «Потому, что верю тебе». А я клялась ему, что он выздоровеет. Когда все это было, я думала, что страшнее этого в моей жизни ничего не будет. Но через 17 лет все это повторилось, как это ни странно, с моим старшим сыном, 35-летним человеком.

Простите за тяжелое письмо, но Вам же надо все это знать. Вы так любите Мишу, и он Вас любил невероятно сильно. Николка в «Днях Турбиных», в «Белой гвардии», в рассказе «Красная корона», в одном черновике романа, — все это посвящено Вам...

13 ноября 1960 г.

...Сегодня Ваше письмо, так обрадовавшее меня, пришло сразу после одного очень приятного телефонного звонка: мне сообщили, что в журнале «Театральная жизнь» № 21 есть статья о Черкасове, где очень интересно разбирается его исполнение роли Хлудова в Мишиной пьесе «Бег» (она идет в Александринском театре в Ленинграде), и помещена большая фотография Черкасова в этой роли. Этого факта в 1939 году тоже не могло быть, — и пьеса



Николай Афанасьевич Булгаков. Париж. 30-е годы

не шла, хотя она написана в 1927 году, и такой рецензии бы не было.

Я собираю все, что могу. Архив, как сказал великий специалист этого дела, покойный профессор Борис Викторович Томашевский, посмотрев у меня на квартире архив — «цены не имеет!» И это он главным образом был инициатором дела передачи архива в Пушкинский Дом. Начал собирать и приводить в порядок его — Миша. За 20 лет после его смерти я продолжала доставать всевозможный материал и делать такие же альбомы — как делал Миша по «Турбиным» — по другим его пьесам. Видимо, архив представляет интерес, так как недавно ко мне обратились из двух московских музеев и из Ленинской библиотеки — с просьбой о передаче архива. Но я, конечно, хочу, чтобы фонд был единый, и потому буду и дальше передавать Пушкинскому Дому. Хотя мне было бы гораздо удобнее, чтобы архив был в Москве, так как ездить в Ленинград — если мне бы нужно было для работы — мне трудно материально. Вот факт интереса к архиву — тоже свидетельство изменений и очень больших в нашей жизни...

Конечно, Ваше предложение написать о Мише меня страшно обрадовало. Вы знаете тот период его жизни, когда я еще не была с ним знакома. И хотя он мне много рассказывал о своей молодости, но все-таки это же не написано. Из-за того, что не вышла до сих пор Мишина биография (а я надеюсь, что она скоро выйдет!), среди людей, не знающих его, но интересующихся им,

существует много сказок и легенд, вроде того, что он служил в белой армии, что он был в эмиграции, что он жил за границей и так далее. И когда бывает, что мне задают эти вопросы, и я говорю, что он никогда не был в армии, что он всегда был штатским врачом, сначала земским, а потом частным в Киеве, — и что только его писательская наблюдательность позволила ему с такой яркостью, живостью все описать, — люди широко раскрывают глаза...

5 декабря 1960 г.

...После всего тяжкого горя, выпавшего на мою долю, я осталась цела только потому, что верю в то, что Миша будет оценен по заслугам и займет свое, принадлежащее ему по праву место в русской литературе. Я Вам постараюсь прислать выдержки из выступлений о Мише и во время гражданской панихиды в Союзе писателей в 1940 году, и на вечере памяти в 1940 году в Театральном обществе, и на вечере памяти в 1960 году в МХАТе. Я сидела в МХАТе в фойе (я связана с этим театром уже более 40 лет) и, глядя на портрет Миши, думала: «Ты слышишь, Миша? Это о тебе так говорят! Это тебе играет Рихтер, это для тебя поет лучший тенор Большого театра (он пел по моей просьбе — любимую Мишину „Эпиталаму")».

16 января 1961 г.

Дорогие Никол и Ксения! Сейчас только ушла от меня Надежда, она провела у меня целый день. Принесла мне Ваше, Никол, письмо от 27 ноября 1960 года, которое она получила 4 декабря. А я ей показала Ваши письма ко мне. Ваше письмо Наде я попросила оставить на время у меня, так как мне хочется на многое в нем ответить...

Мишина могила часто вызывает такое восхищение, что ко мне звонят незнакомые и говорят об этом. Она устроена таким образом.

Я долго не оформляла могилы, просто сажала цветы на всем пространстве, а кругом могилы посажены мной четыре грушевых дерева, которые выросли за это время в чудесные высокие деревья, образующие зеленый свод над могилой. Я никак не могла найти того, что бы я хотела видеть на могиле Миши — достойного его. И вот однажды, когда я по обыкновению зашла в мастерскую при кладбище Новодевичьем, — я увидела глубоко запрятавшуюся в яме какую-то глыбу гранитную. Директор мастерской, на мой вопрос, объяснил, что это — Голгофа с могилы Гоголя, снятая с могилы Гоголя, когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили. С большим трудом, так как этот гранит труден для обработки, как железо, рабочие вырубили площадочку для надписи: *Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. 1891—1940* (четыре строчки. Золотыми буквами). Вы сами понимаете, как это подходит к Мишиной могиле — Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя. Теперь каждую весну я сажаю только газон. По-

лучается изумрудный густой ковер, на нем Голгофа, над ней купол из зеленых густых ветвей. Это поразительно красиво и необычно, как был необычен и весь Миша — человек и художник...

Вырезать те строки, которые Вы предлагаете (мысль сама по себе чудесная и верная) — невозможно, так как, повторяю, на этом граните ничего вырезать невозможно, тем более мелким шрифтом. Эту глыбу — морской гранит — привез Аксаков специально для могилы Гоголя...

Теперь хочу рассказать Вам подробнее о смерти Миши, как это мне ни трудно делать. Но я понимаю, что Вам надо это знать. Когда мы с Мишей поняли, что не можем жить друг без друга (он именно так сказал), — он очень серьезно вдруг прибавил: «Имей в виду, я буду очень тяжело умирать, — дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках». Я нечаянно улыбнулась — это был 1932-й год, Мише было 40 лет с небольшим, он был здоров, совсем молодой... Он опять серьезно повторил: «Поклянись». И потом в течение нашей жизни несколько раз напоминал мне об этом. Я настаивала на показе врачу, на рентгене, анализах и т. д. Он проделывал все это, все давало успокоение, и тем не менее, он назначил 39-й год, и когда пришел этот год, стал говорить в легком шутливом тоне о том, что вот — последний год, последняя пьеса и т. д. Но так как здоровье его было в прекрасном проверенном состоянии, то все эти слова никак не могли восприниматься серьезно. Говорил он об этом всегда за ужином с друзьями, в свойственной ему блестящей манере, с светлым юмором, так что все привыкли к этому рассказу. Потом мы поехали летом на юг, и в поезде ему стало нехорошо, врачи мне объяснили потом, что это был удар по капиллярным сосудам. Это было 15 августа 1939 года. Мы вернулись в тот же день обратно из Тулы (я нашла там машину) в Москву. Вызвала врачей, он пролежал несколько времени, потом встал, затосковал, и мы решили для изменения обстановки уехать на время в Ленинград. Уехали 10 сентября, а вернулись через четыре дня, так как он почувствовал в первый же день на Невском, что слепнет. Нашли там профессора, который сказал, проверив его глазное дно: «Ваше дело плохо». Потребовал, чтобы я немедленно увезла Мишу домой. В Москве я вызвала известнейших профессоров — по почкам и глазника. Первый хотел сейчас же перевезти Мишу к себе в Кремлевскую больницу. Но Миша сказал: «Я никуда не поеду от нее». И напомнил мне о моем слове.

А когда в передней я провожала профессора Вовси, он сказал: «Я не настаиваю, так как это вопрос трех дней». Но Миша прожил после этого полгода. Ему становилось то хуже, то лучше. Иногда он даже мог выходить на улицу, в театр. Но постепенно ослабевал, худел, видел все хуже. (Вы многое узнаете из тех материалов, которые есть у моего брата.) Мы засыпали обычно во втором часу ночи, а через час-два он будил меня и говорил: «Встань, Люсенька, я скоро умру, поговорим». Правда, через короткое время он уже

острил, смеялся, верил мне, что выздоровеет непременно, и выдумывал необыкновенные фельетоны про МХТ, или начало нового романа, или вообще какие-нибудь юмористические вещи. После чего, успокоенный, засыпал. Как врач, он знал все, что должно было произойти, требовал анализы, иногда мне удавалось обмануть его в цифрах анализа, — когда белок поднимался слишком высоко.

Люди, друзья, знакомые и незнакомые, приходили без конца. Многие ночевали у нас последнее время — на полу. Мой сын Женичка перестал посещать школу, жил у меня, помогал переносить надвигающийся ужас, Елена тоже много была у нас, художники В. Дмитриев и Б. Эрдман (оба теперь умершие) каждый день приходили, жили Ермолинские (друзья), сестры медицинские были безотлучно, доктора следили за каждым изменением. Но все было напрасно. Силы уходили из него, его надо было поднимать двум-трем человекам. Каждый день, когда сменялось белье постельное. Ноги ему не служили. Мое место было — подушка на полу около его кровати. Он держал руку все время — до последней секунды. 9-го марта врач сказал часа в три дня, что жизни в нем осталось два часа, не больше. Миша лежал как бы в забытьи. Накануне он безумно мучился, болело все. Велел позвать Сережу. Положил ему руку на голову. Сказал: «Свету!..» Зажгли все лампы. А 9-го после того, как прошло уже несколько часов после приговора врача, очнулся, притянул меня за руку к себе. Я наклонилась, чтобы поцеловать. И он так держал долго, мне показалось — вечность, дыхание холодное, как лед, — последний поцелуй. Прошла ночь. Утром 10-го он все спал (или был в забытьи), дыхание стало чаще, теплее, ровнее. И я вдруг подумала, поверила, как безумная, что произошло то чудо, которое я ему все время обещала, то чудо, в которое я заставляла его верить, — что он выздоровеет, что это был кризис. И когда пришел к нам часа в три 10-го марта Леонтьев (директор Большого театра), большой наш друг, тоже теперь умерший, — я сказала ему: «Посмотрите, Миша выздоровеет! Видите?» — А у Миши, как мне и Леонтьеву показалось, появилась легонькая улыбка. Но, может быть, это показалось нам... А может быть, он услышал?

Через несколько времени я вышла из комнаты и вдруг Женичка прибежал за мной: «Мамочка, он ищет тебя рукой» — я побежала, взяла руку, Миша стал дышать все чаще, чаще, потом открыл неожиданно очень широко глаза, вздохнул. В глазах было изумление, они налились необычайным светом. Умер. Это было в 16 ч. 39 м. — как записано мной в тетради. Во время болезни я стала сначала записывать предписания врача, потом прибавилась полная запись дня, когда, какое лекарство принял, что ел, когда и сколько спал. Потом — его слова, потом, в последнее время его ухудшение состояния, — тяжелые минуты потери памяти (очень редкие), галлюцинации, и наконец подробные записи последних дней его страданий. Лицо его настолько изменилось от переносимых им страданий, что его почти нельзя было узнать. Я с ужасом

думала — никогда не увижу Мишу, каким знала. А после смерти лицо стало успокоенным, счастливым почти, молодым. На губах — легкая улыбка. Все это, не я одна видела, об этом с изумлением говорили все видевшие его.

А 4-го марта на рассвете меня разбудила сестра милосердия и сказала: «М. А. зовет вас, хочет проститься». Я подошла, он покосился в сторону сестры, ожидая, что она догадается уйти, но она отвернувшись к окну, не уходила. Тогда он проделал шутку, которая всегда смешила меня, — как бы плюнул легко в сторону сестры, тихонько. А потом, сразу став серьезным, сказал мне прощальные слова, каких не говорил никогда. А уж чего я не слышала от него. Потом ему стало худо, и он отшатнулся, упал на подушку и стал холодеть и синеть у меня на глазах. Я взяла его голову и стала судорожно говорить ему, как мы скоро поедем с ним в Италию, как он там поправится, как хорошо ехать в вагоне, как ветер вздувает занавески... И он стал оживать и бормотать: «Еще, еще про занавески, про ветер».

И когда вечером пришел доктор, он сказал: «Вы знаете, Николай Антонович, я сегодня умирал у нее на руках, и воскрес».

Простите меня, Никол, я знаю, что Вам тяжело будет все это читать. Но ведь я чувствую все время, что Вы ждете от меня рассказа о его последних минутах. Он умирал так же мужественно, как и жил. Вы очень верно сказали о том, что не всякий выбрал бы такой путь. Он мог бы, со своим невероятным талантом, жить абсолютно легкой жизнью, заслужить общее признание. Пользоваться всеми благами жизни. Но он был настоящий художник — правдивый, честный. Писать он мог только о том, что знал, во что верил. Уважение к нему всех знавших его или хотя бы только его творчество — безмерно. Для многих он был совестью. Утрата его для каждого, кто соприкасался с ним, — невозвратима.

24 февраля 1961 г.

...Вы спрашиваете, почему я посадила груши на Мишиной могиле? Я хотела — вишневые деревья, но в ту пору не нашлось их. И предложили груши, я согласилась. Сейчас это очень густые, высокие деревья, дающие большие вкусные плоды — к сожалению — так как на них охотятся работники мастерской (памятников) при кладбище. В прошлом году я обратилась с жалобой директору, так как затоптали очень красивый газон. Но убрать эти деревья жаль, уж очень красиво все на могиле, и эти деревья, образующие купол над камнем, и сам камень, и яркий газон.

3 августа 1961 г.

Посылаю Вам карточку, которая Вам будет интересна из-за портрета Миши. Этот портрет был заказан Союзом писателей — для гражданской панихиды по Мише в ССП, был выполнен художником К. Чемко в одну ночь с маленькой фотографии — последней, вернее, последней во время его здорового состояния, — летом 1939 года. Потом я приобрела портрет. Раму заказала в Третьяковской галерее (помещающейся в Лаврушинском пер.). Рама красного де-

рева, вогнутая. Рядом со мной — моя молодая приятельница, муж которой снимал фото.

14 сентября 1961 г.

Мишина книга кончается и начинается с памятника Мольеру, и поэтому мне непременно хочется поместить фото памятника. Я должна сказать, что, действительно, это стоило больших трудов — добиться согласия на издание. Ведь я бьюсь над этим двадцать один год. Бывало, что совсем-совсем, казалось, добилась. И опять все летело вниз, как Сизифов камень. В этом — моя жизнь. Мне выпало на долю — невероятное, непонятное счастье — встретить Мишу. Гениального, потрясающего писателя, изумительного человека. Не думайте, что это я пишу, потому что я — жена его, человек, обожающий его. Нет — все (и очень большие и очень разнообразные люди), все, кто смог познакомиться полностью с его творчеством (я не всем даю эту возможность), — все употребляют именно это выражение — гениальный. Мне попала в руки совершенно случайно рецензия в *Союзе писателей* (!) о Мише, и там под его именем стояли: год рождения, год смерти, и слова, начинающие текст: Великий драматург. И ведь они не знают (только слышат) — какая у него проза. Я знаю, я твердо знаю, что скоро весь мир будет знать это имя...

У моего брата есть экземпляр «Белой гвардии», а также романа «Мастер и Маргарита». Но это я ему послала с верным человеком, который передал ему из рук в руки, и брат (как я ему написала) не может выпустить этого от себя. Чтобы не произошло что-нибудь похожее на Бориса Пастернака. Но если бы Вы могли к нему поехать как-нибудь и прочитать — Вам бы это доставило наслаждение. Умирая, он говорил мне только об этом романе, считая его своим лучшим произведением, в которое он вложил всего себя.

17 декабря 1961 г.

...Книгу о Мольере сдала, и редактор обещает, что в середине января она будет лежать у меня на столе. Тогда и Вам, конечно, вышлю сразу — это вещь поразительная. В ней — тьма знаний и таланта. Поданы эти все глубокие знания так легко, как может сделать только очень талантливый писатель.

История Мольера в жизни Миши такова: он считал Мольера лучшим драматургом мира, преклонялся, обожал его. В 1929 году он стал писать пьесу о Мольере, она называлась «Кабала святош» (было общество в то время, религиозное, преследовавшее на словах высоконравственные идеи, но на деле... Оно ненавидело Мольера и погубило его).

Пьесу сначала Репертуарный комитет запретил, но потом, под давлением Горького, высоко оценившего эту вещь, разрешение на постановку было дано. МХАТ взял эту пьесу, но, по разным, совершенно не относящимся к пьесе, обстоятельствам, мариновал ее: то репетиции шли очень интенсивно, то совсем прекращались. Время шло, прошло пять с лишним лет, — когда наконец состоялась

премьера «Мольера». Спектакль, несмотря на то, что Миша не был доволен составом, прошел блестяще для публики: было шесть репетиций публичных и семь спектаклей. Каждый раз давали массу раз занавес — от 15—25 раз. И тем не менее после седьмого представления спектакль был снят. Это было 4 марта 1936 года — последний спектакль, а статья в газете — 9 марта 1936 года. Это было сделано врагами Миши в то страшное для многих время. Но вернемся к Мольеру. В 1932 году к Мише обратились с предложением написать биографию Мольера. Он, конечно, с радостью согласился. Мы стали с ним ходить в Ленинскую библиотеку, где он изучил все, что было возможно — все исследования о Мольере. Всех французов. И написал «Жизнь господина де Мольера». Книга лежала до сих пор, — повторяю — все это было время, когда Мишины недруги действовали вовсю. Сейчас, слава Богу, все изменилось — книга печатается, а пьеса «Мольер» («Кабала святош») выходит в сборнике его пьес.

Так же, я надеюсь, выйдут и другие его произведения — «Белая гвардия», «Записки врача», «Театральный роман», пьесы и т. д.

7 сентября 1962 г.

...Повторяю, дорогие мои, что не для хвастовства я говорю, а для Вашего успокоения. Я делаю все, что только в моих силах, для того, чтобы не ушла ни одна строчка, написанная им, чтобы не осталась неизвестной его необыкновенная личность. Все люди, с которыми я встречаюсь, которые входят заново в мой дом, подпадают под обаяние его поразительного таланта, его необыкновенно мужественной человеческой сущности. И все будут что-то делать для увековечения памяти его. Это — цель, смысл моей жизни. Я обещала ему многое перед смертью, и я верю, что я выполню все...

Не бойтесь обескровить мой архив или иконографию Миши — я всегда отдаю только копии...

Когда я писала Вам о своем одиночестве, я, конечно, не забывала о тех больших друзьях, настоящих моих друзьях, которые беспрестанно доказывают мне свою дружбу, любовь и внимание. Это — большое счастье в моей жизни. Такое высшее счастье, как сын Сергей и мои отношения с ним, — тоже никогда не уходят из моего сознания. Но *потери* — они незабвенны и невозместимы. Вот это и дает ощущение одиночества, иногда так страшно, что бежишь из дому, чтобы не оставаться в этих стенах. Иногда, когда особенно жизнь дает результат, которого добиваешься, — на душе легче и светлее. «А я по своей натуре более склонен к оптимизму», — говорит Николка Турбин. За это меня и любил Миша.

ИЗ ПИСЕМ К АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ НЮРЕНБЕРГУ

Москва. 13 февраля 1961 г.

На днях будет еще один 32-летний юбилей — день моего знакомства с Мишей. Это было на масляной, у одних общих знакомых. По Киеву они были знакомы с Мишей, но он их не любил и хотел закончить бывать у них. С другой стороны, и Евгений Александрович, живя какое-то время в Киеве, познакомился с ними, но бывал у них только тогда, когда я уезжала куда-нибудь летом и он оставался один. А мне почему-то не хотелось с ними знакомиться. Но тогда они позвонили и, уговаривая меня придти, сказали, что у них будет знаменитый Булгаков, — я мгновенно решила пойти. Уж очень мне нравился он, как писатель. А его они тоже как-то соблазнили, сказав, что придут интересные люди, словом, он пошел. Сидели мы рядом (Евгений Александрович был в командировке, и я была одна), у меня развязались какие-то завязочки на рукаве (Лиличка должна помнить это платье, я его купила у Энтиной), я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь. На самом деле, ему, конечно, больше всего понравилось, что я, вроде чеховского дьякона в «Дуэли», смотрела ему в рот и ждала, что он еще скажет смешного. Почувствовав такого благодарного слушателя, он развернулся вовсю и такое выдал, что все просто стонали. Выскакивал из-за стола, на рояле играл, пел, танцевал, словом, куражился вовсю. Глаза у него были ярко-голубые, но когда он расходился так, они сверкали, как бриллианты. Тут же мы условились идти на следующий день на лыжах. И пошло. После лыж — генеральная «Блокады», после этого — актерский клуб, где он играл с Маяковским на биллиарде, и я ненавидела Маяковского и настолько явно хотела, чтобы он проиграл Мише, что Маяковский уверял, что у него кий в руках не держится. (Он играл ровнее Миши, — Миша иногда играл блестяще, а иногда мазал.) Словом, мы встречались каждый день и, наконец, я взмолилась и сказала, что никуда не пойду, хочу выспаться, и чтобы Миша не звонил мне сегодня. И легла рано, чуть ли не в девять часов. Ночью (было около трех, как оказалось потом) Оленька, которая всего этого не одобряла, конечно, разбудила меня: иди, тебя твой Булгаков зовет к телефону. (Страшно раздраженно сказала.) Я подошла. «Оденьтесь и выйдите на крыльцо», — загадочно сказал Миша, и, не объясняя ничего, только повторял эти слова. Жил он в это время на Большой Пироговской, а мы на Боль-

шой Садовой, угол Малой Бронной, в особнячке, видевшем Наполеона, с каминами, с кухней внизу, с круглыми окнами, затянутыми сиянием, словом, дело не в сиянии, а в том, что далеко друг от друга. А он повторяет: «Выходите на крыльцо». Под Оленькино ворчанье я оделась (командировка-то еще не кончилась!) и вышла на крылечко. Луна светит страшно ярко, Миша белый в ее свете стоит у крыльца. Взял под руку и на все мои вопросы и смех — прикладывает палец ко рту и молчит, как пень. Ведет через улицу, приводит на Патриаршие пруды, доводит до одного дерева и говорит, показывая на скамейку: здесь они увидели его в первый раз. — И опять — палец у рта, опять молчание. Потом также под руку ведет в какой-то дом у Патриарших, поднимаемся на третий этаж, он звонит. Открывает какой-то старик, роскошный старик, высоченного роста, красивый, с бородищей, в белой поддевке, в высоких сапогах. Потом выходит какой-то молодой, сын этого старика. Идем все в столовую. Горит камин, на столе — уха, икра, закуски, вино. Чудесно ужинаем, весело, интересно. Из каких-то слов понимаю, что старик — в прошлом оптовый торговец, рыбопромышленник, был в ссылке, вернулся к сыну в Москву (а сам астраханский), привез всю эту рыбную снедь, которой его наградили в Астрахани бывшие приятели. А Миша был в приятельских отношениях с сыном его. Сидели до утра. Я сидела на ковре около камина, старик чего-то ошалел: «Можно поцеловать вас?» — «Можно, говорю, целуйте в щеку». А он: «Ведьма! Ведьма! Приколдовала!» «Тут и я понял, — говорил потом всегда Миша, вспоминая с удовольствием этот вечер, вернее, ночь, — что ты ведьма! Присушила меня!» Пошли домой, и так до сих пор не знаю, у кого это я была. Миша для таинственности не сказал фамилии и всегда уверял, что все это мне приснилось. А может быть, и не рыбопромышленник, и не астраханский, и не был в ссылке, а все это розыгрыш? Не знаю. Миша любил разыгрывать. Хотя тот случай, о котором пишет Паустовский, я не знала с Мишиных слов. Уже после смерти Миши Паустовский, познакомившись со мной, описал в своей статье. Но он тоже выдумщик.

Потом пришла весна, за ней лето, я поехала в Ессентуки на месяц. Получала письма от Миши, в одном была засохшая роза и вместо фотографии — только глаза его, вырезанные из карточки. И писал, что приготовил для меня достойный подарок, чтобы я ехала скорей домой. А подарок был — что он посвящает мне роман, показал черновик, тетрадь (она хранится у меня), на первой странице написано: «Тайному другу». Это — черновик его романа «Записки покойника» — из театральной жизни. А на экземпляре книги «Дьяволиада» он написал в 33-м году: «Тайному другу, ставшему явным, жене моей Елене. Ты совершишь со мной мой последний полет. Твой М. 21 мая». (День моих имянин.)

С осени 1929 года, когда я вернулась, мы стали ходить с

ним в Ленинскую библиотеку, он в это время писал книгу «Жизнь господина де Мольера», и надо было выписывать из французов все, что было нужно ему. Он преклонялся перед Мольером, у него и биография Мольера, и пьеса «Кабала Святош» (это было такое религиозное общество, погубившее Мольера), и Мольериана — «Полоумный Журден», и перевод «Скупого». Он так досконально изучил мольеровское время, что мог бы о каждом, даже и проходном персонаже рассказать всю биографию его.
23 февраля 1961 г.
...Вот когда был Миша, от нас, действительно, люди не могли уходить — прямо приклеивались к дому. Бывали почти каждый день люди, сидели поздно, и я молила Мишу — давай ложиться не позже трех! Но никогда не удавалось раньше пяти-шести. Я не видела более блестящего собеседника, чем Миша. Эта слава за ним сохранилась — вечно слышу об этом через третьи руки. Причем, как всегда бывает, теперь люди говорят: я был дружен с Булгаковым, мы всегда ходили с ним домой из театра... Может быть, и был разок — но всегда?!

Что было хорошо у Миши? Он никогда не рассказывал анекдотов (ненавижу я, между прочим, и анекдоты и рассказчиков их), — а все смешное, что у него выскакивало, было с пылу с жару, горяченькое! Только что в голову пришло! Или бывало, что какая-нибудь удачная фраза, меткое прозвище так здорово входили в жизнь, что становились ходячими. И не только у нас, но вообще. По Москве ходят и до сих пор ходячие слова его, а также цитаты из пьес. А когда в театре репетировались его пьесы, то актеры говорили этими репликами в жизни. И удивительно они были жизненны и необходимы, иначе не скажешь. Я сейчас привожу в порядок свои дневники — его жизни, — нашла и вспомнила, как он говорил про свои мучения, когда от него требовали каких-нибудь изменений в пьесе: ну, представь себе, что на твоих глазах Сергею начинают щипцами уши завивать и уверяют, что это так и надо, что чеховской дочке тоже завивали и что ты это полюбить должна... Между прочим, это последнее выражение — Станиславского. Когда он уговаривал Мишу, чтобы он вписал что-нибудь в пьесу, он всегда говорил: а вы полюбите это...

Миша иногда, глядя на Сергея малого, разводил руками, поднимал плечи и говорил: «Немезида!.. Понимаешь ли ты, Сергей, что ты — Немезида?» На что Сережка оскорбленно отвечал: «Мы еще посмотрим, кто Мезида, а кто Немезида!» И приводил этим Мишу в восторг. Вообще он все время задевал мальчишку. «Эх, Сергей, как тебе не стыдно, как ты читаешь!.. Те...ле...фон... Позор! Тебе шесть лет, а ты по складам читаешь?» Сергей отвечал: «Ну де, когда меня только сейчас учить начали... вот если бы начали в два года! Вот я теперь бы читал! Во — как читал!..» — и тяжко вздыхал при этом. «Довольно, довольно! Ах, если бы мне вернуть молодость!.. фаустовские настроения... оставь, ос-

тавь, Сергей, ты эту андреевщину!..» И Сергей, уже хохоча, приставал к нему, что такое андреевщина. Их разговоры, их отношения— это вообще было представление, спектакль для меня. Если Миша ехал кататься на лодке и Сергей приставал, как о том и мечтал Миша, к нему, чтобы его взяли с собой, Миша брал с него расписку, что он будет вести себя так-то и так-то (эти расписки у меня сохранились, конечно). По пунктам — договор и подпись Сергея. Или в шахматы. Миша выучил его играть, и когда выигрывал Сергей (сами понимаете, это надо было в педагогических целях), Миша писал мне записку: «Выдать Сергею полплитки шоколаду». Подпись. Хотя я сидела в соседней комнате. — А то они писали заговорщицкое письмо и клали его в почтовый ящик на двери и всячески вызывали меня посмотреть: нет ли чего в ящике...

Женичка сначала очень ревновал к Мише, но потом, благодаря Мишиному уму в этом отношении, так полюбил Мишу, больше отца!

28 февраля 1961 г.

...Да, милый мой, ненаглядный Шурочка, конечно, вы бы вцепились с Мишей друг в друга, настолько у вас много общих интересов, вкусов, мыслей. Ты знаешь, он очень любил слушать мои рассказы о детстве, о нашей семье. Я всегда считала папу энциклопедией, в которой все можно узнать. Миша тоже был таким же всеведущим. Теперь я вижу, что и ты такой. Это изумительно. И, конечно, если бы после войны, или вернее именно в военные годы главным образом, — мне не пришлось со многим расстаться из Мишиной библиотеки, ты бы поразился, сколько там было книг для тебя! Я буду искать «Старые годы» для тебя, родненький, обязательно буду. А Забелина было, конечно, два тома. И его буду искать. Я и сейчас уже ходила и спрашивала по лавкам — нет ли чего в этом роде, но пока что ничего не нашлось.

24 марта 1961 г.

За это время я слушала (сидя в директорской ложе Большого театра, где, бывало, сиживали мы постоянно с Мишей в то время, когда он работал в Большом) два раза оперы под дирижерством Мелика — «Кармен» и «Аиду». Получила громадное наслаждение, главным образом, от музыки, от Мелика, он удивительно талантлив, музыкален, артистичен. Оркестр под его управлением живет особенно интенсивно. «Аида» доставила мне невероятную радость. Во-первых, эту оперу я слушала с Мишей много раз, он ее любил, и в первый раз, когда мы только что познакомились с Мишей и он сказал мне: «Пойдемте на „Аиду“». Встретились под первой колонной слева. А в театре, в первом ряду справа (где сидели Карик с Алисой) он сказал во время увертюры: «В особенно любимых местах я пожму вам пальцы...» По-видимому, вся музыка была особенно любимая.

Е. С. Булгакова. Начало 60-х годов

19 июня 1961 г.

Я тоже все время болею вопросом относительно Мишиного архива, моего личного архива, остатков Олиного, маминого! Когда был жив Женичка — твое подобие в полном смысле слова, такой же страстный собиратель, такой же аккуратист и педант в лучшем смысле слова (прости за повтор, не нашла другого выражения), я была спокойна: все оставляю ему, и казалось, что потом он передаст своему сыну... так мечталось. Но его нет. Сергей,

при всей своей любви к Мише, как к человеку и писателю, — совсем другого склада человек, он — необычайно энергичен, деятелен, но не способен кропотливо сидеть над чем-нибудь, собирать, перебирать, классифицировать и т. д. Он требует немедленного результата своей работы, он непоседлив, очень умеет работать и заставлять работать других, так как работает вместе с ними, беря на себя самую трудную часть работы. Но он не архивариус, как меня дразнил Федя Михальский, когда я одно время работала в музее МХАТ. Он даже переделал меня в афишариуса. Обо всем этом будем, конечно, много говорить с тобой, когда увидимся. А сейчас не думай об этом, а живи спокойно — жди встречи, тешь себя радостными мыслями.

27 октября 1968 г.

Мои дорогие Алиса и Карик! Когда я увидела ваше письмо, у меня в первую минуту промелькнула дикая мысль — Шура! Карик, ты написал адрес совершенно как Шура! Я очень обрадовалась вашему письму, давно не знала о вас ничего.

...Я как раз это последнее время занялась между делами тем, что перечитала все старые письма: и папины (начиная с 1922 года), и мамины, и Олины, и Шурины, так что была вся в прошлом. Я только не могу еще взяться за письма Женички, которых у меня громадное количество, больше всех, — они лежат связанные, подобранные одно к другому — как они приходили ко мне, но читать их я не могу. Но вот все остальное я прочитала, и плакала и смеялась — столько там полноты жизни! Там очень много и о тебе, Карик, и о Хенни — это в письмах дедушки и бабушки. Какие они были любящие баба и дед! как им дороги были и «перновские» и «московские» внуки! И у меня все это прошлое вдруг ожило в душе, мне стало казаться, что я могу сейчас написать или позвонить или сказать — и папе, и маме, и Оленьке и Шуре!.. Казалось, что все они около меня. Как хорошо, что сохранились все эти письма. Мои тоже и мама сохранила и Оленька. Я их тоже читала. И, знаете, что меня поразило, что я, молодая и, казалось бы, счастливая женщина, писала Оле в Америку, где она тогда (в 1922—23 году) была с МХАТом: ты знаешь, Оленька, я не могу объяснить, почему, но я очень тоскую, ведь я люблю Женю (отца), ведь я обожаю малыша (Женичку), но в душе все время тоска, я не вижу смысла в моей жизни, мне недостает чего-то. Надо наверно чем-то другим заполнить ее. Откуда были эти мысли? И чувства? И, читая их, я понимала, почему у меня была тогда такая смелость, такая решительность, что я порвала всю эту налаженную, внешне такую беспечную, счастливую жизнь, и ушла к Михаилу Афанасьевичу на бедность, на риск, на неизвестность.

Я, по-моему, говорила вам, как Миша как-то, очень легко, абсолютно без тени скучного нравоучения, говорил мальчикам моим за утренним кофе в один из воскресных дней, когда Женич-

ка пришел к нам и мы, счастливая четверка, сидели за столом: «Дети, в жизни надо уметь рисковать... Вот, смотрите на маму вашу, она жила очень хорошо с вашим папой, но рискнула, пошла ко мне, бедняку, и вот поглядите, как сейчас нам хорошо...» И вдруг, Сергей малый, помешивая ложечкой кофе, задумчиво сказал: «Подожди, Потап, мама ведь может ’искнуть еще ’аз».

Потап выскочил из-за стола, красный, не зная, что ответить ему, мальчишке восьми лет.

Милые, вот как я расписалась сегодня, пишите и вы мне. Крепко целую вас и от себя и от всей семействы, как говорил Сережа в детстве.

ДНЕВНИК

*1933**

1 сентября.

...взяли при обыске его дневники... — В заявлении на имя Председателя Совета Народных Комиссаров 24 июня 1926 г. М. А. Булгаков писал: «7 мая с. г. представителями ОГПУ у меня был произведен обыск (ордер 2287, дело 45), во время которого у меня были отобраны с соответствующим занесением в протокол следующие мои имеющие для меня громадную интимную ценность рукописи:

Повесть „Собачье сердце“ в 2-х экземплярах и „Мой дневник“ (3 тетради).

Убедительно прошу о возвращении мне их».

Л. Е. Белозерская-Булгакова в своих мемуарах (О, мед воспоминаний. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 28) об этом обыске рассказывала так:

«На пороге стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек — следователь Славкин и его помощник с обыском. Арендатор пришел в качестве понятого. Булгакова не было дома, и я забеспокоилась: как-то примет он приход „ гостей“, и попросила не приступать к обыску без хозяина, который вот-вот должен придти. Все прошли в комнату и сели. ⟨...⟩ И вдруг знакомый стук.

Я бросилась открывать и сказала шепотом М. А.:

— Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск.

Но он держался молодцом (дергаться он начал значительно позже). Славкин занялся книжными полками. „Пенсне“ стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей.

И тут случилось неожиданное. М. А. сказал:

— Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю. (Кресла были куплены мной на складе бесхозной мебели по 3 р. 50 коп. за штуку.)

И на нас обоих напал смех. Может быть, и нервный».

Изъятые рукописи были возвращены только три года спустя — после настойчивых заявлений М. А. Булгакова, вмешательства А. М. Горького и упорных ходатайств Е. П. Пешковой («14.VIII.28. Михаил Афанасьевич! Совсем не „совестно“ беспокоить меня — о рукописях Ваших я не забыла и два раза в неделю беспокою запросами о них кого следует... Как только получу их, извещу Вас. Жму руку. Ек. Пешкова»).

Оскорбленный писатель уничтожил возвращенные ему дневники, предварительно вырезав из них — наугад, несколькими взмахами ножниц по четырем соприкасающимся листкам — небольшой прямоугольник. Уцелевший прямоугольник в 1929 г. подарил Елене Сергеевне. Но — ру-

---

* Комментарии к Дневнику за 1933—1936 гг. — Лидия Яновская.

кописи не горят? Много десятилетий спустя оказалось, что, прежде чем вернуть автору тетради, в ОГПУ сделали из них выписки. Выписки уцелели.

4 сентября.

Радлов Николай Эрнестович (1889—1942) — художник. Активно печатался в юмористических журналах («Бегемот», «Смехач», «Крокодил» и др.). Иллюстрировал книжку М. А. Булгакова «Рассказы» (Б-ка журн. «Смехач». Л., 1926). У Булгакова бывал и в 20-е гг. (см.: Белозерская-Булгакова Л. Е. О, мед воспоминаний. С. 82). *Дина Радлова* — Надежда Константиновна Шведе-Радлова, его жена.

5 сентября.

А ты скажи: мы завсегда вами очень благодарны... — Ср.: «Ты бы, как можно, старалась учтивее. „Мол, ваше сиятельство, мы завсегда вами оченно довольны и завсегда вами благодарны, только подлостев таких мы слушать не желаем"» (Островский А. Н. Таланты и поклонники. Действие 1-е).

Леонтьев Яков Леонтьевич (1890—1948) — сотрудник дирекции МХАТа, впоследствии заместитель директора Большого театра СССР.

Калужский Евгений Васильевич (1896—1966) — актер МХАТа, муж О. С. Бокшанской.

Эррио Эдуар — французский политический деятель; в 1932 г. — премьер-министр Франции; в 1933-м посетил Советский Союз.

Егоров Николай Васильевич (1873—1955) — заместитель директора по административно-хозяйственной части, заведующий финансовой частью МХАТа.

6 сентября.

Владимир Иванович — Немирович-Данченко.

Мака — домашнее имя Булгакова в 20-е гг. Л. Е. Белозерская-Булгакова рассказывает: «Как-то М. А. вспомнил детское стихотворение, в котором говорилось, что у хитрой злой орангутанихи было три сына: Мика, Мака и Микуха. И добавил: Мака — это я. Удивительнее всего, что это прозвище — с его же легкой руки — очень быстро привилось» (цит. по кн.: О, мед воспоминаний. С. 19). Позднее так называли его давние друзья — Н. Н. Лямин, М. А. Ермолинская, О. С. Бокшанская и др. Елена Сергеевна называла его Мишей, в официальной обстановке — Михаилом Афанасьевичем. Имя Мака отразилось в «Театральном романе»: Максудов.

Альфан Ш. Э. — французский посол в СССР.

9 сентября.

Крючков П. П. — секретарь А. М. Горького. 5 августа 1933 г. Булгаков писал А. М. Горькому: «Мне хотелось бы повидать Вас. Может быть, Вы были бы добры сообщить, когда это можно сделать? Я звонил Вам на городскую квартиру, но все неудачно — никого нет».

Читал ваш «Бег». — Пьеса «Бег» написана Булгаковым в 1926—1928 гг. для МХАТа. 2 января 1928 г. состоялось первое чтение пьесы в театре; на чтении присутствовал К. С. Станиславский. 16 марта драматург сдал в театр два экземпляра законченной пьесы, и уже 9 мая резолюцией Главреперткома «Бег» был запрещен. В резолюции говори-

лось, что «Бег» написан во имя прославления эмиграции и белых генералов; что эмиграция в пьесе дана «в ореоле подвижничества», а руководители белого движения представлены «чрезвычайно импозантными и благородными в своих поступках и убеждениях»; что Чарнота в борьбе с большевиками «почти легендарен», а в эмиграции — «рыцареподобен» (в качестве иллюстрации «рыцареподобности» Чарноты приводилась ссылка на его карточный выигрыш у Корзухина); что единственная фигура буденовца в пьесе («дико орущая о расстрелах») только подчеркивает превосходство белого движения.

Но театр не намерен был сдаваться. 9 октября 1928 г. во МХАТе состоялось заседание художественного совета; были приглашены А. М. Горький, руководители Главискусства, работники Главреперткома. Булгаков читал «Бег». Чтение прерывалось взрывами смеха.

Горький сказал: «Со стороны автора не вижу никакого раскрашивания белых генералов. Это — превосходнейшая комедия... Это — пьеса с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием. Хотелось бы, чтобы такая вещь была поставлена на сцене Художественного театра... „Бег“ — великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех, уверяю вас».

Начальник Главискусства А. И. Свидерский сказал: «Эту пьесу надо ставить... Такие пьесы, как „Бег“, будят мысль, будят критику, вовлекают массы в анализ и дискуссии, такие пьесы лучше, чем архисоветские».

В. И. Немирович-Данченко заверил в заключение: «Когда Главрепертком увидит пьесу на сцене, возражать против ее постановки едва ли он будет».

На следующий день начались репетиции и шли в течение трех с половиной месяцев. Битва за спектакль продолжалась с переменным успехом. 24 октября 1928 г. в «Правде» появилась информация о том, что Главрепертком подтвердил запрещение пьесы «в настоящем ее виде». 22 января 1929 г. журнал «Современный театр» сообщил, что «Бег» будет поставлен до конца текущего сезона.

И тут Главрепертком неожиданно нашел союзника. Пьесу прочел И. В. Сталин. 2 февраля 1929 г. свое мнение о пьесах Булгакова и в частности о «Беге» Сталин изложил в известном «Ответе Билль-Белоцерковскому». Оценка «Бега» в этом письме была недвусмысленно ясна и близка к мнению Главреперткома. «„Бег“, — писал Сталин, — есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. „Бег“, в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление».

Правда, далее шла оговорка: «Впрочем, я бы не имел ничего против постановки „Бега“, если бы Булгаков прибавил к своим восьми снам еще один или два сна...», и требования к предполагаемым «снам» были изложены с присущей Сталину конкретностью.

Но Булгаков за протянутую соломинку не ухватился. Судьба «Бега» была решена.

«Непоставленный „Бег“, — пишет исследователь, — оказался фактом не только булгаковской биографии. Он стал непоправимым фактом биографии Художественного театра» (Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1986. С. 169).

Однако в начале 1938 г. театр сделал попытку вернуться к «Бегу». В какой-то степени это было связано с разрешением «Мольера», возоб-

новлением «Дней Турбиных», как казалось театру, свидетельствовавших о благоволении Сталина к драматургу. Режиссером предполагаемого спектакля стал энергичнейший *Илья Судаков,* поставивший в свое время «Дни Турбиных». Правда, Главрепертком требовал изменений в пьесе, но требования эти были посильны. Булгаков писал брату в Париж: «В „Беге“ мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на иоту не нарушают писательской совести, я их сделал» (14 сентября 1933 г.).

Весь 1933 год и в какой-то степени 1934-й шли под знаком надежды на воскрешение «Бега».

12 сентября.

Патя Попов, Патя П. — Павел Сергеевич Попов (1892—1964), филолог, близкий друг Булгакова, адресат большого блока его исповедальных писем. Первый биограф писателя. Познакомился с Булгаковым в середине 20-х гг., вероятнее всего, через Н. Н. Лямина, вместе с которым работал в Государственной академии художественных наук (ГАХН). В 1930 г., как и ряд других сотрудников ликвидированного ГАХНа, был выслан из Москвы, жил под Ленинградом, в Ленинграде, в 1932 г. вернулся в Москву. Участвовал в подготовке 90-томного собр. соч. Л. Н. Толстого.

П. С. Попов считал, что именно его московская квартира в Плотниковом переулке, 12, где так часто бывал Булгаков, стала прообразом «подвальчика» Мастера в романе «Мастер и Маргарита» («...ведь наш подвальчик Миша использовал для описания квартиры Мастера. А завал книгами окон, крашеный пол, тротуарчик от ворот к окнам — все это он перенес в роман...» — из письма П. С. Попова к Е. С. Булгаковой, 27 декабря 1940 г.). Любопытно, что такого же мнения была и Л. Е. Белозерская-Булгакова.

Аннушка — Анна Ильинична Толстая, жена П. С. Попова и внучка Л. Н. Толстого.

13 сентября.

...от брата Мишиного Николая... — Николай Афанасьевич Булгаков (1898—1966), младший брат писателя. Считается прототипом Николки Турбина в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных». В 1917—1919 гг. студент-медик Киевского университета и юнкер киевского же Алексеевского инженерного училища. В 1920 г. вместе с частями Добровольческой армии эмигрировал (его сестра Н. А. Булгакова-Земская говорила: «был вывезен»). Попал в Югославию, работал санитаром в сыпнотифозных бараках и бараках черной оспы («...так, например, я просидел взаперти 22 суток один-одинешенек с оспенными больными крестьянами, доставленными из пораженного эпидемией уезда», — из письма Н. А. Булгакова к матери, 16 января 1922 г.). Окончил медицинский факультет университета в Загребе. Был приглашен в Париж, в лабораторию крупнейшего бактериолога профессора д'Эреля. Сделал ряд собственных открытий. В 1941 г. станет узником немецкого концлагеря в Компьене и в качестве врача будет делать все для облегчения участи других заключенных. После войны получит французское гражданство.

В 30-е гг. Н. А. Булгаков много помогает брату в его трудных отношениях с зарубежными издательствами и театрами. В названном письме (от 25 августа 1933 г.), подтверждая, что актриса Мария Рейнгардт сделала перевод «Зойкиной квартиры» на французский язык и «в настоящий момент у директора одного из хороших и серьезных парижских

театров есть желание поставить ее в настоящем сезоне», Н. А. Булгаков замечает далее: «Кстати скажу, что текст, с которым работала М. Рейнгардт, довольно сложного происхождения, и насколько он близок оригиналу, я судить не могу, ибо такого никогда не видел и не имею».

17 сентября.

Коля Л. — Николай Николаевич *Лямин* (1892—1941?), филолог, специалист по романским литературам, один из самых близких друзей Михаила Булгакова. Познакомились в начале 1924 г. у писателя С. С. Заяицкого: Булгаков читал тогда первые главы своего романа «Белая гвардия». Продолжение читалось уже у Ляминых — Н. Н. и его жены Наталии Абрамовны Ушаковой, на Остоженке (Савельевский пер., 12), в большой комнате густо заселенной коммунальной квартиры. В дальнейшем в течение ряда лет Булгаков читал здесь все свои крупные произведения: «Зойкину квартиру», «Багровый остров», «Кабалу святош», первые редакции романа «Мастер и Маргарита». 18 июля 1925 г. надписал свой только что вышедший сборник «Дьяволиада»: «Настоящему моему лучшему другу Николаю Николаевичу Лямину». 22 октября 1926 г. — фотографию: «Дорогому другу моему Коле Лямину». А так как присутствовавшая при этом Н. А. Ушакова («Тата») сказала что-то вроде: «А я — не дорогая?» — надписал и другой экземпляр этой самой фотографии: «Тате дорогой от дорогого Булгакова. 22.X.1926 г. Москва». Лямин был наиболее частым партнером Булгакова по шахматам.

...две главы романа — читается «роман о дьяволе», будущий роман «Мастер и Маргарита».

19 сентября.

«Наша молодость» — пьеса С. Карташева (инсценировка романа Виктора Кина «По ту сторону»).

20 сентября.

...с ленинградскими директорами Шихматовым и Тельсоном... — ср. в письме М. А. Булгакова к В. В. Вересаеву 2 августа 1933 г.: «...хочу рассказать Вам о своей поездке в Ленинград. Там МХТ в двух театрах играл „Дни Турбиных“. Играл с большим успехом и при полных сборах, вследствие чего со всех сторон ко мне поступили сообщения о том, что я разбогател. И точно: гонорар должен быть оттуда порядочный.

Вот мы и поехали в Ленинград, зная, как трудно заполучить в руки эти богатства.

Тут уж не я, а Елена Сергеевна, вооруженная доверенностью, нагрянула во 2-й из театров — Нарвский дом культуры. Заведующий театром дважды клялся, что вдогонку нам он немедленно переведет из моего гонорара пять тысяч. Как Вы догадываетесь, он не перевел по сию минуту даже пяти копеек».

21 сентября.

...экземпляр мольеровской биографии... — Биография Мольера написана Булгаковым в 1932—1933 гг. для серии «Жизнь замечательных людей». Получила резко отрицательную оценку А. Н. Тихонова (Сереброва), одного из ведущих редакторов серии. К этой оценке присоединился затем и А. М. Горький. Булгаков отказался переделывать книгу. «Жизнь господина де Мольера» впервые вышла (с сокращениями) в 1962 г. и полностью — в 1989-м (Булгаков М. А. Избранные произведения: В 2 т. Киев, 1989. Т. 2).

1 октября.

Письмо из Риги от Гришина... — Театр русской драмы в Риге и его руководитель А. И. Гришин проявляли огромный интерес к драматургии Булгакова. Так, в ноябре 1927 г. Гришин писал Булгакову, отказавшемуся выслать «Дни Турбиных», поскольку «на пьесе лежало запрещение»: «Нынче осенью я из Берлина получил предложение приобрести Вашу пьесу, и лицо, доставившее мне ее, заключило с нами условие и получило гонорар... Таким образом, наш театр, уплачивая гонорар лицу, продавшему пьесу, лишен возможности платить Вам — автору, и это не вина театра». И далее, в феврале 1928 г., умоляя драматурга общаться с театром: «Несмотря на отсутствие конвенции наш театр будет уплачивать Вам гонорар».

В феврале 1933 г. театр поставил пьесу Булгакова «Мольер» — под названием «Комедианты Господина» (Булгаков отметил, что правильнее было бы ее назвать: «Комедиант Господина»). Предваряя премьеру, рижская газета «Сегодня вечером» писала: «Булгаков — автор знаменитой „Белой гвардии“, пьесы, которая не только в России, но и у нас в Риге, а также и на многих сценах Западной Европы прошла с небывалым для современного русского драматурга успехом... Пьеса Булгакова („Мольер“.— *Л. Я.*) является несомненно выдающимся произведением современной драматургической литературы». «Мы поставим „Комедиантов Господина“, — цитировала газета исполнителя главной роли Ю. Юровского, — в несколько гротескных тонах. Это должен быть спектакль, несколько напоминающий постановку известной пьесы Евг. Замятина „Блоха“. Мы... хотим дать спектакль, достойный замечательной пьесы, замечательного автора».

В марте родители Елены Сергеевны писали Ольге Сергеевне из Риги: «Здесь гастролировал знаменитый германский артист Моисси, который тоже занялся теперь „Мольером“ и сказал представителям печати, что он находит, что эта пьеса — одна из лучших появившихся в последнее время в мировой литературе пьес. Он ее будет играть за границей».

5 октября.

Бачелис И. И. — театральный критик. Резко выступал против пьес Булгакова «Багровый остров», «Бег». В известном письме «Правительству СССР» 28 марта 1930 г. М. А. Булгаков, говоря о судьбе своего памфлета «Багровый остров»: «Вся критика СССР, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она „бездарна, беззуба, убога“ и что она представляет „пасквиль на революцию“», — цитирует статью Бачелиса «О белых арапах и красных туземцах» (Молодая гвардия. 1929. № 1).

10 октября.

В. Е. Ардов в своих воспоминаниях (Мой сосед//Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988, и др. изд.) рассказывает, что с *Анной Андреевной Ахматовой* Булгаков познакомился в 1933 г., в Ленинграде, на обеде у Николая Радлова. В фототеке Государственного литературного музея есть документ, связывающий его имя с именем А. А. Ахматовой ранее. Это афиша большого литературно-художественного вечера в Большом зале филармонии в Ленинграде 10 мая 1926 г. Имена выступающих даны в алфавитном порядке: Ахматова, Булгаков, Замятин, Зощенко... и т. д. Рядом с именем Булгакова (и только рядом с именем Булгакова) допечатано петитом — слева: «прибывший из Москвы» и справа: «автор сборника «Дьяволиада» и романа «Белая гвардия».

К *Викентию Викентьевичу Вересаеву* (1867—1945), писателю старшего поколения, Булгаков с молодых лет относился с огромным уважением.

Связь замысла своих «Записок юного врача» (1921—1926) с вересаевскими «Записками врача» (1901) подчеркнул заглавием. Познакомились они в 1924 или 1925 г. Вересаев очень высоко ценил талант Булгакова. Писал А. М. Горькому: «Обратили Вы внимание на М. Булгакова в „Недрах"? Я от него жду очень многого, если не погибнет он от нищеты и невозможности печататься» (30 июня 1925 г.). И Булгакову: «Михаил Афанасьевич! Когда Вам будет приходиться туго, обращайтесь ко мне. Я бы так хотел, чтобы Вы это делали так же просто, как я это предлагаю! Поймите, — я это делаю вовсе не лично для Вас, — а желая оберечь хоть немного крупную художественную силу, которой Вы являетесь носителем» (28 сентября 1925 г.).

В 1929 г., когда все пьесы Булгакова были сняты со сцены, в доме не было ни гроша, а театры требовали возвращения авансов, Вересаев, без всяких просьб со стороны Булгакова, пришел и вручил ему в долг большую сумму денег. «И ушел, даже не выслушав слов благодарности». (См. запись рассказа Е. С. Булгаковой в кн.: Лесс А. Непрочитанные страницы. М., 1956. С. 254.)

Как и П. С. Попов, В. В. Вересаев — адресат целого блока «больших писем» Булгакова, представлявших собою не просто письма большого размера, но письма-жанр, письма-исповедь, момент художественного самораскрытия писателя.

11 октября.

На анкету о Салтыкове-Щедрине, разосланную редакцией «Литературного наследства», Булгаков ответил в частности: «Я начал знакомиться с его произведениями, будучи примерно в тринадцатилетнем возрасте. Причем, как хорошо помню, они мне чрезвычайно понравились, несмотря на то, что я понял, конечно, мало из того, что им написано. В дальнейшем я постоянно возвращался к перечитыванию салтыковских вещей. Влияние Салтыков на меня оказал чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относиться к окружающему надлежит с иронией. Сочиняя для собственного развлечения обличительные фельетоны, я подражал приемам Салтыкова, причем немедленно добился результатов: мне не однажды приходилось ссориться с окружающими и выслушивать горькие укоризны.

Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные Клемантинки, рукосуи и лапотники, майор Прыщ и бывый прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным...

...Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя создать. Она создается сама собой, внезапно. Она создается тогда, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее. Полагаю, что путь такого художника будет весьма и весьма труден».

Отмечу, что все примеры «переживших Салтыкова-Щедрина» Булгаков берет из «Истории одного города».

16 октября.

Яков Леонтьевич со своими... — «Свои» Я. Л. Леонтьева — хирург *Андрей Андреевич Арендт* и жены Леонтьева и Арендта, родные сестры *Дарья Григорьевна* и *Евгения Григорьевна.* По словам Н. В. Шапошниковой, обе семьи жили вместе, «одним хозяйством» (Шапошникова Н. В.

Москва и москвичи вокруг Булгакова//Новый журн. Нью-Йорк, 1987. № 166. С. 139).

25 октября.

...телеграмма из Риги. — Отец Елены Сергеевны скончался 24 октября 1933 г.; похоронен на Покровском кладбище в Риге. В 1948 г., там же, в отцовской могиле, Елена Сергеевна похоронила прах своей сестры Ольги. Впоследствии кладбище было обречено на снос, и уже в начале 80-х гг. найти эту могилу среди поваленных надписями вниз черных мраморных крестов мне не удалось. А запись о смерти и погребении Нюренберга Сергея Марковича, православного, в архиве кладбища, помещавшемся в уцелевшей часовенке, сохранялась.

2 ноября.

...продала на корню нашу квартиру. — Ср. в черновике неотправленного письма М. А. Булгакова В. В. Вересаеву: «Квартира... Итак, на склоне лет я оказался на чужой площади. Эта сдана, а та не готова. Кислая физиономия лезет время от времени в квартиру и говорит: «Квартира моя» (цит. по кн.: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 139).

4 ноября.

...из «Советской энциклопедии». — В Большой советской энциклопедии (1927, т. 8) в статье «Булгаков» значилось: «Годы 1921—23 жил за границей, где сотрудничал в берлинской сменовеховской газете „Накануне“». Как справедливо отмечает Е. С. Булгакова, писатель никогда не был за границей. Статья заканчивалась так: «В большинстве последних произведений Б[улгаков] использует теневые стороны советской действительности в целях ее дискредитирования и осмеяния. Такой характер устремлений ставит Б[улгакова] на крайний правый фланг современной русской литературы, делая его художественным выразителем право-буржуазных слоев нашего общества».

5 ноября.

Ермолинский Сергей Александрович (1900—1984) — драматург, кинодраматург. В 1929 г. познакомился с 25-летней Марией Артемьевной Чимишкиан *(Марикой)*, дружившей с Михаилом Булгаковым и Любовью Евгеньевной и в ту пору гостившей у них. Вскоре С. А. и М. А. поженились. (Марику, незадолго перед тем пережившую отчаянный роман с итальянским журналистом Курцио Малапарте, Булгаков, по ее словам, отечески уговаривал: «Выходи, выходи за Ермолинского, он славный парень».)

Через некоторое время Ермолинские сняли — вероятно, не без помощи булгаковского окружения — комнату в доме № 9 по Мансуровскому переулку. Этот небольшой деревянный дом принадлежал семье Топлениновых, и мастерская театрального макетчика (художника) *Сергея Сергеевича Топленинова*, помещавшаяся в уютном и обжитом подвальном этаже, была — как и комната Н. Н. Лямина, как и квартира П. С. Попова — одной из тех теплых точек, где Булгаков появлялся часто и чувствовал себя среди друзей.

Ермолинский долго не входил в этот круг. Инициативу и установлении добрых отношений проявил Булгаков: заходил к Ермолинскому, звал кататься на лыжах («Пойдем, пойдем на лыжах, а ты, Марика, пока хозяйничай, готовь нам еду...» — со слов М. А. Ермолинской),

зазывал к себе. Раз или два заходила и Елена Сергеевна. По-видимому, у Булгаковых Ермолинский начал бывать с 1933 г. С течением времени добрые отношения переросли в дружбу, особенно после ареста Н. Н. Лямина.

С. А. Ермолинскому принадлежит одна из первых работ о жизни и творчестве Булгакова — полумемуары, полуэссе «О Михаиле Булгакове» (Театр. 1966. № 9). Черты Марики, по-видимому, отразились в облике Евы Войкевич (пьеса Булгакова «Адам и Ева»).

8 ноября.

...работал над романом (полет Маргариты). — В сентябре, октябре, ноябре 1933 г. Булгаков с невероятной интенсивностью работает над своим главным романом. В рукописи романа появляются внутренние даты: «Ночью на 1-е сентября 1933», 6 октября, ночь на 21 октября, 29 октября, 31 октября, ночь с 31 октября на 1 ноября, 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12 ноября, вечер 12 ноября, 13, 14, 15, 16-е. В эти месяцы он в основном заканчивает первую книгу романа, делает новую разметку глав и расчет времени (действие, ранее происходившее в июне, теперь переносится на апрель), пишет главы «Маргарита», полет Маргариты, «Шабаш».

12 ноября.

Два молодых драматурга... — См. воспоминания С. П. Раевского об этом вечере («Спутники Сатурна»//Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988).

Дмитриев Владимир Владимирович (1900—1948) — выдающийся театральный художник, автор оформления многих оперных и драматических спектаклей (в Большом театре СССР, в Ленинградском академическом театре оперы и балета, МХАТе, Театре им. Вахтангова и др.). В 1928 г. сделал эскизы декораций для булгаковского «Бега» во МХАТе; в 1930—1931 гг. — несколько вариантов очень смелых по замыслу эскизов декораций, с чертами фантасмагории и гротеска, к булгаковской инсценировке «Мертвых душ». Но «Бег» не был поставлен, а декорации Дмитриева к «Мертвым душам» отвергнуты Станиславским осенью 1931 г. (художником спектакля стал В. А. Симов).

Дмитриев рисовал Булгакова в последние дни его жизни, рисовал по памяти в первые дни после смерти и похорон. Дмитриеву принадлежит небольшое живописное полотно, которое в каталогах Бахрушинского музея значится под глухим названием «Интерьер», а по существу представляет собою пронзительный по взволнованности портрет Булгакова: до боли узнаваемая фигура, со спины, во весь рост, в проеме дверей — с рыжеватыми, примятыми от лежанья волосами на затылке. Булгаков, может быть, в последний раз *входящий* в свою комнату.

13 ноября.

...Афиногенов послал в МХАТ просьбу не ставить его «Ложь». — Свою пьесу «Ложь» А. Н. Афиногенов посылал Сталину. Сталин прочел ее и вернул с многочисленными пометами в тексте и записями на полях: «Ха-ха!», «Чепуха», «Тарабарщина» и др. Драматург переработал пьесу, послал ее Сталину вторично. Второй вариант также не получил одобрения. Афиногенов обратился к Сталину с письмом: «Уважаемый Иосиф Виссарионович! Т. Киршон сообщил мне, что Вы остались недовольны вторым вариантом пьесы „Семья Ивановых“ („Ложь“). Прежде чем снять пьесу — хотелось бы показать Вам результат работы над ней актеров

МХАТ 1-го и 2-го (в первых числах декабря с. г.). Если же Вы находите это излишним, — я немедленно сам сниму пьесу. Прошу Вас сообщить мне Ваше мнение по данному вопросу. С коммунистическим приветом. *А. Афиногенов*». Письмо вернулось с резолюцией: «Т. Афиногенов! Пьесу во втором варианте считаю неудачной. *И. Сталин*».

Тогда Афиногенов пьесу снял. В Харькове (см. запись 16 ноября) успела пройти премьера.

14 ноября.

...роль судьи в «Пиквикском клубе». — Инсценировку «Пиквикского клуба» для МХАТа сделала Наталия Алексеевна Венкстерн (1893—1957), писательница, драматург, принадлежавшая к кругу близких друзей Булгакова. Очень любивший и отлично знавший Диккенса Булгаков принимал близко к сердцу и инсценировку и спектакль. Л. Е. Белозерская-Булгакова рассказывает: «Московский Художественный театр заказал писательнице инсценировку „Пиквикского клуба" Диккенса. По Москве тогда пошли слухи, что пьесу написал Булгаков. Это неправда: Москва любит посплетничать. Наташа приносила готовые куски, в которых она добросовестно старалась сохранить длинные диккенсовские периоды, а М. А. молниеносно переделывал их в короткие сценические диалоги. Было очень интересно наблюдать за этим колдовским превращением. Но Наталия Венкстерн, женщина умная и способная, очень скоро уловила, чего добивался Булгаков» (О, мед воспоминаний. С. 102).

17 ноября.

...на открытии театра Рубена Симонова... — Р. Н. Симонов, актер и режиссер Театра им. Вахтангова (блестящий исполнитель роли Аметистова в пьесе Булгакова «Зойкина квартира»), с 1928 г., одновременно с работой в театре, руководил театром-студией, носившей его имя.

25 ноября.

Свечины — давние друзья Елены Сергеевны; упоминаются в ее письмах 20-х гг.

1 декабря.

Комедия «Полоумный Журден. Мольериана в трех действиях» написана Булгаковым в 1932 г. для театра-студии Ю. Завадского. При жизни Булгакова не ставилась. *Мордвинов Б. А.* — режиссер МХАТа.

9 декабря.

...возобновляются мольеровские репетиции. — Договор на постановку «Мольера» во МХАТе Булгаков подписал 20 октября 1931 г., но только 31 марта 1932 г. начались репетиции. Девять репетиций прошли в марте — июне 1932 г. и еще тридцать четыре — в январе — июне 1933-го. *Николай Михайлович Горчаков* (1898—1958) — режиссер спектакля.

11 декабря.

Нусинов И. М. — критик. В статье «Булгаков» (Литературная энциклопедия. 1929. Т. 1) писал: «Весь творческий путь Б[улгакова] — путь классово враждебного советской действительности человека. Б[улгаков] — типичный представитель тенденций „внутренней эмиграции"». О пьесе «Дни Турбиных» — в статье «Путь М. Булгакова» (Печать и революция. 1929. № 4): Булгаков «перешел в идеологическое наступление. Он из своего романа сделал театральную агитку, написанную не для красноармейской аудитории, а на вкус того класса, из которого

Булгаков вышел», «лишь острую законченную агитку, имеющую целью показать, что обитатели дома Турбиных были почти что святые, а народ, погубивший их, — дьявол».

12 декабря.

«Машиналь» — пьеса американской писательницы С. Тредуэлл.

1934

3 января.

...свои деловые отношения с издательством Фишер... — Отношения Булгакова с зарубежными издательствами и агентствами складывались тяжело. Советский Союз не был членом Международной конвенции по авторскому праву, и предложения о защите авторского права приходилось принимать от зарубежных агентств — не столько надежных, сколько настойчивых. Булгаков писал: «Как письмо оттуда (из-за границы. — *Л. Я.*) — на стол как кирпич. Содержание их мне известно до вскрытия конвертов: в одних запрашивают о том, что делать и как быть и как горю пособить с такой-то моей пьесой там-то, а в других время от времени сообщают, что там-то или где-то у меня украли гонорар...» (набросок неотправленного письма к П. С. Попову, 8—13 июня 1932 г.); «Ты, надеюсь, понимаешь, что от дел с моими пьесами у меня голова идет кругом. Никоим образом, сидя у окошечка на Пироговской, нельзя управиться с заграничными вопросами. И происходит чертова по временам кутерьма. Тут все: и путаница в сношениях с издательствами и появление разнобойных текстов одних и тех же вещей, по временам фортеля, которые выкидывают некоторые субъекты типа знаменитого Каганского, словом, все прелести» (письмо Н. А. Булгакову, 14 сентября 1933 г.).

Отметим, что посредничество Лайонса тоже оказалось ненадежным, и Булгаков, по истечении срока договора, не возобновил его.

9 января.

...сцена за сценой — намечает пьесу. — Булгаков возвращается к комедии, которую уничтожил в 1930 г. (см. в письме «Правительству СССР» от 28 марта 1930 г.: «И лично я, своими руками, бросил в печку... черновик комедии...»). В ближайшее время она получит название «Блаженство» (Макарúя, или острова Блаженства, страна Блаженства, в античной мифологии — расположенное непосредственно на земле счастливое и вечное обиталище героев, рай).

20 января.

В театре Немировича... — Опера Д. Д. Шостаковича «Катерина Измайлова» в Музыкальном театре им. В. И. Немировича-Данченко. Постановщик В. И. Немирович-Данченко, художник В. В. Дмитриев.

Василенко Сергей Никифорович — композитор. Л. Е. Белозерская-Булгакова рассказывает, что знакомство Булгакова и Василенко относится к 1929—1930 гг. (О, мед воспоминаний. С. 132).

23 января.

...лежа, диктовал мне главу из романа... — Булгаков продолжает много работать над романом. В рукописи даты: 30 декабря 1933 г., 4, 6, 7, 8 января... «Пожар в Берлиозовой квартире» написан рукою Елены Сергеевны.

5 февраля.

Соколова Вера Сергеевна (1896—1942) — первая исполнительница роли Елены в «Днях Турбиных». Пьеса Д. П. Смолина «Елизавета Петровна» с Соколовой в роли Елизаветы и с участием Хмелева, Яншина, Станицына впервые поставлена в 1925 г. Второй студией МХАТа, влившейся непосредственно вслед за этим в основной состав МХАТа.

11 февраля.

...а главное — надписью. — См. с. 17.

27 марта.

...переезжали на новую квартиру... — в Нащокинский пер., 3. Елена Сергеевна писала сестре: «...Вышло гораздо лучше, что я переехала. Там у меня было ужасно трудное самочувствие, температура утром каждый день 38, а вечером 39 и 39,3. А здесь — вчера вечером — 38, а утром сегодня 37,3. Меня Миша перевез в закрытой машине и сейчас же уложил. Ни в укладке, ни в раскладке — я пальцем о палец не ударила, все лежу. Пролежу, наверно, еще дня три» (19 февраля 1934 г.).

«Война и мир». — Инсценировку «Войны и мира» Булгаков создал в сентябре 1931 — феврале 1932 гг. Но ни Большой драматический театр в Ленинграде, заказавший эту вещь, ни МХАТ, необыкновенно заинтересовавшийся ею, пьесу так и не поставили.

Сахновский Василий Григорьевич (1886—1945) — режиссер МХАТа, постановщик булгаковской инсценировки «Мертвых душ». С 1932 г. — заместитель директора МХАТа по художественной части.

Топорков Василий Осипович (1889—1970) — актер МХАТа. Неповторимый Чичиков в булгаковской инсценировке «Мертвых душ». В возобновленных в 1932 г. «Днях Турбиных» — Мышлаевский, в очередь с Б. Г. Добронравовым, первым исполнителем этой роли. С. П. Раевский приводит свой диалог с Булгаковым, состоявшийся в конце 1933 г.:

«— Но как же Мышлаевский? Ведь его теперь поочередно играют Добронравов и Топорков, причем они создают совсем различные типы? — спросил я.

— Да, это так. Но мне кажется, что Топорков моего Мышлаевского лучше понял» (цит. по кн.: Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 317).

13 апреля.

На днях приходил кинорежиссер Пырьев... — В марте 1934 г. заместитель директора московской кинофабрики «Союзфильм» И. В. Вайсфельд и кинорежиссер И. А. Пырьев обращаются к Булгакову с предложением о создании киносценария по «Мертвым душам». Это предложение, как и последовавшее затем предложение «Украинфильма» об экранизации «Ревизора», Булгаков принимает охотно. (См. удивленную запись Е. С. Булгаковой 15 августа: «Это было так непохоже на обычные ответы М. А. — поразило меня».) Кинематографичнейший из писателей, он, по-видимому, уже осознавал необходимость своего выхода на экран. Работа идет энергично. 10 мая Булгаков сдаст «Экспозицию», в которой обстоятельно изложит принципы предстоящей экранизации; 17 мая — «Дополнение к экспозиции», или весьма подробный конспект сценария; и летом того же года напишет текст киносценария «Похождения Чичикова, или Мертвые души» по поэме Н. В. Гоголя.

1 мая.

...читал в Сатире «Блаженство». — Договор с Московским театром Сатиры был подписан 25 марта 1934 г. 25 апреля Булгаков не только читает, но и сдает текст пьесы в театр (имеется расписка), и 5 мая газета «Советское искусство» спешит сообщить, что комедия «принята к постановке». (При жизни драматурга она так и не была поставлена.)

Чтение прошло вяло. — Автору этого комментария Е. С. Булгакова говорила, что пьесу слушали «с испугом»; особенно смущали «картины в будущем»; история же с Иваном Грозным казалась безобидной, «спокойной» и обещала быть очень смешной; поэтому театр «просил царя»...

Н. М. Горчаков с 1933 г., параллельно с работой во МХАТе, — художественный руководитель Московского театра Сатиры; судьбу «Блаженства» решал он; в дальнейшем — он же постановщик комедии «Иван Васильевич». *Поль П. Н., Кара-Дмитриев Д. Л., Милютина Е. Я.* — актеры театра Сатиры.

Прошение о двухмесячной поездке за границу... — 26 апреля 1934 г. Булгаков писал В. В. Вересаеву: «Решил подать прошение о двухмесячной заграничной поездке: август — сентябрь. Несколько дней лежал, думал, ломал голову, пытался советоваться кое с кем. „На болезнь не ссылайтесь“. Хорошо, не буду. Ссылаться можно, должно только на одно: я должен и я имею право видеть хотя бы кратко — свет. Проверяю себя, спрашиваю жену, имею ли я это право. Отвечает — имеешь. Так что ж, ссылаться, что ли, на это?

Вопрос осложнен безумно тем, что нужно ехать непременно с Еленой Сергеевной. Я чувствую себя плохо. Неврастения, страх одиночества превратили бы поездку в тоскливую пытку. Вот интересно, на что тут можно сослаться? Некоторые из моих советников при словах «с женой» даже руками замахали. А между тем махать здесь нет никаких оснований. Это правда, и эту правду надо отстоять. Мне не нужны ни доктора, ни дома отдыха, ни санатории, ни прочее в этом роде. Я знаю, что мне надо. На два месяца — иной город, иное солнце, иное море, иной отель, и я верю, что осенью я в состоянии буду репетировать в проезде Художественного театра, а может быть, и писать».

11 мая.

Новый театр (с 1953 г. Ленинградский театр им. Ленсовета). — Возможно, об этом театре Булгаков писал П. С. Попову из Ленинграда 10 июля 1934 г.: «С „Блаженством“ здесь произошел случай, выпадающий за грани реального. Номер „Астории“. Я читаю. Директор театра, он же и постановщик, слушает, выражает полное и, по-видимому, неподдельное восхищение, собирается ставить, сулит деньги и говорит, что через сорок минут придет ужинать вместе со мной. Приходит через сорок минут, ужинает, о пьесе не говорит ни одного слова, и затем проваливается сквозь землю и более его нет! Есть предположение, что он ушел в четвертое измерение».

13 мая.

В письме А. М. Горькому от 1 мая 1934 г. Булгаков просил поддержать его ходатайство о двухмесячной заграничной поездке:

«Хорошо помня очень ценные для меня Ваши одобрительные отзывы о пьесах „Бег“ и „Мольер“, я позволяю себе беспокоить Вас

просьбой поддержать меня в деле, которое имеет для меня действительно жизненный и чисто писательский смысл.

Собственно говоря, для моей поездки нужен был бы несколько больший срок, но я не прошу о нем, так как мне необходимо быть осенью в МХТ, чтобы не срывать моей режиссерской работы в тех пьесах, где я занят (в частности, „Мольер").

Я в такой мере переутомлен, что боюсь путешествовать один, почему и прошу о разрешении моей жене сопровождать меня.

Я знаю твердо, что это путешествие вернуло бы мне работоспособность и дало бы мне возможность, наряду с моей театральной работой, написать книгу путевых очерков, мысль о которых манит меня».

18 мая.

Лоли — домашнее имя Екатерины Ивановны Буш, воспитательницы Сергея и преданного друга Елены Сергеевны.

1 июня.

Была у нас Ахматова. — Ср.: Ахматова А. А. Листки из дневника (О Мандельштаме): «13 мая 1934 года его (Мандельштама. — *Л. Я.*) арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда (где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым). Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России (мне принесли его уже после бегства Ремизова — 1921 г.), и статуэтку работы Данько (мой портрет, 1924 г.), для продажи...

Через 15 дней, рано утром, Наде (Н. Я. Мандельштам. — *Л. Я.*) позвонили и предложили, если она хочет ехать с мужем, быть вечером на Казанском вокзале. Все было кончено, Нина Ольшевская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку все содержимое своей сумочки» (цит. по публ. В. Виленкина в журн.: Вопр. лит. 1989. № 2. С. 207, 209).

4 июня.

...был день моих имянин. — Е. С. Булгакова неизменно пишет так: имянин. 3 июня — день Константина и Елены.

20 июля.

...а нам — последним — белые бумажки — отказ. — Эти майско-июньские события 1934 г. Булгаков в письме к В. В. Вересаеву от 11 июля 1934 г. излагает так:

«17 мая лежу на диване. Звонок по телефону, неизвестное лицо, полагаю, служащий: „Вы подавали? Поезжайте в ИНО Исполкома, заполняйте анкету Вашу и Вашей жены".

К 4 часам дня анкеты были заполнены. И тут служащий говорит: „Вы получите паспорта очень скоро, относительно Вас есть распоряжение. Вы могли бы их получить сегодня, если бы пришли пораньше. Получите девятнадцатого".

Цветной бульвар, солнце, мы идем с Еленой Сергеевной и до самого центра города говорим только об одном — послышалось или нет? Нет, не послышалось, слуховых галлюцинаций у меня нет, у нее тоже.

Как один из мотивов указан мной был такой: хочу написать книгу о путешествии по Западной Европе.

Наступило состояние блаженства дома. Вы представляете себе: Па-

риж! памятник Мольеру... здравствуйте, господин Мольер, я о Вас и книгу и пьесу сочинил; Рим! — здравствуйте, Николай Васильевич, не сердитесь, я Ваши „Мертвые души" в пьесу превратил. Правда, она мало похожа на ту, которая идет в театре, и даже совсем не похожа, но все-таки это я постарался... Средиземное море! Батюшки мои!..

Вы верите ли, я сел размечать главы книги!

Сколько наших литераторов ездило в Европу — и кукиш с маслом привезли! Ничего! Сережку нашего если послать, мне кажется, он бы интереснее мог рассказать об Европе. Может быть, и я не сумею? Простите, попробую!

19-го паспортов нет. 23-го — на 25-е, 25-го — на 27-е. Тревога. Переспросили: есть ли распоряжение. — Есть. Из Правительственной комиссии, через Театр, узнаем: „Дело Булгаковых устроено".

Чего еще нужно? Ничего.

Терпеливо ждать. Ждем терпеливо.

Тут уж стали поступать и поздравления, легкая зависть: „Ах, счастливцы!"

— Погодите, — говорю, — где ж паспорта-то?

— Будьте покойны! (Все в один голос.)

Мы покойны. Мечтания: Рим, балкон, как у Гоголя сказано — пинны, розы... рукопись... диктую Елене Сергеевне... вечером идем, тишина, благоухание... Словом, роман! В сентябре начинает сосать под сердцем: Камергерский переулок, там, наверно, дождик идет, на сцене полумрак, чего доброго, в мастерских „Мольера" готовят...

И вот в этот самый дождик я являюсь. В чемодане рукопись, крыть нечем!

Самые трезвые люди на свете — это наши мхатчики. Они ни в какие розы и дождики не веруют. Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта (а в этом году как раз их едет очень много), включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру — катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта открыть, как я уже взялся за сердце.

Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку — М. А. Булгакову отказано.

Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавет Воробей! О ней нечего и разговаривать!

Впечатление? Оно было грандиозно, клянусь русской литературой! Пожалуй, правильней всего все происшедшее сравнить с крушением курьерского поезда. Правильно пущенный, хорошо снаряженный поезд, при открытом семафоре, вышел на перегон — и под откос!

Выбрался я из-под обломков в таком виде, что неприятно было глянуть на меня».

Безыменский А. И. — поэт, один из самых яростных критиков Булгакова. Узнается за фигурой Двубратского в романе «Мастер и Маргарита». В «Открытом письме МХАТу» (Комс. правда. 1926. 14 окт.) Безыменский писал: «Вы, Художественный театр, извращением исторической, художественной и человеческой истины от лица классовой правды Турбиных дали пощечину памяти моего брата...» (отсюда фамилия — Двубратский). Это же «Открытое письмо МХАТу» Булгаков с негодованием

цитирует в своем письме «Правительству СССР»: «Писали „о Булгакове, который чем был, тем и останется, *новобуржуазным отродьем,* брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы“» (выделено Булгаковым).

...написал письмо обо всем этом Сталину. — В письме, подробно и доверительно излагающем события 17 мая — 7 июня 1934 г., Булгаковым подчеркнуты две реплики: «— *Паспорта вы получите очень скоро, так как относительно вас есть распоряжение. Вы могли бы их получить сегодня,* но уже поздно. Позвоните ко мне восемнадцатого утром»; и ниже (о 23 мая):

«Тогда я несколько насторожился и спросил служащего, точно ли обо мне есть распоряжение и не ослышался ли я 17 мая?

На это мне было отвечено так:

— Вы сами понимаете, я не могу вам сказать, чье это распоряжение, *но распоряжение относительно вас и вашей жены есть,* так же как и относительно писателя Пильняка».

Заканчивается письмо так: «Обида, нанесенная мне в ИНО Мособлисполкома, тем серьезнее, что моя четырехлетняя служба в МХАТ для нее никаких оснований не дает, почему я и прошу Вас о заступничестве».

...из-за денег мучились много... — По-видимому, Елене Сергеевне и на этот раз не удалось получить от ленинградских театров деньги за гастроли.

Первый сделал в Ленинграде, и Пырьев попросил переделать. — 10 июля 1934 г. из Ленинграда Булгаков писал П. С. Попову: «Люся утверждает, что сценарий („Мертвых душ“. — *Л. Я.*) вышел замечательный. Я им показал его в черновом виде и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть сцена суворовских солдат посреди ноздревской сцены, отдельная большая баллада о капитане Копейкине, панихида в имении Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтом на балконе, — все это подверглось полному разгрому! Удастся сохранить только Копейкина, и то сузив его. Но — Боже! — до чего мне жаль Рима!

Я выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, как они желают, так что они даже изумились».

15 августа.

Из Парижа прислали перевод «Зойкиной». У М. А. волосы стали дыбом. — 1 августа Булгаков пишет Николаю, в Париж: «Получен и французский текст „Зойкиной“... Прошу тебя со всей внушительностью и категорически добиться исправления неприятнейших искажений моего текста, которые заключаются в том, что переводчик вставил в первом акте (а возможно, и еще где-нибудь) имена Ленина и Сталина. Прошу тебя добиться, чтобы они были немедленно вычеркнуты. Я надеюсь, что тут нечего долго объяснять, насколько неуместно введение фамилий членов правительства СССР в комедию. Так нельзя искажать текст! Я был поражен, увидев эти вставки с фамилиями в речи Аметистова! На каком основании? У меня ничего этого нет! Словом, этого делать нельзя!»

Аналогичное письмо накануне было послано Марии Рейнгардт.

23 августа.

Эрдман Борис Робертович (1899—1960) — театральный художник.

Брат драматурга Николая Эрдмана. В 30-е гг. — один из близких друзей Булгаковых.

Стецкий А. И. — партийный функционер; здесь: имя нарицательное.

24 августа.

Середняки — здесь: среднее поколение актеров МХАТа.

25 августа.

Мамошин И. А. — секретарь парткома МХАТа.

6 сентября.

Нижний кабинет. — Ср. описание «нижнего кабинета» в главе 9-й и «верхнего кабинета» в главе 10-й «Театрального романа», а также диалог в главе 13-й, когда Максудов говорит об Иване Васильевиче:

«— Ведь нельзя же иметь дело с человеком, который никого не слушает!

— Нет, он слушает. Он слушает трех лиц: Гавриила Степановича, тетушку Настасью Ивановну и Августу Авдеевну. Вот три лица на земном шаре, которые могут иметь влияние на Ивана Васильевича. Если же кто-либо другой, кроме указанных лиц, вздумает повлиять на Ивана Васильевича, он добьется только того, что Иван Васильевич поступит наоборот». (Прототип Гавриила Степановича — Н. В. Егоров.)

7 сентября.

«Следопыт» — роман Ф. Купера. Ср. в «Записках юного врача»: «Порою нас заносило вовсе снегом, выла несусветная метель, мы по два дня сидели в Муравьевской больнице, не посылали даже в Вознесенск за девять верст за газетами, и долгими вечерами я мерил и мерил свой кабинет и жадно хотел газет, так жадно, как в детстве жаждал куперовского „Следопыта“».

Авель Сафронович — Енукидзе. *Бубнов А. С.* — в 1929—1937 гг. нарком просвещения.

Марков Павел Александрович (1897—1980) — театральный критик, театровед; с 1925 г. — заведующий литературной частью Художественного театра; способствовал постановке «Дней Турбиных» и «Мертвых душ» во МХАТе, активно стремился к постановке «Бега». Прототип Миши Панина в «Театральном романе». *Павла Маркова совсем вон.* — Ср. в «Театральном романе», там, где Бомбардов напутствует Максудова перед свиданием с Иваном Васильевичем: «Тут прогремели звонки, Бомбардов заторопился, ему нужно было идти на репетицию, и дальнейшие наставления он давал сокращенно: — Мишу Панина вы не знаете...»

От Пырьева получен сценарий «Мертвых душ». — К сценарию приложено письмо И. А. Пырьева (15 сентября 1934 г.): «Многоуважаемый Михаил Афанасьевич! Посылаю Вам экземпляр сценария, в котором я сделал кое-какие режиссерские поправочки, прошу за них на меня не обижаться. Дня через два, если позволите, я к Вам зайду лично, и тогда мы эти „поправочки“ обговорим...»

Личное свидание, по-видимому, не состоялось, и только 5 ноября Булгаков ответил Пырьеву: «Милый Иван Александрович! При просмотре экземпляра сценария „Мертвых душ“, переписанного с Вашими режиссерскими добавлениями, я обнаружил многие вещи, которые следует немедленно исправить. В частности, на балу Вы ввели *менуэт.* Я не могу сейчас сделать срочной проверки танцев того времени, но и без этой

проверки могу сказать, что на губернаторском балу менуэт в чичиковские времена никак танцевать не могли. Менуэт надо убрать.

Далее: на 56-й странице у Вас введен *урядник*. Урядники появились в России в 1878 году. Следовательно, урядника надо немедленно убрать.

Еще: на стр. 41-й введена странная надпись: „*Несравненно замечательное впечатление он произвел на дам...*" Такой надписи быть не может!

Вообще весь сценарий содержит такое множество стилистических ошибок и всякого рода искажений, что его надлежит немедленно править. И я прошу Вас прислать мне экземпляр для того, чтобы я его выправил, с этого выправленного переписать и лишь тогда давать его читать. Я не хочу отвечать за те ошибки, которые в нем содержатся. На сценарии стоит моя фамилия, и я, как автор, настаиваю на том, чтобы текст был мною выправлен». (Оба письма цит. по ст.: Егоров Б. Ф. М. А. Булгаков — «переводчик» Гоголя//Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома, 1976. Л., 1978. С. 75—76).

16 сентября.

Вечером — Лямин. Миша читал ему несколько глав романа. — 10—15 сентября 1934 г. Булгаковым вчерне написаны несколько важнейших последних глав, еще не имеющих ни названий, ни нумерации. В этих главах описан подвальчик, в котором герой очнулся после шабаша; диалог Маргариты с неизвестным, появившимся за окном:

«— Богохульский дома?

— Никакого Богохульского здесь нет, — ответила грубым голосом Маргарита.

— Как это так нету? — растерянно спросили в форточке. — Куда же он девался?

— Его гепеу арестовало, — ответила строго Маргарита и прибавила: — А твоя фамилия как?»

Здесь дано явление «фиолетового всадника»:

«...пятая лошадь грузно обрушилась на холм, и фиолетовый всадник соскочил со спины. Он подошел к Воланду, и тот, прищурившись, наклонился к нему с лошади. Коровьев и Бегемот сняли картузики, Азазелло поднял в виде приветствия руку, хмуро скосился на прилетевшего гонца. Лицо того печальное и темное было неподвижно, шевелились только губы. Он шептал Воланду...»

Что именно шептал он, еще не слышно, но уже слышен «мощный бас Воланда», ответно разлетевшийся «по всему холму»:

«— Очень хорошо, — говорил Воланд, — я с особенным удовольствием исполню волю пославшего. Исполню».

В главе, датированной 15 сентября, к герою, которого автор до сих пор называл «поэтом», Азазелло впервые обращается со словом «мастер».

17 сентября.

Илья — И. Я. Судаков.

Шапошников Борис Валентинович (1890—1956) — художник, искусствовед, сотрудник и действительный член ГАХНа с самого начала его основания. В 1930 г. был сослан в Великий Устюг; по возвращении — директор Музея Л. Н. Толстого в Москве. «В конце 40-х годов, также стремясь резко изменить свою жизнь, чтобы, может быть, как-то спастись от постоянно висевшей над ним, как и над многими другими, угрозы репрессий ⟨...⟩, переехал в Ленинград и занялся восстановлением му-

зеев и музейных комплексов, связанных с именем Пушкина, стал директором Музея Пушкинского дома» (Шапошникова Н. В. С. 104).

На чтениях у Н. Н. Лямина в 1925 г. познакомился с Булгаковым и стал одним из самых близких его друзей. Расцвет их дружбы приходится на 20-е гг.

20 сентября.

Марианна Толстая (р. 1911) — дочь писателя А. Н. Толстого. В конце 1933 г. познакомилась с Е. А. Шиловским (писала близким: «Красивый синеглазый военный с тремя ромбами в петлицах... Ему 43 года...» — Толстая М. А. Тихая музыка памяти//Нева. 1987. № 8). С 1936 г. — жена Е. А. Шиловского.

21 сентября.

Вечером М. А. писал роман. — 21 сентября 1934 г. в тетради романа датирована глава «Ночь»: всадники на своих черных конях летят над землею, над морем, над сверкающим городом. Можно догадаться, что это — Рим... «Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и нищ», — говорит Мастер, и Воланд дарует ему несколько мгновений побыть невидимым в толпе...

Впрочем, не исключено, как это нередко в публикуемых дневниках, что речь идет о вечере накануне — о вечере 20 сентября. Если так, то Е. С. отмечает здесь работу писателя над сценой «Свист», предшествующей главе «Ночь».

30 сентября.

Р. К. — Рипсимэ Карповна (Таманцова).

12 октября.

Басов Осип Николаевич (1892—1934) — актер и режиссер Театра им. Вахтангова.

16 октября.

Ульянов Н. П. — театральный художник, автор первоначального оформления спектакля «Мольер». *Гремиславский И. Я.* — театральный художник, заведовал постановочной частью МХАТа.

18 октября.

Мария Гермогеновна — жена В. В. Вересаева.

...письмо с фабрики. — 18 октября Булгаков получил от директора кинофабрики С. А. Саврасова и заместителя директора И. В. Вайсфельда письмо с требованием внести новые изменения в сценарий «Мертвых душ». Его ответ датирован 22 октября:

«...сообщаю Вам, что я согласен произвести в сценарии „Мертвых душ" те переделки, которые указаны в письме, но при условии, что эта работа будет оплачена фабрикой.

По нашему договору фабрика могла требовать от меня переделки сценария *два раза.* Дважды мною и были произведены переделки, после чего сценарий был принят фабрикой. Вновь предложенная мне работа не входит в мой договор и должна быть оплачена отдельно...

Меня крайне удивило то, что Вы пишете в письме о возможности привлечения другого автора для осуществления переделок. Фабрика не имеет права вводить в мою работу никакого другого соавтора...» (цит. по: Егоров Б. Ф. С. 76—77).

20 октября.

«Привидения» — пьеса Г. Ибсена.

17 ноября.

Вечером приехала Ахматова. Ее привез Пильняк из Ленинграда на своей машине. — Э. Герштейн рассказывает: «...Анна Андреевна совершила с Пильняком экзотическую поездку в открытой машине из Ленинграда в Москву. Знакомым она, бравируя, говорила, что отделалась только легким насморком. Но мне рассказала о пренеприятном дорожном происшествии. Где-то под Тверью случилась небольшая авария, пришлось остановиться и чинить машину. Сбежались колхозники. И легковая машина, и костюм Пильняка обнаруживали в нем советского барина. Это сразу вызвало вражду. Одна баба всю силу своего негодования обратила на Ахматову. „Это — дворянка, — угрожающе выкрикивала она, — разве не видите? Я сразу признала“» (Вопр. лит. 1989. № 6. С. 254).

Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке. — Это — одно из мест дневников, в чтении которых особенно горько чувствуется утрата первой редакции. Соединение имен Мандельштама и Пастернака, возможно, означает, что Ахматова пересказывала разговор Пастернака со Сталиным, позднее в ее записях изложенный так:

«Сталин сообщил, что отдано распоряжение, что с Мандельштамом будет все в порядке. Он спросил Пастернака, почему тот не хлопотал. „Если бы мой друг поэт попал в беду, я бы лез на стену, чтобы его спасти“. Пастернак ответил, что если бы он не хлопотал, то Сталин бы не узнал об этом деле. „Почему вы не обратились ко мне или в писательские организации?“ — „Писательские организации не занимаются этим с 1927 года“. — „Но ведь он ваш друг?“ Пастернак замялся, а Сталин после недолгой паузы продолжил вопрос: „Но ведь он же мастер, мастер?“ Пастернак ответил: „Это не имеет значения“.

Борис Леонидович думал, что Сталин его проверяет, знает ли он про стихи, и этим он объяснил свои шаткие ответы.

...„Почему мы все говорим о Мандельштаме и Мандельштаме, я так давно хотел с вами поговорить“. — „О чем?“ — „О жизни и смерти“. Сталин повесил трубку» (цит. по: Виленкин В. С. 209).

21 ноября.

День имянин М. А. — 21 ноября, или 8 ноября по ст. ст., — день архангела Михаила.

26 ноября.

Коростин М. С. — кинорежиссер. По сообщению Г. С. Файмана (см.: Искусство кино. 1983. № 9), в некоторых документах эта фамилия пишется так: Каростин.

1 декабря.

...имя М. А. в проспекте на 1935 год. — «Мольер» Булгакова действительно был объявлен журналом «Красная новь» на 1935 год. Публикация не состоялась.

9 декабря.

Русланов Л. П. — актер и режиссер Театра им. Вахтангова.

10 декабря.

Такие разговоры действуют на М. А. угнетающе. — В 1-й ред. (она сохранилась начиная с 5 декабря 1934 г.) далее: «С моей точки зрения все эти разговоры — бессмыслица совершенная. Приходят к писателю умному, знатоку Гоголя — люди нехудожественные, без вкуса, и уверенным тоном излагают свои требования насчет художественного произведения, над которым писатель этот работает, утомляя его безмерно и наводя скуку. Угостила их, чертей, вкусным ужином — икра, сосиски, печеный картофель, мандарины».

12 декабря.

...решили идти на договор с театром. — В 1-й ред. далее: «Отдыхаю душой, когда они говорят о Пушкине». И запись *13 декабря,* во 2-й редакции отсутствующая:

«Вечером я пошла к Троицким. ⟨...⟩ При уходе они мне рассказали, что доктор Дж... (неразб.) два года назад клятвенно их заверял, что брак наш с Мишей продержится не больше года, и демонически при этом хохотал.

Я его выругала им тут же сукиным сыном и сволочью и сказала Лиде на ее слова: „Я ему напомнила о его сестре, которая тоже...“ — „Ты бы лучше мать его вспомнила!“ — что привело Ивана Алек. и поклонника Лидиного в дикий восторг.

До каких пор все посторонние люди будут вмешиваться в наши любовные дела и обсуждать, сколько времени мы будем жить вместе!»

Троицкие — давние друзья Елены Сергеевны, упоминаются в ее письмах к сестре в 20-е гг.

15 декабря.

В 1-й ред. запись: «Читала книжку Заяицкого — страшно понравилось. А Миша о нем отзывался, как о очень приятном и талантливом человеке».

17 декабря.

Егоров возмущался... — В 1-й ред.: «До чего верны характеристики, которые дает людям Миша. Егоров передо мной играл когда-то роль христианина, человека, который только и думает о том, чтобы сделать людям добро. На самом же деле он — злой, мстительный, завистливый, дрянной и мелкий человек!»

28 декабря.

М. А. перегружен мыслями, мучительными. — В 1-й ред.: «Я чувствую, насколько вне Миши работа над „Ревизором“, как он мучается с этим. Работа над чужими мыслями из-за денег. И безумно мешает работать над Пушкиным».

...свои мысли о пьесе. — В 1-й ред.: «Виден Николай, видна Александрина — и самое сильное, что осталось в памяти сегодня, сцена у Геккерена — приход слепого Строганова, который решает вопрос — драться или не драться с Пушкиным Дантесу. Символ — слепая смерть со своим кодексом дуэли убивает».

31 декабря.

В 1-й ред.: «Кончается год. И вот, проходя по нашим комнатам, часто ловлю себя на том, что крещусь и шепчу про себя: „Господи! Только бы и дальше было так!“».

1935

1 января.

...и он мне диктовал сценарий. — В 1-й ред.: «А вечером мне Миша диктовал „Ревизора“».

2 января.

При редактировании Е. С. опустила следующую запись: «Неприятное впечатление в трамвае вечером после театра. Какой-то вдрызг пьяный тип в шлеме с голубой звездой явно хотел затеять скандал по поводу моей шубы. И две бабы хихикали и с любопытством подзуживали его на это. Не в первый раз замечаю эту ненависть к шубе!»

4 января.

В 1-й ред. после рассказа Ольги об Афиногенове перечеркнутый карандашом текст: «Я слушала ее, молчала и только смотрела на нее таким взглядом!.. Это мне говорить о жалости к Афиногенову! Мне, жене Миши, которого травили и душили в продолжение всей его литературной жизни! Но дело не в этом, а вот в чем: не означают ли все эти тухлые разговоры того, что Немирович хочет опять оттеснить „Мольера“ и выпустить на скорую руку афиногеновскую пьесу с тем, чтобы укрепить свою репутацию?»

И далее: «Я не знаю, кто и когда будет читать мои записи. Но пусть не удивляется он тому, что я пишу только о делах. Он не знает, в каких страшных условиях работал Михаил Булгаков, мой муж».

13 января.

...на генеральной «Китежа» — в Большом театре.

16 января.

«Шляпа» в Вахтанговском — комедия В. Ф. Плетнева.

24 января.

Горчаков привез эскизы Вильямса к «Мольеру». — Петр Владимирович Вильямс (1902—1947) — выдающийся театральный художник. В числе его лучших работ — декорации к «Пиквикскому клубу» и «Мольеру» во МХАТе. Оформлял посмертную постановку пьесы Булгакова «Последние дни» (МХАТ, 1943). С середины 30-х гг. один из близких друзей Булгакова.

9 февраля.

Маруся Т. — вероятно, Мария Георгиевна Топленинова.

12 февраля.

М. А. читал... — В 1-й ред. запись: «Впечатление сильное, я в одном месте (сумасшествие Натальи) даже плакала».

18 февраля.

Я... сделала небольшой доклад... — В 1-й ред.: «Я не подготовилась, волновалась сильно, но вышло, кажется, неплохо. И Миша очень похвалил, и пушкинисты...» 23 февраля Е. С. напишет известному пушкинисту Л. Б. Модзалевскому:

«Уважаемый Лев Борисович!

Обращаюсь к Вам по совету Мстислава Александровича Цявловского. Дело в том, что мне, при изучении книги Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“ пришло в голову совершенно иное толкование некоторых запи-

сей Жуковского, чем у Щеголева, а также и Полякова. (Запись, в которой содержатся, между прочим, слова: Мрачность при ней. Веселость за ее спиной. При тетке ласка к жене и так далее, — относится не к Пушкину, а к Дантесу.)

Об этих своих мыслях я сделала доклад на небольшом собрании пушкинистов у В. В. Вересаева 18.II.1935, причем Цявловский, Вересаев и другие пушкинисты согласились с моим толкованием записей».

Далее она просит фотографии подлинных заметок Жуковского («Если бы оказалось возможным снять фотографии, сообщите мне, пожалуйста, сколько я должна выслать денег») и задает ряд профессионально точных архивистских вопросов.

Ответ Модзалевского не пришел; по-видимому, затерялся на почте (см. запись 7 апреля 1935 г.). Гипотезу же Е. С. М. А. Цявловский привел в комментарии к книге Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (М., 1936): «Смысл этих записей Жуковского неверно истолкован П. Е. Щеголевым, а вслед за ним А. С. Поляковым ⟨...⟩. В записях этих речь идет несомненно не о Пушкине, а о Дантесе. Такое осмысление записей принадлежит Е. С. Булгаковой, доклад которой я слышал у В. В. Вересаева в 1935 г.»

5 марта.

Тяжелая репетиция у Станиславского. — «Мольер» репетировался в 1932 г., и в 1933-м, и в 1934-м. Дважды менялся состав исполнителей. Дважды менялись художник спектакля и план постановки. Спектакль переносили с Большой сцены на сцену филиала и обратно. «...Ну что ж, ну, репетируем, — писал Булгаков Попову 14 марта 1934 г. — Но редко, медленно. И, скажу по секрету, смотрю на это мрачно. Люся без раздражения не может говорить о том, что проделывает Театр с этой пьесой».

5 марта 1935 г. пьесу, уже разученную, но все еще без костюмов и декораций, впервые представили Станиславскому. Весьма обстоятельный протокол репетиции запечатлел и требование Станиславского показать гениальность Мольера («Я уже за это время забыл эту пьесу, но самим вам, актерам, разве не хочется взяться за эту сторону — показать гения, о котором захочется поплакать?»; «А сейчас я смотрю и вижу жизнь простого человека»; реплика Булгакова: «Я и стремился, собственно, дать жизнь простого человека»), и споры об отдельных аспектах пьесы («...Он получается только драчун какой-то... И вообще о драках в пьесе. Они сильно вылезают». Булгаков: «Если вопрос идет о запальчивости его характера, то ведь и век его был такой, что с меньшим количеством эксцессов не обойдешься. Я думаю, что Мольеру в пьесе отпущено этого как раз порция... Вас кровь и драки шокируют, а для меня это ценная вещь; может быть, я заблуждаюсь, но мне кажется, что это держит зрителя в напряжении: „А вдруг его зарежут!“ Боязнь за его жизнь. А может быть, я большего и не могу дать... Моя главная задача была о том, чтобы он был живой»). И вздох драматурга: «Ведь уж пять лет тянется это, сил больше нет». И настойчивость режиссера: «Может быть, и жестоко с моей стороны требовать доработки, но это необходимо».

10 марта.

Маленький оперный зал в Леонтьевском. — Репетиции шли в квартире К. С. Станиславского в Леонтьевском переулке (ныне ул. Станиславского, 6). В. Я. Станицын исполнял роль Мольера, Б. Н. Ливанов — Муаррон.

14 марта Булгаков напишет Попову: «Теперь накомандовал Станислав-

ский... В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер гений и как этого гения надо описывать в пьесе.

Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за вас. Но нельзя, нельзя это сделать! Задавил в себе это, стал защищаться.

Дня через три опять! Поглаживая по руке, говорил, что меня надо оглаживать, и опять пошло то же.

Коротко говоря, надо вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер и прочее.

Все это примитивно, беспомощно, не нужно. И теперь сижу над экземпляром, и рука не поднимается. Не вписывать нельзя — пойти на войну — значит сорвать всю работу, вызвать кутерьму форменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплаты в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать!»

20 марта.

М. А. измучен. — В 1-й ред. далее: «Я перечитывала „Мольера". Пьеса, по-моему, сделана безукоризненно, волнует необычайно. А Станиславский предъявляет совершенно нелепые требования — пытается исключить лучшие места: стихотворение, сцену дуэли и т. д. Всего не упишешь. Доходило до того, что мы решали с Мишей вопрос — не написать ли письмо Станиславскому с отказом от поправок, взять пьесу и уйти».

И далее еще несколько существенных записей, не вошедших во 2-ю ред.:

«Сережа учится на фортепиано. У него очень хороший учитель, а, кроме того, дома с ним много занимается Миша и немного — я».

«Б. И. Ярхо сделал перевод „Мещанина во дворянстве", прислал Мише книжку с надписью.

Третьего дня примерно мы узнали, что он и Шпет арестованы. За что, мы, конечно, не знаем».

26 марта.

О концерте вагнеровском в 1-й ред.: «...Рейзен поет очень дурно, хотя голос у него очень сильный. Хорошо он спел только последнюю фразу заклинания. Сидели мы в шестом ряду. Я была в черном платье с разрезом на спине, что вызывало большое внимание. Одна дама злобно сказала: „Ненавижу такие вещи!.."»

Миша продиктовал мне девятую картину — набережная Мойки. — В 1-й ред. далее: «Трудная картина — зверски! Толпу надо показать. Но, по-моему, он сделал очень здорово!

Я так рада, что он опять вернулся к Пушкину. Это время, из-за мучительства у Станиславского с „Мольером", он совершенно не мог диктовать. Но, по-видимому, мысли и образы все время у него в голове раскладывались, потому что картина получилась убедительная и выношенная основательно. Замечательная концовка сцены — из темной подворотни показываются огоньки — свечки в руках, жандармы... Хор поет „Святый Боже..."».

...отзыв о режиссерском сценарии «Мертвых душ». — Режиссерский сценарий был прислан Булгакову на отзыв еще 13 декабря 1934 г., но писатель медлил с ответом. 20 января в «Вечерней Москве» появилось сообщение: «...режиссер Ив. Пырьев начал снимать звуковой фильм

„Мертвые души“ Н. В. Гоголя. Сценарий написан М. А. Булгаковым и Ив. Пырьевым». Тогда Е. С. написала режиссеру письмо:

«Уважаемый Иван Александрович, вот уже в течение месяца я никак не могу добиться, чтобы Вы пришли обсудить вопрос о режиссерском сценарии „Мертвые души“, который прислан с 1-й фабрики для дачи Мих. Аф. своего мнения. Я очень прошу Вас пожаловать к нам в ближайший день.

Кроме того, я прошу Вас сообщить мне, что означает заметка в „Веч. Москве“ от 20.01 сего года, в которой сообщается, что сценарий „Мертвых душ“ написан Булгаковым и Вами. Елена Булгакова».

Надо думать, объяснения со стороны И. А. Пырьева не последовало. 11 февраля Булгаков обращается в Управление по охране авторских прав:

«...я считаю:

1. Что фабрика нарушила мое право и существующие законы тем, что без моего ведома и согласия переделала мой сценарий.

2. Что т. Пырьев, автор монтажного листа, никаких прав в результате этих переделок не приобрел и соавтором сценария не сделался.

3. Что фабрика вольна оплачивать его труд по переделке любым порядком без ущемления в дальнейшем моих авторских прав и что, повторяю, всю ответственность за такого рода действия как передо мной, так и перед общественностью и руководящими органами несет фабрика, которую я прошу Управление поставить об этом в известность».

11 марта директор кинофабрики Саврасов направляет в Управление по охране авторских прав длиннейшее ответное письмо, в котором, в частности, напоминает, что режиссерский сценарий «был сдан для согласования М. А. Булгакову, но фабрика никаких замечаний от автора до сих пор не получила», и заявляет в заключение, что, «по отзыву директивных органов, литературный сценарий не годен к производству, а режиссерский сценарий годен и, таким образом, основная задача по экранизации „Мертвых душ“ достигнута» (цит. по публ.: Файман Г. С. Кинороман Михаила Булгакова//Искусство кино. 1987. № 9. С. 82—83, 87—88).

И только после этого, возможно, по настоянию И. В. Вайсфельда, Булгаков пишет 26 марта свой адресованный Вайсфельду отзыв:

«Уважаемый Илья Вениаминович!

В ответ на Ваш запрос сообщаю Вам свое мнение о режиссерском сценарии „Мертвые души“:

1. По-моему, следует исключить в 1-й части... сцену кобзаря с пением былинного сказа, так как это нарушает ткань сатирической поэмы Гоголя. 2. Невозможен гипсовый Наполеон в гостиной вице-губернатора... 3. Следует исключить сцену катания крашеных яиц у полицмейстера... 4. Неверна концовка маниловской сцены... предложение Чичикова продать мертвых не может вызвать у Манилова хохот — это предложение может вызвать у Манилова только ужас. 5. В ноздревской сцене непонятны крики Ноздрева: „Дерут... дерут его, дерут...“ 6. Следует исключить сцену Анны Григорьевны и Чичикова в кустах сирени... 7. Невозможны слова губернаторши — „Вот вам моя дочь“... 8. Непонятна фраза Чичикова: „я, кажется, опять увлекся, сюда приехал, позабыл зачем...“ 9. Надо изменить надпись на бумаге... вместо „его высокопревосходительству генерал-аншефу (?) Александру...“ надо: „его сиятельству графу..“ (если действие происходит после 1832 года). 10. Сцену появления дамы в номере Чичикова... следует вернуть в тот вид, какой она имела в моих дополнениях к сценарию от 18.XI.34. В том виде, в каком она в режиссерском сцена-

рии, она значительно снижена в качестве. 11. Следует исключить сцену, в которой конвой мнет старика, и последующую — с пением былины, как нарушающие ткань сатирического произведения Гоголя. 12. Следует проверить слова: „Исайя ликуй... дева имя во чреве (?)“... 13. Нельзя не пожалеть, что исключена баллада о капитане Копейкине». (Цит., с сокр., по ст.: Егоров Б. Ф. С. 78—79).

Сценарий не был экранизирован. Впервые опубликован — с указанием двух авторов: Булгаков М., Пырьев И. Мертвые души: Киносценарий// Москва. 1978. № 1.

7 апреля.

...переписку Чайковского с Мекк и материалы Достоевского. — Из весьма обширной библиотеки М. А. Булгакова уцелело всего лишь несколько десятков книг. Небольшая часть, по-видимому, была расхищена после смерти писателя; значительная часть распродана Е. С. в очень тяжелые для нее 40-е и 50-е гг. (сделанная ею опись проданной библиотеки не найдена); часть утрачена после смерти Е. С.

Названные книги не сохранились.

13 апреля.

«Зойкину квартиру» все-таки хотят ставить в театре «Vieux Colombier». — Из писем Н. А. Булгакова дальнейшая судьба постановки вырисовывается так.

8.IV.1935 г.: «...директор этот снял театр и совершенно его переоборудовал заново (работы и сейчас еще идут). Его надежды на постановку твоей пьесы *этой весной* (т. е. к концу этого театрального сезона) не оправдались — болезнь, финансовые осложнения, затяжки работ — все это заставляет его перенести постановку на осень...»

9.XII.1936 г.: «...После долгого периода затишья и выжиданий снова поднялся вопрос о постановке „Зойкиной квартиры“ во французской адаптации. Дело в том, что директор театра „Vieux Colombier“ собирается начать играть ее в январе будущего [1937] года».

2.II.1937 г.: «Театр „Vieux Colombier“ вовсю работает над „Зойкиной“, и ее представление для прессы назначено на 8-е февраля... Мне даны формальные заверения в том, что *все твои требования и указания* строжайше исполнены. Во всем тексте французской адаптации *нет ничего,* что бы *могло носить антисоветский характер* или затронуть тебя *как гражданина СССР*. Больше того, и сам режиссер-директор театра Рене Роше, а также и переводчик-адаптатор Benjamin Crémieux принадлежат к числу людей, глубоко чтущих СССР и советское искусство, и они никогда не допустят ничего предосудительного по адресу Союза и престижа советского театрального искусства».

20.XII.1961 г. — Е. С. Булгаковой: «...Постановка „Зойкиной квартиры“ в Париже. Она была задумана и после долгих хлопот осуществлена переводчицей — артисткой Марией Рейнгардт и адаптатором Benjamin Crémieux. Она пошла на сцене театра „Vieux Colombier“ под дирекцией и режиссерством René Rocher — очень известного в Париже режиссера, новатора — в небольшом, но очень посещаемом театре новинок и иностранных пьес. На все это было потрачено всеми очень много труда... Но наконец она — „Зойкина квартира“ — пошла и с большим успехом, в прекрасном ensemble'е артистов, — особенно хорош был китаец Херувим, роль которого исполнял индокитайский киноактер, с которым я до сих пор встречаюсь... Артист Henri Rolland прекрасно провел роль Аметистова. Сама пьеса и ее постановка были приняты с большим интересом; маленький „Vieux Colombier“ („Старая голубятня“. — *Л. Я.*) бывал пере-

полнен; в печати появились очень интересные рецензии (отзывы). Но публика французская, пресса, театралы сбиты были с толку политическим подходом... После немалой шумихи спектакль был посещен полпредом (советским полпредом. — *Л. Я.*) и, как утверждали тогда, он настоял на том, чтобы спектакль был остановлен, как несвоевременный по тематике и оформлению».

...умер Юра Неелов. — В 1-й ред.: «...умер мой первый муж Юрий Мамонтович Неелов. Как странно: я о нем совсем было забыла, а последние дни вспоминала очень часто».

При редактировании Е. С. опустила запись *18 апреля:* «Утром позвонила в Ржевский. Евгений Александрович сказал мне, что арестована Ирина Свечина. Я сейчас же пошла к Александру Андреевичу. Он в ужасном состоянии — говорит, что совершенно потерял работоспособность, что дом стал, как гроб, и все в таком роде.

Днем к нам пришли Мишины сестры, Андрей Михайлович, дети...»

Андрей Михайлович Земский — муж Надежды Афанасьевны.

22 апреля.

М. А. тут же продиктовал мне письма... — «Ввиду полного разрушения моего художественного замысла, — писал Булгаков Н. М. Горчакову, — и попыток вместо принятой Театром моей пьесы сочинить другую, я категорически отказываюсь от переделок пьесы „Мольер“». И К. С. Станиславскому: «Если Художественному театру „Мольер“ не подходит в том виде, как он есть, хотя Театр принимал его именно в этом виде и репетировал в течение нескольких лет, я прошу Вас „Мольера“ снять и вернуть мне».

23 апреля.

М. А. пленился более всего фраком дирижера — до пят. — Когда Е. С. делала запись о бале у американского посла, она, естественно, не могла предположить, что Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» использует впечатления этого бала. Когда она работала над 2-й ред., это ей было уже хорошо известно и она извлекала из памяти полузабытые штрихи, некогда не привлекшие ее внимания. Так, «фрак дирижера — до пят» в 1-й ред. дневников не упоминается и появляется только во 2-й ред. (Ср.: явление Воланда в главе 12-й романа: «Прибывшая знаменитость поразила всех своим невиданным по длине фраком дивного покроя...»)

...мы сели в их посольский кадиллак. — В 1-й ред. далее: «С нами в машину сел незнакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывающий среди иностранцев — кажется, Штейгер. Он — впереди с шофером, мы — сзади». Штейгера, и не без основания, Е. С. считала прототипом барона Майгеля (в «Мастере и Маргарите»).

В. Я. Лакшин («Булгакиада». М., 1987. С. 35) рассказывает о бароне Б. Г. Штейгере, в прошлом белом офицере, «человеке с изысканными манерами и рискованным остроумием», который считался «незаменимым собеседником на дипломатических обедах и ужинах» и «переносил сплетни из посольства в посольство». В 1937 г., как сообщает В. Я. Лакшин, Б. Г. Штейгер, приобщенный к процессу маршала Тухачевского, был расстрелян.

Возможно, с этим трагическим концом реального Штейгера связана реплика Воланда, обращенная в романе к барону Майгелю: «...злые языки уже уронили слово — наушник и шпион. И еще более того, есть предполо-

жение, что это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц».

9 мая.

Ангарский (Клестов) Н.С. (1873—1941) — общественный деятель, литературный критик, организатор издательского дела. В 1924—1932 гг. — руководитель издательства «Недра». При его участии и одобрении в альманахе «Недра» были опубликованы повести М. А. Булгакова «Дьяволиада» (в 1924 г.) и «Роковые яйца» (в 1925-м). Его попытка опубликовать «Собачье сердце» не увенчалась успехом. (Последняя редакция повести «Собачье сердце» сохранилась в фонде Н. С. Ангарского в ОР ГБЛ.)

13 мая.

В течение недели М. А. диктовал «Зойкину»... — В эти дни возникла новая, значительно сокращенная редакция комедии. Правка за счет беспощадных сокращений, движение к лаконичности и обобщенности характерны для доработок и переработок Булгаковым в основном законченных произведений.

...с копией письма из Стокгольма. — «Мы придаем большое значение возможности познакомить шведскую радиопублику с таким значительным и со столь представительным для современной советской драматургии произведением, как „Дни Турбиных", и ждем с большим интересом от Вас ответа». (Из письма агентства «Радиочиенст», имевшего монопольное право радиовещания в Швеции.)

Вчера ходили в театр к Егорову... — Редактируя эту запись, Е. С. вычеркнула следующие строки: «Когда мы ушли из кабинета, Егоров подошел еще раз в конторе ко мне и сказал придушенным голосом: „Никогда не думал, что я так буду переживать этот разговор... Мне так стыдно за Театр! Как прав Михаил Афанасьевич, как он прав!" И пошел принимать свою валериану».

Приехал Вольф. — Для руководимого В. Е. Вольфом ленинградского Красного театра Булгаков в 1931 г. написал пьесу «Адам и Ева». Пьеса не была поставлена.

16 мая.

День рождения М. А. — Ни одна из названных в этой записи книг не сохранилась.

17 мая.

...поехали на метро. — В 1-й ред.: «А совсем вечером мы поехали с Мишей на метро в центр, встретили случайно там Тату и Колю. Вместе доехали до Кировской станции. Там эскалатор громадный, говорят — семьдесят два метра высоты. Когда мы доехали до верха, Тата смеялась и уверяла, что у Миши был неуверенный вид и он за меня держался, — ее это насмешило».

20 мая.

Вересаев прислал М. А. совершенно неожиданное письмо. — В 1-й ред.: «Оглушительное событие: Вересаев прислал Мише совершенно нелепое письмо. 〈...〉 Целый день испортил, сбил с работы! Целый день Миша составлял ему письмо. Вышло основательное, редкое письмо. В частности, я напомнила Мише про одну деталь, касающуюся Дубельта, Миша поместил цитату в письме».

С этого момента начинается сложная и крайне драматическая история взаимоотношений Булгакова и Вересаева вокруг пьесы «Пушкин». Между соавторами была договоренность (см. запись 18 октября 1934 г.): пьесу пишет Булгаков; Вересаев подбирает материалы и, в качестве опытного пушкиниста, консультирует; авторами указываются оба: Булгаков и Вересаев.

Елена Сергеевна говорила мне, что с самого начала отнеслась настороженно к этой идее соавторства: слишком самостоятельны были оба писателя, художественный компромисс между ними был невозможен. И действительно, конфликт не замедлил начаться.

В письме, полученном Булгаковым 20 мая, Вересаев писал: «Я до сих пор минимально вмешивался в Вашу работу, понимая, что всякая критика в процессе работы сильно подсекает творческий подъем. Однако это вовсе не значит, что я готов довольствоваться ролью смиренного поставщика материала, не смеющего иметь суждение о качестве использования этого материала».

«Вы пишете, — отвечал ему Булгаков в тот же день, — что не хотите довольствоваться ролью смиренного поставщика материала. Вы не однажды говорили мне, что берете на себя извлечение материалов для пьесы, а всю драматургическую сторону предоставляете мне. Так мы и сделали.

Но я не только все время следил за тем, чтобы наиболее точно использовать даваемый Вами материал, но всякий раз шел на то, чтобы делать поправки в черновиках при первом же возражении с Вашей стороны, не считаясь с тем, касается ли дело чисто исторической части или драматургической. Я возражал лишь в тех случаях, когда Вы были драматургически неубедительны.

Приведу Вам примеры:

Исторически известно, что Пушкин всем сильно задолжал. Я ввожу в первой картине ростовщицу. Вы утверждаете, что ростовщица нехороша и нужен ростовщик. Я немедленно меняю. Что лучше с моей точки зрения? Лучше ростовщица. Но я уступаю.

Вы говорите, что Бенкендорф не должен возвращаться со словами „не туда“. Я выбрасываю это возвращение. (В дальнейшем Булгаков, как известно, это место восстановил. — *Л. Я.*)

Вы говорите, что Геккерен на мостике уступает свою карету или сани. Соглашаюсь — выправляю...»

Письмо Булгакова обширно. К нему приложен большой блок противоречивейших выписок из литературных источников о Дантесе. Цитируется подсказанное ему Е. С. свидетельство о Дубельте: «Почему Дубельт не может цитировать Священное писание? Дубельт „ловко цитировал в подтверждение своих слов места из Священного писания, в котором был, по-видимому, *очень сведущ,* и искусно ловил на словах“ (Костомаров, Автобиография, „Русск. мысль“, 1885.V.127. Цит. Лемке. „Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.“, Спб. 1909, с. 121 и 122)». Интуиция Булгакова давала больше, чем знание Вересаевым материала.

Запись *20 мая* в 1-й ред. кончается словами: «У меня из-за старика головная боль, раздражение». В той же ред. есть и запись *21 мая:*

«Отправили письмо. Ночью не спала из-за боли головы. Вечером была у Свечиных, Ирину выпустили 16-го в 5 часов дня. Она стала вялой, апатичной, температурит уже 10-й день. Перестала смеяться».

И начало записи *22 мая:* «Вчера лежу с грелкой на голове, засыпаю.

У Миши Патя. Вдруг звонок по телефону. Старик предлагает забыть письма. Все приходит в норму, по-видимому...»

Не случайно, редактируя, Е. С. сняла слова: «Все приходит в норму, по-видимому». Переписка Булгакова с Вересаевым о пьесе «Пушкин» только начиналась. (Она опубликована с предисловием и примечаниями Е. С. Булгаковой в журн.: Вопр. лит. 1965. № 3; затем в кн.: Булгаков М. А. Письма. М., 1989.)

1 июня.

При редактировании Е. С. опустила запись: «Я счастлива этой пьесой. Я ее знаю почти наизусть — и каждый раз — сильное волнение».

13 июня.

Акулов И. А. — секретарь ЦИК СССР.

15 июня.

В 1-й ред. запись: «Вчера был у нас Эммануил (Жуховицкий. — *Л. Я.*). Случайно в разговоре я упомянула об „Адаме и Еве". Он не знал о ее существовании и пристал с расспросами. Думал, очевидно, о переводе. Миша прочитал. Только первый акт, а потом в нескольких словах рассказал конец. Ох, не понравилось Эммануилу! Вот не понравилось! Вертелся на стуле во время чтения, как будто ему гвоздь в задницу попал».

22 августа.

Лежнев (Альтшулер) Исай Григорьевич (1891—1955). В 1922—1926 гг. — организатор и редактор журнала «Россия» («Новая Россия»). В «России» в 1923 г. опубликовал «Записки на манжетах» Булгакова, в 1925-м — две трети романа «Белая гвардия». Номер журнала с окончанием «Белой гвардии» не вышел в свет, журнал был закрыт, а Лежнев в 1926 г. выслан за границу. Там работал в советском торгпредстве в Берлине. В 1930 г. добился разрешения вернуться в Советский Союз. Был заново принят в партию, стал работать в «Правде», написал несколько имевших успех литературоведческих книг. Свою работу в журнале «Россия» трактовал как ошибку.

И. Г. Лежнев — прототип Рудольфа в повести «Тайному другу» и Рудольфи — в «Театральном романе».

29 августа.

Виленкин Виталий Яковлевич (р. 1911) — с 1933 г. секретарь, затем заместитель заведующего литературной частью МХАТа. В своих мемуарах (Воспоминания с комментариями. М., 1982) рассказывает о встречах с Булгаковым и, в частности, об отмеченном Е. С. чтении пьесы «Пушкин».

10 сентября.

Вечером Анна Ильинична, Патя... — В 1-й ред.: «Вечером — Аннушка, Патя и брат его Сергей Сергеевич. Патя и С. С. играли в четыре руки (то есть, вернее, не в четыре, а в три — по клавиру для двух рук) балет из „Руслана". С. С. играет превосходно. Миша наслаждался — головой качал в такт, мы с ним жалели, что Сергей спит».

13 сентября.

...я в оперетке с Женичкой (моим). — По-видимому, описка. В 1-й ред.: «Вечером — я — в оперетке с Женей... Я вернулась с Калужским — уже никого не застала, ужинали втроем». Поскольку Ольга в это время в Риге (см. далее), то речь, вероятно, идет о Евгении (Жене) Калужском.

...роль еврея в «Турбиных»... — В 1-й ред.: «МХАТ не сходит с языка. Узнали, что роль еврея, как Миша давно уже говорил по догадке, из „Турбиных“ выбросил Станиславский. А в театре врали, говорили, что это по распоряжению свыше».

19 сентября.

...под двумя фамилиями. — В 1-й ред. далее: «Каждый раз, как доходит дело до пьесы, без злобы не могу вспомнить старика! Испортил все лето своими капризами, выходками и отказами от своих же собственных слов. Теперь еще возня — с этими двумя фамилиями».

В дальнейшем Вересаев свою фамилию снял. В ответ на письмо Булгакова от 10 сентября 1935 г.: «При этом письме я посылаю Вам... окончательный экземпляр с двумя фамилиями. Просмотрите его. Если Вы найдете нужным оставить Вашу фамилию, я буду очень рад. Если же нет, то сообщите об этом мне», — Вересаев отозвался 19 декабря: «Дорогой Михаил Афанасьевич! В соответствии с выраженным Вами согласием я решаю снять свое имя с нашей пьесы „Александр Пушкин“, каковую прошу впредь именовать просто: „М. А. Булгаков. Александр Пушкин“».

Еще позже (11 марта 1939 г.) было составлено соглашение, в котором подтверждалось, что Вересаеву в пьесе принадлежит разработка исторических материалов, а Булгакову — само написание пьесы, и посему авторский гонорар они будут делить пополам, а подписывать пьесу надлежит одному Булгакову. Замечание о гонораре, впрочем, имело для Булгакова смысл чисто умозрительный, так как ему все равно не пришлось получать гонорары за эту пьесу.

20 сентября.

...на выступлении американского хора «Орфеус». — В 1-й ред. запись: «На мой костюм пялили глаза в публике: черная длинная блестящая юбка и голубой жоржетовый жакет английский».

23 сентября.

...прием у Коли, вся Пречистенка... — В 1-й ред. упоминания «Пречистенки» нет, просто: «Вечером — у Коли — Леонтьевы, Ермолинские, Шапошниковы, Маруся Г. Топленинова, мы».

24 сентября.

При редактировании Е. С. опустила запись: «Затем — Гриша (Конский. — *Л. Я.*). Миша ночью по его просьбе прочел три первых главы романа. На Гришу впечатление совершенно необыкновенное, и я думаю, что он не притворяется.

Я плакала».

26 сентября.

Приехал Коростин. Подписали соглашение. — В 1-й ред.: «К обеду — Коростин. Подписали соглашение относительно разделения гонорара между соавторами по „Ревизору“».

Б. Ф. Егоров (в ст.: «М. А. Булгаков — „переводчик“ Гоголя». С. 80) сообщает, что 26 сентября 1935 г. между Булгаковым и Коростиным было заключено соглашение о разделении гонорара в пропорции 25 и 75 %, в пользу режиссера, «в соответствии с размерами произведенной работы каждым из соавторов». Г. С. Файман (в ст.: В манере Гоголя...//Искусство кино. 1983. № 9. С. 106) высказывает на этом основании предположение, что Булгаков был всего лишь «доработчиком» сценария Коростина и «советчиком» режиссера. Но, памятуя об обостренной щепетильности

Булгакова в денежных вопросах (выразившейся, в частности, в разделении гонорара между «соавторами» за написанную Булгаковым пьесу «Александр Пушкин») и учитывая, что сценарий «Ревизора» подписан двумя фамилиями (причем фамилия Булгакова стоит на первом месте), такое предположение нельзя считать убедительным.

Скорее всего, писатель просто устал от работы над сценарием, потерял веру в эту работу и решил ее прекратить.

Сценарий не был экранизирован.

16 октября.

Сегодня у нас Прокофьев с женой... — В 1-й ред.: «Сегодня вечером — Прокофьев с женой и Дмитриев. Я приехала немного позже, слушала „Тоску“.

Сережка выходил — заспанный, в штанах. Прокофьев по просьбе Миши сыграл Сергею кусок своего гавота.

Дальше — интереснейший разговор о пьесе. Прокофьев говорит, что в оперу обязательно должен быть введен Глинка».

Из записей 3 и 16 октября видно, что С. С. Прокофьев всерьез думал о создании оперы «Александр Пушкин» по пьесе Булгакова.

17 октября.

Мелик-Пашаев Александр Шамильевич (1905—1964) с 1931 г. дирижер (с 1953. — главный дирижер) Большого театра.

20 октября.

Млечин В. М. — сотрудник Главреперткома.

30 октября

Приехала Ахматова. — В 1-й ред.: «Днем позвонили в квартиру. Выхожу — Ахматова — с таким ужасным лицом, до того исхудавшая, что я ее не узнала, и Миша тоже. Оказалось, что у нее в одну ночь арестовали и мужа (Пунина) и сына (Гумилева)...»

Следующая запись, *31 октября*, в 1-й ред. начинается так: «Анна Андреевна переписала от руки письмо И. В. С. Вечером машина увезла ее к Пильняку».

При редактировании Е. С. опустила запись *8 ноября*:

«Решили вечером куда-нибудь пойти поразвлечься. Поехали в Клуб мастеров, он почему-то оказался заперт. По дороге в автобусе ломали голову, куда пойти, и решили идти в „Националь“, благо автобус остановился у него. Произошло интереснейшее приключение. В вестибюле — шофер, который возит соседнего американца. Страшно любезен, предлагает отвезти обратно, желает приятного аппетита. Поднялись в ресторан. Я ахнула — дикая скука. Ни музыки, ни публики, только в двух углах — две группы иностранцев.

Сидим. Еда вкусная. Вдруг молодой человек, дурно одетый, вошел, как к себе домой, пошептался с нашим официантом, спросил бутылку пива, но пить ее не стал, сидел, не спуская с нас глаз. Миша говорит: „По мою душу“. И вдруг нас осенило. Шофер сказал, что отвезет, этот не сводит глаз, — конечно, за Мишей следят.

Дальше лучше. Я доедаю мороженое, молодой человек спросил счет. Мы стали выходить. Оборачиваемся на лестнице, видим — молодой человек, свесившись, стоит на верхней площадке и совершенно уж беззастенчиво следит за нами. Мы на улицу, он без шапки, без пальто мимо нас, мимо швейцара, шепнув ему что-то.

Сообразили — вышел смотреть, не сядем ли мы в какую-нибудь иностранную машину. Ехали в метро, хохотали. Никогда не бывала в „Национале“, и вот сегодня черт понес! Захотели съесть котлету де воляй!»

22 декабря.

В 1-й ред. в этой записи дважды упоминается Д. Д. Шостакович: «...на генеральной „Леди Макбет“. Музыка очень сильная и оригинальная. Познакомились с Шостаковичем. 〈...〉 Вслед за нами приехал Мелик-Пашаев, обедали очень весело. Но меня грызет безумно, что я не позвала Шостаковича».

Упоминается Вересаев: «Перед обедом послала Вересаеву поздравительную телеграмму, сегодня его 50-летний юбилей. Но думать о нем не хочется, столько мучений он принес и Мише и мне».

1936

1 января.

Новый год встречали у Батурина и Дуловой. — Все чаще появляющиеся в записях Е. С. имена музыковеда В. В. Яковлева, балетмейстера Большого театра В. А. Рябцева, артиста Большого театра А. И. Батурина, арфистки В. И. Дуловой, дирижера В. В. Небольсина и др. свидетельствуют, что Булгаков начинает входить в круг людей Большого театра. Возможно, в какой-то степени это связано с тем, что теперь в Большом работает Я. Л. Леонтьев.

4 января.

...репетиция по «Мольеру» с Немировичем. — В январе 1936 г. репетиции «Мольера» взял на себя Немирович-Данченко. Существенно менять постановку было поздно: бесконечно репетировавшийся, «замятый» спектакль нужно было срочно выпустить. «Мне спектакль был показан, так сказать, накануне сдачи публике. Официально я мог его не допустить. Но перед работавшими в нем в течение нескольких лет актерами и режиссурой я не имел на это ни малейшего права. Мне оставалось помочь исполнителям довести спектакль до конца». (Карандашная запись Немировича-Данченко; возможно, набросок его беседы с актерами. — Архив Музея МХАТа.)

5 января.

«Тихий Дон» — опера И. И. Дзержинского.

6 января.

Мутных В. И. — в 1936—1937 гг. директор Большого театра.

6 февраля.

...да этого мерзавца Литовского. — О. С. Литовский (1892—1971) — театральный критик, драматург. В 1932—1937 гг. — председатель Главреперткома. Один из самых яростных критиков Булгакова, автор разгромных рецензий на «Дни Турбиных», «Зойкину квартиру», «Багровый остров». Возможно (по крайней мере так считала Е. С.), один из инициаторов запрещения «Мольера».

В своем беспощадном неприятии Булгакова был тверд. В 1958 г. в книге «Так и было» писал: «Произведения Булгакова, начиная от его откровенно контрреволюционной прозы — „Дьяволиада“, „Роковые яйца“ — и кончая „Мольером“, занимают место не в художественной, а в полити-

ческой истории нашей страны, как наиболее яркое и выразительное проявление внутренней эмиграции, хорошо известной под нарицательным именем "булгаковщины"» (с. 205). А в 1963-м выпустил сборник статей «Глазами современника», в который включил, стилистически почистив, свои старые рецензии на «Дни Турбиных» во МХАТе и «Зойкину квартиру» в Театре им. Вахтангова.

8 февраля.

Коля Лямин. После него М. А. говорил, что хочет написать или пьесу или роман «Пречистенка»... — В 1-й ред.: «Вчера был Коля и безумно раздражил меня и Мишу своими пошлыми разговорами. Миша дал убийственную характеристику того круга, в котором Коля вращается. Коля притих и был подавлен». Упоминания Пречистенки, а также романа или пьесы под этим названием в 1-й ред. нет.

14 февраля.

Керженцев П. М. — в 1936—1938 гг. председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР; *Боярский Я. О.* — заместитель председателя; с 1937 г. — директор МХАТа.

18 февраля.

...единственная тема, которая его сейчас интересует... — В 1-й ред. точнее: «которая его интересует для пьесы».

2 марта.

Очевидно, Берсенев сделал какую-то крупную ошибку. — Уже идет разгром культуры: убийственная статья против Шостаковича, закрытие МХАТа 2-го. Несколько дней до удара по Булгакову. Месяц до ареста Лямина. Но Е. С. еще воспринимает каждое явление отдельно, не связывая с другими.

«Трус» — пьеса А. Крона.

Редкий случай с писателями. — В 1-й ред. далее: «Из драматургов никто и никогда не хвалил Мишиных произведений».

4 марта.

...объявлен конкурс на учебник по истории СССР. — В 1-й ред. далее: «Миша сказал, что будет писать. Я поражаюсь ему. По-моему, это невыполнимо». Но, судя по ее же записи на следующий день, Булгаков считал этот замысел выполнимым.

Его всегда интересовала история. Об этом говорят сюжеты его произведений о Мольере и Пушкине. Сюжеты его оперных либретто «Минин и Пожарский», «Петр Великий», «Черное море». Работая над «Бегом», расстилал перед собою подлинные карты боев в Крыму и Таврии. Даже над «Белой гвардией», таким личным, так мало удаленным во времени от событий романом, работал как историк: безусловно изучая документы эпохи. Его герой — Мастер — историк. (Впрочем, и другой его герой называет себя историком: «Я — историк... Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!»)

Но была и другая и, пожалуй, не менее важная причина так остро вспыхнувшего интереса писателя к задаче: речь шла об учебнике для младших школьников, для учеников 4 класса. Конкретнее: Булгакову представлялась возможность написать учебник для Сережи Шиловского, которому в эту пору шел 10-й год и которому предстояло бы по этому учебнику учиться.

Известно, что Булгаков очень любил своего пасынка, охотно занимался с ним музыкой, чтением, учил игре в шахматы. В одной из черновых тетрадей «Мастера и Маргариты» — на чистом листе, во всю страницу — веселый детский рисунок: очень желтый дом под красной крышей, кудрявые пароходные дымы из труб и желтая дорожка к дому... Если бы это была недозволенная шалость ребенка, Булгакову ничего не стоило бы вырвать испорченный лист, как беспощадно вырывал он из своих тетрадей свои собственные испорченные листы. Но рисунок остался, рисунок нравился. В другой тетради видно, как, оставшись вдвоем (может быть, в один из тех дней, когда Е. С. отсутствовала, а воспитательница была выходная), они оба расписываются: вверху страницы, прямо над первой строкой — правее, уверенное: М. Булгаков, левее (детский почерк, перо с нажимом): С. Шиловский. А далее, тут же, — продолжение великого романа, описание бала у сатаны.

В объявлении о конкурсе (оно подписано Сталиным и Молотовым) Булгаков подчеркнул слово «премия» и сумму первой премии — «100 000 рублей». Внимательно изучил и подчеркнул ряд требований к учебнику, в том числе: «ярким, интересным, художественным». Проделал большую работу.. (О сохранившихся четырех тетрадях «Курса» см.: Лурье Я. С., Панеях В. М. Работа М. А. Булгакова над курсом истории СССР//Рус. лит. 1988. № 3; там же опубликована глава «Емельян Иванович Пугачев».)

Е. С. по-разному объясняла, почему Булгаков все-таки оставил этот труд: объясняла его нездоровьем, занятостью, но выдвигала и третью, самую простую и, по-видимому, самую верную причину: результаты таких конкурсов, как известно, определялись заранее и судьба учебника была решена прежде, чем Булгаков мог закончить свою работу.

9 марта.

...без подписи. — По тону статья перекликалась с вышедшей в феврале статьей О. Литовского. Пьеса, писал Литовский, «представляет собой типическую мещанскую мелодраму, в которой Мольер, в конце концов, играет вполне второстепенную роль». «В пьесе Булгакова, — говорилось в «Правде», — исторического Мольера нет и в помине. Показан, к удовольствию обывателя, заурядный актерик, запутавшийся в своих семейных делах».

Но дело было не в тоне. Е. С. не случайно отметила: «без подписи». Статьи без подписи, так называемые «редакционные» статьи, считались официальными. Приговор был сформулирован в названии: «Внешний блеск и фальшивое содержание». Приговоры «редакционных» статей обжалованию не подлежали. Их полагалось встречать аплодисментами. И мхатовская газета «Горьковец» не замедлила отозваться:

«Около четырех лет театр работал над пьесой ненужной, неверной, в которой автор пытался протащить кое-какие реакционные идейки; и, по существу, никто в театре не поднял голоса за то, что подобная пьеса, издевающаяся над историей, над замечательной личностью драматурга, не может идти в Художественном театре. Была затрачена большая творческая энергия актеров, режиссеров, художника на ненужную и в некотором смысле вредную работу. Советская печать приняла эту работу так, как эта работа заслуживала, отличая достижения художника и актеров, она совершенно справедливо все упреки направила по адресу пьесы и автора...

Руководство театра признало критику советской печати, особенно га-

зеты „Правда“, постановки „Мольер“ правильной и сняло эту пьесу с репертуара» (22 марта 1936 г.).

Удар шел не по МХАТу — удар шел по драматургу.

10 марта.

...Статья Алперса. Ляганье. — В 1-й ред. далее: «Миша поехал в Театр к Маркову сказать, что ни в коем случае не будет писать покаянного письма».

14 марта.

...Сталин, Молотов и Орджоникидзе. — В 1-й ред. далее: «Я все время думала о Сталине и мечтала о том, чтобы он подумал о Мише и чтобы судьба наша переменилась».

3 апреля.

Арестовали Колю Лямина. — Лямин был арестован 2 апреля. Н. А. Ушакова рассказывала: «В тот вечер мы пришли поздно. Со двора увидели — в кухне горит свет. Они ждали». Несколько месяцев «следствия», приговор: три года лагерей. В 1939 г. вернулся, но без права жить и бывать в Москве. Поселился в Калуге. Перед смертью Булгакова, рискуя быть арестованным, приезжал на один день — прощался. В начале войны арестован снова, и более вестей о нем не было.

12 июня.

...выходка Мейерхольда... — В журнале «Театр и драматургия» № 4 за 1936 г. помещено выступление Мейерхольда на собрании театральных работников Москвы 26 марта того же года. Резко нападая на Таирова, Мейерхольд ставил ему в вину, в числе прочего, постановку «Багрового острова» в 1928 г. А о Театре сатиры («Есть такой Театр сатиры, хороший, по существу, театр...») сказал далее: «Этот театр начинает искать таких авторов, которые, с моей точки зрения, ни в какой мере не должны быть в него допущены. Сюда, например, пролез Булгаков».

Нельзя однако умолчать о ситуации в целом. Статьи в «Правде» — «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь» — ударили не только по Шостаковичу и даже не только по музыке. Эти статьи и начавшиеся после их публикации обсуждения «формализма» и «натурализма» жестоко били по Мейерхольду и его театру. Выход статьи «Внешний блеск и фальшивое содержание» еще более обострил положение. Выступления Мейерхольда 14 марта в Ленинграде и 26 марта в Москве были попыткой спасти театр. Но даже в тяжелой этой ситуации в ленинградском своем докладе режиссер устоял и, критикуя спектакль «Мольер», нападал не на Булгакова, а на Горчакова (и весьма справедливо). То, что Е. С. назвала «некрасивой выходкой», появилось во втором выступлении Мейерхольда — в Москве.

26 июля.

...написал его ровно в месяц, в дикую жару. — В этот же месяц, на даче в Загорянке, отрываясь от «Минина», Булгаков впервые пишет концовку романа «Мастер и Маргарита» — главу «Последний полет»:

«Голос Воланда был тяжел, как гром, когда он стал отвечать.

— Ты награжден. Благодари бродившего по песку Ешуа, которого ты сочинил, но о нем более никогда не вспоминай. Тебя заметили, и ты получишь то, что заслужил. Ты будешь жить в саду и всякое утро, выходя на террасу, будешь видеть, как гуще дикий виноград оплетает твой дом, как цепляясь ползет по стене. Красные вишни будут усыпать ветви в саду.

Маргарита, подняв платье чуть выше колен, держа чулки в руках и туфли, вброд будет переходить через ручей.

Свечи будут гореть, услышишь квартеты, яблоками будут пахнуть комнаты дома. В пудреной косе, в стареньком привычном кафтане, стуча тростью, будешь ходить гулять и мыслить.

Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но исчезнет мысль о Ганоцри и о прощенном Игемоне. Это дело не твоего ума. Ты никогда не поднимешься выше, Ешуа не увидишь, ты не покинешь свой приют. Мы прилетели. Вот Маргарита уже снизилась, манит тебя. Прощай!

Мастер увидел, как метнулся громадный Воланд, а за ним взвилась и пропала навсегда свита и боевые черные вороны. Горел рассвет, вставало солнце, исчезли черные кони. Он шел к дому, и гуще его путь и память оплетал дикий виноград. Еще был какой-то отзвук от полета над скалами, еще вспоминалась луна, но уж не терзали сомнения и угасал казнимый на Лысом Черепе и бледнел и уходил навеки, навеки шестой прокуратор Понтийский Пилат».

И далее впервые написанное Булгаковым в этом романе слово «Конец».

15 сентября.

...написал письмо Аркадьеву. — Булгаков писал, что не может больше работать во МХАТе: «мне просто в нем тяжело бывать». И далее: «Вчера я проверил и свои размышления по поводу „Виндзорских" и вижу, что пересилить себя не могу. Я перевод этот делать не буду. Поэтому прошу Вас сделать распоряжение о расторжении со мною договора, а также принять прилагаемое при этом мое заявление об освобождении меня от службы в МХАТ».

Короткое время спустя напишет Вересаеву: «Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили „Мольера". Договор на перевод „Виндзорских" я выполнять отказался. Тесно мне стало в проезде Художественного театра, довольно фокусничали со мной. Теперь я буду заниматься сочинением оперных либретто. Что ж, либретто так либретто!»

2 ноября.

«Богатыри» — пьеса Демьяна Бедного.

17 ноября.

Штидри Ф. — австрийский дирижер; в 1929—1932 гг. первый дирижер Берлинской оперы; с приходом фашистов к власти эмигрировал из Германии и в 1933—1937 гг. работал в СССР.

20 ноября.

Клейбер Э. — австрийский дирижер; в 1935 г. эмигрировал из Германии.

26 ноября.

Этой датой Булгаков пометил начало работы над «Театральным романом».

*1937**

7 февраля.

...М. А. дописал еще две картины для «Минина»... — В июне 1936 г.

* Комментарии к Дневнику за 1937—1940 гг. — Виктор Лосев.

М. А. Булгаков и Б. В. Асафьев заключили договор с Большим театром на написание либретто и музыки к опере «Минин и Пожарский». Уже в июле Булгаков закончил первую редакцию либретто.

9 февраля.

И тут же Коля сообщает, что этот негодяй Каганский... — Каганский З. Л. — бывший издатель журнала «Россия»; в 1925 г. выехал за границу, где нагло объявил себя полномочным представителем Булгакова, издавая его произведения. Булгаков протестовал решительно, но безуспешно: СССР в те годы не был членом Международной конвенции по авторскому праву.

Каганский послужил прототипом издателя Рвацкого в романе «Записки покойника».

17 февраля.

Две телеграммы М. А.... — Телеграмма, посланная Б. В. Асафьеву, сохранилась: «Начинаю постановку Минина Заканчивайте музыку кратчайший срок Немедленно ознакомьте Дмитриева оперой Булгаков». *Ф. Ф. Федоровский* — театральный художник, много лет проработавший в Большом театре.

...Вечером Вильямсы и Любовь Орлова... — Л. П. Орлова и Г. В. Александров были большими друзьями Вильямсов, часто бывали в их доме. Здесь они познакомились и подружились с Булгаковыми.

А. П. Глоба — поэт, писатель и драматург. В 1936 г. написал пьесу «Пушкин», которая через год была поставлена в Ярославле и Сталинграде; впоследствии с успехом шла в Москве в Театре им. Ермоловой с В. С. Якутом в роли Пушкина.

...Яншин объяснялся по поводу статьи о «Мольере»... — См. об этом: Яншин М. М. Дни молодости — «Дни Турбиных»//Воспоминания о Михаиле Булгакове. С. 268—275.

5 марта.

Городинский В. М. — музыковед, критик. В 1935—1937 гг. — заведующий сектором искусств Культпросветотдела ЦК ВКП(б).

18 марта.

После бешеной работы М. А. закончил «Черное море». — 9 сентября 1936 г. Большой театр и композитор С. И. Потоцкий обратились к Булгакову с предложением написать либретто оперы на революционную тему (взятие Перекопа). Договор подписали 1 октября, а уже 18 ноября либретто было готово. Текст композитору понравился. Однако Булгаков продолжал работу и 18 марта 1937 г. завершил вторую редакцию. Но либретто не получило одобрения П. М. Керженцева, музыка Потоцким не была написана.

Замысел остался нереализованным.

20 марта.

Асафьев шлет нервные письма... — 10 марта Булгаков посылает Асафьеву телеграмму с просьбой ускорить высылку музыки для новых сцен. 12 марта композитор отвечает: «⟨...⟩Я, собственно, удивляюсь спешке с нотным материалом дополнительных картин, а следовательно, непонятны мне и обе телеграммы, особенно В. И. Мутных («работа “Мининым” задерживается отсутствием музыки, просьба ускорить присылку»). Если опера идет, то ведь в театре *клавир семи картин*, как же отсутствует

музыка? ⟨...⟩ Или я чего-то не разобрал, и речь шла о переработке всей музыки? И я должен выслать совсем новый клавир? Но тогда — другой разговор. Пишу Вам и чувствую, что волнуюсь, хотя чего ради?.. Завтра надеюсь еще написать Вам, получив ноты. А строго говоря, зачем их высылать? Не лучше ли им лежать у меня. Лежит же с декабря клавир в Москве, а "музыка", говорят, "отсутствует"? ⟨...⟩ Прямо беда».

21 марта.

...Замятин умер в Париже. — Е. И. Замятин умер 10 марта 1937 г. 16 апреля 1940 г. Е. С. запишет: «⟨...⟩ Потом Анна Ахматова. Прочитала то, что написала для него. Взяла фотографию. Сказала: Замятин умер ровно за три года, 10 марта 1937 года».

24 марта.

Утром письма... — В этот день Булгаков написал два письма: первое — Асафьеву в Ленинград («Обе картины получены в театре. Одну из них, именно "Кострому", 22-го Мелик играл у меня. Обнимаю Вас и приветствую, это написано блестяще! Как хорош финал — здравствуйте, граждане костромские, славные!!

Знайте, что ⟨...⟩ несмотря на утомление и мрак, я неотрывно слежу за "Мининым" и делаю все для проведения оперы на сцену ⟨...⟩»).

Второе письмо — Николаю в Париж («Сообщаю тебе, что в первых числах февраля прекратились всякие известия из Парижа ⟨...⟩»). Связь между братьями оборвалась вплоть до мая 1939 г.

У нас были Попов... — В 1-й ред.: «У нас — Патя и Тата. М. А. читал им куски романа ("Записки покойника"). Потом ужин.

Мой вывод: мы совершенно одиноки и положение наше страшно».

4 апреля.

...В газетах сообщение об отрешении от должности Ягоды... — В 1-й ред. далее: «Первый же вопрос, который мне задала Марья Исааковна (я была у нее сегодня): читали?! И затем: а что Михаил Афанасьевич говорил по этому поводу?

Между прочим, Миша мне в точности предсказал этот вопрос».

11 апреля.

Дзержинский И. И. — композитор, автор опер «Тихий Дон» (1935), «Поднятая целина» (1937), «Волочаевские дни» (1939) и др.

13 апреля.

Ходасевич В. М. — в 1932—1936 гг. — главный художник Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова. В театрах Москвы спектакли оформляла эпизодически.

15 апреля.

...Позвонили из Союза писателей, позвали М. А. в караул почетный ко гробу... — В 1-й ред. далее: «В то время, как М. А. стоял в карауле, я стояла недалеко от гроба, смотрела на цветы, на жену Ильфа, стоявшую спиной ко мне, посмотрела наверх — во втором этаже, на пролете лестницы, увидела фигуру в черном, и лицо такое же желтое, как у Ильфа. Фигура была неподвижна. Я испугалась. Когда опять посмотрела, ее уже не было».

...Оттуда пошли в Камерный... — В 1-й ред.: «⟨...⟩ генеральная "Дети солнца", и видели один акт, больше сидеть не было сил. Миша сказал, что

у него чешется все тело, сидеть невозможно! Вот постарался Таиров исправиться! Но как ни плоха игра актеров, — пьеса еще гаже».

19 апреля.

...попала сегодня тоже на удовольствие... — В 1-й ред.: «Эта пьеса настолько чудовищна, что не знаешь, что сказать».

22 апреля.

...М. А. читал, что Комаров смеется странным смешком... — В опубликованном романе персонаж назван Мишей Паниным. Очевидно, Булгаков читал следующий отрывок из «Записок покойника»: «Евлампия Петровна оказалась царственной дамой с царственным лицом и бриллиантовыми серьгами в ушах, а Миша поразил меня своим смехом. Он начинал смеяться внезапно — "ах, ах, ах", — причем тогда все останавливали разговор и ждали. Когда отсмеивался, то вдруг старел, умолкал».

30 апреля.

...На собрании драматургов вытащили к ответу Литовского... — В дневнике писателя Ю. Л. Слезкина имеется следующая запись: «Третий день идет судбище Киршона и Афиногенова. Задели по дороге их "исполнителей" Литовского и Млечина — оба руководили цензурой и писали критику сообразно директивам своих "вождей" 〈...〉 Встретили жалкие оправдания Литовского и Млечина свистом, смехом, издевками. Эти "критики" уверяли, что сначала — несколько дней назад — они думали, что Афиногенов и Киршон — лучшие драматурги и пьесы их хороши, а вот теперь они поняли, что ошибались!! Ну кто поверит такой чуши!

Никогда они ничего не думали, писали то, что прикажут, и так, как велят. Типичные конъюнктурщики 〈...〉»

2 мая.

М. А. Добраницкий — муж Н. Г. Ронжиной, знакомой Е. С. В 1936—1937 гг. — партийный работник.

9 мая.

М. А. читал первые главы своего романа о Христе и дьяволе. — В 1937 г. Булгаков трижды начинает роман. Сначала им написаны пять глав (в том числе глава «Золотое копье» — о Пилате и Иешуа); затем, опять начиная с первой, — тринадцать глав. Теперь роман называется «Князь тьмы» и датирован — 1928—1937 гг. Глава 13-я обрывается словами: «Выяснилось, что он написал этот роман, над которым просидел три года, в своем уютном подвале на Пречистенке, заваленном книгами, и знала об этом романе только одна женщина. Имени ее гость не назвал, но сказал, что женщина умная, замечательная 〈...〉»

10 мая.

...Потом М. А. продиктовал мне письмо Асафьеву... — В письме Булгаков сообщал: «Вот уж месяц, как я страдаю полным нервным переутомлением 〈...〉 На горизонте возник новый фактор, это — "Иван Сусанин", о котором упорно заговаривают в театре. Если его двинут, — надо смотреть правде в глаза, — тогда "Минин" не пойдет. "Минин" сейчас в Реперткоме. Керженцев вчера говорил со мной по телефону, и выяснилось, что он не читал окончательного варианта либретто.

Вчера ему послали из Большого экземпляр 〈...〉

Дорогой Борис Владимирович! Вам необходимо приехать в Москву. Настойчиво еще и еще раз повторяю это. Вам нужно говорить с Кержен-

цевым и Самосудом, тогда только разрешатся эти загадки-головоломки с "Мининым" 〈...〉»

20 мая.

Пиотровский А. И. — в 30-е гг. — заведующий литературной частью в ленинградских театрах; руководитель сценарного отдела Ленфильма.

25 мая.

Гейтц М. С. — директор МХАТа в 1929—1931 гг. В 1-й ред. Е. С. записала: «Вот фигура, между прочим, была этот Гейтц! Производил впечатление уголовного типа».

7 июня.

Куза В. В. — актер, режиссер Театра им. Вахтангова; дружил с Булгаковым в 20-е гг. Был одним из инициаторов приглашения Булгакова в Театр им. Вахтангова, по каковому приглашению Булгаков специально для вахтанговцев написал «Зойкину квартиру».

13 июня.

Кторов А. П. — исполнитель роли Шервинского, *Комиссаров А. М.* — Николки в «Днях Турбиных» (30-е гг.), *Зуева А. П.* — Коробочка в «Мертвых душах». Актеры МХАТа.

15 июня.

...М. А. работает сейчас над материалом для либретто «Петр Великий». — 12 декабря 1936 г. Асафьев обратился к Булгакову: «Намерены ли Вы ждать решения судьбы "Минина" или начать думать о другом сюжете уже теперь? Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское до всего мира чуткое сердце, и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра? 〈...〉» Постановка "Минина" затягивалась, и 13 февраля 1937 г. Булгаков написал Асафьеву: «Ко мне обратился молодой композитор Петунин и сказал, что хочет писать оперу о Петре, для которой просит меня делать либретто.

Я ему ответил, что эта тема у меня давно уже в голове, что я намереваюсь ее делать, но тут же сообщил, что Вы ее уже упомянули в числе тех, среди которых ищете Вы, и, что если Вы захотите осуществить Петра, я, конечно, буду писать либретто для Вас». Асафьев ответил мгновенно, 16 февраля: «Петра обязательно со мной. Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому либо 〈...〉»

В июне Булгаков приступает к работе и в сентябре ее завершает.

В архиве писателя сохранились две редакции текста либретто — черновая и машинописная.

24 июня.

...Разговор за ужином о писателях... — В 1-й ред.: «Разговор о Достоевском. Петя говорит, что он его ненавидит как тип человека.

О Гоголе — Петя ставит его необыкновенно высоко как писателя. Миша спросил — "но я, не похож на Достоевского?" На это Петя ответил — "Никак! Вы похожи на Гоголя"».

29 июня.

...Городецкий уже сделал либретто... — Городецкий С. М. — поэт, либреттист. Подготовил для Большого театра новую редакцию либретто оперы «Иван Сусанин», возобновлявшейся на сцене театра к 20-летию Октября. Для Булгакова это означало, что еще одна его работа — «Минин» — осуществлена не будет. Тем не менее, будучи либреттистом Боль-

шого театра, Булгаков много сил отдал «Сусанину», выправляя, как отмечала Е. С., «каждое слово текста».

1 июля.

Степун В. А. — актер МХАТа. Булгаковы отдыхали на его даче в Богунье в июле — августе 1937 г. 20 октября 1955 г. Е. С. записала на листке календаря: «На улице встретила Вл. Авг. Степуна. Был в ссылке 16 лет. На допросах били и заставляли подписать черт знает что. В частности, что в 37 г. М. А. жил у него на даче и занимался контрреволюционной деятельностью, пропагандой. Донос написали 2 женщины, жившие там».

8 июля.

...дневник Берхгольца — самый интересный материал для «Петра»... — Имеется в виду «Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца» (М., 1902—1903), содержащий богатый материал из жизни русского общества начала XVIII в.

14 августа.

Клычков С. А. (1889—1940) — поэт, писатель. О нем см.: Сергей Клычков: переписка, сочинения, материалы к биографии//Новый мир. 1989. № 9. С. 193—224.

31 августа.

«Потап» — так Сережа Шиловский называл Булгакова.

17 сентября.

...Утром я отвезла экземпляр либретто в Комитет... — К либретто было приложено сопроводительное письмо:

«Председателю Комитета по делам искусств
Платону Михайловичу Керженцеву
от Михаила Афанасьевича Булгакова

Прилагая при этом экземпляр оперного либретто «Петр Великий», сочиненного мною и сданного в Большой театр (согласно договоренности, по которой я обязался сочинять одно либретто в год для Большого театра), прошу Вас ознакомиться с ним.

М. Булгаков

Москва, 19, ул. Фурманова 3, кв. 44.
Тел. Г 6-47-66.
17 сентября 1937 года».

Израилевский Б. Л. — бессменный дирижер и заведующий музыкальной частью МХАТа. Послужил прототипом дирижера Романуса в романе «Записки покойника». *Иверов А. Л.* — врач МХАТа. Прототип врача театра в «Записках покойника».

22 сентября.

Биндлер позвонил из Большого, сказал, что есть письмо Керженцева о «Петре». — Записка состояла из десяти пунктов (приводятся с сокращениями):

«1. Нет народа (даже в Полтавской битве), надо дать 2—3 соответствующие фигуры (крестьянин, мастеровой, солдат и пр.) и массовые сцены.

2. Не видно, на кого опирался Петр (в частности — купечество), кто против него (часть бояр, церковь).

3. Роль сподвижников слаба (в частности, роль Меншикова).

4. Не показано, что новое государство создавалось на жесткой экс-

плуатации народа (надо вообще взять в основу формулировку тов. Сталина).

5. Многие картины как-то не закончены, нет в них драматического действия. Надо больше остроты, конфликтов, трагичности.

6. Конец чересчур идилличен — здесь тоже какая-то песнь угнетенного народа должна быть. Будущие государственные перевороты и междуцарствия надо также здесь больше выявить. (Дележ власти между правящими классами и группами.)

7. Не плохо было бы указать эпизодически роль иноземных держав (шпионаж, например, попытки использования Алексея).

8. Надо резче подчеркнуть, что Алексей и компания за старое (и за что именно).

9. Надо больше показать разносторонность работы Петра, его хозяйственную и другую цивилизаторскую работу 〈...〉

10. Язык чересчур модернизирован — надо добавлять колориты эпохи...

Это самое первое приближение к теме. Нужна еще очень большая работа».

Замечания Керженцева, по существу, перечеркнули всю работу Булгакова. 2 октября 1937 г. Булгаков писал Асафьеву: «〈...〉 Начну с конца: "Петра" моего уже нету, то есть либретто-то лежит передо мною переписанное, но толку от этого, как говорится, чуть.

А теперь по порядку: закончив работу, я один экземпляр сдал в Большой, а другой послал Керженцеву для ускорения дела. Керженцев прислал мне критический разбор работы в десяти пунктах. О них можно сказать, главным образом, что они чрезвычайно трудны для выполнения и, во всяком случае, означают, что всю работу надо делать с самого начала заново, вновь с головою погружаясь в исторический материал.

Керженцев прямо пишет, что нужна еще очень большая работа и что сделанное мною, это только "самое первое приближение к теме"».

Опера по этому либретто так и не была написана.

Биндлер И. Г. — в 1936—1937 гг. — управляющий делами Большого театра.

25 сентября.

...подарила М. А. книгу, составленную Марковым. — Очевидно, речь идет о сборнике «Московский Академический театр Союза ССР им. М. Горького» (М., 1936).

23 октября.

...выправить роман («Мастер и Маргарита»)... — Это первое упоминание нового названия романа, ставшего теперь уже окончательным. С этого момента работа над романом не прекращалась до весны 1938 г., когда была завершена вторая полная редакция.

16 декабря.

Пришло письмо от Асафьева — сплошная истерика. — В письме отмечалось: «Вчера мне сообщили из здешнего Радио, что на их просьбу исполнить в виде обычного для них монтажа, как это принято делать с операми, "Минина", им ответили из Всесоюзного комитета сухим безапелляционным отказом. Смысл отказа: "опера не утверждена, еще пишется и до постановки в Большом театре ее исполнять нельзя" 〈...〉

Очевидно, я видел во сне, что я написал "Минина", что еще в прошлом году ее слушали и не отвергли... Пишу Вам, чтобы выяснить следующее:

если по мнению комитета опера “Минин” еще пишется, то значит и надо что-то писать, т. е. что-то вновь переделывать. Так не знаете ли Вы: *что*?! ⟨...⟩

Правда, я догадываюсь, что Вам рекомендуется не общаться со мной, но ведь речь идет не о каком-либо новом Вашем либретто. Может быть, надо просто забыть и уничтожить “Минина”? Что ж, я готов. Я же просил вернуть мне клавир и освободить Ваш текст от моей музыки. Тогда и я буду свободен и Вы ⟨...⟩»

18 декабря.

М. А. послал Асафьеву письмо очень спокойное, логическое. — Булгаков писал: «Я получил Ваше письмо от 15-го; оно меня очень удивило. Ваша догадка о том, что мне рекомендовали не общаться с Вами, совершенно неосновательна. Решительно никто мне этого не рекомендовал, а если бы кто и вздумал рекомендовать, то ведь я таков человек, что могу, чего доброго, и не послушаться! А я-то был уверен, что Вы уже достаточно знаете меня, знаете, что *я не похож на других* (выделено мною. — *В. Л.*). Посылаю Вам упрек!

Теперь сообщаю Вам важное известие о “Минине”. 14 декабря я был приглашен к Керженцеву, который сообщил мне, что докладывал о работе над “Мининым”, и тут же попросил меня в срочном порядке приступить к переделкам в либретто, на которых он настаивает ⟨...⟩

Что же предпринимаю я? Я немедленно приступаю к этим переделкам и одновременно добиваюсь прослушания Керженцевым клавира в последнем варианте ⟨...⟩

Не знаю, что ждет “Минина” в дальнейшем, но на сегодняшний день у меня ясное впечатление, что он снят с мертвой точки ⟨...⟩ Опера ставится под важный знак ⟨...⟩»

21 декабря.

М. А. послал письмо Асафьеву... — Письмо очень короткое: «Если Вас серьезно интересует судьба “Минина”, предупреждаю Вас, что Вам необходимо теперь же приехать в Москву. Захватите с собою Ваш экземпляр клавира». Булгакову рассказывали, что многим в Комитете искусств и в Большом театре, в частности Самосуду, музыка Асафьева не нравится, поэтому он и настаивал на немедленном приезде композитора в Москву.

25 декабря.

...М. А. написал Асафьеву в суровом тоне...— 24 и 25 декабря Булгаков отправил композитору две телеграммы, требуя немедленного выезда в Москву. Не получив ответа, он писал: «21-го декабря я послал Вам письмо, где предупредил, что Вам нужно выехать в Москву. Я ждал единственно возможного ответа — телеграмму о Вашем выезде. Ее нет. Что же: Вам не ясна исключительная серьезность вопроса о “Минине”? Я поражен. Разве такие письма пишутся зря?

Только что я Вам послал телеграмму, чтобы Вы выезжали. Значит, есть что-то очень важное, если я Вас так вызываю.

Повторяю: немедленно выезжайте в Москву.

Прошу Вас знать, что в данном случае я забочусь о Вас, и помнить, что о необходимости Вашего выезда я Вас предупредил».

1938

12 января.

Шумяцкий Б. З. — в 1937—1938 гг. — заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам искусств.

20 января.

Дмитриев думает, что Мейерхольду дадут ставить оперы. — В 1-й ред. далее: «После ухода Дмитриева, перед сном, М. А. мне говорил и, по-моему, совершенно верно, что потеря театра Мейерхольда совершенно не волнует (а Станиславского потрясла бы и, возможно, убила, потому что это действительно создатель своего театра), а волнует мысль, чтобы у него не отобрали партийный билет и чтобы с ним не сделали чего. Как хорошо».

25 января.

При редактировании Е. С. опустила следующую запись: «Да, сегодня вечером входит М. А. и говорит — «вот, прочитай», дает "Вечерку". В ней статья, называемая "Мой творческий ответ" Шостаковича (конечно, о 5-ой симфонии). Ох, как мне не понравилась эта статья! Уж одни эти слова — "Очень верны слова Алексея Толстого..." — они одни чего стоят!! Ну, словом, не понравилась статья. И писать даже не хочу. Я считаю Шостаковича гениальным. Но писать такую статью!..»

В той же записи от 25 января: «29-го — пятую симфонию Шостаковича играют в консерватории. Мы собираемся идти. М. А. сказал, что симфония его не интересует, а интересует зал. А меня и то и другое». И запись от 30 января: «Боже, что было в Консерватории вчера! У вешалок хвосты, бесчисленное количество знакомых. Программа составлена совершенно удивительно — скучная симфония Гайдна, затем еще более скучное и унылое произведение „Аделаида" Бетховена. Пела Держинская с оркестром. И затем уже последнее — Шостакович. Мое впечатление — потрясающе! Гениальная вещь! Публика аплодировала долго, стоя, вызывали автора. Тот бледный, взволнованный...»

В статье в «Вечерке», подписанной Шостаковичем, говорилось: «〈...〉Очень верны были слова Алексея Толстого о том, что тема моей симфонии — становление личности. Именно человека со всеми его переживаниями я видел в центре замысла этого произведения 〈...〉 Если мне действительно удалось воплотить в музыкальных образах все то, что было продумано и прочувствовано мной после критических статей в „Правде", если требовательный массовый слушатель ощутит в моей музыке поворот в сторону бóльшей доходчивости и простоты, — я буду удовлетворен».

5 февраля.

Сегодня отвезла и сдала в ЦК партии письмо М. А. на имя Сталина. — Булгаков писал: «Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Разрешите мне обратиться к Вам с просьбою, касающейся драматурга Николая Робертовича Эрдмана, отбывшего полностью трехлетний срок своей ссылки в городах Енисейске и Томске и в настоящее время проживающего в г. Калинине.

Уверенный в том, что литературные дарования чрезвычайно ценны в нашем отечестве, и зная в то же время, что литератор Н. Эрдман теперь лишен возможности применить свои способности вследствие создавшегося к нему отрицательного отношения, получившего резкое выра-

жение в прессе, я позволяю себе просить Вас обратить внимание на его судьбу.

Находясь в надежде, что участь литератора Н. Эрдмана будет смягчена, если Вы найдете нужным рассмотреть эту просьбу, я горячо прошу о том, чтобы Н. Эрдману была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения».

16 марта.

М. А. был у Федоровых... — В. М. Федорова работала во МХАТе. Булгаков часто бывал в этой семье с конца 20-х гг.

25 апреля.

...заходил Асафьев, взял клавир «Минина»... — Опера так и не была поставлена. 4 июня 1938 г. Асафьев напишет Булгакову: «Простите, что долго Вам не писал. Я так скорбно и горестно похоронил в своей душе „Минина" и прекратил и работу, и помыслы над ним, что не хотелось и Вас тревожить 〈...〉»

15 августа.

Вот сколько времени я не записывала. — 26 мая Е. С. и Сергей уехали в Лебедянь. Сохранились письма Булгакова к Е. С. за этот период. Из писем видно, что Булгаков в это время говоит роман «Мастер и Маргарита» к перепечатке. Перепечатывает О. Бокшанская. Почти каждый день Булгаков сообщает Е. С. о ходе работы. *30 мая:* «Роман уже перепечатывается. Ольга работает хорошо». *31 мая:* «Пишу 6-ю главу, Ольга работает быстро». *1 июня:* «〈...〉 не хочется бросать ни на день роман. Сегодня начинаю 8-ю главу». *2 июня:* «Мы пишем по многу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное 〈...〉 Роман нужно окончить! Теперь! Теперь!» *11 июня:* «По окончании переписки романа я буду способен только на одно: сидеть в полутемной комнате 〈...〉» *13 июня:* «Диктуется 21-я глава. Я погребен под этим романом» *14 июня:* «Передо мною 327 машинописных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное — корректура авторская 〈...〉 Свой суд над этой вещью я уже совершил 〈...〉 Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому не известно». 24 июня перепечатка романа закончена, и на следующий день Булгаков уезжает в Лебедянь. 22 июля Булгаков возвратился из Лебедяни, где за месяц подготовил черновой вариант «Дон-Кихота».

9 сентября.

Переписка «Дон-Кихота» закончилась... — В начале декабря 1937 г. Театр им. Вахтангова предложил Булгакову сделать инсценировку романа Сервантеса «Дон-Кихот». Денег в доме не было, гонораров не ожидалось, и Булгаков согласился.

В архиве писателя сохранилось три редакции пьесы с авторской датировкой.

На первой странице первой тетради надпись: «Начато 8.XII.1937 г. После большого перерыва работа возобновлена 1.VII.38 г. (в Лебедяни)». 18 июля 1938 г. первая редакция была завершена, и во второй тетради Булгаков написал: «Переписка начата в Москве 17.VIII.38». Вторая машинописная редакция — с обширной авторской правкой, сокращениями,

добавлениями. Есть помета Булгакова — «вторая редакция завершена 28 авг. 38 г.». 8 сентября 1938 г. завершена третья редакция.

Пьеса была сдана в театр, но при жизни Булгакова сцены так и не увидела. В Театре им. Вахтангова поставлена лишь в 1941 г. Роль Дон-Кихота исполнял Р. Симонов.

24 ноября.

С. Е. — видимо, Сергей Ермолинский.

5 декабря.

Гдешинский Александр Петрович — близкий друг Булгакова с детства. С ним долгие годы переписывался Булгаков, вспоминая киевский период их жизни, молодость, мечты. Ему, Гдешинскому, писал он 28 декабря 1939 г.: «До сих пор не мог ответить тебе, милый друг, и поблагодарить за милые сведения. Ну, вот, я и вернулся из санатория. Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я умирать».

1939

6 января.

...Миша сказал мне очень хорошие вещи, и я очень счастлива, в честь чего ставлю знак. — В дневнике Е. С. проставила знак, ясный только ей и Булгакову. Это — крест со множеством линий, исходящих из точки перекрещивания. Возможно, этот знак означает свет.

16 января.

...Миша взялся, после долгого перерыва, за пьесу о Сталине. — Пьесу «Батум» Булгаков задумал в начале 1936 г. Работал над пьесой увлеченно, но с перерывами — сделав первые записи в феврале 36-го, закончил пьесу в августе 1939 г.

В основе пьесы — события батумской стачки рабочих в 1902 г., основной герой — молодой Сталин. В. Я. Виленкин в своих воспоминаниях рассказывает: «Прямого разговора о том, что побуждает его писать пьесу о молодом Сталине, у нас с ним не было ни разу. Могу поделиться только тем, как я воспринимал это тогда и продолжаю воспринимать теперь. Его увлекал образ молодого революционера, прирожденного вожака, героя (это его слово) в реальной обстановке начала революционного движения и большевистского подполья в Закавказье. В этом он видел благодарный материал для интересной и значительной пьесы. Центральную фигуру он хотел сделать исторически достоверной ⟨...⟩ и в то же время она виделась ему романтической (тоже его слово)» (Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями. М., 1982. С. 317).

Основная работа велась весной — летом 1939 г. МХАТ (для которого пьеса писалась) предполагал подготовить ее к декабрю 39-го. Булгаков усиленно работал: изучал источники, опубликованные и архивные материалы, воспоминания очевидцев событий, тщательно отмечая на полях и в тексте наиболее интересное и важное (в архиве писателя сохранились материалы с его пометами и отчеркиваниями). 11 августа Е. С. напишет своей матери в Ригу: «Мамочка, дорогая, давно уже собиралась написать тебе, но занята была безумно. Миша закончил и сдал МХАТу пьесу ⟨...⟩ Устал он дьявольски, работа была напряженная, надо было сдать ее к сроку. Но усталость хорошая — работа была страшно интересная. По общим отзывам, это большая удача. Было несколько чтений — два официальных и другие — у нас на квартире, и всегда большой успех».

Но пьеса была запрещена. Булгакову был нанесен последний и тяжелый удар. 12 сентября 1939 г. он скажет Е. С.: «Люся, он [Сталин] подписал мне смертный приговор».

24 января.

От Дунаевского пришло на днях письмо... — Живо откликнувшись на предложение Большого театра написать музыку к «Рашели», Дунаевский долго не мог приступить к работе. В письмах к Булгакову он сообщал: «Проклятая мотня со всякими делами лишает меня возможности держать с Вами творческий контакт ⟨...⟩ Мои приезды на 1—2 дня в Москву настолько загружены разными „делами", что подлинное и настоящее наше дело не хочется ворошить получасовыми налетами на Ваш покой и работу. Я счастлив, что Вы подходите к концу работы ⟨...⟩ Не сердитесь на меня и не обращайте никакого внимания на кажущееся мое безразличие. Я и днем и ночью думаю о нашей чудесной „Рашели" ⟨...⟩» (4 декабря 1938 г.); «Считаю первый акт нашей оперы с текстуальной и драматургической сторон шедевром ⟨...⟩ Надо и мне теперь подтягиваться к Вам... Я умоляю Вас не обращать никакого внимания на мою кажущуюся незаинтересованность. ⟨...⟩» (18 января 1939 г.).

Булгаков много и активно работал над либретто. Ждал этого и от Дунаевского: «⟨...⟩ Я отделываю „Рашель" и надеюсь, что на днях она будет готова ⟨...⟩ И „Рашель", и я соскучились по Вас ⟨...⟩» (1 декабря 1938 г.); «⟨...⟩Получил Ваше милое письмо, дорогой Исаак Осипович! Оно дает бодрость и надежду. В этом письме II-я картина. От всей души желаю Вам вдохновенья ⟨...⟩ Мы толкуем о Вас часто, дружелюбно и очень, очень веруем ⟨...⟩» (22 января 1939 г.). Но работа над музыкальной частью оперы затягивалась, и Булгаков торопил композитора: «⟨...⟩ На днях во время бессонницы было мне видение. А именно: появился Петр I и многозначительно сказал:

— Время подобно железу горящему, которое ежели остынет...

А вслед за ним пожаловал и современник Шекспира Вебстер и то же самое подтвердил:

— Strike while the iron is hot!*

Да! Это ясно: ковать, ковать железо, пока горячо. Пишите. Пишите!» (26 января 1939 г.).

Тревожило также и намерение Самосуда передать либретто Д. Кабалевскому (см. записи за 7, 8, 14 октября 1938 г.).

7 апреля 1939 г. Булгаков отправит Дунаевскому 4-ю и 5-ю картины оперы. Е. С. сделает приписку к сопроводительной записке: «Миша мне поручил отправить Вам письмо, и я пользуюсь случаем, чтобы вложить мою записку. Неужели и „Рашель" будет лишней рукописью, погребенной в красной шифоньерке! Неужели и Вы будете очередной фигурой, исчезнувшей, как тень, из нашей жизни? У нас было уже много таких случаев. Но почему-то в Вас я поверила. Я ошиблась?»

На этом переписка между Булгаковым и Дунаевским закончилась. Опера не была поставлена.

25 января.

Миша прочитал им вторую и третью картины новой пьесы. — Речь идет о двух картинах пьесы о Сталине: «У Сильвестра» и «Новый год. Пожар».

---

* Куй железо, пока горячо! *(англ.)*

В ночь с 17 на 18-е февраля.

...не знаю, в какой мере этот Юзовский приложил свою руку к травле Турбиных. — Е. С. ошибается. И. И. Юзовский, театральный и литературный критик, не участвовал в травле Булгакова. Именно Юзовский в 1940 г., когда был поставлен (но так и не решен) вопрос об издании сборника пьес Булгакова, написал для Главреперткома умную, глубокую и необыкновенно доброжелательную рецензию «О пьесах Михаила Булгакова» (хранится в фонде Главреперткома в ЦГАЛИ).

21 февраля.

...Судаков с Клавой... — Клавдия Николаевна Еланская, актриса МХАТа, жена Судакова.

8 марта.

Сергей Мятежный — псевдоним писательницы Софьи Александровны Апраксиной-Лавринайтис.

18 марта.

Д. Г. — по-видимому, Дарья Григорьевна, жена Я. Л. Леонтьева.

18 апреля.

Мы с Мишей как сломались!... Не знаем, что и думать. — См. запись в дневнике и комментарий за 26 мая.

9 мая.

Миша утром продиктовал два письма — Каганскому и брату Николаю в Париж... — З. Каганскому Булгаков писал: «Я получил извещение из Лондона о том, что Вами предъявлена Куртис Брауну некая доверенность, на основании которой Куртис Браун авторский гонорар по лондонской постановке моей пьесы „Дни Турбиных“ разделяет пополам и половину его направляет Вам 〈...〉 Ввиду того, что никакой доверенности, указывающей на такое распределение, а равно и вообще никакой доверенности я Вам не выдавал и не подписывал, будьте добры сообщить мне, что это за доверенность и кем она подписана?» Аналогичное письмо отправлено Николаю.

12 мая.

...была с Женей на «Половчанских садах»... — Спектакль по пьесе Л. Леонова «Половчанские сады» был поставлен В. И. Немировичем-Данченко и режиссером В. Г. Сахновским. Художник — В. В. Дмитриев.

15 мая.

Вчера у нас было чтение — окончание романа. — Накануне, 14 мая, Булгаков дописал эпилог романа. Были внесены важные изменения в текст финала. В машинописной редакции, законченной 24 июня 1938 г., решение о судьбе Мастера приносил «вестник в темном». В новом варианте появляется Левий Матвей и в его разговоре с Воландом звучат слова: «Он не заслужил света, он заслужил покой».

26 мая.

Утром письмо от Николая из Парижа... — Н. А. Булгаков писал: «Все мои попытки обойти претензии Каганского 〈...〉 кончились судебным разбирательством, причем выяснилось, что Каганский имеет полномочия от Фишера (а через него еще и от Ладыжникова) и что сделанная тобою давно оплошность неизбежно будет тянуться дальше и всплывать каждый раз, когда где-либо будут для тебя деньги. Боясь, что и то

немногое, что собиралось для тебя, уйдет на тяжбы и переезды, я решил ⟨...⟩ разделить пополам поступившие деньги между тобой и Каганским ⟨...⟩»

5 июня.

Д'Актиль — псевдоним Френкеля А. А., поэта, либреттиста. Включен Е. С. в список «авторов ругательных статей о Мише».

...отсылка письма Николаю Булгакову... — Эта короткая записка касалась «проклятого Лондонского дела». Это было последнее письмо Булгакова брату.

...Миша сказал о том, что Театр, в особенности Станиславский, совершил преступление... — Сохранилась дневниковая запись, сделанная Е. С. 29 декабря 1955 г.: «Видела в студии МХАТ Ларина, который говорил, что во время репетиции „Мольера", в конце уже, актеры (главным образом Станицын) говорили про К. С. — „выжил из ума", „чего его слушать — сумасшедший" и так далее. Когда К. С. начинал говорить замечания, они только спрашивали: но мы хорошо ведь играли, хорошо?!

Ларин думает, что Подгорный, в силу своего наушничества, передал К. С-чу разговоры актеров, старик обозлился. А тут кто-то нашептал Михаилу Афанасьевичу, и того восстановили против К. С. Ларин считает, что К. С. играл не последнюю роль в снятии пьесы. Но, — говорит Ларин, — в начале и в ходе репетиции К. С. был влюблен в пьесу, так что Горчаков врет в своей книге» (имеется в виду книга Н. М. Горчакова «Режиссерские уроки Станиславского». М., 1950).

9 июня.

Калишьян Григорий Михайлович — в 1939 г. исполнял обязанности директора МХАТа.

3 июля.

...необыкновенные отзывы о пьесе Калишьяна и Хмелева. — Сохранилось письмо Хмелева жене — Н. С. Тополевой, которое он написал после прослушивания пьесы: «Был у Булгакова — слушал пьесу о Сталине — грандиозно! Это может перевернуть все вверх дном! Я до сих пор нахожусь под впечатлением и под обаянием этого произведения.

25 августа Булгаков пьесу сдает МХАТу в законченном виде. Утверждают, что Сталина должен играть я. Поживем — увидим.

Заманчиво, необычайно интересно, сложно, дьявольски трудно, очень ответственно, радостно, страшно!»

12 июля.

Вчера было письмо от Виленкина — дружественное и теплое. — В ответ, 14 июля, Булгаков писал: «⟨...⟩В Комитете я читал всю пьесу за исключением предпоследней картины (у Николая во дворце), которая не была отделана. Сейчас ее отделываю. Остались две-три поправки, заглавие и машинка ⟨...⟩ Устав, отодвигаю тетрадь, думаю — какова будет участь пьесы. Погадайте. На нее положено много труда».

27 июля.

Слушали замечательно, после чтения очень долго, стоя, аплодировали. — Е. С. настолько была уверена в успехе пьесы, что на следующий день уговорила Булгакова написать шутливую записку Ф. Михальскому от имени Е. С.:

«Милый Фединька!

Миша просил меня заранее сделать распределение знакомых на премьеру „Батума“.

Посылаю Вам первый список (художники, драматурги и композиторы).

Будьте добры, Фединька, сделайте так:

Эрдман Б. Р. — ложа дирекции.

Вильямс П. В. — 1-й ряд (лево).

Шебалин В. Я. — 3-й ряд.

Эрдман Н. Р. — 7-й ряд.

Дмитриев — бельэтаж, постоять.

Фединька! Если придет Олеша, будет проситься, сделайте мне удовольствие: скажите милиционеру, что он барышник. Я хочу насладиться!..»

3 августа.

...периферийные театры хотят ее ставить к 21 декабря. — 21 декабря — день рождения И. В. Сталина.

31 августа.

...Федя... высказывал предположения, что могло сыграть роль при запрещении: цыганка, родинка, слова, перемежающиеся с песней. — Ф. Михальский указывал на те места в пьесе, которые могли не понравиться Сталину.

В картине первой — прологе Сталин рассказывает своему товарищу по гимназии: «Понимаешь, пошел купить папирос, возвращаюсь на эту церемонию, и под самыми колоннами цыганка встречается. „Дай, погадаю, дай, погадаю!“ Прямо не пропускает в дверь. Ну, я согласился. Очень хорошо гадает. Все, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется все! Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала — большой ты будешь человек! Безусловно стоит заплатить рубль».

В картине четвертой «У военного губернатора» происходит диалог между жандармским полковником Трейницем и губернатором:

Трейниц. По моим сведениям, в Батуме сейчас работает целая группа агитаторов во главе с Пастырем.

Губернатор. Пастырем? А это еще кто? Пастырь...

Трейниц. Это — некий Иосиф Джугашвили.

Губернатор. Джугашвили... Кто же он такой?..

Трейниц. Да вот, не угодно ли! На мою телеграмму о приметах они отвечают буквально... «Джугашвили. Телосложение среднее. Голова обыкновенная. Голос баритональный. На левом ухе родинка». Все.

Губернатор. Ну, скажите! У меня тоже обыкновенная голова! Да, позвольте! Ведь у меня тоже родинка на левом ухе! Ну, да! (Подходит к зеркалу.) Положительно, это я!

В сцене «Кровавое столкновение», в момент, когда солдаты приближаются к демонстрации, Сталин призывает рабочих к стойкости и порядку, но его призывы перемежаются с песней солдат:

Рота поет: «Шел я речкой, камышом,
Видел милку нагишом!»

Сталин. Товарищи! Нельзя бежать! Стойте тесно, стеной!

Рота поет: «Шел я с милкою в лесу,
Милку дернул за косу!..»

Сталин. Иначе солдаты навалятся, озвереют! Прикладами покалечат! Пропадет народ!

29 сентября.

...Поэтому прямо — к Мишиной тяжелой болезни... — В Ленинграде Елена Сергеевна вела дневниковые записи эпизодически. Несчастье случилось сразу же по приезде в город.

«*11 сентября.* Астория... Чудесный номер, радостная телеграмма Якову... Гулять. Не различал надписей на вывесках, все раздражало, — домой. Поиски окулиста». Далее следовали очень короткие записи: «*12 сентября.* Остался в номере, я в книжную лавку. Вечером у Андынского. Настойчивое уговаривание уехать. Разговоры с портье о билетах. Молния Якову. Ночной разговор из Москвы от Леонтьевых... Страшная ночь... *13 сентября.* Портье принес билеты, а за обедом сказал, что из поездов пойдет один только бесплацкартный. Миша — еду! Я не согласилась. Совет портье идти к начальнику станции. *14 сентября.* ...Спешные сборы. Поезд в 5.18. На вокзале Файер. В поезде Чабукиани. *15 сентября.* Приезд в Москву. Яков — машину. Звонки: Яков, Дмитриев, Конский, Оля, дамы, Борис, Сергей. В постель Мишу. Вечером Арендт, Борис. Советы Арендта — к Рапопорту. *17 сентября.* Воскресенье. Рапопорт направил к Вовси. Центральная мозговая система в порядке. *18 сентября.* Днем Ермолинский, Дмитриев. Вечером Калужские. *19 сентября.* К Мише — Захаров... *20 сентября.* Давление — 205. Вовси. Диагноз (он и Захаров). *21 сентября.* Пиявки. *23 сентября.* Страхов — подтвердил диагноз. *24 сентября.* Захаров — пустил кровь из вены. Некоторое облегчение. *25 сентября. Яков Л.* — разговор о завещании. Об усыновлении Сергея. *26 сентября.* Углубленный в себя взгляд, мысли о смерти, о романе... *27 сентября.* Жаловался на глаза, на голову. Исследование крови. Звонок мой Захарову. Его слова (нет, безнадежным я его не считаю, но положение очень тяжелое). Попросила Женю ночевать у меня».

1940

15 января.

Миша, сколько хватает сил, правит роман, я переписываю. — Е. С. под диктовку писателя делает поправки и дополнения по машинописному тексту и в двух отдельных тетрадях. Одна из них, так называемая «вторая тетрадь», утрачена, местонахождение ее неизвестно. Есть основания считать, что Е. С. записала в ней подробный план доработки романа.

17 января.

Намазала Марфуше лицо кремом — отправила ее... — Новая домработница Булгаковых — Марфуша — активно помогала Е. С. в труднейшие для нее дни. В архиве сохранилась записка неизвестного автора, адресованная Марфуше: «Милая Марфуша! Прилагаю просфиру за болящего Михаила. За обедней молилась, молебен был, свечку ставила, дала на хор, там поют слепые. Завтра будут молиться за ранней обедней. Дала нищим, чтобы молились за болящего Михаила и сама горячо за него молилась».

*ВОСПОМИНАНИЯ**

Письма на тот свет.

Где-то в середине 60-х гг. у меня с Еленой Сергеевной был разговор. Собственно, деловой разговор. Так сказать, литературоведческий. Я спросила что-то о «Белой гвардии» — что-то мне было неясно с окончанием романа или с незавершенностью его публикации в 20-е гг. ...Елена Сергеевна — она лежала в постели, было очередное обострение болезни сердца — обратила лицо к стене, подумала немного и сказала: «Вы знаете, я давно хочу спросить об этом у Миши, когда он мне снится, но почему-то все забываю...»

Он снился ей, и в эти сны она уходила, как на свидания... После ее смерти я узнала, что эти сны она записывала. Некоторые записи в архиве сохранились.

Заглавие «Письма на тот свет» принадлежит ей. Так озаглавлена запись 17 февраля 1943 г. Эта и несколько следующих записей сделаны в Ташкенте, на одинаковых листках очень плохой бумаги. На листке «Сны про него» в правом верхнем уголке много позже проставлена слабая карандашная помета с недописанными буквами: «Ташкент, 42 г.». Дата в одной из записей: «в ночь на 13-е марта (13-го я ехала в Ленинград)», — вероятно, относится к марту 1941 г.

Кроме приведенных, сохранилась запись, требующая небольшой реконструкции. По-видимому, едва проснувшись, Е. С. на первом попавшемся листке (это была оборотная сторона листка календаря от 7 января 1955 г.) записала то, что еще звучало в ней, его слова: «Дорогая Люсенька, очень соскучился по тебе. Возобновил Турбиных. Некоторые сцены очень хороши. Надо бы эту обветшавшую пьесу заменить новой».

И потом другие, менее внятные и тоже его слова: «Значит, сын? Иван Николаевич? Иван Иванович? Вернее всего — Ив. Мих., т. к. это конечно М. М. Я». Сбоку приписка: «Просн⟨улась⟩ в слезах».

И уж потом, перевернув листок, пояснила сама себе: «Видела утром сон, что Миша в Риге и прислал мне открытку (начало на об.). Плакала от счастья. Потом выяснила, что внутри приписано (втор. отрыв.) — очень горько стало, недоразумение — Миша узнал о мал⟨ом⟩ Серг⟨ее⟩ и думает, это сын».

Январский листок оказался случайным, она зачеркнула число и месяц и тем же карандашом надписала подлинную дату: «Июнь, 29-е, среда». А «малый Сергей» — С. С. Шиловский, ее внук.

Из поздних дневников.

Е. С. вела дневниковые записи и после смерти Булгакова. Сохранились четыре тетради (одна из них — записи 1968 г. — неполностью), груда разрозненных листков, записи на листках календаря.

Тетрадь *1956 г.* начата 1 января. Накануне Е. С. приехала в Ленинград, ее старший, Женя, встретил ее и отвез в «Европейскую», в заранее заказанный прекрасный номер, потом она вместе с ним и его женой

* Комментарии к Воспоминаниям — Лидия Яновская.

встречала Новый год, потом они бывали у нее и она бывала у них, и иногда ездила куда-нибудь одна — по делам или просто в театр — и с Евгением («Ездили с Женей в Александро-Невскую Лавру, побывали на могилах Достоевского, Данзаса, Дельвига — это то, что взволновало меня. Потом — в домике, бывшей церкви, где Суворов похоронен. Плиты эти — под ногами. На стенах — надгробия. Неповторимые надписи. Былая роскошь. Мысли о сравнении с нынешней кургузостью во всем. Запах церкви, даже скорей запах кельи, монастырский — не выветрившийся до сих пор. Удивительно»).

Все обещало счастливый год — для всей страны и для нее тоже. В прошедшем — 1955-м — впервые после многих лет безмолвия вышла в издательстве «Искусство» книга Михаила Булгакова — сборник из двух пьес: «Дни Турбиных» и «Последние дни». Теперь альманах «Литературная Москва» принял к публикации «Жизнь господина де Мольера». По вечерам Е. С. работала: печалясь, сокращала (альманах не мог взять книгу в полном объеме). Писала деловые письма редактору З. А. Никитиной с неизменными искренними приветами В. А. Каверину: инициатором публикации «Жизни господина де Мольера» был он. Радовалась вместе с сыном и невесткой: «как это будет, когда выйдет альманах с „Мольером"...»

5 января Зоя Никитина сказала по телефону: рукопись «идет завтра в печать без новых сокращений. Она прошла единогласно на президиуме ССП. Будет напечатана в альманахе в отделе „Литературное наследство"». И добавила, что она с Кавериным уже внесли изменения, не дождавшись очередного письма Е. С. с правкой.

«Я сказала, — пишет Е. С. — „Сдавайте в том виде, как вы сделали. Я суеверна". — „Что вы хотите сказать?" — „Что — что не сделано сегодня, может завтра уже оказаться невозможным. Сдавайте!"»

И далее, для себя: «Ну, значит, так. Судьба. Пусть пойдет даже в таком виде — хотя в общем сокращений не так много. Только совсем убрана линия подозрения о кровосмешении. Может быть, это и правильно. Эта вещь должна пройти без сучка и задоринки — чтобы надеяться и на будущее печатание — пьес».

Год обещал быть очень важным, Е. С. вела записи ежедневно, стараясь не упустить ничего, и почерк ее был округл, спокоен, чист. Иногда уходила в прошлое, оставив нам несколько драгоценных мемуарных страниц.

Запись 13 января неожиданно стала последней: «Телеграмма от Пасконовых — мама упала, хочет видеть меня».

Е. С. уехала в Ригу. Провела с матерью ее последние дни. Похоронила. Более к оставленной тетради не возвратилась. Альманах «Литературная Москва» прекратил свое существование. «Жизнь господина де Мольера» в тот год так и не вышла.

2 января.

Подарила ему лично и музею — сборники. — Книгу: Булгаков М. А. Дни Турбиных. Последние дни. М., 1955.

Не захочу ли я передать их институту... — В 1958 г. Е. С. передала в рукописный отдел Пушкинского дома значительную часть архива Булгакова.

Записи 19 и 20 октября ⟨1965 г.⟩

Сделаны на отдельном, сложенном вдвое листке. Год устанавливается

по надписи А. Твардовского на его книге «Дом у дороги» (М., 1959): «Елене Сергеевне Булгаковой с глубоким уважением. А. Твардовский. 19.X.65. М.»

Записи. Наброски.

«Рассказ Миши о чтении „Робеспьера“ и *„Будто бы Михаил Афанасьевич...“»* — попытки Е. С. восстановить невероятные, бесконечно варьировавшиеся устные рассказы Булгакова. (См. в ее письме к А. С. Нюренбергу 23.II.1961 г.: «Он никогда не рассказывал анекдотов... а все смешное, что у него выскакивало, было с пылу с жару, горяченькое! Только что в голову пришло!») Вероятно, строки *«Настоящий писатель...»* также являются записью высказывания Булгакова.

Будто бы Михаил Афанасьевич... — Написано после публикации новеллы К. Паустовского «Снежные шапки» в журн.: Новый мир. 1963. № 10. Запись испещрена правкой; возможно, работа над нею не закончена.

Б. Л. Пастернак. — Запись сделана в 1968 г. (на листке, вырванном из дневниковой тетради 1968 г.). Известного хирурга Бурденко звали Николаем Ниловичем. Любопытно, что в дневниковой записи 8 апреля 1935 г. (в обеих редакциях!) Бурденко не упоминается вовсе и «явлением законным» назван В. В. Вересаев.

Как-то осенью 1929 года... — Набросок датируется приблизительно 1964—1965 гг. В конце переходит в конспект. Фраза: «Таких машинных перепечатываний было...» — не закончена: Е. С. предполагала рассчитать число перепечатываний. *Рагно* — известный в свое время кондитер; актер Мольерова театра; персонаж пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак».

У «Записок покойника»... — Эту запись Е. С. датировала: «Москва, 17 августа 1969 г.»

План последней пьесы... — Инициатором этой записи стал П. С. Попов. Он писал: «Сегодня, 15 апреля 1940 г., я был с Анночкой у Елены Сергеевны и попросил ее показать, что набросал Миша к последнему своему неосуществленному замыслу новой пьесы. ⟨...⟩ Замысел несколько раз рассказывался Ел. Сергеевне. Я стал уговаривать Ел. Серг. пригласить стенографистку и зафиксировать все, что сохранилось в памяти, ибо в дальнейшем многое может погаснуть. Она сказала, что надеется на обратное: сейчас у нее много спуталось и голова не свежа, но когда она придет в себя, то надеется восстановить. И вдруг стала рассказывать содержание...»

Подробно записанная в тот же день Поповым фабула пьесы несколько отличается от той, которую впоследствии зафиксировала сама Е. С. Еще позже Е. С. сняла копию с записи Попова (возможно, в 60-е гг., когда архив Попова передавался в ОР ГБЛ); внесла несколько поправок в преамбулу; но в самой записи Попова сделала только несколько стилистических исправлений:

«Действие должно было открываться в мансарде. В мансарде же происходит и последняя сцена. В мансарде живет писатель, при нем жена. Жена жалуется, что писатель не умеет устраивать своих дел, что он вял, неэнергичен, не предприимчив и что нужно уметь продвигать как-нибудь свое творчество. Писатель стоит у окна и смотрит на расстилающийся перед ним город. Он говорит: „Хочешь, я все это покорю и прославлю свое имя? Дело в счастии и нужно найти свое счастье“. Он смотрит на

двор и вспоминает, как в его детстве водили по дворам попугаев. При них были заклеенные конверты, и попугай клювом раздавал желающим конверты с пожеланиями, „с счастьем". „И вот такой конверт у меня должен быть, и я с ним прославлюсь". Счастливый случай приносит желаемое. В руки писателя попадает письмо одной женщины, матери чрезвычайно влиятельного человека, который в пьесе должен был называться всесильным человеком. При помощи этого письма писатель получает возможность проникнуть к всесильному человеку. В одном из действий представлен кабинет этого всесильного человека, до которого добрался и в который с великими трудностями попадает писатель с письмом матери. Писатель недоумевает, что в кабинете никого нет, как вдруг стоящий в кабинете шкап с книгами начинает двигаться, распадается и перед писателем оказывается всесильный человек. Писатель чувствует себя в величайшем смущении. Язык прилипает к гортани, и писатель начинает бессвязно лепетать что-то о попугае, о своем счастье, о письме — и смущенный совсем умолкает. Всесильный человек долго смотрит на него и разражается градом оскорбительных слов выговора. Миша это называл монологом о наглости. Всесильный человек должен был говорить: „Много я безобразий видел на своем веку, много нахальства, которое приходилось обрывать, но такой наглости я не встречал. Откуда вы взялись, что за попугай, что за ерунду вы несете?" И кончал свой монолог всесильный человек так: „Помните, если вы хоть что-нибудь расскажете, что вы здесь видели и слышали, то вам будет конец. Теперь говорите, я вас слушаю".

В результате передачи письма всесильному человеку, писатель добивается нужного и постепенно вкрадывается в доверие. В другой сцене уже представлено, как он живет в новой богатой и роскошной квартире. Особое значение Миша придавал сцене, где представлена жизнь всесильного человека. У всесильного человека — женщина, с которой он живет, и он чувствует, что она его не любит. Всесильный человек произносит страстный монолог о том, что ему все подвластно, что ему все возможно и что у него нет ничего недоступного, но что в сущности ему это все глубоко безразлично — и автомобили, и дачи, и почет. Он добивается лишь одного — любви, а ее-то и нет. И вот он замышляет побег за границу, желая с собой увезти любимую женщину. Одна из главных сцен на площадке над морем на южном побережье. Всесильный человек ведет разговор с заговорщиком. Они обдумывают план побега, беседуя самым откровенным образом. Заговорщик ушел. Всесильный человек остается один. И вдруг перед ним светящаяся точка. Это — чья-то горящая трубка. И вот всесильный человек, стоя в недоумении, думает про себя, сейчас ли этот человек только пришел или же он слышал весь разговор и не сразу зажег трубку. Оказывается, это Сталин, с которым всесильный человек близок. Сталин заговаривает с ним самым простым и спокойным тоном и спрашивает: „Покажи свой револьвер, мне что-то мой револьвер не нравится". Всесильный человек дрожащими руками подает ему свой револьвер. Сталин поглядывает на своего собеседника, усмехается и, спокойно передавая револьвер обратно, говорит: „Ну, возьми, это хороший револьвер". Миша думал создать эффект тем, что публика в этот момент невольно будет ожидать выстрела. Но скоро всесильного человека берут, арестовывают. Писатель об этом узнает, читая газету. Все расчеты его рушатся, авторитет его падает в связи с тем, что он дружил с человеком, заподозренным в заговоре, и ему снова приходится водвориться в своей мансарде».

Единственная запись Булгакова к этому его последнему замыслу такова:

«Задумывалась осенью 1939 г. Пером начата 6.I.1940 г.

Пьеса.

Шкаф, выход. Ласточкино гнездо. *Альгамбра.* Мушкетеры. Монолог о наглости. Гренада, гибель Гренады.

Ричард I.

Ничего не пишется, голова как котел!.. Болею, болею».

На самом деле, пьеса, вероятно, была задумана раньше (см. запись Е. С. от 16 мая 1939 г.).

Как педель Максим спас Николку. — Е. С. ошибается, называя Педагогический музей в Киеве (существовал в 1901—1917 гг.) музеем Первой гимназии. Но прекрасное здание Музея (оно неоднократно упоминается в романе «Белая гвардия»), построенное в 1913 г. на Владимирской ул., действительно выходило тыловыми окнами на двор (у Булгакова — плац) гимназии. *К. А. Булгакова* — жена, к этому времени вдова Н. А. Булгакова.

Из писем к Николаю Афанасьевичу Булгакову.

Осенью 1960 г. Е. С., настойчиво стремясь восстановить контакты с Н. А. Булгаковым, посылает ему сразу несколько писем по всем известным ей адресам. «Дорогая Елена Сергеевна, — отвечает он 11.X.1960 г., — отвечаю на Ваше письмо, явившееся для нас полной неожиданностью после столь долгого, необъяснимого и потому очень тягостного прекращения вестей от Вас. О смерти Миши я узнал из иностранных и советских газет и долго ждал от Вас подтверждения и подробности о его кончине. Мы терялись в догадках, но писать Вам не решались: времена были тревожны и опасны. Началась война...»

В конце 1967 г., уже после смерти Н. А. Булгакова, Е. С. побывала в Париже. Гостила у Ксении Александровны, страстно привязавшейся к ней. Все касающиеся М. А. Булгакова материалы — оригиналы его писем к брату, оригиналы своих писем (с пометами Н. А.: «получено» и «отвечено» то на русском, то на французском) и проч. — привезла в Москву.

17 октября 1960 г.

...в одном черновике романа... — имеется в виду «Тайному другу».

13 ноября 1960 г.

...вроде того, что он служил в белой армии... — По-видимому, Булгаков не рассказывал Елене Сергеевне о том, что в белой армии служил — врачом. В течение многих лет вообще не говорил об этом; в анкетах обыкновенно писал: «В войсках и учреждениях белых правительств не служил». И все-таки, поступая на службу в Большой театр, в анкете, датированной 19 октября 1936 г., на вопрос: «Участие в белой и других контрреволюционных армиях» — ответил прямо: «В 1919 году, проживая в г. Киеве, последовательно призывался на службу в качестве врача всеми властями, занимавшими город».

Н. А. не мог не знать, что Михаил Булгаков в 1919 г. был мобилизован деникинцами. Но писать об этом Елене Сергеевне не стал. Ответил так:

«Вы глубоко правы: клевету и наветы на Мих. А. Булгакова нужно всюду энергично опровергать. Он, т. е. Михаил, был истинно русский интеллигент, человек по всей своей сути мягкий и чуткий, *но никак не милитарист!* Ни в каких боях он никогда не участвовал и, наверное, никогда и никого не ранил и не убил».

Из писем к Александру Сергеевичу Нюренбергу.

Эти письма к брату Е. С. писала на машинке, густо, через один интервал, с обеих сторон листа. Для себя (и нас) оставила вторые экземпляры машинописи.

13 февраля 1961 г.

После лыж — генеральная «Блокады», после этого — актерский клуб, где он играл с Маяковским на биллиарде. — Создавая образ, безусловно художественно верный, Е. С. смещала события. Премьера «Блокады» Вс. Иванова во МХАТе состоялась 26 февраля 1929 г., генеральная, следовательно, была еще раньше, т. е. задолго до масляной, а Маяковский еще 14 февраля выехал за границу и в Москву вернулся только 2 мая. Но сами по себе все эти события были — и «Блокада», которую Е. С. могла смотреть вместе с Булгаковым, и какие-то генеральные репетиции во МХАТе, на которые он ее водил, и встреча с Маяковским, поразившая ее (она неоднократно, с очень живыми деталями, рассказывала об этой встрече), и лыжные прогулки, которые Булгаков очень любил, а Е. С., по-видимому, не очень... Только все это происходило в другое время — в разное время.

...мы стали ходить с ним в Ленинскую библиотеку... — Е. С. сохранила свой читательский билет, датированный 1929 годом. Но далее, замечая: «он в это время писал книгу „Жизнь господина де Мольера“», — ошибается: Булгаков работал над пьесой «Кабала святош».

27 октября 1968 г.

Алиса и Карик — невестка и сын А. С. Нюренберга. 1 июля 1968 г. Е. С. записала: «Умерла Лилли, Шурина жена, Лилли Артуровна Нюрнберг. Умер последний человек, с которым я могла вспоминать папу, маму, Шуру, детство... Позвонил мне об этом из Гамбурга Карик. Говорил: „Умер папа, теперь мама. Остались у меня теперь близкими только ты и Сережа“».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авербах Л. Л. 140
Авилов В. М. 109
Агранов (Сорендзон) Я. С. 110
Азарин (Мессерер) А. М. 169
Акимов Н. П. 202, 203
Аксаков И. С. 321
Д'Актиль (Френкель А. А.) 262, 381
Акулов И. А. 101, 102, 104, 111, 113, 362
Александров 257
Александров Г. В. 125, 126, 130, 161, 370
Алексеев (Лифшиц) А. Г. 42
Алексеев В. С. 92
Алексеев-Месхиев 191
Алексей, царевич 375
Алперс Б. В. 117, 368
Алымов С. Я. 271
Альтшулер 40
Альфан Ш. Э. 34, 97, 334
Альфан 114, 118
Амирова 133
Ангаров А. И. 120, 127, 136, 138, 163
Ангарский (Клестов) Н. С. 97, 103, 104, 188, 189, 197, 218, 360
Андерсен Х. К. 262
Андровская (Шульц) О. Н. 191, 213
Андроников (Андроникашвили) И. Л. 108
Андынский 384
Аникин М. М. 201, 202
Антонова Е. И. 241, 245
Ардов (Зильберман) В. Е. 130, 131, 132, 162, 338
Арендт А. А. 41, 51, 73, 77, 82, 86, 102, 113, 128, 132, 150, 165, 167, 173, 192, 197, 204, 210, 247, 270, 273, 285, 339, 384
Арендт Е. Г. 51, 73, 82, 86, 128, 150, 162, 171, 173, 192, 210, 213, 241, 247, 270, 273, 281, 339, 384
Аркадьев М. П. 111, 114, 116, 121, 122, 135, 152, 161, 369
Аросев А. Я. 124, 165
Д'Аршиак О. 60
Асафьев Б. В. 120—122, 124—129, 131—134, 144, 157, 158, 163, 178—181, 184—189, 192, 193, 195, 196, 207, 369—373, 375, 376, 378
Асафьева И. С. 179, 189, 207
Асеев Н. Н. 288, 289
Афиногенов А. Н. 36, 37, 40, 44—46, 53, 65, 72, 79, 85, 95, 99, 107, 109, 113, 115, 125, 140, 142, 146, 149, 210, 259, 276, 341, 342, 354, 372
Ахматова (Горенко) А. А. 40, 60, 78, 90, 92, 93, 108, 152, 338, 346, 352, 364, 371
Бабель И. Э. 260
Багриновский М. М. 170, 171
Бальзак О. де 153, 154
Бандровская 107
Баратов Л. В. 52
Барков В. Н. 124, 242
Барнет Б. В. 55, 157, 161
Барсова (Владимирова) В. В. 171
Бартенсон 57
Басов О. Н. 74, 351
Баталов В. П. 37
Баташов 80, 109
Батурин А. И. 110, 249, 365
Бачелис И. И. 40, 338
Бедный Д. (Придворов Е. А.) 369
Безыменский А. И. 61, 157, 314, 347
Белозерская-Булгакова Л. Е. 15, 16, 19, 26—28, 39, 44, 298, 299, 333, 334, 336, 342, 343
Белокуров В. В. 180, 183
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 51
Бенкендорф А. Х. 361
Беранже П. Ж. 46, 243
Берг С. М. 77, 78, 86
Бережной Т. 263
Березин (Бейлис) Н. И. 209, 216, 223, 224, 248
Бернштейн Е. Л. 244
Берсенев (Павлищев) И. Н. 47, 95, 115, 116, 243, 304, 305, 366
Бертенсон С. Л. 57, 243
Берхгольц Ф. В. 160, 374
Бессонов 190
Бетховен Л., ван 183, 377
Бизе Ж. 208
Билль-Белоцерковский В. Н. 335
Биндлер И. Г. 167, 374, 375
Блох Ф. 57
Блументаль Н. Л. 42, 92, 188
Блюмберг 63
Блюменталь-Тамарина М. М. 131, 157, 210
Боборыкин 302, 303
Бобунов 150
Бокшанская О. С. 9, 10, 12—14, 16, 25—27, 30, 34, 36, 37, 39—44, 46—48, 51, 53, 54, 56, 57, 59—61, 68—73, 77, 78, 80, 84, 85, 88, 92, 98—100, 102—105, 107—109, 111, 113, 114, 117, 121, 128, 130, 132, 134, 135, 137, 139—143, 146, 149, 150, 152—157, 160—166, 168, 170, 172, 173, 175, 177—180, 183, 184, 186, 190, 193, 196, 197, 199, 201, 204—206, 208, 212, 215, 217, 218, 222, 224, 227, 228, 231,

233—235, 237, 239, 241, 246—251, 253, 257, 259, 262, 266—276, 279, 281, 284, 285, 287, 289, 290, 326, 327, 330, 331, 334, 338, 340, 344, 354, 362, 378, 384
Болдуман М. П. 82, 111, 115
Большаков Г. Ф. 241, 242
Боолен Ч. 66, 92, 94—97, 103, 107
Бориsполец 59, 61, 313, 314
Борщаговский А. М. 273
Боярский Я. О. 71, 113, 120, 127, 136, 157, 163, 186, 210, 220, 225—227, 269, 270, 366
Брагин В. Г. 191, 224
Брандер 180
Браун К. 253, 254, 257, 261, 262, 381
Бройде С. 57
Бройдо Г. И. 127
Брюхоненко С. С. 42, 43, 47, 50
Бубнов А. С. 69, 95, 110, 171, 299, 349
Бубнова 97, 110
Буданцев С. Ф. 42, 43
Буденный С. М. 95, 99, 113, 309, 310
Булгаков А. И. 318
Булгаков И. А. 317
Булгаков Н. А. 5, 7, 8, 30, 37, 40, 92, 98, 129, 133, 254, 258, 261, 262, 269, 316, 317—325, 336, 337, 348, 358, 370, 371, 381, 382, 389
Булгакова (Светлаева) Е. А. 289, 291, 322
Булгакова К. А. 316, 317, 320, 389
Булгакова-Земская Н. А. 48, 132, 320, 336, 359
Булганин Н. А. 177
Булдаков 246
Буллит В. К. 49, 55, 66—68, 95, 97, 106, 113, 114, 117, 118, 124
Бурденко Н. Н. 205, 312, 387
Буткевич 303
Бухарин Н. И. 95, 188
Бухов А. С. (псевд. Братский А.) 125, 157, 162
Буш Е. И. 26, 44, 52, 59, 60, 62, 68, 70, 78, 82, 90, 92, 98, 100, 120, 149, 150, 156, 159, 160, 171, 174, 185, 196, 197, 221, 223, 230, 233, 253, 262, 270, 272, 291, 346

Вагнер Р. 89, 98
Вайнонен В. И. 220
Вайсфельд И. В. 57, 63, 344, 348, 351, 357
Вандриес Ж. 214
Ванеева Е. Н. 83, 155—157, 177, 200, 211, 212, 237
Варшавский 276
Василенко С. Н. 53, 343
Васильев 127
Вельс 63, 64, 66, 67, 70, 72, 89
Венкстерн Н. А. 257, 342
Венц К. 289, 292, 295
Вересаев (Смидович) В. В. 6, 27, 40, 42, 50, 65, 76, 79, 81—87, 90, 91, 97—101, 108, 113, 117, 118, 134, 137, 150, 170, 171, 189, 246, 289, 312, 337—340, 345, 346, 351, 355, 360—363, 365, 387
Вересаева М. Г. см. Смидович М. Г.
Верн Ж. 7
Веров И. Н. 73, 97, 104
Верховский Ю. Н. 86
Виленкин В. Я. 102, 140, 168, 169, 177, 180, 183, 199, 200, 201, 205, 206, 218, 220, 228, 231, 232, 247, 248, 253, 256, 259, 262—264, 266, 268, 269, 271, 273—281, 283, 285, 287, 289, 290, 346, 352, 362, 379, 382
Вильнер 275
Вильямс А. С. 109, 111, 121, 125, 126, 128, 130, 135, 138—140, 143—147, 152, 155—159, 161, 164, 169, 170, 172, 179—185, 187—193, 195, 199, 204, 209, 210, 213, 215, 218, 222, 224, 226, 227, 232—234, 237, 245—247, 252, 255—257, 259, 260, 263, 270, 281, 283, 370
Вильямс П. В. 80, 85, 105, 109, 111, 112, 121, 125, 126, 128, 130, 133, 135, 138—140, 143—147, 152, 155—159, 161, 164, 169, 170, 172, 173, 179—185, 187—193, 195, 199, 204, 209, 210, 213, 215, 218, 222, 224, 226, 227, 229, 232—234, 237, 241, 245, 247, 248, 252, 255—257, 259, 260, 263, 270, 283, 285, 287, 354, 370, 383
Виноградов 188
Виноградова Е. 244
Вирта Н. Е. 153, 173, 247, 259
Вирц 30
Вишневский В. В. 40, 138
Вовси М. С. 321, 384
Воинов В. В. 147
Войтинская З. К. 237, 239
Волошин Т. Ф. 41, 110, 115, 131, 167
Волькенштейн В. М. 209, 228
Вольский (Зейдель) В. Ф. 157
Вольф В. Е. 98, 103, 188, 258, 259, 360
Ворошилов К. Е. 39, 242, 307—310
Восьмеркин 247, 256
Вяземский 71

Гааль Ф. 184
Габович М. М. 202
Гаврилов 37
Гай (Бжишкян) Г. Д. 113
Гайдн Ф. И. 183, 377
Гальперин М. П. 75
Гамарник Я. Б. 151
Гаркави М. Н. 221
Гаррель С. Н. 188
Гдешинский А. П. 228, 379
Гедике И. И. 43, 157
Гейтц М. С. 149, 373
Геккерен Л. Б. 100, 353, 361
Гелль О. де 71
Георгиевский А. Г. 202
Герасимов Г. А. 111, 179
Герштейн Э. Г. 352
Гжельский П. Н. 287
Гиацинтова С. В. 95, 116
Гитлер (Шикльгрубер) А. 108, 203, 205
Глазунов (Глазниек) О. Ф. 201
Глинка М. И. 105, 106, 144, 364
Глинский 64
Глоба А. П. 132, 370
Гнат Ю. 223
Гоголь Н. В. 24, 30, 79, 156, 248, 252, 317, 320, 321, 344, 347, 350, 353, 357, 358, 363, 373
Годинский 182, 183, 184

Голикова Н. Ю. 25
Голованов Н. С. 44, 115
Головкина С. Н. 141
Гольдман А. А. 136
Гордиенко 260
Городецкий 134, 135, 137
Городецкий С. М. 127, 147, 157, 176, 177, 203, 246, 373
Городинский В. М. 132, 370
Горская 280
Горчаков Н. М. 48—50, 56, 71, 72, 80—82, 85, 95—97, 104, 106, 107, 109, 117—121, 178, 223, 342, 345, 354, 359, 368, 382
Горький М. (Пешков А. М.) 28, 35, 36, 40, 58, 63, 69, 70, 75, 170, 188—190, 193, 227, 301, 324, 333—335, 337, 339, 345
Горюнов (Бендель) А. И. 98, 99, 131, 132, 171, 190, 199, 201, 204, 211, 237, 261
Гофман Э. Т. А. 256
Гранберг 205
Гремиславский И. Я. 75, 275, 351
Греч Н. И. 188
Грибков В. В. 49, 50, 115
Грибов А. Н. 49
Гринвальд Я. Б. 244
Гришин А. И. 40, 338
Гроссман Л. П. 60
Груздев И. А. 243
Гудзий Н. К. 37, 46
Гумилев Л. Н. 108, 364
Гурула 261
Гусев В. М. 206, 217, 229

Давыдова В. А. 203
Даль В. И. 214
Дальский (Неелов) М. В. 11, 301
Данзас К. К. 83, 386
Дантес Ж.-Ш. 83, 86, 99, 100, 246, 253, 355, 361
Данько-Алексеенко Н. Я. 346
Дебюсси К. 240
Дельвиг А. А. 386
Держинская К. Г. 183, 377
Дживелегов А. К. 213
Дзержинский И. И. 138, 154, 164, 199, 242, 258, 365, 371
Дзержинский, брат 154, 164
Дикий А. Д. 63, 76, 79
Диккенс Ч. 342
Дмитриев В. В. 44, 49, 53, 79, 82, 85, 86, 91, 92, 97, 100—102, 105, 106, 109, 112, 119, 120, 125, 128—130, 133, 139, 147, 148, 151—154, 158, 160, 163, 164, 167—169, 171, 172, 174, 178—181, 184—186, 189—192, 195, 197, 199, 200, 202—204, 207, 209, 211, 213—216, 220, 224, 228, 230, 232, 235, 242, 244, 245, 249, 260—262, 264, 267, 270, 275, 276, 283, 284, 322, 341, 343, 364, 370, 377, 381, 383, 384
Дмитриев Г. И. 138
Дмитриева Е. И. см. Долуханова Е. И.
Дмитриева М. 199, 210, 211, 214, 228, 245, 267, 270
Дмоховская А. М. 80
Добраницкий М. А. 142, 146—150, 152, 153, 155, 160, 163, 164, 167, 174, 372
Добронравов Б. Г. 141, 344
Долгополов М. Н. 251, 271, 272, 281
Долуханова Е. И. 169, 174, 184, 185, 189, 260
Дорохин Н. И. 43, 104, 110, 130—132, 178, 237, 271, 287
Достоевский Ф. М. 90, 156, 358, 373, 386
Дохальский 43
Дубельт Л. В. 99, 360, 361
Дубровский 104
Дулова В. Г. 109, 110, 183, 184, 365
Дунаевский И. О. 204, 208—210, 216, 217, 228, 232, 235, 237, 239, 242, 243, 251, 254, 263, 380
Духовская В. И. 46
Дьяченко 257
Дюброу 96, 111, 114

Еврипид 304
Евстратов 252
Егоров Б. Ф. 350, 351, 358, 363
Егоров Н. В. 34, 46, 50, 53, 55, 58, 61, 67, 69, 72, 83, 98, 101, 103, 105, 111, 116, 154, 163, 200, 308, 309, 334, 349, 353, 369
Еланская К. Н. 46, 47, 103, 165, 213, 242, 381
Елина 180
Енукидзе А. С. 23, 45, 46, 56, 57, 60, 68, 69, 81, 313, 349
Ермилов В. В. 80
Ермолинская М. А. 82, 100, 109, 113, 126, 134, 164, 173, 183, 192, 195, 209, 210, 212, 214, 228, 242, 253, 254, 256, 259, 276, 279, 284, 291, 292, 322, 334, 340, 341, 363
Ермолинский С. А. 9, 43, 44, 55, 82, 91, 98, 100, 103, 108, 109, 113, 126, 128, 134, 140, 142, 162, 164, 174—176, 179—181, 183—185, 191—193, 195, 196, 206, 210, 212, 214, 224, 227, 228, 230, 249, 250, 253, 254, 259, 261, 276, 279—281, 283—287, 289, 291, 322, 340, 341, 363, 379, 384
Ермолова М. Н. 59
Ершов В. Л. 70, 76, 121, 213, 217
Ефремов А. И. 235
Ефроимзон 196

Жданов А. А. 79, 181, 309, 311
Желобинский В. В. 191
Жига И. И. 202
Жуковская Г. В. 210, 242
Жуковский В. А. 244, 355
Жуховицкий Э. Л. 51, 52, 54, 57, 63, 66—68, 70, 79, 82, 83, 86, 87, 89, 92, 94, 96, 97, 100, 156, 362

Забелин И. Е. 329
Забугин 285
Завадский Ю. А. 342
Загорский М. Б. 113
Загорский М. В. 64, 66, 76, 79, 82, 259, 276
Залка М. (Франкль Б.) 38, 44
Замятин Е. И. 44, 102, 133, 338, 371
Зарубин 162
Зарудин Н. Н. 162
Захава Б. Е. 98, 99, 103, 135, 201
Захаров Н. А. 285, 287, 290, 384
Захаров Р. В. 193, 239, 256

Заяицкий С. С. 337, 353
Зельдович В. Д. 43
Земский А. М. 359
Зенкевич М. А. 44, 144
Зимин Г. Ф. 215
Златогорова Б. Я. 167, 221, 242
Зощенко М. М. 338
Зуева А. П. 154, 273, 373
Зускин В. Л. 138

Ибсен Г. 352
Иван Грозный 56, 72, 252, 345
Иванов Б. П. 179, 287
Иванов Вс. В. 40, 44, 115, 390
Иверов А. Л. 167, 228, 374
Иден А., лорд Эйвон 89
Израилевский Б. Л. 166, 374
Ильф И. (Файнзильберг И. А.) 62, 79, 126, 139, 141, 371
Ильф, жена 126, 141, 371
Иогансон Б. В. 256

Кабалевский Д. Б. 171, 191, 209, 380
Каверин В. А. 386
Каганович Л. М. 99, 103, 299, 307—310
Каганский З. Л. 129, 242, 253, 254, 258, 261, 343, 370, 381, 382
Казаков И. Н. 188
Калинин М. И. 242, 260, 299
Калинкин С. А. 56, 97, 104, 107
Калишьян Г. М. 263—266, 269—281, 283—385, 382
Калужский А. Е. 197
Калужский Е. В. 34, 39—45, 49, 51, 53, 57, 59, 61, 64, 68—74, 80, 84, 88, 90, 98, 102, 103, 105, 108, 109, 111, 117, 121, 128, 132, 134, 135, 139, 140, 143, 150, 152—155, 157, 165—168, 172, 175, 179, 180, 184, 186, 190, 193, 196, 197, 205, 206, 208, 212, 227, 247—249, 259, 270, 272, 273, 284, 334, 362, 384
Каменев 41, 43
Каменский А. П. 82, 85, 187
Канторович В. С. 164, 192
Канторович Л. 35, 38, 39, 41, 86
Кара-Дмитриев Д. Л. 56, 120, 345
Карташев С. 337
Картер Х. 213
Катаев В. П. 57, 62, 140, 143, 198, 199, 204, 206, 223, 248
Катаев И. И. 162
Катаяма С. 44
Катинов В. 63, 73, 76, 82, 94
Кауфман Д. А. 70
Качалов (Шверубович) В. И. 77, 93, 101, 103, 108, 139, 140, 145, 213, 247, 253, 268, 269
Кедров М. Н. 43, 59, 74, 178
Кельверлей 250, 253, 254
Кеннен Дж.-Ф. 119, 123, 136
Кеннен, жена 136
Керженцев (Лебедев) П. М. 113, 117, 118, 124, 125, 127, 134, 136, 144, 148, 166, 167, 172, 176—178, 181, 183, 232, 283, 366, 370, 372—376
Кин В. П. 337
Киплинг Дж. Р. 59
Киров (Костриков) С. М. 79—81
Киршон В. М. 43, 47—49, 99, 138—143, 146—148, 168, 341, 372
Клебанов Д. Л. 202
Клейбер Э. 125, 369
Клычков С. А. 163, 374
Книппер Л. К. 41, 115, 189, 190, 241
Книппер-Чехова О. Л. 40, 77, 109, 142, 143, 152, 153, 215, 216, 241, 247, 287
Кнорре Ф. 47, 188, 299
Кожин 247
Козловский А. Д. 200, 201, 290
Козловский И. С. 171
Козырев М. Я. 196
Коккинаки В. К. 260
Кольцов (Фридлянд) М. Е. 195, 232
Комиссаров А. М. 154, 157, 178, 271, 373
Кон Ф. Я. 299
Конский Г. Г. 6, 31, 80, 88, 89, 91, 92, 98, 100, 108, 128, 157, 158, 160, 162, 164, 165, 168, 172, 175, 189—191, 199, 215, 225, 227, 237, 246—249, 254, 257, 261, 267, 270, 271, 275, 281, 285, 363, 384
Кончаловский П. П. 114
Коонен А. Г. 95
Коренева Л. М. 52, 91, 92, 109, 111, 141, 145, 154, 213, 218
Корк А. И. 153
Корнейчук А. Е. 77
Коростин М. С. 79, 82, 84, 91, 94, 104, 352, 363
Костомаров Н. И. 361
Крамер 73
Кремье Б. 358
Кривоносов Ю. М. 29, 119
Крон (Крейн) А. А. 366
Кругликова Е. Д. 141
Крупская Н. К. 243, 244
Крути И. А. 113
Крэг Г. Э. Г. 96
Крючков П. П. 36, 140, 189, 334
Кторов А. П. 77, 109, 154, 172, 180, 237, 373
Кудрявцева В. В. 187, 201
Куза В. В. 153, 155, 176, 199, 200, 206, 211—217, 220, 221, 223, 225, 226, 239, 252, 373
Куйбышев В. В. 188
Кунихольмы, семья 112, 114, 119
Купер Ф. 349
Куприн А. И. 140, 150, 151, 199
Курихин Ф. Н. 120
Курочкин Н. И. 86, 96, 191
Кут (Кутузов) Я. 229

Лазаренко В. Е. 260
Лайонс Ю. 51, 52, 343
Лакшин В. Я. 359
Ларин Н. П. 111, 178, 382
Ларина А. М. 95
Лебедев-Кумач В. И. 242
Левин Л. Г. 188
Лежнев (Альтшулер) И. Г. 40, 102, 362
Лейтес А. М. 107
Лемешев С. Я. 171, 210, 253
Лемке М. К. 361
Ленин В. И. 62, 348
Леонидов (Вольфензон) Л. М. 47, 50, 54, 58, 59, 93, 170, 208, 241

Леонидов О. 163
Леонов Л. М. 109, 143, 381
Леонтьев Я. Л. 17, 31, 34, 37, 38, 40, 41, 47, 49, 51, 54, 56, 57, 61, 63, 67, 68, 71, 73, 78, 79, 82, 85, 86, 92, 102, 103, 105, 108—110, 112, 116, 117, 122, 125, 126, 128—130, 144, 145, 148, 151, 155, 160—164, 166, 170, 172—174, 176—178, 186, 188, 191, 192, 197, 202—204, 206, 208, 210, 212, 213, 217, 222, 227, 233, 239, 244, 246, 247, 249, 250, 253, 255, 258, 263, 267, 269, 270, 273, 274, 276, 278, 279, 283, 284, 309, 310, 322, 334, 339, 363, 365, 381, 384
Леонтьева Д. Г. 51, 73, 78, 79, 82, 85, 86, 92, 128, 150, 155, 160—162, 171, 192, 210, 213, 241, 247, 270, 273, 281, 339, 363, 381, 384
Леонтьева 249
Лепешинская О. В. 145, 202
Лернер Н. Н. 147
Лесаж А. Р. 98
Лесли П. В. 41, 275, 277
Лесс А. 8, 338
Ливанов Б. Н. 37, 52, 88, 141, 142, 152, 166, 355
Лилина М. П. 93, 109, 227
Лист Ф. 141
Литвинов М. М. 34, 35, 110, 113, 114, 242, 257
Литовский О. С. (псевд. Уриэл) 54, 111, 113, 116, 125, 135, 136, 142, 146, 152, 166, 167, 205, 365, 367, 372
Литовцева (Лёвестамм) Н. Н. 59, 140, 281
Лобачев 274
Логатто Е. 145
Луначарский А. В. 51
Лурье Я. С. 367
Любченко П. П. 165
Людвигов 102
Людовик XIV 49
Лямин Н. Н. 27, 31, 38, 39, 42, 43, 47, 55, 66, 68, 71, 80, 98, 103, 106—108, 112, 113, 118, 135, 285, 334—336, 337, 340, 341, 350, 351, 360, 362, 366, 368
Лямина Н. А. см. Ушакова Н. А.

Малапарте (Зуккерт) К. 340
Малышкин А. Г. 101
Мамошин И. А. 65, 80, 90, 349
Мандельштам Н. Я. 92, 93, 139, 346
Мандельштам О. Э. 60, 78, 92, 139, 346, 352
Мансурова (Воллерштейн) Ц. Л. 259
Марил Г. К. 251, 262
Марков П. А. 36, 37, 53, 59, 69, 72, 84, 102, 103, 113, 117, 121, 139—141, 143, 145, 168, 178, 184, 197, 199, 200, 205, 206, 212, 225, 228, 253, 256, 259, 268, 349, 368, 375
Марлинский (Бестужев) А. А. 138, 188
Мармуш 91
Мартынов А. В. 54
Маршак С. Я. 287, 289
Масс В. З. 41
Массальский П. В. 247
Матюшина М. С. 15, 16, 20, 24
Маяковский В. В. 21, 62, 326, 390
Межлаук В. И. 113
Мейерхольд В. Я. 95, 111, 120, 135, 161, 178—181, 201, 266, 268, 368, 377
Мекк Н. Ф. фон 90, 358
Мелик-Пашаев А. Ш. 105, 106, 109, 110, 112, 114, 116, 117, 123, 126—128, 133, 134, 136, 140—142, 151, 153, 154, 155, 157, 165, 169, 171, 173, 176, 177, 180, 181, 183, 186, 189, 190, 193, 195, 209, 210, 213, 214, 217, 221, 228, 235, 246, 247, 250, 252, 253, 259, 269, 285, 310, 329, 364, 365, 371
Мелик-Пашаева Е. Г. 123
Мелик-Пашаева М. С. 140, 142, 155, 169, 173, 180, 181, 186, 189, 190, 193, 195, 210, 220, 228, 235, 246, 247, 259
Менделевич И. А. 113, 271
Менжинский В. Р. 57, 188
Меншиков А. Д. 374
Мерингоф 136, 221, 222, 233—236, 242, 250, 251, 263
Месхетели В. Е. 242, 251, 271
Микитенко И. К. 115
Микоян А. И. 237, 307—310
Милли 72
Милюков П. Н. 85
Милютина Е. Я. 56, 345
Миндлин Э. Л. 224, 229, 272
Минервина 60, 61
Минин К. М. 243, 250
Михайлов М. Д. 268
Михалков С. В. 233, 234, 248
Михалковы, семья 233, 248
Михальский Ф. Н. 13, 23, 43, 50, 55, 57, 67, 78, 102, 117, 129, 145, 148, 150, 152, 155, 160, 173, 177, 178, 186, 187, 193, 199, 207, 211, 217, 227, 228, 234, 237, 239, 254, 271, 280, 281, 283, 284, 287, 331, 382, 383
Михельсон 214
Михоэлс С. М. 138
Млечин В. М. 107, 108, 142, 157, 364, 372
Могильный 113, 125
Модзалевский Л. Б. 90, 354, 355
Моисси А. 338
Молотов (Скрябин) В. М. 42, 103, 117, 140, 145, 224, 233, 257, 299, 307—310, 367, 368
Мольер (Поклен Ж.-Б.) 35, 41, 69, 87, 92, 190, 215, 245, 304, 305, 313, 317, 324, 325, 328, 337, 347, 355, 356, 366, 367
Мопассан Г. де 204, 216
Мордвинов Б. А. 47—49, 102, 105, 153, 157, 164, 176, 179, 181, 183, 186, 190, 202, 206, 215, 217, 229, 230, 252, 255, 256, 258, 269, 285, 287, 342
Морес-Орлова Е. Н. 165, 178
Моруа А. 7
Москвин И. М. 36, 47, 48, 60, 71, 93, 145, 177, 215, 226, 242, 271, 281
Мравинский Е. А. 210
Мутных В. И. 110, 122, 127, 129, 130, 133, 139, 365, 370
Мчедели 203, 246, 253
Мясковский Н. Я. 242
Мятежный С. (Апраксина-Лавринайтис С. А.) 244, 245, 381

Назаров, дирижер 244
Назаров 181, 182, 241
Наполеон I 326
Небольсин В. В. 110, 228, 258, 365
Неведомский М. П. 86, 87
Неелов Ю. М. 11, 93, 301, 359
Нежданова А. В. 85
Нелли В. А. (псевд. Нелли-Влад) 64
Немирович-Данченко В. И. 13, 34—37, 40, 42, 44—47, 50, 53, 55, 58, 59, 63, 64, 69, 70, 72, 77, 85, 93, 95, 96, 98—101, 103—105, 107, 110, 112, 114, 139—143, 145, 146, 149, 153, 154, 157, 162, 170, 177, 178, 185, 188, 190, 196, 201, 205, 208, 212, 213, 215, 220, 232, 247, 248, 251, 252, 258, 266, 267, 272, 274, 275, 278, 283—285, 288, 308, 334, 335, 343, 354, 365, 381
Немирович-Данченко Е. Н. 95, 96, 188
Немченко 240—242, 264
Никитин В. М. 56
Никитина Е. Ф. 304
Никитина З. А. 386
Никитина Т. П. 246
Николаев Л. В. 80
Николай I 353
Николай II 273, 382
Никулин Л. В. 216, 218
Норцов П. М. 171
Нусинов И. М. 48, 342
Нюренберг, семья 326, 329, 331, 390
Нюренберг (Горская) А. А. 9, 14, 233, 330, 331, 338, 379, 386, 390
Нюренберг А. С. 5, 8, 9, 30, 326—332, 387, 390
Нюренберг К. С. 9, 30
Нюренберг С. М. 9, 17, 331, 338, 340, 390

Олеша Ю. К. 62, 115, 141, 143, 169, 204, 271
Ольшевская Н. А. 132, 346
Орджоникидзе Г. К. 117, 130, 368
Орлов В. А. 253
Орлова Л. П. 125, 130, 296, 370
Орловский 154
Орочко А. А. 201
Осипенко П. Д. 259
Островский А. Н. 334
Островский Е. 44

Павленко П. А. 189
Павлов И. П. 115
Павловский 257
Панеях В. М. 367
Пастернак Б. Л. 78, 91, 312, 324, 352, 387
Паустовский К. Г. 8, 9, 327, 387
Перельман Я. И. 150
Пессимист 157
Петкер Б. Я. 50, 71
Петр I 373—375, 380
Петров В. Р. 52
Петров Е. (Катаев Е. П.) 79, 126, 141, 174, 204, 206, 237, 239, 240, 243, 272, 280
Петров Н. 22
Петров Н. В. 46
Петрова Т. 53
Петровы 126, 151
Петунин Е. Е. 373
Печковский Н. К. 127
Пешков М. А. 40, 58
Пешкова Е. П. 333
Пикель Р. В. 18, 170, 193
Пикфорд М. 268
Пильняк (Вогау) Б. А. 50, 60, 78, 108, 173, 348, 352, 364
Пилявская С. С. 130—132, 178, 237
Пиотровский А. И. 148, 151, 163, 373
Пирогов А. С. 150, 210, 242
Плетнев В. Ф. 354
Плетнев Д. Д. 153, 188, 190
Победоносцев К. П. 303
Погодин (Стукалов) Н. Ф. 99, 174, 205, 211
Подгорная О. Л. 63
Подгорный Н. А. 74, 92, 99, 105, 111, 154, 382
Пожарский Д. М. 243
Покровский М. М. 290
Половцев 210, 211, 224
Полонский 62
Полонский Я. Н. 44
Поль (Синицын) П. Н. 56, 104, 120, 345
Поляков А. С. 355
Понсова Е. Д. 233, 245, 256, 259
Понсовы, семья 204
Попов В. А. 41
Попов П. С. 21, 23, 27, 28, 37, 38, 40, 42, 44, 46, 47, 55, 58, 61, 66, 68, 70—73, 102, 107, 135, 153, 154, 165, 292, 336, 339, 340, 343, 345, 348, 355, 362, 364, 371, 373, 387
Попов С. С. 102, 362
Попова В. Н. 77, 109, 237
Посконовы, семья 386
Поскребышев А. Н. 113
Потоцкий С. И. 121—123, 125, 133, 173, 176, 177, 179, 370
Прейс 227, 228
Примаков В. М. 153
Прокофьев С. С. 105, 106, 109, 118, 119, 242, 364
Прудкин М. И. 41, 101, 179
Прут И. Л. 186, 189, 205, 222
Пугачев Е. И. 154
Пунин Н. Н. 108, 364
Путна В. К. 153
Пуччини Д. 208
Пушкин А. С. 65, 76, 81—83, 87, 105, 123, 150, 223, 243, 351, 353, 355, 356, 361, 366
Пушкина 234
Пушкина Н. Н. 6, 76, 83, 86, 100
Пырьев И. А. 56, 57, 62, 63, 71, 89, 344, 348, 349, 356, 357, 358

Рагно 313, 387
Радамский 118
Радек К. Б. 67, 95
Радлов Н. Э. 34, 42, 99, 126, 127, 192, 195, 247, 287, 288, 290, 334, 338
Радлова Д. см. Шведе-Радлова Н. К.
Раевские, семья 112, 130—132, 178, 237
Раевский И. М. 112, 130—132, 166, 178, 187, 217, 237, 275, 287
Раевский С. П. 44, 341, 344
Разин С. Т. 173
Разумовский М. А. 277
Райх З. Н. 95, 181, 272
Раковский Х. Г. 190
Раниенсон Г. 258, 285, 287, 289

Рапопорт И. М. 49, 98, 99, 201, 252, 268, 287
Рапопорт М. Ю. 384
Раскольников (Ильин) Ф. Ф. 304—306
Рафаилов И. А. 266
Рафалович 119, 122, 149, 150, 189
Рахлин Н. Г. 210
Резневич 40
Рейзен М. О. 89, 193, 195, 196, 215, 241, 356
Рейнгардт М. П. 336, 348, 358
Ремизов А. М. 346
Ремизова 199
Решетовская Н. А. 302
Риббентроп И. 280
Рихтер С. Т. 320
Робеспьер О. 305
Розенталь Я. Д. 276
Рокотов Т. А. 113
Ролланд Г. 358
Ромашов Б. С. 40
Ронжина Л. А. 202, 353
Ронжина-Чернышева Н. Г. 142, 150, 155, 160, 202, 372
Ростан Э. 387
Рохер Р. 358
Роше Р. 358
Рубин А. И. 263
Рубинштейн 83
Русинова 204
Русланов Л. П. 81—84, 86, 90, 98, 99, 103, 120, 131, 132, 201, 352
Рыков А. И. 80, 113, 188
Рябцев В. А. 109, 365
Рябцевы, семья 109

Савранский Л. Ф. 52
Саврасов С. А. 186, 351, 357
Саврасова, жена 186
Салтыков С. В. 83
Салтыков-Щедрин М. Е. 35, 41, 241, 339
Самосуд С. А. 120, 122, 124, 126, 127, 144, 145, 147, 153, 154, 157, 163, 164, 166, 167, 170—172, 176—178, 181, 183, 186, 190, 193, 199, 202—204, 207—209, 217, 222, 223, 230, 232, 233, 239, 241—243, 245, 246, 249, 250, 252, 254, 256—258, 269, 281, 283, 285, 309, 310, 373, 376, 380
Санников Г. А. 147
Сахаров С. С. 215
Сахновские, семья 156, 172, 183
Сахновский В. Г. 36, 43, 47, 55, 59, 69, 71, 72, 74, 102, 105, 140, 154, 156, 172, 178, 183, 218, 220, 225, 228, 231, 232, 271, 272, 274, 275, 278, 344, 381
Свен (Кремлев) И. Л. 196
Свечин А. А. 359
Свечина И. 359, 361
Свечины, семья 46, 342, 361
Свидерский А. И. 335
Свободин Н. 273
Сейфуллина Л. Н. 108
Селиванов П. 107
Семенова М. Т. 221, 253, 268
Сенкар 89
Сервантес С. М. 378
Серов А. К. 259
Симов В. А. 341
Симонов Р. Н. 46, 48, 49, 99, 191, 195, 199, 237, 239, 252, 266, 291, 342, 379
Скаррон П. 66
Славин Л. И. 116
Славкин 333
Славянова З. М. 110
Сластенина Н. И. 109, 155
Слезкин Ю. Л. 372
Смелянский А. М. 335
Смидович М. Г. 6, 76, 84, 86, 98, 113, 347
Смирнов В. Ф. 131, 165—168, 170, 193, 196, 199, 235, 242
Смолин Д. П. 344
Смольцов И. В. 188, 201
Снегирев 42
Снетков 267
Собинов Л. В. 75
Соколов, художник 303
Соколов П. 299
Соколова В. С. 54, 344
Солженицын А. И. 302
Соловьев-Седой (Соловьев) В. П. 147, 153, 171, 172, 174, 177, 178, 181, 183—186
Сологуб Н. В. 93
Солодовников А. В. 242, 271
Соснин (Соловьев) Н. Н. 49, 50, 157, 273
Софокл 304
Сперанский 191
Ставский (Кирпичников) В. П. 123, 124, 184, 199
Сталин (Джугашвили) И. В. 8, 19, 21—23, 44, 54—56, 58, 61—63, 69, 79, 108, 112—114, 117, 118, 125, 126, 140, 145, 146, 176, 184, 189, 200, 201, 224, 236, 239, 245—247, 250, 260, 262, 263, 265, 267, 269—271, 274, 279, 284, 285, 298—301, 306—310, 335, 336, 341, 342, 348, 352, 367, 368, 375, 377, 379, 380, 382, 383
Станиславский (Алексеев) К. С. 13, 31, 44, 47, 57, 58, 63—65, 67, 69—78, 80, 83, 87—96, 98—100, 102, 103, 107, 111, 140, 154, 197, 217, 218, 257, 262, 301, 308, 328, 334, 341, 355, 356, 359, 362, 377, 382
Станицын (Гезе) В. Я. 37, 46, 48, 49, 52, 54, 59, 70, 78, 88, 104, 109, 110, 112, 184, 213, 271, 273, 344, 355, 382
Станюкович К. М. 66
Стахович 88
Степанова А. О. 59, 94, 105, 145, 172
Степун В. А. 158, 160, 162, 201, 374
Стецкий А. И. 64, 349
Страхов 286, 384
Стриловский 283
Строганов Г. А. 353
Стырская 75
Суворов А. В. 171, 386
Судаков И. Я. 34, 36, 41, 45, 46, 55, 69, 72, 74, 76, 77, 80, 84, 102—105, 111, 166, 236, 242, 262, 274, 336, 350, 381
Сухарев 104
Сухово-Кобылин А. В. 60, 220
Сучков Ф. Ф. 302

Таиров (Корнблит) А. Я. 68, 95, 110, 124, 125, 167, 254, 304, 305, 368, 372
Таккель 214

Таманцова Р. К. 13, 50, 58, 65, 69, 74, 78, 107, 227, 351
Танин Г. М. 82, 100, 101
Таранов 206
Тарасова А. К. 48, 141, 165, 242
Тарханов (Москвин) М. М. 40, 70, 143, 213, 218
Твардовский А. Т. 301, 387
Тейер 66, 92, 96, 103, 105, 111, 112, 123
Телешева Е. С. 59, 89
Тельсон 38, 337
Тихонов (псевд. Серебров) А. Н. 41, 43, 301, 337
Тод 250
Толстая А. И. 37, 40, 46, 47, 61, 66, 70, 102, 113, 153, 154, 336, 362, 387
Толстая М. А. 73, 134, 137, 351
Толстой А. Н. 60, 63, 83, 108, 123, 177, 181, 204, 209, 223, 227, 228, 242, 252, 269, 346, 351, 377
Толстой И. Л. 154
Толстой Л. Н. 170, 305, 336
Томашевский Б. В. 319
Топленинов С. С. 103, 125, 150, 156, 158—160, 165, 166, 169, 176, 242, 244, 255, 274, 287, 340
Топленинова Е. 279
Топленинова М. Г. 86, 354, 363
Топлениновы, семья 340
Тополева Н. С. 382
Топорков В. О. 24, 37, 47, 49, 55, 71, 102, 109, 248, 344
Тредуэлл С. 343
Тренев К. А. 60, 86, 91, 97, 101, 102, 142, 143, 162, 163, 245, 312
Тренева Л. И. 91, 97, 312
Троицкие, семья 142, 174, 353
Троицкий И. А. 202, 353
Трояновский А. А. 67
Тур, братья (Тубельский Л. Д., Рыжей П. Л.) 103, 115
Тургенев И. С. 305
Тухачевский М. Н. 95, 153, 154, 359
Тяпкина Е. А. 161

Уайли, семья 95—97
Уборевич И. П. 12, 14—16, 153
Уборевич Н. В. 14—16
Уборевич-Боровская В. И. 14—16, 24
Уланова Г. С. 183, 221, 226, 240
Ульянов Н. П. 48, 75, 351
Уманский К. А. 94, 107, 123, 181, 235, 270
Уорд А. И. 96
Успенский В. П. 287
Уткин И. П. 62
Ушакова Н. А. 39, 106, 113, 135, 182, 187, 285, 337, 360, 368, 371
Уэллс Г. Д. 63, 124, 284

Фадеев А. А. 204, 214, 222, 258, 285, 288, 290
Файер Ю. Ф. 193, 213, 384
Файко А. М. 40, 144, 209, 220, 228, 230, 256, 259, 263, 284—287, 289, 291
Файко Л. А. 209, 220, 230, 256, 259, 285, 291
Файман Г. С. 352, 357, 363
Файмонвилл Ф. 95, 96, 103, 112, 124, 165
Файнзильберг М. А. 62
Федин К. А. 312
Федорова В. М. 378
Федоровский Ф. Ф. 52, 129, 370
Федоровы, семья 190, 191, 193, 196, 210, 213, 220, 222, 247, 255, 262, 281, 378
Фейхтвангер Л. 177
Фельдман 113
Фельдман Б. М. 153
Фетер 105
Фирин 99
Фишер С. 51, 52, 56, 69, 94, 98, 107, 115, 129, 133, 343, 381
Фрунзе М. В. 150
Фурер 120

Хаенко 80
Халютина С. В. 76, 166
Ханаев 249
Хенкин В. Я. 243
Хенниссен, семья 114
Хмелев Н. П. 54, 67, 69, 70, 141, 166, 179, 186, 252, 254, 270, 271, 284, 287, 344, 382
Ходасевич В. М. 139, 371
Холфин Н. С. 221, 222, 241
Хорош 148
Храпченко М. Б. 271, 281, 283
Христофорова 91

Цвейг С. 91
Цейтлин С. Л. 174, 192
Цявловские, семья 86, 127
Цявловский М. А. 86, 87, 127, 354, 355

Чабукиани В. М. 221, 384
Чайковский М. И. 227
Чайковский П. И. 90, 189, 240, 256, 358
Чаплин Ч. С. 248
Чацкий Б. М. 221, 247, 259
Чачиков А. М. 223
Чемко К. 323
Червяков 246
Черкасов Н. К. 318
Черняков 255
Чехов А. П. 40, 72, 119
Чехова М. П. 119
Чимишкиан М. А. см. Ермолинская М. А.
Чиркова 280
Чичеров И. И. 188, 216, 223, 229, 236, 267
Чишко 178
Чкалов В. П. 230
Чудакова М. О. 23, 340
Чулков Г. И. 86, 234
Чуркин А. Д. 164
Чуфаров 221, 222, 241

Шаляпин Ф. И. 193
Шапиро М. Л. 60, 61, 101, 127, 145, 176, 191, 240, 285, 287
Шапорин Ю. А. 123, 181, 269
Шапошников Б. В. 73, 97, 102, 142, 198, 211, 225, 287, 298, 350, 363
Шапошникова Н. В. 339, 351
Шапошниковы, семья 73, 102, 363
Шарашидзе Т. Е. 121, 122, 125, 171, 228
Шашкова 271
Шведе-Радлова Н. К. 34, 42, 49, 83, 102, 126, 127, 192, 247, 334
Шверубович Д. В. 112, 140, 178

Шебалин В. Я. 126, 128, 140, 143, 144, 170, 172, 179, 181, 383
Шевченко Т. Г. 223
Шевченко Ф. В. 141, 143, 155
Шекспир В. 120, 123, 255, 304, 305, 380
Шендельман 83
Шервинские, семья 85
Шервинский С. В. 85, 116
Шереметьева А. А. 92
Шилов Л. 9
Шиловский Е. А. 11—16, 19, 20, 22, 25—27, 29, 73, 132, 227, 262, 291, 299, 301, 326, 331, 351, 359
Шиловский Е. Е. 12, 26, 27, 30, 38, 40, 42, 48, 49, 56, 57, 59, 78, 83, 84, 98, 100, 102, 120, 125, 128, 131, 132, 135, 137, 151—153, 160, 162, 171—173, 177, 180, 186, 189, 193, 196, 197, 202, 204, 210, 212—214, 218, 222, 227, 228, 230, 234, 236, 237, 241, 244, 246, 250, 256, 257—260, 268, 274, 277, 292, 295, 298, 317, 318, 322, 330, 331, 362, 381, 384, 385, 386
Шиловский С. Е. 6, 12, 14, 26, 28, 30, 38, 39, 41, 42, 44, 49, 52—54, 59, 60, 62, 68—72, 75, 77, 78, 82, 84, 90, 92, 98, 120, 127, 128, 131, 132, 134, 137, 139, 141, 149, 150, 154, 156, 159—166, 169, 170, 172, 174—177, 180, 185, 188, 189, 196, 197, 202, 205, 209, 210, 212—215, 217, 218, 223, 224, 227, 228—231, 233, 234, 241, 242, 245, 246, 253, 262, 267, 269, 272, 286, 287, 289, 291, 294, 295, 303, 322, 325, 328—332, 347, 356, 364, 366, 367, 374, 378, 384, 390
Шиловский С. С. 385
Шихматов А. А. 38, 337
Шкваркин В. В. 52, 271, 286, 287
Шкловский В. Б. 38, 71, 73, 91
Шмелькина М. С. 127
Шолохов М. А. 206
Шопен Ф. 306
Шостакович Д. Д. 53, 110—112, 183, 252, 283, 309, 310, 343, 365, 366, 368, 377
Шпет 356
Штейгер Б. Г. 97, 107, 111, 359
Штидри Ф. 125, 369
Шульц Н. М. 191
Шумяцкий Б. З. 94, 180, 183, 367

Щеголев П. Е. 354, 355
Щербачев В. В. 262, 264
Щукин Б. В. 174, 285

Эгон П. И. 141
Эйдеман Р. П. 153
Экке Н. А. 38, 41, 43
Эль-Регистан Г. А. 249
Эмар Г. 7
Энтина 326
Эрдман Б. Р. 64, 171, 173, 180, 181, 184, 185, 192, 201, 214, 215, 217, 220, 224, 227, 229, 232—234, 236, 239, 242, 248—250, 252, 254, 255, 260, 265, 266, 268, 270—275, 277—280, 283—286, 322, 348, 383
Эрдман Д. 185, 192, 220, 234, 260, 274
Эрдман Н. Р. 41, 147, 156, 180—185, 191, 192, 199, 201, 209, 220, 222, 223, 227, 233, 234, 236, 239, 242, 243, 252, 254, 255, 259, 260, 265, 273, 274, 287, 301, 349, 377, 378, 383, 384
д'Эрель Ф. 40, 317, 336
Эррио Э. 34, 35, 334
Эскин А. М. 224, 225, 249
Эфрос А. М. 165

Юдкевич 237
Юзовский И. И. 241, 381
Юрка Б. 56, 57, 64, 67, 69, 70
Юровский В. М. 222, 242
Юровский Ю. 338
Юрьев 42, 44, 113

Ягода Г. Г. 99, 137, 138, 188, 189, 299, 306—309, 371
Якир И. Э. 153
Яковлев В. 108, 109, 111, 183, 365
Яковлевы, семья 109, 183
Якубовская 178
Якут В. С. 370
Яншин М. М. 37, 41, 47, 49, 54, 67, 70, 79, 80, 100, 108, 111, 112, 132, 157, 190, 252, 344, 370
Ярхо Б. И. 356
Ясенский Б. 148, 162

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Яновская. Елена Булгакова, ее дневники, ее воспоминания 5
Дневник, 1933—1940
1933 34
1934 51
1935 85
1936 110
1937 128
1938 180
1939 234
1940 286
Последние записи 291
Воспоминания
Письма на тот свет 294
Из поздних дневников 298
Записи. Наброски 304
Из писем к Николаю Афанасьевичу Булгакову 317
Из писем к Александру Сергеевичу Нюренбергу 326
Комментарии 333
Именной указатель 391

Литературно-художественное издание

ДНЕВНИК ЕЛЕНЫ БУЛГАКОВОЙ

Составители:
Лосев Виктор Иванович,
Яновская Лидия Марковна

Зав. редакцией
Н. А. Захарова

Редактор
Н. С. Митрофанова

Художественный редактор
И. К. Борисова

Технический редактор
Е. А. Орехова

Корректоры
И. В. Рохлина,
Т. П. Любимова

ИБ № 87

Сдано в набор 19.01.90.
Подписано в печать 30.07.90.
Формат 60×90/16.
Бум. офс. № 1, 70 г.
Гарнитура Тип Таймс.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 25,0.
Усл. кр.-отт. 50,38.
Уч.-изд. л. 26,07.
Тираж 100 000 экз.
Изд. № 216.
Заказ 790. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Книжная палата».
103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10

Ярославский полиграфкомбинат
Госкомпечати СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.